

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВПО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

№ 1 (37) 2013

Хабаровск, 2013

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Ministry of Transportation
of the Russian Federation

The Russian Rectors' Union

Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher
Professional Education
«Far Eastern State
Transportation University»

Council of Rectors of Higher Educational
Institutions in the Far Eastern
Federal District

**THE HUMANITIES
AND SOCIAL STUDIES
IN THE FAR EAST**

Scientific research journal
published since January 2004
issued quarterly

№ 1 (37) 2013

Khabarovsk, 2013

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К.И. Воробьева, М.А. Ковальчук, Л.П. Лазарева, Р.Л. Лившиц,
О.А. Рудецкий (ответственный секретарь), Н.Е. Мерецкий, С.В. Пишун, З.Г. Прошина,
В.В. Романова, Е.Н. Спасский (заместитель главного редактора), А.М. Шкуркин

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ларри Смит (США), Нобуюки Хонна (Япония), Чжан Байчун (Китай),
Кальво-Мартинез Томас Мариано (Испания), Кэрол Джой Макрае (Австралия)

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

З.Г. Прошина, Ю.М. Сердюков

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

А.С. Волков (web-мастер), Е.В. Листопадова (технический секретарь),
Е.Ю. Мальнева (переводчик)

*Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук»
Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ*

*Печатается по решению Совета ректоров вузов
Дальневосточного Федерального округа № СР/ДФО-54а
от 9 октября 2002 г.*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный
университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-16283 от 29 августа 2003 г.

Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Y.M. Serdyukov

EDITORIAL BOARD

C.I. Vorobyova, M.A. Kovalchuk, L.P. Lazareva, R.L. Livshits,
O.A. Rudetsky (executive secretary), N.E. Meretsky, S.V. Pishun, Z.G. Proshina,
V.V. Romanova, E.N. Spassky (deputy editor), A.M. Shkurkin

INTERNATIONAL EDITORS

Larry E. Smith (USA), Nobuyuki Honna (Japan), Zhang Baichun (China)
Calvo-Martinez Tomás Mariano (Spain), C. Joy McRae (Australia)

MANAGING EDITORS

Z.G. Proshina, Y.M. Serdyukov

EDITORIAL STAFF

A.S. Volkov (web-design), E.V. Listopadova (technical secretary),
E.Y. Malneva (translator)

*Journal of theoretical research is published in accordance with the decision
of the Council of Rectors of Higher Educational Institutions
in the Far Eastern Federal District № CR/FEFD-54a of October 9, 2002*

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education
«Far Eastern State Transportation University»
Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Media Registration Certificate PE №77-16283 issued August 29, 2003
Editorial office address: Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Phone/fax: (4212) 40-71-93
E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	10
-------------------	----

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ КОНТЕКСТ РАСШИРЯЮЩЕГОСЯ МИРА

<i>Викулова Л.Г.</i> Становление института письменной речи в средневековой Франции: социокультурный и коммуникативный аспекты	11
<i>Горелова О.А.</i> Идиома с вермицидным эффектом (штрихи к портрету одного романского фразеологизма).....	18
<i>Горобец О.Б.</i> Коммуникативное пространство регионального города в глобальном мире	27
<i>Егорова А.С.</i> К вопросу о лингвистической норме и отклонениях от нее в различных вариантах современного английского языка	33
<i>Максимова Ю.С.</i> К вопросу о способах номинации в описании коммуникативного поведения	37
<i>Мальнева Е.Ю.</i> «Внутренняя форма», этимологическое значение и «буквальный смысл»: роль этимологического анализа в современных лингвокогнитивных исследованиях	41
<i>Матвиенко Е.В.</i> Исследование японских мифонимов, адаптируемых английским языком	48
<i>Меграбова Э.Г.</i> Единство противоположностей как основа образа Китая в журнале «NEWSWEEK» (лингвистический аспект)	53
<i>Мутьлина А.Ю.</i> Языковые аспекты двуязычного общения русско-китайских билингвов.....	58
<i>Ривлина А.А.</i> О некоторых особенностях и лингвистических проблемах процесса формирования массового русско-английского билингвизма	61
<i>Сассекс Р.</i> Преподавание английского языка в России в 1940 г.: дисбаланс языка и культуры.....	67

КОГНИТИВНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

О научной конференции «Когнитивная целостность человека».....	71
<i>Докучаев И.И.</i> Культура как когнитивная сфера: семиотическое измерение	74
<i>Дубровский Д.И.</i> Современное массовое сознание и будущее земной цивилизации	78
<i>Липский Б.И.</i> Интуитивное и дискурсивное в формировании научного образа мира	84
<i>Сердюков Ю.М.</i> Контуры трансцендентального опыта	90

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

<i>Моисеева Л.А., Дударенок С.М., Кулешов В.Е.</i> Государственная политика поддержки и развития дальневосточного предпринимательства России в конце XX – начале XXI вв.	106
<i>Лапицкая И.Ю.</i> Социальная идентичность жителей Дальнего Востока России: изменения под влиянием трансформаций.....	113
<i>Лейченко О.Ф.</i> Ротация регионального политического лидерства в современных условиях	117
<i>Воронина Н.А.</i> Социальное партнерство как фактор обеспечения стабильности в обществе (опыт Хабаровского края).....	122
<i>Олейникова Е.Ю.</i> Вузы Дальнего Востока России в международных рейтингах	128
<i>Власова-Сайкова В.В.</i> Субъективные индикаторы социально-экологических ценностей в структуре самоохранительного поведения молодежи Хабаровского края	136
<i>Ковальчук А.М.</i> Символы русской (этнокультурной) идентичности в печатной рекламе соотечественников в Китае	140
<i>Лобанова Т.Н.</i> Языковой образ китайской женщины в политическом дискурсе СМИ КНР	147
<i>Бакшеева Е.Б.</i> Налоговая политика советского государства в отношении Русской православной церкви в 1941–1953 гг. (на примере юга Дальнего Востока РСФСР)	153
<i>Гантимуров М.П.</i> Борьба с иностранным браконьерским морским промыслом в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1903 гг.)	159

<i>Лазарева Л.П., Чжан Чуньюй.</i> Психологические нюансы представлений о педагогических технологиях в образовательной среде Китая и России	164
<i>Ковальчук М.А., Пиотрович А.А., Су Да.</i> Сунь Ятсен и его вклад в разработку первого плана строительства сети железных дорог в Китае	169
НЕКРОЛОГ	175
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	176
К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ	177

CONTENTS

ARTICLES

LINGUOCULTURAL MILIEU OF THE EXPANDING WORLD

<i>Vikulova L.G.</i> Development of Script Institution in Medieval France: Socio-Cultural and Communicative Aspects	177
<i>Gorelova O.A.</i> An Idiom with a Vermicide Effect (Aspects of a Romance Idiom)	177
<i>Gorobets O.B.</i> The Communicative Space of a Regional City in the Global World	178
<i>Yegorova A.S.</i> On the Linguistic Norm and Deviations from It in Different Englishes	178
<i>Maximova Y.S.</i> On Types of Naming in Describing Communicative Behavior	178
<i>Malneva E.Y.</i> Inner Form, Etymological Meaning and Literal Sense: The Role of Etymological Analysis in Contemporary Linguocognitive Studies	179
<i>Matvienko E.V.</i> Japanese Mythonyms in the English Language	179
<i>Megrabova E.G.</i> The Unity of Opposites as a Basis of China's Image in the Discourse of <i>Newsweek</i> Magazine (Linguistic Aspect).....	179
<i>Mutyлина A.Y.</i> Russian-Chinese Bilinguals' Communication	180
<i>Rivlina A.A.</i> On Some Features and Linguistic Problems of the Process of Russian-English Mass Bilingualism Formation	180
<i>Roland Sussex</i> Teaching English to Russians in 1940: A Dislocation between Language and Culture	180

COGNITIVE WHOLENESS OF MAN

<i>Dokuchaev I.I.</i> Culture as Cognitive Sphere: Semiotic Aspect	181
<i>Dobrovsky D.I.</i> Modern-Day Consciousness and the Future of Human Civilization	181
<i>Lipsky B.I.</i> Intuitive and Discursive Aspects of Formation of the Scientific Image of the World	182
<i>Serdyukov Yu.M.</i> Contours of Transcendental Experience	182

PROBLEMS OF THE FAR EAST

<i>Moiseeva L.A., Dudarenok S.M., Kuleshov V.E.</i> State Policy of Support and Development of Russian Far Eastern Entrepreneurship and Businesses at the Turn of the 21 st Century	183
<i>Lapitskaya I.Y.</i> Social Identity of Residents of Russian Far East: Alterations Affected by Transformations	183
<i>Leichenko O.F.</i> Rotation of the Regional Political Leadership in Modern Conditions	184
<i>Voronina N.A.</i> Social Partnership qua Stability-Warranting Factor (Based on Khabarovsk Krai Experience)	184
<i>Oleynikova E.Y.</i> Universities of the Russian Far East in International Rankings	184
<i>Vlasova-Saykova V.V.</i> Subjective Indicators of Socio-Ecological Values of Health in the Structure of Self-Preservation Behavior of Youth	185
<i>Kovalchouk A.M.</i> Symbols of Russian Ethnic Identity Manifest in Print Advertising Issued by Russian Expatriates in China	185
<i>Lobanova T.N.</i> The Linguistic Image of a Woman in Chinese Political Mass-Media Discourse	185
<i>Baksheeva E.B.</i> Tax Policy of the Soviet Union as regards Russian Orthodox Church in Southern Far East from 1941 till 1953	186
<i>Gantimourov I.P.</i> Crime Prevention of Foreign Poaching in Priamurye General-Governorship in 1884–1903	186
<i>Lazareva L.P., Zhang Chunyu</i> Psychological Aspects of Conceptions of Pedagogical Technologies within the Educational Space of China and Russia	187

Kovalchouk M.A., Piotrovich A.A., Su Da Sun Yat-Sen and His Contribution
to the Development of the First Plan of the Railway Network Construction in China188

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Перед Вами новый тематический выпуск журнала, направленный на освещение культурно-языкового контекста расширяющегося мира. Тематика этого выпуска возникла не случайно: процессы глобализации затрагивают сегодня и такие области гуманитарной сферы, как язык и культура, но эти процессы происходят не в одностороннем порядке – глобализация сопровождается локализацией языка межкультурного общения, которым в настоящее время преимущественно является английский язык, его аккультурацией в новых ситуациях употребления, приводя к расширению наших знаний о соседних культурах.

Именно в этом ключе написаны несколько статей данного выпуска журнала. В статье А.А. Ривлиной рассматривается становление массового билингвизма в России, что связано с расширением употребления английского языка в нашей стране, использованием его в креативной функции, возрастанием случаев языкового смешения и переключения, наблюдаемых в разных коммуникативных сферах, и ряде других моментов. В статье утверждается, что билингвизмом следует считать не только максимальное сбалансированное двуязычие, для которого характерно одинаково совершенное владение обоими языками (точка зрения, господствовавшая в отечественной науке до недавнего времени). Под билингвизмом понимается ситуация, при которой происходит успешное выполнение коммуникативных задач индивидом с помощью одного из двух находящихся в его распоряжении языков.

В статье нашего австралийского коллеги Р. Сассекса проанализирован один из первых советских учебников английского языка, изданный в 1940 г. Несмотря на крайнюю степень идеологизации, что вполне естественно для работы сталинского периода, этот учебник наводит на рассуждения о взаимоотношении языка и культуры, в частности изучаемого языка и родной культуры учащихся, демонстрируя тот факт, что методика обучения иностранному языку в нашей стране никогда не ориентировалась только на культуру носителей языка, а отражала требования представления родной культуры учащихся на иностранном языке.

Некоторые результаты комплексного исследования, направленного на изучение особенностей процесса интеграции регионального города (на примере Комсомольска-на-Амуре) в мировое экономическое и социокультурное пространство, читатель найдет в статье О.Б. Горобец, которая показала, с какими проблемами столкнулись жители когда-то закрытого города при выполнении межкультурных задач и как они их решают.

Формирование через посредническую роль английского языка образа стремительно развиваю-

щегося Китая представлено в статье Э.Г. Меграровой, чей богатый опыт исследования политического дискурса американских публицистических журналов позволил сделать интересные выводы о противоположности как социально-лингвистической доминанте создания образа Китая американскими СМИ и соответственного отношения к нему.

Китайская тема окрашивает и проблематику работы А.Ю. Мутылиной, чьи полевые исследования и наблюдения за речью русских билингвов, проживающих в Китае в настоящее время, привели к заслуживающим внимания выводам о том, что изменение кода является распространенной стратегией их речевого поведения при коммуникации друг с другом, что на характер их языкового переключения и смешения оказывают влияние такие факторы, как место и характер работы, семейное положение, общение до и после переезда, продолжительность проживания в Китае, отношение к анализируемым явлениям и др.

Коммуникативное поведение в аспекте способов номинации, которыми пользуются коммуниканты, стало предметом рассмотрения в статье Ю.С. Максимовой. Динамика языковой нормы, связанная с расширением функционирования английского языка в его локально вариантных проявлениях, представлена в статье А.С. Егоровой.

Но какой значительной не была бы в настоящее время роль английского языка в современном мире, расширение культурно-языкового контекста не может происходить без участия других языков. В нашем выпуске внимание читателя, несомненно, привлечет статья Л.Г. Видуловой, раскрывающая процесс становления института письменной речи, связанной с представлением письменной формы старофранцузского языка. Автор обращает внимание на роль таких материальных основ фиксации языка, как технические средства книгописания, материалы и инструменты для графического представления информации. Особенную актуальность имеет ее вывод о том, что эволюция письма обусловлена в значительной степени социокультурными и коммуникативными факторами.

Столкновение народно-этимологических представлений и религиозного дискурса рассмотрено на примере одного испанского фразеологизма, семантическая эволюция которого привела к расщеплению его значений. Этот материал читатель найдет в статье О.А. Гореловой, посвященной исследованию «идиома с вермицидным эффектом».

Таким образом, наш выпуск демонстрирует расширяющийся культурно-языковой контекст на материале нескольких языков, в основе которых лежит специфика отраженных ими культур и тенденции развития обслуживаемого ими социума.

СТАТЬИ

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ КОНТЕКСТ РАСШИРЯЮЩЕГОСЯ МИРА

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

Л.Г. Викулова

Викулова Лариса Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Московского государственного педагогического университета по научной работе и международной деятельности, профессор кафедры романской филологии.

Контактный адрес: vikulovalg@mail.ru

В статье рассматривается проблема становления института письменной речи, связанная с представлением письменной формы формировавшегося старофранцузского языка. Выявляются такие составляющие материальной основы фиксации языка, как технические средства книгописания, материалы и инструменты для графического представления информации. Устанавливается, что эволюция письма обусловлена в значительной степени социокультурными и коммуникативными факторами.

Ключевые слова: письменность, институт письменной речи, французский язык, рукописные центры, переписчик, речевой труд, манускрипт, графическое представление информации, шрифт.

Факты и явления, относящиеся к процессу становления института письменной речи могут рассматриваться в рамках теории медиологии, согласно которой история развития общества предполагает четыре основных коммуникационных периода – логосфера, графосфера, видеосфера и гиперсфера [14]. При этом Р. Дебре, разработавший теорию медиологии, обозначает окончание периода логосферы 1434 г., датой изобретения печатного станка И. Гутенберга. Особый интерес к становлению письменной речи наблюдается в исследованиях по книговедению и лингвистике. В книговедческих исследованиях исторического направления выделяют историю письма, кодикологию (науку о рукописной книге) и историю печатной книги. Вспомогательными историко-книжными дисциплинами являются палеография, филигранология, библиопегия (изучение эволюции переплета), историческое шрифтоведение и др. В лингвистических исследованиях важным представляется обращение историков языка к изысканиям в рамках истории языка и скриптологии, науке о письменной форме языка, получившей глубокую разработку в трудах петербургской школы Л.А. Становой [12] и ее учеников. Письмо как одна из форм общественной практики представляет универсальный способ информационного общения, не столько в технологическом, сколько в социокультурном и коммуникативном аспектах [4].

Становление и престиж письменного языка связаны с тем, что они отражают важные вехи в истории

любого языка. Процесс становления института письменной речи в Европе в целом и во Франции в частности прошел сложный путь, когда автономия письменного языка, согласно К. Ажежу, обусловила его самоценность [1: с. 84]. Толчком к развитию письменной речи в средневековой Франции станет именно *письменная профессиональная коммуникация*, истоки которой находим еще в республиканском Риме, где высокообразованные (зачастую греческие) рабы, работавшие в частных мастерских письма у знатных господ, под конец эпохи Империи часто становились государственными служащими. Так, О.А. Добиаш-Рождественская пишет о двух различно оплачиваемых категориях писцов: мастерах книжного письма, *скрипторах*, или либрариях, и мастерах письма дипломатического – *нотариях*, которые жили целыми коллегиями при дворе, работая в канцелярии под руководством «примицерия нотариев» [2: с. 111]. Однако разрушение римской культуры и перенесение центра образования в арабский мир, отмечает И.Т. Касавин, фатально отразились на Европе, где «вплоть до IX в. воцарилась поголовная неграмотность и общее подозрительное отношение к книге как тайному, а то и колдовскому знанию» [3: с. 313]. Таким образом, в эпоху раннего Средневековья Европа (и Франция в том числе) вернулась к временам необразованности, поскольку произошел серьезный перерыв в практике письма.

Следует отметить, что становление института письменной речи во Франции, когда язык преобразу-

ется, согласно Н. Луману [5: с. 82], в «оптический медиум», неразрывно связано с историей рукописной книги, которое делится на два больших периода:

так называемый *монастырский* – с начала Средневековья и до конца XII в., когда центрами изготовления и хранения рукописных книг являлись монастыри. Именно немногочисленные *монастырские центры* являются в период раннего Средневековья местом хранения и создания рукописей. Со временем мастерская по переписыванию книг, а затем и библиотека стали неотъемлемой частью любого европейского монастыря;

светский – с начала XIII в. до введения книгопечатания во Франции (70-е гг. XV в.), когда центр производства рукописной книги перемещается в города.

В раннее Средневековье для Франции, как и для других стран Европы, в области изготовления книг и в сфере интеллектуального образования характерна монополия церкви, которая была нарушена уже в XI в. с возникновением городской культуры. Вместе с тем в изготовлении книг церковь продолжала сохранять свои ведущие позиции почти до конца XII в., поскольку возросший в городах спрос на книги первоначально не мог быть удовлетворен за счет городского производства, только лишь зарождавшегося и не получившего четких организационных форм, тогда как монастыри с унаследованной ими от раннего Средневековья сложившейся организацией изготовления книг сумели на этом этапе (XI–XII вв.) быстро откликнуться на рост потребности в книгах и до какого-то времени ее удовлетворять. Таким образом, в то время как центром развития средневековой культуры становятся города, некоторые монастырские скриптории именно в XI–XII вв. переживают период наивысшего расцвета [10: с. 44–45].

Первым центром копирования книг в Европе стал монастырь Вивариум (Vivarium) на юге Италии (Калабрия), в котором государственный деятель Кассиодор (485–580 гг.) организует академию для подготовки переписчиков. Впоследствии обитель становится одним из очагов раннесредневековой культуры в Европе, где создается модель центра культуры, включавшая скриптории (*scriptoria*), библиотеку, школу и больницу. Именно Кассиодор, выдающийся римский писатель и ученый, ввел в практику две новых формы монашеского послушания: монастырская школа и скрипторий [2]. Отмечается, что появление монастырей в IV–V вв. на территории Галлии привело к созданию важнейших просветительских и культурных центров, объединявших комплекс: *библиотека – скрипторий – школа* [12: с. 80]. Таким образом, можно говорить о создании института письменной речи в средневековой Франции, положившей начало созданию французской письменной традиции, на основе античной модели культуры.

В значительной степени институт письменной речи укреплялся за счет особой структуры – *скриптория*, где создавалась текстовая основа культурно значимых письменных текстов, хранимых в библиотеках, архивах. Именно в скрипториях наблюдается «профессиональное разделение **речевого труда**» [9: с. 363; выделено нами – Л.В.]. Сам акт изготовления книги в специальном помещении – монастырском скриптории (*escritorie, écritoire*) – носил во многом сакральный характер, при этом переписывание сопровождалось специальным ритуалом освящения.

В социальном измерении письменность ведет к тому, что коммуникация утрачивает элемент взаимности, когда, как подчеркивает Н. Луман, «...соответствующие роли *писания* и *чтения* оказываются *несоциальными* активностями» [5: с. 97]. Писание как таковое становится своего рода ремеслом: по уставу некоторых монашеских орденов копирование манускриптов (речевой труд) и обучение наукам в школе было одним из основных послушаний после литургического действия и совместной молитвы. Монахи, копировавшие рукописи, именовались *écrivain* (1180 г.), *copiste, greffier, secrétaire, scribe (cribe)* (лат. *scriba* – «переписчик», «секретарь»). При этом титул *scribe* (датируется началом XIV в. во французском языке) относился прежде всего к тем, кто, как и в античности переписывал официальные документы [13: с. 1182, 3424]. В день монах мог переписать от трех до шести листов форматом *in quarto* (примерно 30 см в высоту). Для переписывания, например, Библии требовался год. За всю свою жизнь сcribe успевал переписать около 40 трудов [18].

В сфере переписывания манускриптов установилось *разделение речевого труда* (специализация): одни монахи отвечали за изготовление пергамента, другие грифелем проводили на нем линии, третьи шлифовали кожу. Затем к работе приступали писцы, миниатюристы, переплетчики. Сcribe писал текст, рубрикатор – заголовки и красные строки, а иллюминатор выполнял рисунки и инициалы. Обеспечение переписчиков всем необходимым было работой помощника главного певчего, называемого армарием (*armarius*); сам же певчий обязан был следить за считкой и правкой манускриптов и за их переплетением [17].

Для получения большего количества книг опытный чтец вслух произносил текст, а 30–40 переписчиков одновременно его копировали. Многие опытные переписчики, пользуясь письменностью как мнемотехническим инструментом, запоминали переписываемые тексты наизусть. Чтобы облегчить чтение, они иногда прибегали к методу написания, называемому *per cola et commata*, который заключался в том, что текст делился на строки по смыслу – это были предпосылки к возникновению пунктуации, а читателю данный способ организации написанного подсказывал, где нужно понизить или повысить голос. Труд сcribe

был тяжелым и даже, по свидетельствам самих переписчиков, скучным. Один из них так описывает процесс своего труда: «Nul ne peut savoir quels efforts sont exigés. Trois doigts écrivent, deux yeux voient, une langue parle, le corps entier peine» [16: с. 70].

Однако роль писца не ограничивалась механическим подходом к переписыванию. Так, Б. Серкилини приводит в пример сcribe (*le scribe Guiot*), который занимался переписыванием текстов Кретьена де Труа. Ученый расценивает переписчика как филолога (*Philologue*) и реформатора орфографии (*réformateur de l'orthographe*): «Les manuscrits comportant des œuvres de Chrétien forment une douzaine; un seul, celui procuré par le scribe Guiot, est cité ici, analysé longuement (voyelles, consonnes) et vanté: «L'orthographe de Guiot est très bonne; elle est plus systématique et plus logique que celle de la plupart des manuscrits contemporains». <...> Philologue, Guiot est par suite réformateur de l'orthographe, comme ses confrères» [14: с. 21–22]. Однако в большинстве случаев имя сcribe оставалось неизвестно, поскольку переписываемые тексты, преимущественно религиозного характера, не подписывались: «<...> можно понять нарочитую анонимность средневековых летописцев и переписчиков Библии: священность всякого текста оказывалась несопоставима с человеческим авторством» [3: с. 303].

Вместе с тем переписчик мог активно проявить свою креативность за счет «приписывания» тексту особых черт: удлинить или укоротить переписываемый текст, перестроить последовательность эпизодов, ввести новых персонажей или, наоборот, убрать лишние, по его мнению, героев и некоторые сюжетные линии и т. д. В данном случае сcribe становится уже не просто переписчиком, но и редактором текста [12: с. 11–12]. Композиция рукописей во многом зависела от переписчика или переписчиков, поскольку существуют рукописи, выполненные различными сcribes, а также содержащие исправления, сделанные другой рукой. Думается, что прав Н. Луман, утверждая, что письменность еще не служит фиксации нового знания в полной мере. Ученый приводит убедительный тому пример: «Так, в Средневековье, несмотря на наличие развившейся письменной культуры в монастырях и университетах, еще не помышляют о творческом использовании письма, используя его в целях комментирования, анализа и объяснения» [5: с. 106].

Таким образом, текст мог исходить не от того, кто писал, а от того, кто диктовал, или от того, кто заставлял написать текст. При этом одним текстом, как отмечает Ю.В. Рождественский, соединялись не вступающие друг с другом в непосредственный контакт лица, «с разной степенью ответственности за текст». Так образовывалось «профессиональное разделение речевого труда» [9: с. 360, 363].

С активным введением письменности проблемой становится «...знаковость, словесность, интервалы между словами, их комбинаторика (грамматика), короче – дистанция по отношению к миру, рефлектируемая в коммуникации» [5: с. 82]. Вместе с тем в письменном языке всегда присутствует влияние тех физических параметров, от которых зависит письмо: *чем* пишешь, *на чем* пишешь и *как* пишешь (техника письма) [11: с. 33]. Добавим, что важными являются параметры: *кто* и *где* пишет, что было показано выше. Поскольку письменная речь основана на использовании материалов письма, предназначенных для хранения знаков языка неопределенно долгое время, то это меняет качество письменной речи в сравнении с устной, по замечанию Ю.В. Рождественского [9]. Если запись на грифельной доске не имела культурного значения, то надпись на *пергаменте* (*на чем*) предполагала длительное, либо вечное хранение текста. Неслучайно пергамент как высоко статусный материал использовался еще в XV в. при написании таких официальных документов, как университетский диплом или документов, подтверждающих знатное происхождение человека [13: с. 2569]. Думается, что в данном случае это объясняется тем, что письменный регистр обладает «большим престижем и облечен большей властью» [1: с. 83].

Иное качество речи потребовало дорогостоящего материала – пергамента (*parchemin*), который появился в Европе в течение VII века и стал активно использоваться в книжном деле в VIII в. В течение шести веков (IX–XV) этот материал стал основой для письменных текстов – «un support normal de l'écriture en Occident» [15: с. 2568]. Иногда монахи в целях экономии писчего материала обращались к своеобразной технике письма – *палimpseсту*, когда писали на ранее использованном пергаменте, очищенном от предыдущего текста [8: с. 38].

Информационное качество текста дополнялось его сочетаемостью со смежными семиотическими системами, в частности – с изобразительным искусством. Важно, что «благодаря переписыванию и стандартизации текста, имеющего вечное значение, их культурный ресурс становится теоретически неограниченным, так как *культурно-значимые тексты* могут накапливаться как *овеществленная память всего общества*» [9: с. 359–360]. Такие тексты могут быть прочитаны бесконечно многими когда угодно позднее. При этом для написанного текста (в отличие от устной практики) было вовсе необязательно, чтобы написавший его продолжал жить. Думается, что именно рукописные книги в обозначенный период становились значимыми текстами, дававшими обществу ключ к культуре своего времени. А переписчики, как «особый класс речедеятелей» (в терминологии Ю.В. Рождественского), обеспечивали развитие письменной речи на родном

языке и подвели людей к активному пользованию письменной речью. Таким образом, эффект письменного текста, определяемого Н. Луманом как *медиум распространения*, состоял не только в увеличении числа адресатов, но и в «новом упорядочивании времени и культуры» [5: с. 93].

Качественный речевой труд для сохранения знаков языка был возможен только при определенной технологии, основанной на наличии *инструментов (чел)* – гусиные и лебединые перья (*pennae*), пемза (*pumices*) в качестве шлифовального материала, шило (*subula*), чтобы протыкать дырочки в страницах, которые затем сшивались в общий том кожаными ремешками, лист заранее расчерчивался свинцовым карандашом (оставлявшим едва заметный след) для того, чтобы все строки в книге были ровными и примерно одинаковой длины, а также *вспомогательного материала* – мел, красные и черные чернила [8: с. 38]. Изначально чернила делались из капустного сока или из купороса. Этимология французского слова *encre* восходит к позднелатинскому *encautum*, которое, в свою очередь, является производным от *encaustum*, что означает «пурпурные чернила», ингредиенты которых варились на огне с добавлением пива или вина. В данном случае речь идет именно о красных чернилах, которыми пользовались, начиная с античности только правители государств. Известно, что с X в. первые строки наиболее важных пассажей текста (например, в Библии) стали писать красными чернилами. Но с появлением черных чернил слово *encre* стало неотделимо от понятия *écriture*: *Encre est devenu le symbole de l'écriture* [13: с. 1235–1236].

Создатели рукописного текста того времени стремились «придать письму внутреннюю целесообразность», наделяя слово «пространственностью» за счет символических и иконических знаков в текстовом пространстве рукописной книги: красная строка, пробелы, деление на части, заглавные буквы, инициалы [1: с. 84]. Рукописные книги украшаются великолепными миниатюрами и расписными инициалами. Обязательны были широкие поля на страницах книг, предназначавшиеся для комментариев (*glose*) к тексту. Иллюстратор и сcribe как бы восполняли в своих произведениях недостаток наглядности средневековой литературы, создавая визуальный образ рукописной книги за счет внешнего оформления и книжного убранства. Думается, что речь можно вести, говоря словами И.Т. Касавина, о «семиотически окрашенной деятельности» создателей рукописных текстов, где обнаруживаются знаки их ориентировочной для потенциального читателя деятельности [3: с. 259].

Средневековая письменность заимствовала античную систему знаков, согласно которой новый параграф было принято начинать с разделительной черты (по-гречески – *paragaphos*); со временем

первую букву каждого нового параграфа (инициал) стали писать более крупно, чем остальные [17: с. 68–69]. Текст начинался с уточняющего вступления – *incipit* (лат. *incipio* – «начинать, приступать»). Заканчивался же он информацией о датах переписывания и редактирования – *explicit* (лат. *explicatio* – истолкование, объяснение). Иногда в текстах встречается знак абзаца (*pied de mouche*).

С особой остротой для монастырских скрипториев встал вопрос о новой технике письма. Графические начертательные элементы букв, целые буквы, воплощенные при помощи письменных знаков слова и фразы, суммируясь, образовывали эстетическое поле, воздействующее с большой интенсивностью, сакрализуя сделанную надпись. Она могла быть предметом поклонения, глубокой фетишизации, а могла в отдельных случаях вызывать и негативную реакцию. Но индифферентного отношения к написанному почти никогда не возникало.

Отметим, что графическое представление информации (шрифт) – это не только имеющий особую форму «сосуд» для языкового материала, но и важнейший фактор культурного значения, обладающий своей уникальной историей развития [6: с. 123]. В Римской империи использовалось каллиграфическое (четкое и искусное) и капитальное (монументальное и маюскульное) письмо. Капитальное письмо вскоре приобрело характер торжественного унциального (закругленного) шрифта и стало использоваться для написания изысканных и богато украшенных книг. Этот способ письма продержался до конца Средневековья в инициалах, названиях книг и разделов. Обычный почерк постепенно становится минускульным, варьируясь с VI по XI столетия в зависимости от различных региональных традиций [7: с. 187–188]. Вместе с тем в монастырских центрах по переписыванию текстов искали пути перехода к устойчивым способам записи, укрепляя шаг за шагом силу письма.

В период правления императора Карла Великого (Charlemagne, 768–814) – это время получило название «Каролингское возрождение» – во Франции достигает расцвета книжное дело в так называемых *ateliers d'art dans les monastères*. Возникла потребность в легитимации рукописного шрифта: рукописи пишутся удобным для чтения шрифтом – *каролингским минускулом (miniscule caroline)*, наиболее известным из средневековых минускульных шрифтов. Он обозначил практическое окончание формирования графем строчных латинских букв: схематически любая буква состоит из круга или его части и коротких или длинных вертикалей. В каролингском минускуле прописные (на основе римского капитального письма) буквы впервые сознательно отделяются на письме от строчных. Мелкие строчные буквы пишутся между четырьмя мысленно проводимыми линиями, т.е. некоторые элементы букв (*a b f p s*) поднимаются вверх или

опускаются вниз [4: с. 71]. Почти 200 лет каролингский минускул был единственным типом письма в Западной Европе и вплоть до XIII в. практически не изменялся. Лишь в XIII веке исчезает *scriptura continua*, когда слова писались слитно, окончательно появились пробелы между словами, а сами буквы стали менее округлыми [15: с. 96].

Со временем каролингский минускул стал принимать все более узкие, сжатые, вытянутые и угловатые формы. В письмо проникают надломленные линии; закругления и эллипсы принимают форму остроконечного миндаля. Изменились пропорции букв, которые стали более утяжеленными. Появился иной стиль письма, называвшийся *поздним каролингским минускулом* или *раннеготическим шрифтом*. Поскольку готический шрифт распространился в основном в странах, использующих латинский алфавит, правомерно говорить об этом почерке письма именно как об особой эстетически выразительной модификации латинской шрифтовой системы [6: с. 233].

На формирование «готических особенностей» шрифта повлияли, согласно М.П. Кислицыной, два основных фактора:

1) стремление к экономии писчего материала (пергамента), потребность в котором с ростом графической активности в XIII в. резко возросла. Убористый готический шрифт позволял писать текст в два столбца, что значительно уменьшало формат книги, следовательно, сокращалась площадь письма, оставляя место для богатого оформления (украшенные инициалы, бордюры, цветные рамки);

2) влияние на формирование каллиграфического письма уже сложившихся в XIII в. эстетических норм готического стиля в архитектуре, скульптуре, миниатюре [4: с. 70–72].

Несмотря на начавшийся в XIII–XIV вв. процесс десакрализации письменного текста, слово в период Средних веков оставалось носителем совершенно особого значения, и его старались облечь в соответствующую графическую форму. В частности, Б.Я. Мисонжников отмечает, что работа над ломаным готическим шрифтом велась достаточно активно и главное целенаправленно – в русле усиления его психоэстетических выразительных возможностей. Благодаря особой соразмерности структурных элементов, их соответствующему расположению, постоянному акценту вертикальной черты готическое письмо при восприятии обуславливает возникновение сложной гаммы ощущений, среди которых преобладает чувство торжественности, приобщения к возвышенному. Готическое письмо возникло вследствие комплекса сложнейших процессов, протекавших в духовной и материальной сферах, и развивалось, будучи интегрированным в общую структуру эстетического мировосприятия [6: с. 129, 137]. Готика, покорив архитектуру и пластику, стала завое-

вывать и искусство письма. Круглая арка отступает, а ее место занимает стрельчатая, и таким образом в течение всего XII в. наблюдается медленный, но последовательный процесс становления нового стиля в письменной практике.

В XI–XII вв. в связи с развитием городов потребность в книгах заметно возрастает. В городах появляются нецерковные школы, увеличивается число церковных, складывается средневековая «интеллигенция», существование и труд которой были неразрывно связаны с книгой [10: с. 48]. Распространение грамотности, расширение сети университетов потребовали изменения всей системы книгопроизводства, ранее умещавшегося в рамках монастырского скриптория. В XIII столетии в Западной Европе, во Франции в первую очередь, состоялась перестройка производства рукописной книги: уже с начала века изготовление ее довольно быстро перебазировалось из монастырей в светские мастерские [10]. Происходит рационализация ремесленного производства манускриптов: вводится пагинация, страничные ссылки и составляется указатель [5: с. 132].

С расцветом городского сословия и городской индустрии XIII в. требует новых форм книгопроизводства и создает их: «Нужда во множестве ходких книг, учебных и коммерческих, множестве дипломатических актов и особенно умножение канцелярской процедуры, нужда в записи проповедей «странствующих» братьев – все это создает потребность в письме и писце, быстрее отражающих ускоряющийся темп жизни» [2: с. 114]. Таким образом, получает развитие «коммуникативное использование письменности» [5: с. 88]. Употребление письменности в целях коммуникации предполагает читателя, и следовательно – распространение грамотности.

Каролингский минускул, будучи каллиграфическим письмом, уже не годится для повседневного использования, и к началу XIII в. его полностью вытесняет готический шрифт, который стали применять при написании различных документов, писем, счетов и большинства книг, особенно на «вульгарном» наречии [15: с. 98]. XIII и XIV вв. – это «века кипения мысли и падения письма»: теперь письмо считалось не искусством и религиозным подвигом, а жизненным делом [2: с. 114]. Слово, некогда преисполненное священного смысла, теперь тиражировалось, вследствие чего изменилась его роль, оно стало восприниматься уже по-иному; с началом распространения университетских рукописей, торговых книг письменный текст десакрализуется, становятся допустимыми многочисленные сокращения и лигатуры, чему способствовала и смена инструмента при письме – замена тростниковой палочки на гусиное перо [6: с. 136–137].

Карл Великий еще в IX в. приказал всем церквям и монастырям создавать школы для обучения

искусству чтения, письма, пения и счета. К XIII в. количество этих школ значительно увеличилось, что также повлекло рост потребности в книгах [16: с. 97]. Именно школа подводит общество к активному использованию письменной речи. Педагоги, как особый класс речедеятелей, обеспечивают развитие письменной речи на тех языках, где создана письменность и литература [9: с. 360].

Развитие административной и нотариальной систем в крупных западных государствах, возрождение римского права вызвали повышение спроса на грамотных людей, которые требовались в связи со стремительным развитием экономики, торговли и банковского дела. В XIII в. появляется большое количество различных ведомостей и регистров: канцелярских, административных и юридических, возникают счета и нотариальные книги [16: с. 98]. Нотариальная деятельность вообще становится одной из важнейших в жизни общества. Первые нотариальные конторы появились сначала на юге Франции, а впоследствии распространились по всей стране, свидетельствуя о смене цивилизации устного слова на цивилизацию письменной культуры. Составляя завещания, посмертные инвентарные списки и торговые контракты, нотариусы писали быстро и наклонно, используя в текстах документов большое количество сокращений. Купцы, отправляясь в дальние путешествия за товарами, регулярно вели записи в личных дневниках, постоянно обновляя и подытоживая отчетность, а иногда и занося в них некоторые события из жизни семьи [7: с. 190].

Изготовление книг превращается в доходное дело. Писцы продавали свое искусство неграмотным богачам и конкурировали в предложениях; их можно было нанимать на городских площадях. Оплата их труда довольно долго не выражается в денежном эквиваленте. Писца, в случае нужды в нем, приглашали на дом или ко двору. Переписывая заказанную книгу в разные сроки, он получал в доме, где работал, пищу и одежду. Заключительные надписи, говоря о начале и конце книги, чаще всего указывают приблизительно «от Пасхи такого-то года до Пасхи следующего года», т.е. годовой срок. С конца XIII и в XIV в. указываются и суммы денежной уплаты, весьма различные по условиям, очевидно, в зависимости от величины книги и искусства мастера [2: с. 112].

С оживлением книжного дела в конце XII в. наступает *светский период* в становлении института письменной речи, сопровождавшийся формированием книжного рынка. Рост спроса на французские книги среди горожан, чиновников привел к перемещению производства рукописей в города, а профессионально подготовленные переписчики и иллюстраторы начали создавать специальные корпорации [10: с. 68–70]. Популярным занятием у знатных людей стало собираться большими группами для чтения вслух [17: с. 144].

В Средневековье во Франции активно формируются институты письменной речи: скрипторий, канцелярия, библиотека, школа, что ведет к расширению интеллектуального рынка. А все вместе эти институты образуют оборот письменных текстов. В действие вступает, по Ю.В. Рождественскому, «закон социального деления речедеятелей», которых письменная речь делит на три основных класса: людей умственного труда (религиозные деятели, торговцы, финансисты, управленцы), информационных работников (работники канцелярии, библиотеки) и педагогов [9: с. 361–363]. К «информационным работникам» можно, на наш взгляд, отнести и скрибов, трудившихся на благо общества, создавая письменный узус. Культурно-религиозная деятельность самых авторитетных рукописных центров оказала решающее влияние на унификацию письменной речи до того, как в силу вступает политический фактор (объединение Франции под единой властью короля) [12: с. 82].

Культурно-историческая значимость переписчиков – «речедеятелей» средневековой Франции – будет оценена обществом гораздо позже. Печатная книга, пришедшая на смену рукописной книге, существенно расширит ареал письменности и приведет к эпохальному повороту в практике общественной коммуникации и практике чтения, получившим толчок благодаря речедеятелям предыдущих эпох.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ажеж, К.* Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки: пер. с франц. Б.П. Нарумова / К. Ажеж. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
2. *Добиаш-Рождественская, О.А.* Культура западно-европейского Средневековья / О.А. Добиаш-Рождественская. – М.: Наука, 1987. – 345 с.
3. *Касавин, И.Т.* Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания / И.Т. Касавин. – СПб.: РХГУ, 1998. – 408 с.
4. *Кислицина, М.П.* Лингвистические особенности французского рукописного текста «Книга о рыцарском искусстве»: дис. ... канд. филол. наук / М.П. Кислицина. – СПб., 2008. – 326 с.
5. *Луман, Н.* Медиа коммуникации [Общество общества. II]: пер. с нем. А. Глухов, О. Никифоров / Н. Луман. – М.: Логос, 2005. – 280 с.
6. *Мисонжников, Б.Я.* Феноменология текста (соотношение содержательных и формальных структур печатного издания) / Б.Я. Мисонжников – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – 490 с.
7. *Поло де Болье, М.-А.* Средневековая Франция / М.-А. Поло де Болье. – М.: Вече, 2006. – 384 с.
8. *Путилина, Н.В.* Письменные традиции во французских монастырях в период раннего Средневековья / Н.В. Путилина // Актуальные проблемы истории и теории романских языков. – М.: ООО «Диона», 2008. – С. 37–40.
9. *Рождественский, Ю.В.* Теория риторики / Ю.В. Рождественский. – 2-е изд., испр. – М.: Добросвет, 1999. – 482 с.

10. Романова, В.Л. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII–XIV вв. / В.Л. Романова. – М.: Наука, 1975. – 239 с.
11. Соломоник, А. Философия знаковых систем и язык. / А. Соломоник. – Минск: МЕТ, 2002. – 408 с.
12. Становая, Л.А. Введение в скриптологию: учеб. пособие к спецкурсу по истории французского языка / Л.А. Становая. – СПб.: Златоуст, 1996. – 95 с.
13. Cerquiglini, B. Le roman de l'orthographe. Au paradis des mots, avant la faute 1150–1694 / B. Cerquiglini. – Paris: Hatier, 1996. – 167 p.
14. Debray, R. Cours de médiologie générale / R. Debray. – Paris: Gallimard, 2001. – 555 p.
15. Dictionnaire historique de la langue française / Sous la direction d'Alain Rey. – Paris: Le Robert, 2006. – 4300 p.
16. Higounet, Ch. L'écriture / Ch. Higounet. – Paris: PUF, 1990. – 126 p.
17. Manguel, A. Une histoire de la lecture / A. Manguel. – Paris: Éditions J'ai lu, 2001. – 475 p.
18. Moulin, L. La Vie quotidienne des religieux au Moyen age: Xe–XVe siècle / L. Moulin. – Paris: Hachette, 1978. – 383 p.

ИДИОМА С ВЕРМИЦИДНЫМ ЭФФЕКТОМ (ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ОДНОГО РОМАНСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА)

О.А. Горелова

Горелова Оксана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: gorelova@ephil.dvgu.ru

В статье рассматривается проблема происхождения романских фразеологических единиц (исп. *matarelgusanillo*, фр. *tuerlever* и др.), прослеживается история развития и изменения их фразеологического значения.

Исследуемый фразеологизм в разных романских языках сначала служил для обозначения первого приема пищи, который мог состоять из хлеба, намоченного в вине. Семантическая эволюция привела к разделению значений «перекусить» и «выпить натошак» (а также некоторых других). В дальнейшем значение «выпить натошак» все больше связывалось с крепкими спиртными напитками, что, в свою очередь, способствовало рождению мифа о происхождении выражения от синтагмы со значением «убить червя», словно бы исходное выражение обозначало прием глистогонного средства. Проведенный анализ позволяет заключить, что официальная точка зрения на происхождение этой идиомы представляет собой случай народной этимологии.

В качестве альтернативы выдвигаются две связанные друг с другом гипотезы происхождения выражения. Вероятно, выражение возникло в средневековой культуре как смеховая реакция на официальный религиозный дискурс. С одной стороны, в качестве возможного этимона рассматривается лат. *conscientiaevermis*, которое через снижающее переосмысление (сердце – желудок) и оксюморон (убить неубиваемое) привело к возникновению фразеологизма со значением «прервать пост (позавтракать), используя для этого хлеб и вино». С другой стороны, в творчестве голиардов очень популярна была тема Спора Воды и Вина, где одним из аргументов была идея, что пить неразбавленную вином воду вредно для здоровья из-за низкого качества воды. Произведения голиардов получили народно-песенную обработку и прочно вошли в европейский фольклор не только в виде застольных песен, но и в виде паремий. Одна из таких паремий и могла послужить основой для образования исследуемого фразеологизма.

Ключевые слова: романская фразеология, фразеологизм, романские языки, этимологические дублеты во фразеологии, паремия, история языка, происхождение фразеологической единицы.

В испанском языке фразеологическая единица (ФЕ) *matar el gusanillo/gusano*¹ имеет несколько значений и богатую историю.

Очень распространено в современном разговорном языке значение *перекусить на скорую руку, заморить червячка* [39: р. 1179; 97: р. 123]. Исходно речь шла о завтраке, который еще в эпоху римской империи не предполагал полного утоления ни голода, ни жажды: этимологически испанское *desayunar*, португальское *desjejum*, французское *déjeuner*, каталанское *desdejuní*, итальянское *desinare* восходят к народно-латинскому *disjejunare* со значением *прерывать пост*² [26: р. 22]. Как известно, еще в Древней Греции первый прием пищи состоял из хлеба, размоченного в вине [89: р. 309–310], римляне также предпочитали не есть без вина, будь то утром [8: с. 193] или в другое время, подобным образом еще в XVI в. завтракали и в Провансе [63: р. 165; 76: р. 1061], и в Париже [64: р. 81], и, вероятно, в других местах. *Matar el gusanillo/gusano* в значении *позавтракать* находим в произведении F. Santos «Día y noche de Madrid» (1663 г.): *En ayunas salimos de casa y quisiéramos almorzar ... guíe adonde se pueda matar*

el gusanillo [91: р. 57] (*Мы вышли из дома еще не поев и хотели позавтракать ... я направился туда, где можно было заморить червячка*), встречается это выражение и позже; также см. португальское *mata-bicho* в значении *завтрак*, провансальское *tuar lou verme* в значении *позавтракать* [76: р. 1061]. Постепенно испанское выражение начинает означать не *перекусить утром*, а *перекусить вообще, утолить голод*: *Doña Mária Campomanes, a pesar del copioso almuerzo, "se caía" de debilidad, metióse en la cocina de la casa de campo a buscar pan, carne, una albóndiga, un cafecito, ¡cualquier cosa!, para matar el gusanillo* [85: р. 194] (*Донья Маргара Кампоманес, несмотря на обильный завтрак, «падала» от слабости, она зашла на кухню деревенского дома в поисках хлеба, мяса, тефтели, кофейка, – чего угодно! – чтобы заморить червячка*), в говорах андалузского диалекта *matar el gusanillo* означает *утолить голод* [53]. Одновременно свое собственное развитие получает значение *выпить спиртного натошак*³. В современном языке, однако, это значение стремительно устаревает, пик его популярности приходится на XIX в.

¹ Дословно *убить червячка/червя*.

² Ср. калькированное английское *breakfast*.

³ Похожий путь проделало русское *заморить червячка* [13: с. 23].

Высокая частота употребления свойственна ФЕ *matar el gusanillo/gusano* в значении *реализовать, удовлетворить (обычно отчасти) какое-то желание* [90: р. 311]. Оно зафиксировано в словарях начиная с XIX в. не только в Испании, но и в Латинской Америке [55: р. 241] (ср. португальское *matar o bicho: realizar algum desejo antigo* [65: р. 176]), и известно еще по текстам середины XVIII в.⁴. Употребление выражения *matar el gusanillo/gusano* в этом значении обусловлено тем, что *gusanillo/gusano* – это не только червяк, но и метафора для обозначения увлечения или желания чем-то заняться [39: р. 1179], т. е. расширение значения *утолить голод* > *утолить желание* базируется на общей семе⁵.

Испанский академический словарь первый раз зафиксировал ФЕ *matar el gusanillo* в 1914 г. через отсылку к выражению *tomar la mañana* в значении *выпить водки с утра натощак* с указанием, что это распространено среди *сельских жителей, у которых есть такая привычка* [38: р. 529]. Указание на негородскую среду бытования здесь представляется важным, поскольку говорит о широком распространении исследуемой ФЕ: в отличие от, например, Франции, где с 1830 г. численность сельского населения уменьшается за счет стремительного роста городов, Испания в конце XIX в. еще оставалась «страной сел» [10: с. 403]: городов, имеющих свыше 100 тыс. жит., в Испании в 1900 г. было 6 [11: с. 840]. Почти за сто лет до появления 14-го издания толкового словаря в небольшой заметке, вышедшей 13 декабря 1826 г. в *Gaceta de Madrid* и посвященной производимой в Экстремадуре *aguardiente de moras*⁶, говорится, что употребление этого напитка

на завтрак вошло в моду, как и выражение *matar el gusano: la moda ha hecho tan general entre los trabajadores, que sufren con ánimo brioso las faenas del día mas penoso, si se desayunaron con dos cuartos de aguardiente para matar el gusano, como acostumbra expresarse en algunas provincias* [94: р. 598] (*мода сильно распространилась среди работников, и они мужественно переносят тяготы самого трудного дня, если на завтрак есть две кварта водки, чтобы matar el gusano, как привыкли выражаться в некоторых провинциях*). В том же значении это выражение присутствует во фразеологических словарях [92: р. 427; 97: р. 123] и в Словаре арго [81]. Эта ФЕ зафиксирована также среди регионализмов⁷. Также *выпить водки натощак* означает португальское *matar o bicho* [33: р. 25], каталанское *matar el cuc* [36: р. 83]. В языке гаучо *mata-bicho* (из португальского *matar o bicho*) – рюмка кашасы [65: р. 176], из португальского же в Бельгии [70: р. 395], а затем и в Экваториальной Африке [42: р. 306] отмечено *matabiche* (в Анголе в форме *matabicho*) в значении *чаевые*⁸. Но если в XX в. выражение *matar el gusanillo/gusano* встречается в текстах как нечто привычное и хорошо понятное⁹, то еще в XIX в. выражение обычно дается как чужое слово (в бахтинском смысле), через явление *реагирования слова на слово* [7: с. 114], как в вышечитированном примере 1826 г.: *como acostumbra expresarse en algunas provincias – как привыкли выражаться в некоторых провинциях* [94: р. 598] или *El aguardiente anisado le encantaba. Y como al asomar la aurora ... el tío Gorico, según su expresión, mataba el gusanillo* (1877 г.) [96] (*Он обожал анисовую водку. И как только занималась заря ... дядя Горико, по его выражению, mataba el gusanillo*).

Во французском языке существует выражение *tuer le ver*¹⁰. В первой половине XIX в. оно использовалось в значении *позавтракать (tuer le ver avec un morceau de pain et un peu de vin – заморить червяка куском хлеба и небольшим количеством вина* [27: р. 20]), и аналогично тому, как это произошло в испанском языке, у ФЕ *tuer le ver* появляется, возможно, лишь на диалектном уровне, отдельное значение *перекусить* (не обязательно с утра): *tuer le ver (manière figurée de dire manger une petite bouchée)* [61], которое, впрочем, не получает особого развития, и значение *выпить спиртного*

⁴ Ф. Серрано (родился и долгое время жил в Гранаде) оставил свидетельство (1747–1748 г.), что, по крайней мере, клирики на юге Испании пользовались выражением *matar el gusano* в значении *отчасти удовлетворить какое-то желание* (речь идет о наслаждении превосходного качества канарским вином, обычно недоступным миссионерам в Китае): *Algunas mañanas tomava yo una limeta, y dezia: Señor Illustrisimo, vamos á matar el gusano. Me respondía: Pues, qué no le matamos ayer? Si, Señor Illustrisimo, pero ha buuelto a revivir hoy. Y no tendrá V.Paternidad (me dezia) algun medio, ó remedio, para matarle de modo, que no buelva á revivir? Si, Señor Illustrisimo, con cien limetas de vino de Canarias, me atrevo á matarle de suerte, que no buelva á levantar cabeza* [83: 120]: *Иногда по утрам я брал бутылку и говорил: «Ваше Преосвященство, давайте "убьем червя". Он отвечал мне: Разве мы вчера его не убили? Да, Ваше Преосвященство, но сегодня он снова жив. А у Вашего Преподобия нет разве (говорил он мне) какого-нибудь способа или средства, чтобы убить его безвозвратно? Да, Ваше Преосвященство, ста бутылками канарского вина я берусь убить его так, что он не поднимет больше голову».*

⁵ В разговорном языке находим *matar el gusanillo de jugar al fútbol, matar el gusanillo de ver una película en 3D, matar el gusanillo de la música, matar el gusanillo de moto, matar el gusanillo de la lectura, matar el gusanillo de android* и т. д.

⁶ Тутювая водка.

⁷ Напр., в Куйо (Аргентина) [54: р. 310] и в Паленсии (Испания) [58].

⁸ Этимологически во франкоязычной культуре это *винные*, т. е. *на вино* [68: р. 378].

⁹ См., напр.: *A la otra mañana ... el vagabundo ... se acercó a la cocina, a matar el gusano con unas copejas de aguardiente* (1956) [30: р. 165], *Los madrugadores mataban el gusanillo con copas de aguardiente* (1965) [44: р.241] и др.

¹⁰ Дословно *убить червя*.

натоуак: белого вина¹¹, белого вина или водки¹², а затем преимущественно водки¹³. Это отражено также в словарях: в 1866 г. речь идет о *белом вине*: *boire un verre de vin blanc en se levant* [34: 489], в 1874 г. уже – о *водке ИЛИ белом вине*: *boire le matin à jeun de l'eau-de-vie ou du vin blanc* [71: р. 2450], а в 1885 г. речь идет только о *водке*: *boire dès le matin un verre d'eau-de-vie* [80: р. 614]. Некоторые авторы считают это выражение арготизмом парижских рабочих [56: р. 137; 34: р. 489], однако, как можно заметить, оно использовалось не только в городской среде [101: р. 56]. Даже первый раз в словарь [67: р. 264] *tuer le ver* попадает из романа А. Мюрже «Красный башмак» [79]. Действие романа происходит в маленькой деревушке на опушке леса Фонтенбло: *La clientèle ordinaire se composait des ouvriers carriers qui, avant de se rendre au chantier, c'est ainsi qu'on désigne la carrière, entraient au cabaret pour y boire l'eau-de-vie ou le vin blanc, libation matinale dont l'usage, resté fréquent parmi les ouvriers, a donné naissance au dicton proverbial: tuer le ver* [79: р. 4] (*Обычная клиентура состояла из каменоломов, которые, прежде чем отправляться в «забой», как называли каменоломню, заходили в кабачок выпить водки или белого вина, – утреннее возлияние, привычка к которому, распространенная среди рабочих, дала рождение выражению tuer le ver.*). В гасконском диалекте также зафиксировано (в значении *выпить с утра натоуак водки или белого вина*) *tua lou bérti* [47: р. 85], *tuer le ver* (применительно к крепким спиртным напиткам) встречалось в Африке [23: р. 97], причем в Алжире было распространено среди каменщиков-испанцев [35: р. 16]. К концу XIX в. французское выражение *tuer le ver* использовалось как в сельской, так и в городской местности в значении *выпить водки натоуак*, при этом другие значения выходили из употребления (у *tuer le ver* во французском воровском жаргоне была своя специфика), однако, в современной речи это выражение встречается редко, возможно, из-за того, что превратилось в историзм. Столь стремительный рассвет и закат значения *выпить натоуак крепкого спиртного* у ФЕ *tuer le ver* нуждается в объяснениях. Представляется, что свою роль сыграли несколько факторов. Во-первых, развитие химии во Франции в начале XIX в. позволило ученым со-

вершить несколько важных для промышленного получения спирта открытий в области дистилляции: так, уже к концу XIX в. Франция находилась на третьем месте в мире по годовому производству спирта [5: с. 467]. Во-вторых, в начале 1860-х гг. произошло заражение французских виноградников филлоксерой (виноградная тля, завезенная из Латинской Америки), что привело к их гибели и к серьезному кризису винодельческой отрасли: филлоксера уничтожила около 1,5 млн. гектаров виноградников из существовавших 2,5 млн.¹⁴ [16: с. 795]. Вполне закономерно, что в это время популярность приобретают алкогольные напитки, получаемые с помощью дистилляции. Помимо собственно водки – *воды жизни* (латинское *aqua vitae*), известной в Европе как лекарство еще со времен испанского врача-алхимика Арнольда из Виллановы (ок. 1240–1311) и производимой во Франции XIX в. в достаточном разнообразии для продажи отнюдь не в аптеках, чрезвычайную популярность приобретает абсент, – напиток, завоевавший себе сначала огромное число сторонников, а затем не меньшее число противников, и в итоге оказавшийся под законодательным запретом почти на целый век (с марта 1915 г.). Абсент сформировал, и нигде как во Франции [6], как мы бы сейчас это назвали, особую субкультуру со своими ритуалами (в первую очередь речь идет о самом процессе употребления абсента), мифами (напр., о Ван Гоге, под воздействием абсента отрезавшем себе ухо), фразеологией (*l'heure verte* – *зеленый час*, *la fée verte* – *зеленая фея* и др.) и произведениями искусства (напр., *Любитель абсента* Э. Мане, 1858–1859; *Абсент* Э. Дега, 1876 и т. д.). Известную роль в распространении моды на абсент сыграли военные: именно во время алжирской кампании (1830–1847) им предписано было пить абсент с утра как профилактическое средство от малярии, дизентерии и других болезней [102]. Тогда же, во время расцвета моды на абсент, и именно во Франции, появляется и первая попытка установить происхождение выражения *tuer le ver*.

Похоже, что М. Дю Камп [43: р. 248–249] первым связал происхождение *tuer le ver* с записью в анонимном *Дневнике парижского буржуа эпохи Франциска I*, изданном в 1854 г. по рукописи XVI в., где речь шла об аутопсии (еще редкой в Париже того времени [2: с. 399]: *dont elle fut ouverte, et luy fut trouvé un ver en vie sur le coeur, qui luy avoit percé le coeur; et lors fut mis sur le coeur du metridal pour le faire mourir, mais il n'en mourut point. Puy y fut mis du pain trempé en vin, dont incontinant ledict ver mourut. Parquoy il ensuyt qu'il est expédient de*

¹¹ *tuer le ver, c'est pour les ouvriers prendre un verre du vin blanc avant déjeuner* [77: р. 115].

¹² *A l'heure matinale, elle débite encore quatre-vingts litres d'eau-de-vie et six cents litres de vin blanc aux clients qui viennent tuer le ver* [31: р. 103].

¹³ *les villageois se réunissaient là, par groupe de cinq ou six, pour « tuer le ver » suivant une expression populaire très-courante dans les campagnes aussi bien que dans les villes. La plupart se contentaient d'un simple coup d'eau-de-vie* [52: р. 44].

¹⁴ В Испании филлоксера появилась только в 1877 г., но к концу 19-го столетия 75 % виноградников в Испании было ею поражено [16: с. 795].

prandre du pain et du vin au matin, au moins en temps dangereux, de peur de prandre de ver [64: р. 81] (когда ее вскрыли, у нее в сердце был найден живой червь, который прогрыз насквозь ее сердце; и тогда туда положили Митридацию, чтобы его умертвить, но он от этого не умер. Затем туда положили хлеб, размоченный в вине, и тогда червь тотчас умер. Из чего следует, что утром хлеб и вино полезно, по крайней мере, когда есть опасность подхватить червя). Надо сказать, что эта история является обычным случаем народной этимологии (М. Дю Камп аргументирует популярный тогда обычай начинать день со стакана белого вина (*tuer le ver*)): в *Дневнике* не говорится о существовании выражения, лишь имплицитно сообщается, что, возможно, было принято завтракать размоченным в вине хлебом: *утром хлеб и вино полезно (il est expédient de prandre du pain et du vin au matin)*. Однако «глистогонная» теория происхождения ФЕ *tuer le ver* оказалась чрезвычайно популярной, ее многократно повторяли на протяжении XIX (напр., [74] и др.) и XX вв. [49: р. 718], и не только во Франции [88: р. 61], а иногда и искажали: см., напр., о португальской ФЕ *matar o bicho* (в значении *выпить водки натошак*): *Conta uma anecdota que uma vez, ao fazerem uma autópsia, os médicos encontraram no coração do cadáver um verme que morreu ao receber sobre si um pouco de aguardente* [24: р. 168] (*Рассказывают историю, что однажды, во время аутопсии, медики обнаружили в сердце трупа червя, который умер, когда ему дали немало водки*). Поскольку значение *выпить натошак водки* оказалось неразрывно связанным с историей употребления абсента во Франции, попытки связать происхождение выражения с медициной выглядят вполне логичными, хотя и исторически ошибочными: еще со времен Варрона *врач и полынь*¹⁵ подразумевали друг друга: *Quid medicum mi est oru? nūm perpetuo absintium / uti bibam gravem* [98: р. 204]: *Зачем мне врач? зачем тебе? полынь хлебать / Горючую* (пер. М. Гаспарова) [4: с. 399]. Также нельзя отрицать, что традиционно ассоциируемое с абсентом цветообозначение (зеленый, французское *vert*) рождало языковую игру (*ver* – «червяк» и *vert* – «зеленый» – омофоны). Вполне возможно, что на уровне бытового народного сознания¹⁶ переосмысление происхождения выражения было обусловлено несколькими пандемиями холеры, от которых в XIX в., наряду с другими странами, сильно пострадали Франция [25] и Испания¹⁷ [19]. При этом во всякого рода «популяр-

ных советах», «гигиенических правилах» и литературе постоянно, настойчиво и, очевидно, безрезультатно сообщается о крайней вреде употребления крепких спиртных напитков во время эпидемий [95: р. 12; 86: р. 6]. Таким образом, перед нами как раз тот случай, когда «сливаются оба начала – первоначальное происхождение и формальное или семантическое переосмысление, обязанное народной этимологии» [14: с. 118]. И, как это нередко происходит [14: с. 118], в исследовательской литературе также торжествует народная этимология: например, можно прочесть утверждения о «семантической одноплановости» и «единстве этимологического объяснения» романских выражений *tuer le ver / matar el gusanillo* и пр. [13: с. 25–26].

Однако, кроме метафорического переосмысления свободного (или медицински-терминологизированного) словосочетания *убить червя*, существуют и другие способы образования фразеологизмов. Например, вторичная метафоризация: создание ФЕ через переосмысление значения другой ФЕ. Во французском воровском жаргоне *tuer le ver* имеет очевидную связь с угрызениями совести: по данным нескольких словарей [66; 87; 100] речь идет не просто о том, чтобы выпить с утра натошак, но и убить таким образом червя, который гложет сердце [100: р. 298]. В данном случае исходной ФЕ мог послужить латинский фразеологизм *vermis conscientiae*, имеющий аналоги в тех языках, где религиозно-католический дискурс имел широкое распространение¹⁸. Этот фразеологизм был прочно ассоциирован с финалом Книги пророка Исайи: *И будут выходить и увидят трупы людей, отступивших от Меня: ибо червь их не умрет, и огонь их не угаснет; и будут они мерзостью для всякой плоти* (Исайя 66:24)¹⁹: *gusano de la consciencia, del qual pone Isaias en el capitulo postremo: vermis eorum non morietur et ignis eorum non extinguetur, que quiere dezir: el su gusano que es de la consciencia non morira et el fuego de ellos nunca se amalara* (1437 г.) [46]. Поэтому он был популярен у проповедников в период сорокадневного поста и синтагмы, сочетающие ФЕ с глаголом со значением «убить»²⁰, появляются, безусловно, лишь затем, чтобы подчеркнуть, что этот червь – бессмертный и неубиваемый. Вместе с тем с раннего средневековья тексты Священного Писания и ореол мрачной

¹⁸ О том, что в античности совесть понималась иначе, см., напр. [18].

¹⁹ Здесь и далее русский библейский текст приводится по Синодальному переводу [3], ссылки на произведение, главу и стих даются в тексте работы в круглых скобках и по традиции не сопровождаются указанием на номер страницы.

²⁰ Напр., ит. *uccidere il verme della coscienza* (1681 г.) [99: р. 212]; исп. *matar el Gusano de la Conciencia* (1695 г.) [93: р. 553] и др.

¹⁵ Полынь использовалась в основном как глистогонное средство, ср. наименование высушенных соцветий полыни: *semen-contra [vermes]*.

¹⁶ О чем см. также у Х.М. Сбарби [92: р. 427].

¹⁷ Напр., в Испании во многих населенных пунктах за первые несколько месяцев эпидемии 1885 г. от холеры умерло до половины жителей [62: р. 8–9].

серьезности, их окружавший, подвергались осмеянию, систематическому «снижающему переосмыслению», о чем писал еще М.М. Бахтин: «... жаргон клириков, монахов, школяров, судейских и народно-разговорная речь пестрели всевозможными травестиями различных религиозных текстов, молитв, изречений, положений ходячей мудрости» [2: с. 99], так, если «официально» *червь совести* грызет *сердце* (*Le ver de la conscience rongé le cœur* и т. д. (1619 г.) [21: р. 194]), за счет «снижающего переосмысления» сердце и совесть с присущим ей бессмертным червем оказываются во внутренностях (*el gusanillo de la conciencia la comenzó a labrar las entrañas* (1642 г.) [29: р. 7], а чаще в желудке²¹. Так, в словаре XVII в. читаем: *conscience: se prend quelquefois pour l'estomac, parce qu'on le frappe dans le repentir, dans le remords de la conscience. On dit en ce sens, Mettez ce verre de vin sur vostre conscience, c'est à dire, dans vostre estomac* [51: р. 624] (*совесть: некоторые так называют желудок, потому что там скребят при раскаянии, при угрызениях совести. В этом смысле говорят: Примите этот стакан вина на вашу совесть, т. е. в ваш желудок*), ср. французское *j'ai mal au coeur* (*меня тошнит*). Вероятно, прерывание поста (имеется в виду завтрак в его этимологическом смысле) происходит в том же народно-смеховом ключе: вопреки наставлениям о том, что первый раз нужно есть через 6–7 часов после пробуждения [50: р. 103–104], сразу после пробуждения используется «хлеб и вино» (литургический комплекс). Анри Этьен замечает²², что употребление вина сопровождалось в среде клириков стихом из покаянного псалма *Cor mundum crea in me Deus et spiritum rectum innova in visceribus meis – Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня* (Пс 50, 12)²³ [45: р. 114], думается, отсюда французское *ver du coeur*, валлонское *vier-di-cœur* в значении «завтрак» [59: р. 17], франкопровансальское *ver-coron* [69: р. 123] и *tuer le ver* во французском воровском жаргоне. В *Monologue d'ung Clerc de Taverne* (Париж, около 1530 г.) встречается выражение *Pour gecter dehors le venin* (*Чтобы изгнать заразу*), к которому комментатор дает глоссу: *Le peuple dit aujourd'hui, dans le même sens, tuer le ver* [78: р. 47] (*народ говорит сегодня, в том же самом смысле, тuer le ver*). Интересно, что выражение построено по тем же самым «канонам» травестирования: ведь *le venin* (*зараза, яд*) использовалось в религиозном дискурсе для обозначения всего, что идет вразрез с учением церкви, всего, что во вред церкви

[68: р. 364]. *Le venin*, неразрывно связанный с понятиями греха (*le venin mortel du péché*) и преступления (*le venin du crime*), рассматривался через аллегории медицинского толка: *le venin* – гангрена на теле церкви, от которой нужно избавляться (*fait sortir dehors, pousser au dehors, gecter dehors*), отсекая зараженные части [48: р. 307; 20]. Таким образом, ФЕ *pour gecter dehors le venin* можно считать предшественницей либо синонимом ФЕ *tuer le ver*. В Нормандии в XIX в. первый утренний напиток рабочих (кофе с водкой) носил название *gloria* – вместе с автором можно предположить, что исходным было *во славу Божью – à la gloire de Dieu* [40: р. 51]. Ш. Вирметр отмечает по поводу *mêlé cass*²⁴: это называют *Faire ses dévotions à Notre-Dame de Mèlé-Cassis*, т. е. *почтуть Богородицу Меле-Касса* [100: р. 180–181]. Примеров такого рода много.

Можно допустить, что утеря связи на семантическом уровне между французским *le ver de la conscience* и *tuer le ver* происходила неравномерно, и в воровском жаргоне эта связь пока заметна, т. е. исторически *tuer le ver* в значении *позавтракать хлебом и вином*, в значении *выпить натоцкак белого вина* или в значении *выпить натоцкак водки, чтобы ослабить угрызения совести* – это один и тот же фразеологизм. Возможно, и в других романских языках мы имеем дело с аналогичным процессом, но там семантическая связь уже утрачена (значение *ослабить угрызения совести* не обнаруживается). В таком случае относительно латинского этимона *vermis conscientiae* его романские эквиваленты (французское *ver de la conscience*, испанское *gusano de la conciencia*, каталанское *cuc de la conciencia*, португальское *vermelbicho da consciência*, провансальское *verme de la counsciença* и т. д.) и романские же ФЕ на тему *убить червя*, в любом из фразеологических значений (французское *tuer le ver*, испанское *matar el gusanillo/gusano*, каталанское *matar el cuc*, провансальское *tuar lou verme*, португальское *matar o bicho* и т. д.), можно гипотетически отнести к явлению этимологических дублетов во фразеологии.

Также вполне возможно, что исследуемое выражение в то же время является осколком какой-то более крупной фольклорной формы. Его связь с религиозным дискурсом средневековья, как и с традицией употребления вина, подсказывает, что корни данного выражения следует искать в среде голиардов. Но то небольшое, что издано и доступно, не позволяет делать более смелые выводы.

²¹ См. ремарку (1601 г.) о том, что желудок (*l'estomach*) в обиходе называют сердцем (*on appelle vulgairement le coeur*) [63: р. 6].

²² Пример подсказан М.М. Бахтиным.

²³ Отметим, что этот псалом читался по утрам.

²⁴ *mêlé cass*: смесь (*mélange*) водки и черной смородины (*cassis*), которую рабочие пьют по утрам за цинковыми стойками, чтобы *tuer le ver* [100: р. 180–181].

Традиция восхваления неразбавленного вина²⁵, известная еще с античности²⁶, и в Средние века была богато представлена как на Востоке²⁷, так и на Западе. Однако именно у голиардов она облекается в форму дебата (одного из любимых жанров средневековья), Спора Вина с Водой²⁸, и одновременно, по словам М.Л. Гаспарова, становится «самой популярной в средневековой застольной поэзии» темой [15: с. 532]. К сожалению, сохранилось не очень много версий: латинские *Denudata veritate, Goliae Dialogus inter Aquam et Vinum* (обе не позже начала XIII в.), французские *La Disputoison du Vin et de l'auue* (нач. XIV в.), *Debat du Vin et de l'Eau* (XIV, нач. XV в.), испанская *Razón de amor y denuestos del agua y el vino* (XII–XIII в.), итальянская *Contrasto dell' Acqua e del Vino* (нач. XV в.) и некоторые другие (подробнее см. [60]). Среди аргументов Спора отметим одну идею, повторяющуюся, хотя и в разных вариациях, во многих произведениях: вода плоха, так как пить ее, не добавив вина, опасно для здоровья: *Кто без нужды воду тянет, Тот недужным скоро станет* (из лат. *Denudata veritate*, [15: с. 63]), испанское *antes amaryella e astrosa, agora²⁹ vermeia e hermosa* (*Razón de amor y denuestos del agua y el vino*, [75: р. 25]), итальянское *Gia sai tu che da bere non sei sana* (*Contrasto dell' Acqua e del Vino*, [60: р. 346]), французское *Mais que tu est mauvaise! Toute personne qui boit de toi est bien mal à son aise* [60: р. 337], потому что в воде живут различные омерзительные, вредные черви, лягушки и т.п., как писал в 1536 г. Ганс Сакс, приехавший в Италию и там создавший свою версию Спора³⁰ [60: р. 349]. Что касается лягушек, то в Италии еще в XV в. медики полагали, что у больного меланхолией в животе живут лягушки³¹: *scribit Gatinarina ... quod magister Ioannes Marlianus Mediolani Melancholico cuidam, qui existimabat se ranas in corpore habere, et cum alij Medici dicerent non esse verum, ipse nolebat curari, vnde Marlianus vocatus ad illius curam interrogavit eum, quid haberet,*

respondit ranas, et Marlianus inquit, verum dicis, et scio te multas ranas habere in corpore [41: р. 34] (*Гатинария³² пишет о магистре Иоанне Марлиане Медиоланском и некоем человеке, страдающем меланхолией, который считал, что у него в теле лягушки, и когда другие врачи сказали, что это не правда, он отказался у них лечиться, и тогда позвали Марлиана, который спросил у больного, что у него, тот ответил, что у него лягушки, и Марлиан сказал: правду ты говоришь, и я знаю, что в твоём теле много лягушек*). В испанском песеннике встречаем: *el agua no me contenta que cria sapos y ranas* [28: р. 76] (*вода мне не нравится, от нее заводятся жабы и лягушки*), похожий мотив находим в припеве у Ф. де Кеведо: *Dijo a la rana el mosquito³³ ... Mejor es morir en el vino Que vivir en el agua* [28: р. 128] (*Сказал лягушке комар... Лучшее умереть в вине, чем жить в воде*), встречается он и в современном фольклоре (застольные песни и тосты): *agua cristalina, madre de ranas y sapos y lavadora de trapos, ¡beberte yo, nunca!* (*вода хрустальная, мать лягушек и жаб и стирающая тряпки, чтоб я пила тебя? Никогда!*) или *mejor quiero escupir mosquitos que oír las ranas cantar* [73] (*предпочитаю выплевывать мошек, чем слушать, как поют лягушки*). Дж. Хэнфорд справедливо отмечает, что произведения голиардов, даже если они исходно не пелись, получали народно-песенную обработку, а также давали толчок уже собственно фольклорным песенным произведениям [60: р. 338]. Творчество голиардов безусловно оставило свой отпечаток не только на жанре *carmina potoria*. Выглядит правдоподобно, что какое-то количество фраз-«аргументов» из Спора (или его последующих версий) могли превратиться в пословицы и поговорки, похоже, что такими осколками являются, к примеру, испанское *el agua cria ranas* (*от воды заводятся лягушки*) [92: р. 17], *No me echéis agua en el vino, que andan gusarapos en el río* (*Воду мне в вино не лейте, черви водятся ведь в речке*) [92: р. 18; 32: р. 236], и если первая часть аргумента направлена против воды (от воды <в животе> заводятся лягушки), то вторая часть аргумента в том же ключе превозносит вино (вино убивает червей): провансальское *lou vin tuo li verme* [76: р. 1106], французское *le vin tue les vers* [72: р. 282]. В Италии выражение встречается во многих диалектах: римское *Er vino ammazza er vermine e ingrassa la cratura* [103: р. 162], сицилийское *Lu vinu ammazza li vermi* [84: р. 140], венецианское *El vin mazza 'l vermo* [82: р. 99; 84: р. 140]), тосканское *il vino ammazza i*

²⁵ Подробнее см. [12].

²⁶ Можно напомнить в этой связи обыгрывание Горацием («К Манлию Торквату») [9: с. 331] текста Аристофана (похвала вину во «Всадниках») [1: с. 77].

²⁷ Напр., см. частое обращение к этой теме Омара Хайяма [17: с. 44–48].

²⁸ Мы не будем здесь касаться прототипа, теологического спора, который завершился лишь на Тридентском соборе официальным запретом использовать для Евхаристии неразбавленное вино.

²⁹ Т.е. после разбавления вином

³⁰ *Unzifer und schedlich würm / Gifftige thier mancherley fürm / Als schlangent, frösch und cocodrilln* [60: р. 349].

³¹ Ср. итальянское *ha un ranochio in corpo* в значении у него урчит в животе (как и немецкое *er hat Frösche im Bauch*).

³² Марк Гатинария жил в XV в.

³³ *mosquito*: комар, также мошка, которая заводится от влажности в погребках и в кувшинах с вином, и также завсегдатай питейного заведения [37: р. 615].

vermini [22: p. 92; 57: p. 194; 84: p. 140], однако, «целиком» выражение удалось обнаружить лишь среди тосканских паремий: *L'acqua fa venire i ranocchi in corpo, e il vino ammazza i vermini (от воды в теле заводятся лягушки, а вино убивает червей)* [57: p. 176]. Возможно, именно то, что в Италии по каким-то причинам аргумент из средневекового Спора Воды с Вином сохранился в виде паремии лучше, чем на территории Испании и Франции, и повлияло на отсутствие в итальянском языке следов выражения, аналогичного испанскому *matar el gusanillo* или французскому *tuer le ver*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристофан. Всадники / Аристофан // Комедии. Фрагменты. – М.: Ладомир; Наука, 2000. – С. 72–145.
2. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М., 2002. – 1533 с.
4. Варрон, М.Т. Сатиры / М.Т. Варрон // Римская сатира. – М.: Художественная литература, 1989. – Р. 389–431.
5. Винокурение // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. – СПб.: Семеновская типолитография (И.А. Ефрона), 1890–1907. – Т. VI (11). – 1892. – С. 466–488.
6. Виртуальный музей абсента / Виртуальный музей абсента [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museeabsinthe.com>.
7. Волошинов, В.Н. Марксизм и философия языка / В.Н. Волошинов. – Ленинград: Прибой, 1930. – 188 с.
8. Гиро, П. Частная и общественная жизнь римлян / П. Гиро. – СПб.: Алетейя, 1995. – 598 с.
9. Гораций. Оды, эподы, сатиры, послания / Гораций. – М.: Художественная литература, 1970. – 480 с.
10. Испания // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. – СПб.: Семеновская типолитография (И.А. Ефрона), 1890–1907. – Т. XIII (25). – 1894. – С. 397–416.
11. *Испания // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. – СПб.: Семеновская типолитография (И.А. Ефрона), 1890–1907. – Т. IА (2) Дополнительный. – 1905. – С. 840–842.
12. Лиссарраг, Ф. Вино в потоке образов. Эстетика древнегреческого пира / Ф. Лиссарраг. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 176 с.
13. Мокиенко, В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии / В.М. Мокиенко. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 280 с.
14. Пизани, В. Этимология. История – проблемы – метод / В. Пизани. – М.: Иностранная литература, 1956. – 186 с.
15. Поэзия вагантов. – М.: Наука, 1975. – 606 с.
16. Филлоксера // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. – СПб.: Семеновская типолитография (И.А. Ефрона), 1890–1907. – Т. XXXVA (70). – 1902. – С. 792–800.
17. Хайям, О. Рубайят / О. Хайям. – М.: Восточная литература, 1959. – 200 с.
18. Ярхо, В.Н. Была ли у древних греков совесть? / В.Н. Ярхо // Античность и современность. – М.: Наука, 1972. – С. 251–263.
19. Angolotti Cárdenas, E. Datos para la historia del cólera en España / E. Angolotti Cárdenas // Revista de Sanidad e Higiene Pública. – Т. 41. – 1971. – P. 223–245.
20. Arnauld, A. De la Fréquente Communion où les Sentimens des Pères, des Papes et des Conciles, touchant l'usage des sacremens de Pénitence et d'Eucharistie / A. Arnauld. – Paris: P. Le Petit, 1656. – 865 p.
21. Behourt, J. Le trésor de l'éloquence françoise recueilly des meilleurs auteurs françoys, avec une explication des mots plus difficiles / J. Behourt. – Roven: Coste, 1619. – 768 p.
22. Bernoni, G. L'Igiene della Tavola dalla bocca del popolo ossia Proverbi che hanno rignardo all'alimentazione / G. Bernoni. – Venezia, 1872. – 107 p.
23. Bertherand, É. Les secours d'urgence: guide pratique des comités et postes d'assistance aux blessés, naufragés, noyés, asphyxiés: conférences faites à la Société des hospitaliers d'Afrique / É. Bertherand. – Poligny: Mareschal, 1876. – 170 p.
24. Botelho de Amaral, V. Mistérios e maravilhas da língua portuguesa / V. Botelho de Amaral. – Porto: Livraria S.Lopes, 1950. – 700 p.
25. Bourdelais, P., Raulot, J-Y. Une peur bleue, histoire du choléra en France, 1832–1854 / P. Bourdelais, J-Y. Raulot. – Paris: Payot, 1987. – 311 p.
26. Bréal, M. Bailly, A. Dictionnaire etymologique latin / M. Bréal, A. Bailly. – Paris, 1906. – 463 p.
27. Broquin, L-P. Mémoire sur une méthode prophylactique du choléra-morbus asiatique / L-P. Broquin. – Nismes: Vve Gaude, 1832. – 24 p.
28. Cancionero y romancero de coplas y canciones de arte menor: Letras, letrillas, romances cortos y glosas anteriores al siglo XVIII. – Madrid: D. Eusebio Aguado, 1829. – 272 p.
29. Castillo Solórzano, A. La garduña de Sevilla y anzuelo de las bolsas / A. de Castillo Solórzano. – Madrid: Espasa Calpe, 1942. – 253 p.
30. Cela, C.J. Judíos, moros y cristianos / C.J. Cela. – Barcelona: Destino, 1989. – 309 p.
31. Chavette, E. Restaurateurs et restaurés / E. Chavette. – Paris: A. Le Chevalier, 1867. – 126 p.
32. Correas, G. Vocabulario de refranes y frases proverbiales y otras fórmulas comunes de la lengua castellana / G. Correas. – Madrid: Jaime Ratés, 1906. – 640 p.
33. Couto, A.M. Dicionário da maior parte dos termos homónimos, e equívocos da lingua portuguesa / A.M. do Couto. – Lisboa: A.J. da Rocha, 1842. – 432 p.
34. Delvau, A. Dictionnaire de la langue verte: Argots parisiens comparés / A. Delvau. – Paris: Dentu, 1866. – 514 p.
35. Desprez, Ch. Alger l'été / Ch. Desprez. – [Alger]: impr. de E. Balme, 1863. – 80 p.
36. Diccionari Aguiló: T. 5. – Barcelona: Inst. d'Estudis Catalans, 1924. – 267 p.
37. Diccionario de la lengua castellana en que se explica el verdadero de las voces etc. T. 4. – Madrid: F. del Hierro, 1734. – 696 p.
38. Diccionario de la lengua castellana por la Real Academia Española. Décimocuarta edición. – Madrid: Imprenta de los sucesores de Hernando, 1914. – 1081 p.
39. Diccionario de la lengua española. Real Academia Española. T. I. – Madrid: Espasa Calpe, 2001. – 1180 p.
40. Didier, N. La consommation alcoolique en Seine-Inférieure au XIXe siècle / N. Didier // Annales de Normandie. – 41e année. – № 1. – 1991. – P. 49–73.
41. Donatus, M. De medica historia mirabili / M. Donatus. – Venetia: ap. Felicem Valgrisium, 1588. – 313 fol.
42. Doppagne, A. Portugais “matar o bicho, matabicho”, français “matabiche” / A. Doppagne // Boletim de Filologia. T. XVIII. Actas do IX Congresso Internacional de Linguística Românica (31 Março – 4 de Abril de 1959). – Lisboa: Centro de Estudos Filológicos, 1961. – P. 301–307.

43. *Du Camp, M.* Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie dans la seconde moitié du XIXe siècle. T. 6 / M. Du Camp. – Paris: Hachette, 1875. – 462 p.
44. *Escobar, J.* Itinerarios por las cocinas y las bodegas de Castilla / J. Escobar. – Madrid: Cultura Hispánica, 1968. – 253 p.
45. *Estienne, H.* L'introduction au traité de la conformité des merveilles anciennes avec les modernes, ou traité préparatif à l'Apologie pour Herodote / H. Estienne. – [Genève]: [François II Estienne], 1566. – 743 p.
46. *Fernández de Madrigal, A.* [El Tostado]. Libro de las paradojas / A. Fernández de Madrigal [El Tostado]. – Salamanca: Univ. de Salamanca, 2000.
47. *Foix, V.* Dictionnaire gascon-français (Landes), suivi du lexique français-gascon et d'éléments d'un thésaurus gascon / V. Foix. – Bordeaux: Univ. de Bordeaux, 2003. – 820 p.
48. *Fontigny, V.* Le catéchisme du Concile de trente / V. de Fontigny. – Paris: Desprez et Pralard, 1694. – 698 p.
49. *Franklin, A.* Dictionnaire historique des arts, métiers et professions exercés dans Paris depuis le treizième siècle / A. Franklin. – Paris: H. Welter, 1906. – 856 p.
50. *Franklin, A.* La vie privée d'autrefois: arts et métiers, modes, mœurs, usages des Parisiens, du XIIIe au XVIIIe siècle. Variétés gastronomiques / A. Franklin. – Paris: E. Plon, Nourrit et C, 1891. – 280 p.
51. *Furetière, A.* Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots français. T. I. / A. Furetière. – La Haye, Rotterdam: Arnout et Reinier Leers, 1690. – 1059 p.
52. *Gallet, L.* Le petit docteur : roman inédit / L. Gallet. – Sceaux: Charaire, 1876. – 80 p.
53. *García de Cabañas, Mª J.* Vocabulario de la Alta Alpujarra / Mª J. García de Cabañas. – Madrid: BRAE, 1967. – 124 p.
54. *García de Ruckschloss, G.* Los fraseologismos de la vid y el vino en el Diccionario de regionalismos cuyanos / G. García de Ruckschloss // *Vino de América y de Europa*. – Torreón: Le manuscrit, 2010. – P. 295–313.
55. *García Icazbalceta, J.* Vocabulario de mexicanismos: comprobado con ejemplos y comparado con los de otros países hispano-americanos. Propónense además algunas adiciones y enmiendas á la última edición (12 a.) del Diccionario de la academia / J. García Icazbalceta. – México: La Europea, 1899. – 241 p.
56. *Giraud, R. et al.* L'argot du bistrot / R. Giraud et al. – Paris, Marval, 1989. – 157 p.
57. *Giusti, G.* Racolta di Proverbi Toscani / G. Giusti. – Firenze, 1871. – 489 p.
58. *Gordaliza, F.R.* Vocabulario palentino (recuento del vocabulario de la provincia de Palencia) / F.R. Gordaliza. – Palencia: Caja de Ahorros, 1988. – 238 p.
59. *Herzog, P.* Die Bezeichnungen der täglichen Mahlzeiten in den romanischen Sprachen und Dialekten. Eine onomasiologische Untersuchung / P. Herzog. – Zürich, Gebr. Leemann, 1916. – 143 p.
60. *Holly Hanford, J.* The Mediaeval Debate between Wine and Water / J. Holly Hanford // *Publications of the Modern Language Association of America*. – T. 28. – №. 3. – 1913. – P. 315–367.
61. Imitation libre de la Parabole de l'Enfant Prodigue en patois de la Rochelle, Charente Inférieure // *Mémoires de la Société Royale des antiquaires de France*. T. 6. – Paris: Société Royale des antiquaires de France, 1850. – P. 486.
62. *Jimeno Agius, J.* El cólera en España durante el año 1885 / J. Jimeno Agius. – Madrid: Estab. Tip. de El Correo, 1886. – 55 p.
63. *Joubert, L., Joubert, I.* La première et seconde partie des erreurs populaires, touchant la médecine & le régime de santé / L. Joubert, I. Joubert. – Roven: Calles, 1601. – 241 p.
64. *Journal d'un Bourgeois de Paris sous le règne de François premier*. – Paris: Jules Renouard et C, Libraires de la Société de l'histoire de France, 1854. – 495 p.
65. *Juvenal de Oliveira, A.* Dicionário gaúcho: termos, expressões, adágios, ditados e outras barbaridades / A. Juvenal de Oliveira. – Porto alegre: Ed. Age, 2003. – 277 p.
66. *La Rue, J.* La langue verte. Dictionnaire d'argot et des principales locutions populaires / J. La Rue. – Paris: Arnould, 1894. – 186 p.
67. *Larchey, L.* Les excentricités du langage français / L. Larchey. – Paris: Aux Bureaux de la Revue anecdotique, 1861. – 267 p.
68. *Le grand Dictionnaire de l'Académie française*. T. I. – Paris: Coignard, 1696. – 406 p.
69. *Le langage populaire de Mâcon et des environs*. – Mâcon: chez les libraires, 1926. – 126 p.
70. *Lebouc, G.* Dictionnaire de belgicisms / G. Lebouc. – Bruxelles: Racine, 2006. – 622 p.
71. *Littré, É.* Dictionnaire de la langue française. T. 4 / É. Littré. – Paris: L. Hachette, 1875. – P. 1397–2628.
72. *Loux, F., Richard, Ph.* Sagesses du corps: la santé et la maladie dans les proverbes français / F. Loux, Ph. Richard. – Paris: G.-P. Maisonneuve et Larose, 1978. – 353 p.
73. *Martin Criado, A.* Poesía popular: el brindis / A. Martin Criado // *Revista de Folklore*. – №. 103. – 1989. – P. 12–18.
74. *Martin, E.* Troisième question / E. Martin // *Le Courrier de Vaugelas*. *Journal bi-["puis" semi-] mensuel consacré à la propagation de la langue française (1868–1887)*. – Paris.— 1878. – № 21 (A8). – 1er Mai. – P. 162–163.
75. *Michaëlis de Vasconcelos, C.* Observações de alguns textos líricos da antiga poesia peninsular / C. Michaëlis de Vasconcelos // *Revista Lusitana*. – T. VII. – Lisboa: Antiga Casa Bertrand, 1902. – P. 1–33.
76. *Mistral, F.* Lou tresor dou Felibrige ou Dictionnaire provençal-français embrassant les divers dialects de la langue d'oc moderne. T. 2 / F. Mistral. – Raphèle-lès-Arles: M. Petit, 1979. – 1180 p.
77. *Monselet, Ch.* L'argent maudit / Ch. Monselet. – Paris: M. Lévy, 1863. – 316 p.
78. *Montaignon, A.* Recueil de poésies françaises des XVe et XVIe siècles, morales, facétieuses, historiques. T. XI / A. de Montaignon. – Paris: P. Daffis, 1876. – 415 p.
79. *Murger, H.* Le sabot rouge / H. Murger. – Paris: Michel Lévy frères, 1861. – 305 p.
80. *Nouveau dictionnaire encyclopédique universel illustré: répertoire des connaissances humaines*. T. I. – Paris: Librairie illustrée, 1885. – 800 p.
81. *Oliver, J.M.* Diccionario de argot / J.M. Oliver. – Madrid: Sena, 1987. – 314 p.
82. *Pasqualigo, C.* Racolta di Proverbi veneti. T. 3 / C. Pasqualigo. – Venezia, 1858. – 155 p.
83. *Persecución contra la religión cristiana y martirio que padecieron en la provincia de Fokien en la China cinco religiosos dominicos*. – Valencia, 1788. – 287 p.
84. *Pitrè, G.* Proverbi siciliani. T. 4 / G. Pitrè. – Palermo: L. Pedone Lauriel, 1880. – 413 p.
85. *Pocaterra, J. R.* Tierra del sol amada / J. R. Pocaterra. – Caracas: Monte Avila Editores, 1991. – 274 p.
86. *Reglas higiénicas para preservarse del cólera morbo mandadas publicar y circular por la Junta de Sanidad de esta provincia*. – Cáceres: Imp. de Nicolás M. Jiménez, 1854. – 13 p.

87. *Rigaud, L.* Dictionnaire de l'argot moderne / L. Rigaud. – Paris: P. Ollendorff, 1881.
88. *Rojo Vega, A.* Enfermos y sanadores en la Castilla del siglo XVI / A. Rojo Vega. – Valladolid: Univ. de Valladolid, 1993. – 163 p.
89. *Sabbathier, F.* Dictionnaire pour l'intelligence des auteurs classiques, grecs et latins, tant sacrés que profanes. T. XIII / F. Sabbathier. – Paris: Delalain, 1773.
90. *Salanova, J.* Diccionario de Dichos y Frases Hechas / J. Salanova. – Zaragoza, 2010. – 324 p.
91. *Santos, F.* Día y noche de Madrid / F. Santos. – Madrid: Comunidad de Madrid, 1992. – 243 p.
92. *Sbarbi, J.M^a.* Diccionario de refranes, adagios, proverbios, modismos, locuciones y frases proverbiales de la lengua española. T. I / J.M^a. Sbarbi. – Madrid, 1922. – 543 p.
93. *Segneri, P.* El cura instruido: obra en que se le muestra a qualquier cura nuevo la obligacion, que le incumbe, y el cuydado que ha de poner en cumplirla / P. Segneri. – Madrid: por Juan Garcia Infançon, 1695. – 596 p.
94. *Serrano, T.J.* Industria agrícola / T.J. Serrano // Gaceta de Madrid. – № 150. – 13 dec. 1826. – Madrid, Imprenta Real, 1826.
95. *Torrecilla, V.* Historia de la epidemia del cólera morbo de París en 1832, y consideraciones generales sobre esta enfermedad / V. Torrecilla. – Madrid: Ibarra, 1833. – 125 p.
96. *Valera, J.* El comendador Mendoza / J. Valera. – Alicante: Univ. de Alicante, 2003. – 136 p.
97. *Varela, F., Kubarth, H.* Diccionario fraseológico del español moderno / F. Varela, H. Kubarth. – Madrid: Gredos, 2004. – 294 p.
98. *Varro, M.T.* Saturarum Menippearum reliquia / M.T. Varro. – Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1865. – 310 p.
99. *Verciulli, F.* Prediche quaresimali dedicate all'eminetissimo e reverendissimo sig. cardinale Alderano Cibo / F. Verciulli. – Nápoles: ed. Antonio Bulifon, 1681. – 858 p.
100. *Virmaître, Ch.* Dictionnaire d'argot fin-de-siècle / Ch. Virmaître. – Paris: A. Charles, 1894. – 336 p.
101. *Welzer-Lang, D., Zaouche-Gaudron, Ch.* Masculinité: état des lieux / D. Welzer-Lang, Ch. Zaouche-Gaudron. – Toulouse: Erès, 2011. – 272 p.
102. *Wilfred Niels, A.* Absinthe / A. Wilfred Niels // Scientific American. – T. 260. – 1989. – June. – P. 86–91.
103. *Zanazzo, G.* Proverbi Romaneschi / G. Zanazzo. – Roma: Cerroni e Solaro, 1886. – 202 p.

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНАЛЬНОГО ГОРОДА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

О.Б. Горобец

Горобец Ольга Борисовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета.

Контактный адрес: olborgor@yandex.ru

Статья посвящена комплексному исследованию, которое проводит группа специалистов кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета и которое направлено на изучение особенностей процесса интеграции регионального города в мировое экономическое и социокультурное пространство. Так, например, Комсомольск-на-Амуре, как и многие другие региональные города, испытывает на себе воздействие глобализации. Приметы глобализации проявляются, в частности, в привлечении иностранных инвестиций, в реализации транснационального проекта, в постоянном проживании в городе иностранцев-участников данного проекта, в расширении международных культурных контактов и образовательных мероприятий. В статье рассматриваются вопросы о том, готовы ли службы регионального города к приему иностранцев, и о том, оказывает ли влияние присутствие иностранцев на коммуникативное поведение горожан.

Ключевые слова: глобализация, региональный город, межкультурная коммуникация, межкультурная компетенция, коммуникативное поведение, социокультурные и лингвокультурные особенности коммуникации.

В XXI в. глобализация так далеко и глубоко проникает во все сферы человеческой деятельности и на все (даже самые отдаленные!) территории различных стран, что становится социокультурной реальностью не только мегаполисов, но и региональных городов. В России, например, Дальний Восток – это регион объективно удаленный от мировых культурных и экономических центров. Однако и здесь приметы глобализации заметны даже в малых городах. Так, Комсомольск-на-Амуре, некогда имевший статус города, полностью закрытого для иностранцев, постепенно интегрируется в мировое социокультурное пространство, изменяется и приобретает типичные черты глобализации. Исследование этих изменений – интереснейшая и актуальнейшая задача для учёных различных направлений. Решение данной задачи, несомненно, требует комплексного и масштабного изучения, в рамках которого следует рассмотреть исторические, социолингвистические, социокультурные, лингвокультурные и межкультурные аспекты вхождения регионального города в глобальный мир.

В настоящей статье мы выясним, как трансформируется коммуникативное пространство регионального города (в нашем случае Комсомольска-на-Амуре) в ходе его интегрирования в современное глобальное мировое сообщество.

Начало этому интегрированию было положено в 90-е годы прошлого века, когда появились первые международные экономические и культурные проекты и город частично открылся для иностранцев. Следует отметить, что в данный период преобладали именно культурные, а не экономические контакты. Причем большую роль в развитии международных культурных контактов сыграли вузы Комсомольска-

на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет (КнАГТУ) и Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет (АмГПУ). Так, первыми иностранцами, посетившими наш город, стали китайские преподаватели и студенты, американские миссионеры-преподаватели, французские студенты-стажеры. Заметными для жизни города стали такие события, как приезд австралийских боксёров в октябре 2010 г., открытие института Конфуция при АмГПУ, а также участие немецких специалистов в модернизации ОАО «Амурметалл» и др.

Начиная с 2000-х годов, ситуация меняется в пользу развития экономических контактов. В экономику края и города активно привлекаются иностранные инвестиции и специалисты. Так, например, в настоящее время в городе Амурске французская корпорация «AIR LIQUIDE» и ООО «Полиметалл» совместно строят кислородную станцию для Гидрометаллургического завода, а в Комсомольском-на-Амуре филиале ЗАО «Гражданские самолёты Сухого» в сотрудничестве с транснациональной корпорацией «SAFRAN» осуществляется самолетостроительный проект «Суперджет-100». Данный проект по своей масштабности, долгосрочности и перспективности, несомненно, имеет первостепенное значение для экономики города, края и всей России в целом. Он влечет за собой заметное присутствие иностранцев в нашем небольшом городе и, как следствие, изменение социокультурного и коммуникативного пространства Комсомольска-на-Амуре.

Исследовательская группа кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации (ЛМК) КнАГТУ проводит комплексное изучение коммуникативной

ситуации, складывающейся при реализации транснационального проекта «Суперджет-100». В ходе этого исследования изучается готовность городских служб Комсомольска-на-Амуре к приему иностранных гостей [7], влияние пребывания иностранцев на формирование коммуникативного портрета комсомольчанина [1, 2], общие и частные особенности происходящего кросскультурного взаимодействия [3, 4, 5, 6, 9].

Так, в ходе исследования выяснились некоторые особенности социализации и аккультурации иностранцев в нашем городе. Все иностранные специалисты, посещающие наш город или постоянно в нем проживающие, оказались людьми социально активными и коммуникабельными. Несмотря на языковой барьер, они довольно быстро освоили инфраструктуру города и его окрестности, обзавелись знакомыми, друзьями и даже семьями. По данным опроса, проведенного А.В. Гуськовым, в Комсомольске-на-Амуре иностранцы занимаются спортом (бег, плавание, лыжи, сноуборд, картинг, верховая езда, тренажерный зал), посещают популярные места отдыха (Силинский парк, набережная реки Амур) и рестораны («Первач», «Аркада», «Боинг»). Отрадно отметить, что иностранцы положительно оценивают гостиницы города («Бизнес-центр», «Восход»), что, несомненно, свидетельствует об эффективных усилиях местного гостиничного бизнеса, а среди ресторанов выбирают те, в которых есть меню на английском языке и более-менее изъясняющиеся на английском языке официанты. При этом качество обслуживания в ресторанах оценивается двояко (половина опрошенных считает его хорошим, а другая половина – плохим или ужасным). Что касается магазинов города, то наши иностранные гости предпочитают магазины самообслуживания и супермаркеты («Super Good», «Форт»), обслуживание в которых, в общем, считают хорошим. Иностранцы отмечают также «плохое состояние дорог в городе, мусор на улицах, устаревший общественный транспорт, отсутствие части инфраструктуры, отсутствие современных зданий и современного аэропорта ... плохое качество интернет-соединения» [7: с. 28]. Эти данные коррелируют с результатами другого нашего исследования, в котором среди недостатков проживания в Комсомольске-на-Амуре указаны следующие факторы: «отсутствие подробной карты города, отсутствие дублирования названий улиц на латинице, низкое качество дорог, ... низкий уровень сервиса, повсеместная бумажная волокита, население, практически не владеющее английским языком как языком межкультурного общения, крайняя несамостоятельность служб и организаций города, обращающихся за решением практически всех возникающих проблем либо в Хабаровск, либо в Москву» [4: с. 471].

Таким образом, трудности адаптации и аккультурации иностранцев в Комсомольске-на-Амуре связаны с причинами разного порядка. Во-первых, это экономическая и технологическая отсталость (плохие дороги, транспорт, интернет и т.п.). Во-вторых, это проблемы управленческого характера (несамостоятельность в принятии решений, некомпетентность и неправомочность многих служб города, бюрократия). В-третьих, это межкультурные аспекты коммуникации (невладение базовым английским, отсутствие международных стандартов городской топонимики). Весь этот комплекс причин не прибавляет популярности нашему городу, а снижает его инвестиционную привлекательность. Конечно, устранение причин первого и второго порядка требует приложения усилий не только на городском, но и на самом высоком уровне (от краевого до федерального). Как справедливо заметил И.И. Докучаев, решение многих дальневосточных проблем «немыслимо без децентрализации России, перераспределения полномочий, упрощения схем логистики, финансовых потоков» [8: с. 35]. В условиях крайней географической удаленности несамостоятельность города и региона становится катастрофической, тормозит принятие жизненно важных решений, замедляет скорость производства в транснациональных компаниях. Только полномасштабная правительственная программа, учитывающая специфику и интересы региона, поможет решить дальневосточные проблемы, поднять наш край на высокий уровень развития, способствовать его интеграции в мировое экономическое и социокультурное пространство. Однако не стоит забывать, что важна также и инициативность самих жителей региона.

Вероятно, мы, дальневосточники, еще долго будем преодолевать и несовершенство нашей законодательной базы, и технологическую отсталость, и местечковое сознание временщиков, не желающих ни проявлять инициативу, ни брать на себя ответственность. Тем не менее уже сейчас действительность такова, что предъявляет вызовы, требующие незамедлительной и адекватной реакции. Причем иногда, эта реакция связана не с гигантскими капиталовложениями и не с принятием целого ряда законов, а лишь с доброй волей и инициативой заинтересованных лиц. Так, ничто не мешает городским властям и предприятиям устранять причины третьего порядка, о которых речь шла выше, а именно причины, затрудняющие собственно межкультурную коммуникацию. Обучение базовому английскому, например, – легко решаемая задача, однако, предлагаемые вузами программы не вызывают интереса не только у представителей городского сервиса и администрации, но даже у сотрудников предприятий, напрямую контактирующих с иностранцами. То же самое можно ска-

зять и о карте города, об элементарном путеводителе и о многом другом. Приходится признать, что иностранцы, в целом, оказались инициативнее своих русских коллег. Они сами готовят карты города, другую справочную информацию и изучают русский язык. Так, кафедра иностранных языков и русского как иностранного (ИЯРКИ) КнАГТУ уже два года ведет преподавание русского языка как иностранного французским слушателям-участникам проекта «Суперджет-100», а кафедра ЛМК КнАГТУ обучает русских сотрудников САФРАН'а английскому языку. Со стороны же российского руководства за все время работы над проектом «Суперджет-100» не было проявлено никакого интереса к изучению иностранных языков. На проекте работают итальянцы, французы, канадцы, американцы. Все они, работая в других странах, успешно пользовались английским как языком межнационального общения и не ожидали серьезных коммуникативных трудностей в России. Столкнувшись с ними в нашем городе, они вполне верно оценили ситуацию, не стали надеяться на то, что русские партнеры предпримут какие-либо усилия и принялись изучать русский язык, что свидетельствует о том, что иностранцы оценивают сотрудничество с русскими как долгосрочное и перспективное, придают ему значение и должное внимание, чего, к сожалению, нельзя сказать о русских.

О масштабах этого сотрудничества можно, в том числе судить и по следующим цифрам: только французов за год в городе бывает от 25 до 50 человек, постоянно же проживают в Комсомольске-на-Амуре 7 иностранцев. Для такого небольшого города, как Комсомольск – это довольно значительное количество инокультурных гостей. Кроме того, не стоит забывать, что наш город до недавнего времени был совершенно закрыт для иностранцев и ни администрация, ни жители города ранее не имели опыта широкого межкультурного контактирования. Неудивительно поэтому, что многие (в том числе и те, кому положено по должности иметь соответствующую компетенцию) оказались не готовы к такому «наплыву» иностранцев.

Вполне естественно, что реализация столь масштабного транснационального проекта, как «Суперджет-100» вызывает объективные и субъективные сложности. Для такого малого регионального города, как Комсомольск-на-Амуре участие в подобном проекте – это исключительный шанс, позволяющий подняться на новую ступень экономического и культурного развития, преодолеть глубокое провинциальное запустение и узость мышления. Однако не все властные структуры и не все горожане осознают всю важность происходящего и потому не предпринимают должных усилий по поддержке проекта, подготовке города к приему

иностранцев. Недостаточное освещение проекта получает и в местных СМИ, хотя на федеральных телеканалах не раз сообщалось о ходе строительства самолета «Суперджет-100».

Наибольшую инициативу в установлении плодотворных контактов с иностранными гостями нашего города проявляют лингвисты двух кафедр гуманитарного факультета КнАГТУ – кафедр ЛМК и ИЯРКИ. В рамках установленного сотрудничества – встречи студентов с носителями языка, проведение анкетирования и научных исследований в области межкультурной коммуникации, преподавание русского как иностранного (РКИ). Нельзя сказать, что это сотрудничество протекает совершенно без проблем (в основном в силу кратковременности пребывания иностранцев в нашем городе, а также в силу их крайней занятости и разницы в часовых поясах, заставляющей иностранцев работать и вечерами тоже), но это сотрудничество уже приносит свои плоды. Контакты с носителями языка мотивируют студентов, дают материал для научной работы, в ходе которой, в частности, были получены интересные результаты, развивающие теорию межкультурной коммуникации, пополняющие знания о коммуникативном поведении и коммуникативном сознании.

Так, определенный интерес представляет анкетирование иностранных и русских партнеров-участников транснационального проекта «Суперджет-100», проведенного О.Б. Горобец [3] и Е.С. Анисимовой [1], с целью определения особенностей межкультурной коммуникации, возникающей между участниками данного проекта, и выявления того, как коммуникативные партнеры оценивают друг друга. В анкетировании приняли участие непосредственно контактирующие с русскими французы [3], американцы и итальянцы [1]. В ходе опроса респондентам было предложено определить коммуникативные характеристики своих иностранных коллег, указать на трудности в общении, если они есть, и оценить общение в целом. В результате проведенного эксперимента выяснилось, что русские и французы обнаруживают друг в друге немало общих черт. Так, каждая из сторон приписывает своим иностранным партнерам следующие качества: весёлые, готовы болтать о пустяках, но ни о чём серьёзном, умеют держать дистанцию, избегают конфликтов, прагматичные и рациональные. При этом французы считают, что русские любопытны, всегда проявляют откровенность и открытость в общении, обладают непонятным чувством юмора, склонны к пессимизму и апатии, не показывают в общении ни широкого кругозора, ни образованности. Русские, в свою очередь, выделяют в своих французских коллегах такие качества, как отзывчивость, раскованность, самодовольство, широкий

кругозор и образованность, прекрасное чувство юмора, умение всегда мыслить позитивно [3: с. 30].

Американцы и русские также отметили друг в друге наличие общих коммуникативных характеристик. И те и другие считают, что их иностранные коллеги готовы болтать о пустяках, но ни о чём серьёзном, умеют держать дистанцию, обладают прекрасным чувством юмора, избегают конфликтов, всегда мыслят позитивно, прагматичны и рациональны. Кроме того, американцы оценивают русских как любознательных и забавных в общении, считают, что русские всегда проявляют открытость и откровенность и показывают широкий кругозор и образованность. Русские же характеризуют американцев как веселых, отзывчивых и раскованных собеседников, но при этом отмечают, что американцы индивидуалистичны и редко проявляют откровенность и открытость в общении [1: с. 41].

Между русскими и итальянцами обнаружилось только два общих качества: в глазах друг друга они любознательны и умеют держать дистанцию. При этом итальянцы считают, что русские искренние, забавные, отзывчивые, индивидуалистичные, показывают в общении широкий кругозор и образованность, прагматичны и рациональны. Русские же приписывают итальянцам следующий набор характеристик: весёлые, отзывчивые, избегают конфликтов, всегда мыслят позитивно [1: с. 42].

Как видно из вышеизложенного, нами были получены весьма разнообразные и порой противоречивые коммуникативные характеристики каждой из исследуемых групп коммуникантов. Поэтому, продолжив нашу работу, мы решили определить степень дифференцированности этих характеристик и выяснить, имеются ли основания для выделения общего коммуникативного портрета русских «глазами всех зарубежных гостей» и обладают ли русские, в свою очередь, неким общим отношением к иностранцам.

Итак, сравнив и обобщив результаты проведенного исследования [1, 3], можно заключить, что русские в глазах всех иностранных партнеров обладают следующими коммуникативными характеристиками: любознательные/любопытные, прагматичные и рациональные, умеют держать дистанцию в общении. Русские же, в свою очередь, приписывают всем своим иностранным коллегам такие качества, как весёлые, отзывчивые, всегда мыслят позитивно, избегают конфликтов, умеют держать дистанцию в общении [6]. Как мы видим, для обеих сторон контакта важным оказалось умение держать дистанцию, что, на наш взгляд, свидетельствует и о некоторой настороженности, и об ограничении сферы общения только деловыми контактами. Действительно, деловая сфера оказывается приоритетной в данном виде общения. Для участников транснациональных проектов экономические и производствен-

ные интересы являются определяющими, здесь коммуникативные партнеры оценивают друг друга через призму именно этих интересов.

Нами были также отмечены некоторые другие особенности интерперсональной межкультурной коммуникации между участниками проекта «Суперджет-100». Так, в целом отношение русских к иноязычным коммуникантам более эмоциональное и более прямолинейное. Иностранцы (в особенности французы) осторожнее в своих оценках. Русские оценивают своих партнеров соответственно степени интенсивности контакта, т. е. более полно, единодушно и критично характеризуют тех, с кем контакты (производственные и непроизводственные) ближе и теснее, а именно, французов. Среди иностранцев же парадоксальным образом именно те, кто менее всего контактируют с русскими на производстве (итальянцы), оценивают своих русских партнеров наиболее уверенно [6].

На наш взгляд, это объясняется тем, что, во-первых, сфера российского производства постоянно связана с авралами и форс-мажором и сама по себе является конфликтной; во-вторых, тем, что русские, именно в силу конфликтности производства, придерживаются двух типов коммуникативного поведения: один (агрессивный) для производства и деловых отношений, а второй (доброжелательный) – для неофициальных контактов. Причём оба эти типа поведения могут практиковаться между одними и теми же лицами и варьироваться в зависимости от сферы общения, что вызывает непонимание со стороны иностранных коммуникантов. Так, например, французы с недоумением рассказывают, как русские сотрудники после напряженного и конфликтного рабочего дня предлагают участникам конфликта «пойти посидеть где-нибудь, расслабиться», что неприемлемо для французов, не разделяющих производственных и личных отношений и обладающих высокой культурой дискуссии, не переходящей на личности.

В связи с вышеизложенным, возвращаясь к «нашим итальянцам», можно сказать, что их благожелательная оценка и уверенность в том, что они хорошо знают русских, связаны именно с тем, что, по большей части, они имеют дело со вторым (доброжелательным) типом русского коммуникативного поведения и действительно знают русских с их лучшей стороны.

Таким образом, несмотря на некоторые различия, все иностранцы выделили у русских три коммуникативных качества (любопытность/любопытность, прагматичность и рационализм, умение держать дистанцию в общении), два из которых (любопытность/любопытность и умение держать дистанцию в общении), на наш взгляд, трудно сочетаются между собой. Русские же «нарисовали»

более полный портрет своих иностранных коллег и добавили к так высоко ценимому всеми сторонами коммуникации «умению держать дистанцию в общении» следующие характеристики: весёлые, отзывчивые, всегда мыслят позитивно, избегают конфликтов. Разумеется, данное обобщение, прежде всего, релевантно для данной группы испытуемых, однако, и оно дает пищу для размышлений, уточняет некоторые авто- и гетеростереотипы.

В дальнейшем мы планируем продолжить исследование и произвести сверку полученных результатов, в ходе которой респонденты должны будут, в частности, оценить справедливость высказанных о них противоположной стороной суждений. Однако уже сейчас можно сказать, что, в целом, участники транснационального проекта «Суперджет-100» продемонстрировали верные оценки и, самое главное, обоюдный коммуникативный интерес друг к другу.

Как уже было сказано выше, все инокультурные коммуниканты, задействованные в проекте «Суперджет-100», владеют, в той или иной степени, английским языком. В этой связи представляет особый интерес и та линия исследования, которая позволила бы полнее раскрыть роль английского языка как языка-посредника, помогла бы всем, изучающим этот язык, выработать рецептивные навыки восприятия акцентной речи, определить стратегии и тактики решения коммуникативных задач в условиях общения представителей различных культур на английском языке. Необходимо осознавать, что в современном глобальном мире, где большая часть коммуникантов на английском языке не является его носителем, лингвистическая толерантность становится одним из основных условий эффективной коммуникации.

Таким образом, в глобализующемся мире возникает немало коммуникативных проблем, требующих исследования и решения. Транснациональные корпорации, являясь отличительной чертой глобализации, появляются в самых разных уголках мира и влекут за собой изменения не только в экономической, но и в социокультурной областях. Общество не может не реагировать на эти изменения, не может не приспосабливаться к новым условиям жизни. Применительно к ситуации в Комсомольске-на-Амуре, первоочередными задачами, которые следует решить на пути интегрирования города в мировое социокультурное пространство, являются, по-нашему мнению, следующие.

Задачи в области управления и администрирования

1. Создание таких административных механизмов или общественных организаций, которые могли бы способствовать социокультурной адаптации иностранцев и укреплению межкультурных контактов в целом. Например, создание «Дома дружбы» и т. п.

2. Издание карты, справочника служб здоровья и жизнеобеспечения, а также путеводителя по городу на английском языке.

3. Дублирование названий улиц центра города и вывесок основных присутственных мест на английском языке.

4. Дублирование на английском языке (не только презентационной страницы, но и страниц для совершения операций) сайтов важнейших для жизнеобеспечения организаций (банки, администрация города, служба эмиграции, почтамт и т.п.).

5. Широкое освещение проекта «Суперджет-100» в региональных СМИ.

Задачи в области повышения эффективности межкультурной коммуникации

1. Регулярное социокультурное и лингвокультурное анкетирование участников проекта «Суперджет-100» с целью выявления особенностей протекающей кросскультурной коммуникации.

2. Разработка и проведение тренингов по межкультурной коммуникации и конфликтологии для всех участников проекта.

3. Преподавание английского языка как языка межкультурной коммуникации и профессионального английского языка для русских коммуникантов.

4. Преподавание базового английского и узкоориентированных курсов английского языка для горожан, потенциально задействованных в инокультурных контактах (работники службы эмиграции, сотрудники гостиниц и ресторанов и т.п.).

5. Расширение преподавания русского языка как иностранного для иноязычных коммуникантов.

6. Более широкое привлечение носителей языка к учебному процессу в вузах и школах города.

7. Введение в вузовскую программу преподавания английского языка спецкурса, раскрывающего роль английского языка как языка-посредника, с привлечением англоязычных коммуникантов самых разных культур с целью развития языковой толерантности.

Как видно из данного, далеко неполного, списка, в нем не приведены задачи федерального масштаба, о которых шла речь выше. Мы не будем говорить ни о совершенствовании законодательства, ни об упрощении визового режима, ни о децентрализации управления, ни о других путях преодоления экономической и технологической отсталости. Мы полагаем, что решение этих вопросов является прерогативой недавно созданного Министерства РФ по развитию Дальнего Востока. Здесь же мы предложили только те меры, которые могут быть реализованы на городском уровне, совместными усилиями топменеджмента проекта «Суперджет-100», администрации города, исследовательской группы кафедры ЛМК КнАГТУ, других ученых.

Итак, исходя из вышеизложенного, можно заключить, что сегодня весь современный мир испытывает мощное воздействие глобализации. Результаты этого воздействия особенно зримо проявляются в экономически развитых регионах, в таких мегаполисах, как Нью-Йорк, Москва, Париж и др. Эти города превратились в прообразы глобальной деревни, плавильные котлы будущей цивилизации. Однако процесс глобализации распространился уже настолько широко, что оказал влияние на жизнь удалённых территорий и сообществ, на жизнь малых региональных городов.

Комсомольск-на-Амуре является именно таким региональным городом и здесь также наблюдается влияние современных геокультурных процессов на экономическое, социокультурное и коммуникативное пространство. Хотя город оказался не совсем готовым к наступающим преобразованиям, совместные усилия властей, ученых и производителей могли бы способствовать более эффективному протеканию названных интеграционных процессов, а также изучению перспектив геополитических и геокультурных изменений, происходящих в больших и малых городах Дальнего Востока и всей России в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимова, Е.С.* Особенности инокультурной оценки коммуникативного поведения (на материале анкетирования русских, американских и итальянских сотрудников Комсомольского-на-Амуре филиала ЗАО «Гражданские самолёты Сухого») / Е.С. Анисимова // Ученые записки КнАГТУ № III-2(7), 2011. – С. 39–45.
2. *Анисимова, Е.С.* Коммуникативный портрет жителя Комсомольска-на-Амуре глазами иностранцев / Е.С. Анисимова // Дальний Восток России: сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Комсомольск-на-Амуре, 19-21 сентября 2011 г.); отв. ред. И.И. Докучаев. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУ ВПО КнАГТУ, 2011. – С. 438–441.
3. *Горобец, О.Б.* Кросскультурное взаимодействие русских и французов (на материале анкетирования сотрудников филиала ЗАО «Гражданские самолёты Сухого») / О.Б. Горобец // Ученые записки КнАГТУ, № IV-2 (8), 2011. – С. 26–31.
4. *Горобец, О.Б.* Недоразумения и конфликты в межкультурной коммуникации: франко-российские контакты на современном Дальнем Востоке / О.Б. Горобец // Дальний Восток России: сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Комсомольск-на-Амуре, 19–21 сентября 2011 г.); отв. ред. И.И. Докучаев. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУ ВПО КнАГТУ, 2011. – С. 470–473.
5. *Горобец, О.Б.* Межкультурные и межличностные особенности современной франко-российской коммуникации / О.Б. Горобец // Вопросы культурологии. – № 12. – 2011. – С. 33–39.
6. *Горобец, О.Б.* Участники транснациональных проектов как коммуникативные партнеры / О.Б. Горобец // Плюрилингвизм и мультилингвизм: проблемы и перспективы развития: материалы международного научного семинара; под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Н. Белозеровой – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2012. – С. 110–119.
7. *Гуськов, А.В.* Устройство быта иностранных специалистов как фактор создания привлекательности региона (на примере Комсомольска-на-Амуре) / А.В. Гуськов // Дальний Восток России: сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Комсомольск-на-Амуре, 19–21 сентября 2011 г.); отв. ред. И.И. Докучаев. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУ ВПО КнАГТУ, 2011. – С. 26–29.
8. *Докучаев, И.И.* Культура как социально-экономический фактор. Контуры решения проблемы сохранения населения на Дальнем Востоке России / И.И. Докучаев // Дальний Восток России: сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Комсомольск-на-Амуре, 19–21 сентября 2011 г.); отв. ред. И.И. Докучаев. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУ ВПО КнАГТУ, 2011. – С. 33–36.
9. *Шушарина, Г.А.* Отражение процессов глобализации в языковом и социокультурном пространстве города Комсомольска-на-Амуре / Г.А. Шушарина // Ученые записки КнАГТУ, № II-2(10), 2012. – С. 61–65.

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НОРМЕ И ОТКЛОНЕНИЯХ ОТ НЕЕ В РАЗЛИЧНЫХ ВАРИАНТАХ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

А.С. Егорова

Егорова Анастасия Сергеевна – учитель английского языка ГОУ СОШ № 687 г. Москва, аспирант ГОУ ВПО МГПУ.

Контактный адрес: nasya_of_aragon@list.ru

В статье рассматриваются основные положения теории World Englishes, проблема языковой нормы, описываются девиации, характерные для региональных вариантов английского языка, особое внимание уделено особенностям функционирования форм Progressive в сингапурском и филиппинском вариантах английского языка.

Ключевые слова: три концентрических круга, Внутренний круг, Внешний круг, Расширяющийся круг, языковая норма, эндонорма, экзонорма, новые варианты английского языка, девиации.

Данное исследование относится к области контактной вариантологии, известной за рубежом как теория *World Englishes*, которая является относительно молодой областью социолингвистики. Точкой ее зарождения принято считать две научные конференции 1978 г.: в Иллинойском университете в Урбане и Шампейне и в Университете штата Гавайи в Гонолулу. Результат данных конференций отразился в двух научных трудах: *English for Cross-cultural Communication* (Macmillan, 1981) под редакцией Ларри Смита [11] и *The Other Tongue: English Across Cultures* (University of Illinois Press, 1982) под редакцией Брайда Качру [8]. Примечательно то, что данные труды затронули совершенно новые аспекты английского языка и дали возможность посмотреть на него с другой точки зрения – международного функционирования (international language) и в то же самое время – языка внутри определенной страны (intranational language).

Распространение английского языка по всему миру и возрастающее число его вариантов требует классификации. Брайд Качру в своих научных трудах представил все варианты английского языка в виде трех концентрических кругов [6].

1. *Внутренний круг* (Inner Circle) – представляет собой страны, где английский язык – родной язык: Великобритания, США, Новая Зеландия, Австралия, Канада. С точки зрения функциональности английский язык доминирует над всеми остальными языками, на которых говорят в вышеперечисленных странах, и используется во всех сферах жизнедеятельности.

2. *Внешний круг* (Outer Circle) – страны – бывшие колонии Британской Империи, где английский язык был трансплантирован в среду чуждых культур: Индия, Бангладеш, Нигерия и другие. Это так называемые новые варианты английского языка – *New Englishes* [10]. В данном случае английский язык выступает в роли официального языка, наряду с родным

языком данной страны. «...Вследствие того, что, являясь официальным языком, английский язык играет важную роль в языковой политике этих стран, он становится институализированным, т. е. поддерживаемым государством. Он функционирует в управлении, законодательстве, религии, торговле и коммерции и является средством обучения» [2: с. 30].

3. *Расширяющийся круг* (Expanding Circle) – страны, где английский язык обладает ограниченной функцией и выступает в роли иностранного языка, дополнительного языка. Он выполняет роль средства международного общения.

Вопрос о норме является одним из самых дискутируемых в контактной вариантологии английского языка. Несмотря на то, что одним из основополагающих тезисов теории World Englishes является утверждение о равноправии всех вариантов английского языка, равноправие касается социального статуса, а не нормы.

Брайд Качру говорит о различиях с точки зрения нормы между вариантами английского в рамках трех концентрических кругов. Варианты Внутреннего круга являются нормообеспечивающими (norm-providing), т. е. их принимают в качестве модели речи при изучении как внутри этого круга, так и при изучении иностранного языка. Во *Внутреннем круге* можно говорить о понятии эндонормы [6]: «...данный тип нормы соотносят с языком, чьи стандарты локализованы, т. е. развиваются внутри данного варианта языка» [2: с. 37]. Варианты *Расширяющегося круга* являются нормозависимыми (norm-dependent) от моделей Внутреннего круга. Для этих вариантов английского языка характерно понятие экзонормы [6]: это «...внешние нормы, развитые в одном варианте языка, но используемые в другом в качестве модели в практике преподавания и изучения языка» [2: с. 37]. Сложно дать характеристику норм Внешнего круга вследствие того, что его

варианты претендуют на существование своих собственных норм (norm-developing varieties) [6].

К странам Внешнего круга следует отнести бывшие колонии Британской Империи (Индия, Бангладеш, Нигерия и др.). Жители данных стран становятся «функциональными носителями» [7] английского языка: они приобретают интуицию в вопросах грамматической корректности и приемлемости, а также порождающую, производительную способность в рамках своих вариантов английского языка [13]. Используя английский язык свободно, не точно следуя британским и американским нормам носителей языка, образованные жители Внешнего круга претендуют на создание своих собственных норм [13].

Исходя из того, что норма закрепляется узузом, а количество людей, для которых английский язык является вторым, во много раз превышает количество людей, для которых он является родным, новая эндонорма начинает вытеснять старую экзонорму. Все региональные варианты имеют свои языковые и функциональные особенности, проявляющиеся в отклонениях (девиациях) от норм британского и американского вариантов английского языка и в инновациях. Отклонения затрагивают все уровни языковой структуры, проявляясь в виде фонетического акцента, некоторых нарушений морфологических и синтаксических норм.

Ярким примером отклонения от нормы является индийский вариант английского языка. Американский социолингвист Р. Бхатт [3] выделяет в нем особый вид разделительного вопроса – *undifferentiated question*. Например [3: с. 252]:

You are going home soon, isn't it?

You have taken my book, isn't it?

Отклонение по форме разделительного вопроса связано с культурой Индии. Р. Бхатт объясняет это следующим образом: «...данный тип разделительного вопроса в индийском варианте английского языка является языковым средством, обусловленным принципом вежливости и ненавязчивости, свидетельствует о выражении почтительного отношения и согласия» [3: с. 252].

Носители индийского варианта английского языка (Indian English) утверждают, что данный вид разделительного вопроса звучит более уважительно, почтительно; используя его, коммуникант не навязывает другим своего мнения. Сравните Standard British English /American English (SBE/AE) и Indian English (IE):

ненавязчиво / сдержанно (IE)

You said you'll do the job, isn't it?

настойчиво / усиленно (SBE/AE)

You said you'll do the job, didn't you?

[3: с. 253].

В разговорной речи носителей китайского варианта английского языка (Chinese English), принадлежащего Расширяющемуся кругу, также мож-

но увидеть расхождения с нормой. Исследования показали несоблюдение грамматической формы разделительного вопроса. Наиболее часто встречается так называемая инвариантная форма (invariant form of tag questions) – *is it/ isn't it*. Например:

That maid knows more about Hong Kong than you do, isn't it? [4: с. 1435].

Исследователи Чен и Уоррен [4] связывают это явление с влиянием родного языка говорящих – кантонского диалекта (Cantonese) – на английский язык. В нем также существует разделительный вопрос в инвариантной форме – *haih-mhah* (эквивалентно *is it/ isn't it*). Кроме того, совпадают функции употребления: в кантонском (Внешнего круга) и китайском (мандаринском) вариантах английского языка (Расширяющегося круга) это поиск поддержки со стороны слушателя. Разница между носителями Standard British English/American English и Chinese English заключается в следующем: «...наиболее частая прагматическая функция разделительного вопроса для носителей языка – поиск одобрения со стороны слушателя, в то время как у носителей – получение информации или акцентирование внимания на том, что уже было сказано» [4: с. 1436].

Одной из отличительных черт сингапурского варианта английского языка является употребление глагольной формы «would» вместо «will». Например:

It is likely that the implementation of the recommendations of the programme review effort would take place by 2012 [9: с. 238].

Данная форма включает в себе сомнения, колебание, неуверенность и конъюнктив с ирреальным значением, при сохранении оттенка вежливости.

В филиппинском варианте английского языка можно наблюдать использование времен группы Continuous для выражения обычного, повторяющегося действия: *He is going to school regularly*. Данная девиация связана с межъязыковой интерференцией, которую можно объяснить влиянием автохтонного языка. В тагальском языке существует длительный вид изъявительного наклонения, который представляет действие в процессе как в прошлом, так и в настоящем, и эта же форма имеет значение многократности и регулярности действия [1].

Другой особенностью филиппинского варианта английского языка, выявленную нами, можно назвать высокую частотность употребления форм Progressive в страдательном залоге. В течение трех месяцев методом сплошной выборки на материале текстов газеты «The Manila Times» нами было проанализировано 1920 примеров употребления форм Progressive. В ходе подсчетов было установлено, что 15 % всех примеров употреблено в страдательном залоге (288 единиц). Например:

This group of islets and atolls – said to be rich in gas and mineral reserves – is being claimed wholly or

in part by the Philippines, China, Brunei Darussalam, Malaysia, Taiwan and Vietnam [14].

Следует отметить, что около 90 % примеров демонстрируют употребление формы Present Progressive Passive, что связано с трудностью согласования времен при переводе прямой речи в косвенную:

He also said that the 1951 Mutual Defense Treaty signed by the US and Philippine government is being updated in view of the changes in the regional and global security environment [14].

Для сравнения, в сингапурском варианте английского языка в результате такого же анализа на материале текстов газеты «My Paper» было выявлено лишь 4 % примеров в страдательном залоге. Можно предположить, что высокая частотность употребления форм Progressive в страдательном залоге в филиппинском варианте английского языка обусловлена особенностями родного для филиппинцев языка – тагальского, примечательной чертой которого является способность к образованию трех видов страдательного залога: не только дополнение, но и орудие или место действия могут делаться подлежащим предложения с глаголом в страдательном залоге [1].

Использование статических глаголов в форме Progressive часто можно встретить в печатных изданиях в сингапурском варианте английского языка. Так, в газете «My Paper» было выявлено использование глагола to hope преимущественно в форме Progressive. Например:

I am hoping that my two sons will turn out like George Clooney [15].

Согласно правилам грамматики, данный тип глагола крайне редко встречается в длительной форме, или «происходит изменение значения глагола при его переходе из категории статической в динамическую» [12], например: «to have» в значении обладать и «to have a bath» в значении принимать ванну. Однако изменение значения не всегда является обязательным условием. Ярким примером может служить слоган McDonald's «I'm loving it». В таких случаях длительный аспект усиливает чувства говорящего и подчеркивает значимость происходящего события. Например:

In the meantime, club owner Dennis and his manager are hoping that an upcoming show by rock band would help clear their debt woes [15].

Данный пример демонстрирует важность предстоящего события, ведь от него зависит дальнейшая судьба владельцев заведения, карьерный рост, финансовое благополучие. Усиление значимости ожидаемого события, эмоций говорящего становится возможным благодаря использованию длительного аспекта. Тот же эффект достигнут в предложенном выше примере, где любящая мать возлагает огромные надежды на будущее своих сыновей, желая им от

всей души светлого будущего, как у всемирно известного актера Джорджа Клуни.

Анализ газеты «My Paper» выявил еще одну особенность сингапурского варианта английского языка – использование времени Past Continuous для выражения простого действия, имевшего место в прошлом. Согласно правилам грамматики, данное время выражает действие, происходящее в определенный момент в прошлом. Определенный момент может быть выражен точным указанием на время или другим действием в прошлом, происходящим одновременно с этим действием [12]. Установлено, что время Past Continuous может быть использовано для констатации факта, относящегося к прошлому. Например:

He was speaking at the official opening of the Rink, an Olympic-sized skating-rink at JCube, in Jurong East [15].

Данный пример не демонстрирует точного указания на время совершения действия в прошлом. Однако в ходе анализа похожих примеров была выявлена закономерность, позволяющая объяснить выбор именно этого времени:

1. *Mr Heng was speaking at a handover ceremony held at the Grand Copthorne Waterfront Hotel.*

2. *He was speaking to reporters at the Tampines GRC National Day Observance Ceremony held at Tampines Street 23.*

3. *Dr Khor was speaking at the opening of the two-day International Symposium on Theory and Evidence in Acupuncture, held in Nanyang Technological University* [15].

Указание на название мероприятия и место его проведения подразумевает тот самый определенный момент, имевший место в прошлом, и является основанием для выбора времени Past Continuous.

Приведенные выше примеры взяты из речи образованных слоев населения. Можно предположить, что количество и частота девиаций менее образованных жителей будут гораздо выше. Исследование девиаций различных вариантов английского языка имеет практическое значение для его преподавания. По словам Дэвида Кристала [5], преподавателям английского следует не только учить современному языку в его сегодняшней форме, но также следить за его лингвистическим будущим: судить, какие отклонения от нормы являются незначительными, а какие нет, разграничивать долгосрочные и краткосрочные девиации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крус, М. Тагальский язык / М. Крус, Л.М. Шкарбин – М.: Наука, 1966. – 101 с.
2. Прошина, З.Г. Основные положения и спорные проблемы теории вариантности английского языка: учеб. пособие / З.Г. Прошина. – Хабаровск, 2007. – 172 с.
3. Bhatt, R.M. Prescriptivism, creativity and world Eng-

lishes / R.M. Bhatt // *World Englishes*. – Vol. 14. – № 2. – 1995. – P. 247–259.

4. *Cheng, W.* She knows more about Hong Kong than you do isn't it: Tags in Hong Kong conversational English / W. Cheng, M. Warren // *Journal of Pragmatics*. 2001. – № 33. – P. 1419–1439.

5. *Crystal D.* Twenty-first century English [Keynote speech to IATEFL Annual Conference March 2001]. – http://www.davidcrystal.com/DC_articles/Internet10.pdf

6. *Kachru, B.B.* Standards, codification and sociolinguistic realism. The English language in the outer circle / B.B. Kachru // *English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures* / edited by Randolph Quirk and H.G. Widdowson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – P. 11–30. – Reprinted: *World Englishes: Critical Concepts in Linguistics* / edited by Kingsley Bolton and Braj B. Kachru. – Vol. 3. – London and New York: Routledge, 2006. – P. 241–269.

7. *Kachru, B.B.* Asian Englishes beyond the Canon / *B.B. Kachru*. – Hong Kong: Hong Kong University Press, 2005. – 358 p.

8. *Kachru, B.B.* The Other Tongue: English across cultures / ed. by B.B. Kachru. – Urbana, IL, etc.: University of Illinois press, 1982. – 416 p.

9. *Low, E.L.* English in Singapore: An Introduction / *E.L. Low, A. Brown*. – Singapore: McGraw-Hill (Education) Asia, 2005. – 256 p.

10. *Platt, J.T.* The New Englishes / *J.T. Platt, Heidi Weber, Ho Lian Mian*. – London, Boston, Melbourne & Henley: Routledge & Kegan Paul, 1984. – 225 p.

11. *Smith, L.*, ed. *English for Cross-Cultural Communication*. – London: Macmillan, 1981. – 248 p.

12. *Quirk, R.* A Comprehensive Grammar of the English Language / *R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik*. – London: Longman, 1985. – 1179 p.

13. *Yano, Y.* English as an international lingua franca: from societal to individual / *Y. Yano* // *World Englishes*. – 2009. – Vol. 28. – № 2. – P. 246–255.

14. <http://www.manilatimes.net/>

15. <http://www.mypaper.sg/>

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ НОМИНАЦИИ В ОПИСАНИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Ю.С. Максимова

Максимова Юлия Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: maximova64@mail.ru

В статье рассматриваются способы номинации при описании коммуникативного поведения средствами английского языка: первичная, вторичная, третичная вербализация, которые соотносятся с типами языковой картины мира.

Ключевые слова: языковая картина мира, первичная номинация, вторичная номинация, третичная/опосредованная номинация, коммуникативное поведение.

Исследования коммуникативного поведения представителей различных лингвокультур представляют несомненный интерес и учитывают такой параметр, как картина мира [1; 2; 6; 14; 15; 16]. Изучение коммуникативных доминант (термин Т. Лариной [6]) невозможно, по нашему мнению, вне рассмотрения категории картины мира и способов номинации.

Определённое видение мира получило название картина мира. Та картина, которая приобретает индивидом в процессе жизни и познания, может быть представлена в трёх формах, получивших названия *реальная картина мира*, *культурная картина мира*, *языковая картина мира*.

Под реальной картиной мира подразумевается окружающий человека мир, который существует как объективная данность независимо от человека. Культурная, или понятийная, картина мира является отражением реальной картины, которая формируется через преломление в индивидуальном и коллективном сознании. Этот образ мира специфичен, так как создаётся в результате физического опыта и духовной деятельности индивида в различных и отличных друг от друга географических, климатических, исторических и др. условиях.

Концептуально-информационная модель действительности в человеческом сознании отражается языком в виде языковой картины мира [11: с. 128]. Языковая картина мира имеет ту форму, которую создал национальный язык в результате преломления реальной картины через культурную. В сознании человека реальная картина мира представлена языковыми средствами, которые отличаются у разных народов в силу разности языков и разности культур. Поэтому у разных народов языковая картина разная [17: с. 21–24]. Для языкового образа характерна аспектность, фиксирование какой-либо отдельной стороны, а не объекта в целом [8: с. 305–306]. В связи с этим в разных языках один и тот же предмет действительности будет обозначен словами с различной

внутренней формой и будет вызывать разные образы у людей, говорящих на разных языках.

Представления о мире формируются у каждого индивида, говорящего на каком-либо языке. При владении только родным, или национальным, языком принято говорить о первичной языковой картине мира, которая отражена этим языком [18: с. 41]. Первичная языковая картина отражает не только «реальную, но и творчески переработанную действительность» [8: с. 308]. Можно также сказать, что первичная картина выполняет репрезентативную функцию, поскольку она отражает экстралингвистическую действительность [8: с. 308].

При изучении иностранного языка происходит процесс познания не только языка, но и культуры иноязычного общества, а вместе с ней познаётся и другой способ концептуализации действительности. Возникает вторичная картина мира, выполняющая функцию воссоздания действительности средствами другого языка, поэтому можно говорить о том, что вторичная картина мира создаётся языком [18: с. 41].

Отечественный исследователь З.Г. Прошина предлагает дополнить существующую классификацию языковых картин мира третьим типом – опосредованной языковой картиной мира. Такая картина возникает при использовании языка-посредника, в качестве которого, в частности, выступает английский язык. В этом случае взаимодействуют коммуниканты, которые не пользуются своими родными языками, а язык-посредник не является родным ни для одного из них. С помощью этого языка происходит отражение наиболее значительных черт, типичных для другой этнической культуры. Так реконструируется картина мира – через образы, отражённые иноязычной культурой [8: с. 309]. Опосредованная языком *lingua franca*, третичная картина мира позволяет получить неоднородное представление о действительности.

Использование языка с целью репрезентации той или иной формы языковой картины мира пред-

полагает, по нашему мнению, наличие средств выражения, или средств номинации. Концепция отечественного лингвиста В.В. Кабакчи, разработавшего метод опосредованного наблюдения и экстраполяции (МОНЭ) как способ изучения лингвистических аспектов межкультурного общения, рассматривает два типа вербализации, или номинации объектов/элементов культуры [4: с. 54; 5: с. 69]. МОНЭ является разновидностью сравнительно-сопоставительного метода лингвистического анализа, который позволяет выделить типичные свойства исследуемого варианта английского языка международного общения и перенести данные на другие языковые разновидности [5: с. 77]. Этот метод позволяет вскрыть закономерности иноязычного описания культуры в условиях интенсификации и экстенсификации культурно-языковых контактов, в условиях доминирования на международной арене английского языка и необходимости превратить этот язык во вторичное средство национально-этнического выражения [5: с. 81].

По мнению учёного, расширение контактов иноязычных культур предопределяет потребность в выделении ряда языков в функции межкультурного общения. Такие языки вынуждены переориентироваться на описание иноязычной, внешней, чужой культуры [5: с. 69]. В.В. Кабакчи предполагает, что любой язык способен стать средством описания не только родной, но и иноязычной культуры [5: с. 70]. Одним из языков межкультурного общения является английский, который выступает в функции *lingua franca* [5: с. 71; 8: с. 27–29], [20; 21; 22] и универсален в формах своего проявления [5: с. 77]. Под языком межкультурного общения понимается разновидность языка, возникшая в результате контакта с иноязычной культурой [4: с. 53]. Функциональный дуализм естественного языка позволяет использовать язык в приложении к иноязычной культуре и проявляется в первичной и вторичной культурной ориентации, которая связана с вектором описания культур: «своей», внутренней, и внешней [4: с. 52]. В терминологии В.В. Кабакчи, первичная вербализация культурных элементов средствами родного языка получила название идионимов; обозначение специфического элемента иноязычной культуры средствами иностранного языка, т. е. вторичная вербализация, названо ксенонимами [3: с. 21; 5: с. 74]. Изучение идионимов и ксенонимов на материале аутентичных русских и английских текстов позволило исследователю сформулировать метод опосредованного наблюдения и экстраполяции (МОНЭ) [5: с. 73].

В проведённом нами исследовании мы обратились к концепции МОНЭ для выявления и описания способов вербализации коммуникативного явления компромисса в условиях моно- и межкультурной коммуникации представителей западной англофон-

ной и восточной лингвокультур средствами английского языка [7]. В нашем исследовании мы включили в корпус практического материала для анализа тексты художественных произведений, созданных авторами Великобритании и США, англоязычными авторами-билингвами, имеющими восточно-азиатские корни, и тексты переводов произведений художественной литературы с восточно-азиатских языков на английский. Последние также представляют интерес для лингвокультурного исследования, так как благодаря переводам на английский язык вниманию заинтересованных – кросскультурных – читателей стали доступны произведения авторов-монолингвов, отражающие культуру их народов. Английский язык, по определению З.Г. Прошиной, в таком случае выполняет культурологическую функцию – функцию сообщения информации о культуре своей страны; с помощью английского языка как языка международного общения мир получает ключ к сокровищам той или иной этнической группы [8: с. 175]. Английский становится проводником многих культур мира [8: с. 29], и через него мы имеем возможность знакомиться с понятиями материальной, духовной и поведенческой культуры азиатских народов [13: с. 54].

Возможности английского языка, как и другого в роли языка международного общения, не ограничены. По данным публициста Б. Брайсона, одно из последних изданий словаря английского языка Webster выпуска 1989 г. содержит 615 000 словарных статей, 2 412 000 цитат поддержки, почти 60 миллионов слов в целом. Данная статистика позволяет автору прийти к заключению, что «ни один язык не содержит ничего даже отдаленно приближающегося к этим пределам» [19: с. 160] в способности передавать языковыми средствами явления объективной реальности. Поэтому, по нашему мнению, художественные тексты на английском языке, включая переводы, могут рассматриваться в качестве достоверного источника материала для лингвистического исследования.

Выделяемые В.В. Кабакчи средства первичной номинации – идионимы – функционируют, в рамках проведённого нами исследования, в аутентичных текстах англофонных авторов и авторов-билингвов при описании коммуникативного поведения персонажей-представителей западной англофонной лингвокультуры Великобритании и США. Это номинация, с помощью которой порождение и восприятие текста, а также передача культурных элементов, происходят без вмешательства какого-либо посредника.

Вторичная номинация, представленная ксенонимами, имеет место при описании коммуникативного поведения, в частности, в художественных произведениях, представителей восточной лингвокультуры средствами английского языка в произведениях британских и американских авторов и авторов-билинг-

вов, создающих свои художественные произведения на английском языке. Номинацию такого рода можно также соотнести с репрезентацией коммуникативного поведения персонажей-англофонов в произведениях восточно-азиатских авторов.

Согласно В.В. Кабакчи, упомянутый выше функциональный дуализм языка обеспечивает значительную универсальность словарных единиц [4: с. 57]. Это позволило нам предположить, что способы вербализации каких-либо элементов японской, китайской и корейской культур имеют свои корреляты в аутентичных и переводных текстах на английском языке, которые соотносятся со способом номинации в родном языке выделенных лингвокультур. Мы считаем, что такая номинация адекватна, так как она культурно/этнически заряжена, обладает способностью информирования читателя о том культурном элементе, который вербализуется в переводе, и также понятна для всех адресатов, владеющих языком перевода. При этом мы допускаем, что номинация такого рода не всегда способна раскрыть природу того или иного национально-специфического элемента коммуникативного поведения представителя лингвокультурного социума. Однако получатель сообщения на языке перевода, в данном случае, на английском, имеет возможность ознакомиться со способом идентификации этого культурного элемента в данной лингвокультуре.

В рамках своего исследования коммуникативного явления *компромисс* [7] мы предприняли попытку развить метод опосредованного наблюдения и экстраполяции, разработанный В.В. Кабакчи, и дополнить его в соотнесении с третичной языковой картиной мира опосредованной, или третичной, номинацией.

Как указывалось выше, третичная, или опосредованная картина формируется через язык-посредник, благодаря которому человек получает информацию о третьих странах [11: с. 128]. Подобная картина мира создаётся, в частности, у русских людей, читающих прессу на английском языке, издаваемую в неанглоязычных странах, либо у восточно-азиатских жителей, получающих информацию о России через англоязычные средства массовой информации [11: с. 128]. З.Г. Прошина вводит понятие опосредованного перевода [12: с. 134; 8: с. 242; 10: с. 198] в ситуациях, когда коммуникация происходит при посредничестве языка – *lingua franca*, который не является родным ни для одной из взаимодействующих сторон. При этом общение может происходить как при посредничестве переводчика/переводчиков, так и непосредственно между коммуникантами, владеющими английским языком на различном уровне [8: с. 242–243]. Мы предлагаем выделить, в связи с этим, третичную, или опосредованную номинацию, которая является средством вербализации культурных элементов средствами языка, который не является исконным ни для культуры, ни для целевого текста.

В своём исследовании мы обратились к текстам художественных произведений как к одному из источников материала для анализа коммуникативного явления *компромисс* в западной англофонной и восточной лингвокультурах. Как элемент культуры, коммуникативное явление компромисса может быть адекватно представлено в аутентичных текстах англоязычных авторов и в переводах на английский язык. При анализе, как указывается выше, мы выявляли и описывали средства репрезентации компромисса, представленные первичной номинацией – в аутентичных текстах на английском языке; вторичной номинацией – в текстах переводов с одного из восточно-азиатских языков на английский и в аутентичных текстах на английском языке при описании культурных элементов восточноазиатской лингвокультуры.

Описанные выше способы номинации относятся, с нашей точки зрения, как бы к внешней стороне порождения текста, при котором учитывается культурная принадлежность автора высказывания или текста и непосредственно целевая культура. Мы предлагаем расширить рамки включённых в процесс номинации элементов. Третичная номинация, как мы предполагаем, возможна при следующих обстоятельствах. Во-первых, об опосредованной номинации мы можем говорить не только относительно со способом создания текста и его переводом (как в случае с вторичной номинацией). Опосредованность номинации имеет место и в отношении получателя текста, т. е. читателя произведения на английском языке, для которого данный *lingua franca* не является родным. Таковым читателем может быть, например, русскоязычный человек, знакомящийся с культурой восточно-азиатских стран по художественным произведениям англофонных авторов. Во-вторых, третичный, или опосредованный характер могут носить культурные элементы, вербализованные каким-либо персонажем художественного произведения. В этом случае, по воле автора произведения, восприятие культурных объектов персонажем-неанглофоном опосредуется средствами английского языка, использованным в функции *lingua franca*. Автор произведения в таком случае выступает как бы в двух ипостасях – с одной стороны, он использует родной язык в повествовании как рассказчик (вторичная номинация для элементов другой культуры), с другой стороны, он имитирует восприятие чужой для него, но родной для персонажа культуры. Таким образом, по нашему мнению, происходит опосредование объектов и способов номинации чужой культуры через родной – английский – язык для самого автора произведения.

Рассмотренные нами способы номинации элементов англофонной и других культур средствами английского языка позволяют, по мнению автора, расширить восприятие англоязычного текста реци-

пиентами и полнее использовать возможности данного языка коммуникаторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Американское речевое поведение / ред. И.А. Стернин, М.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 224 с.
2. Грейдина, Н.Л. Реалии коммуникативно-культурного взаимодействия / Н.Л. Грейдина. – Пенза: ПГЛУ, 2001. – 461 с.
3. Кабакчи, В.В. Внешнекультурная коммуникация (Проблемы номинации на материале англоязычного описания советской культуры): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.В. Кабакчи. – Л.: ЛГУ, 1987. – 31 с.
4. Кабакчи, В.В. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат / В.В. Кабакчи // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. – СПб.: СПбГУЭФ, 2007. – С. 51–70.
5. Кабакчи, В.В. Метод опосредованного наблюдения и экстраполяции (опыт применения в исследовании межкультурной коммуникации) / В.В. Кабакчи, Н.Г. Юзефович // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков на рубеже веков: межвуз. сб. науч.-метод. статей. – Псков: ПГПУ им. С.М. Кирова, 2009. – С. 69–83.
6. Ларина, Т.В. Доминантные черты английского вербального коммуникативного поведения / Т.В. Ларина // Филологические науки. – М., 2007. – № 2. – С. 71–81.
7. Максимова, Ю.С. Лингвистическое выражение компромисса в культурах Запада и Востока через английский язык как язык-посредник (на материале художественных текстов): дис. ... канд. филол. наук / Ю.С. Максимова. – Владивосток, 2011. – 237 с.
8. Прошина, З.Г. Английский язык и культура народов Восточной Азии: монография / З.Г. Прошина. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 441 с.
9. Прошина, З.Г. Глокальный английский язык как средство опосредованного выражения культурной идентичности / З.Г. Прошина // Язык, культура, перевод: материалы международной очно-заочной науч.-практ. конф. 15–16 июня 2010 г. – Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. – С. 93–99.
10. Прошина, З.Г. Контактная вариантология английского языка – основа для опосредованного перевода / З.Г. Прошина // Язык. Культура. Общение: сб. науч. тр. в честь юбилея заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова С.Г. Тер-Минасовой. – М.: Гнозис, 2009. – 540 с. – С. 198–207.
11. Прошина, З.Г. Образ России в англоязычных СМИ Восточной Азии / З.Г. Прошина // Языковая репрезентация образа России в публицистическом дискурсе стран Запада и Востока: монография / отв. ред. Э.Г. Меграбова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – 248 с. – С. 128–150.
12. Прошина, З.Г. Опосредованный перевод восточных слов с английского языка на русский / З.Г. Прошина // Вестник Дальневосточной государственной академии экономики и управления. – 1998. – № 2 (6). – С. 134–136.
13. Прошина, З.Г. Перевод с английского – окно в Азию / З.Г. Прошина // Мир перевода. Журнал Союза переводчиков в России. – 2001. – № 2 (6) (июль – декабрь). – С. 53–54.
14. Стернин, И.А. Нормы коммуникативного поведения / И.А. Стернин // Нормы человеческого общения: тезисы докладов межвузовской науч. конф. – Горький: ГГПИИЯ, 1990. – 235 с. – С. 230–232.
15. Стернин, И.А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования / И.А. Стернин // Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 89 с. – С. 4–20.
16. Стернин, И.А. Очерк английского коммуникативного поведения / И.А. Стернин, Т.В. Ларина, М.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2003. – 185 с.
17. Тер-Минасова, С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации: учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 286 с.
18. Тер-Минасова, С.Г. Язык как зеркало культуры / С.Г. Тер-Минасова. – М.: МГУ, 1999. – 119 с.
19. Bryson, B. The Mother Tongue: English and How It Got That Way / B. Bryson. – London: W. Morrow, 1990. – 270 p.
20. Proshina, Z. East-Asian Words in English / Z. Proshina // Народы, языки и культуры в третьем тысячелетии: материалы междунар. конф. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – Р. 423–431.
21. Proshina, Z. Far Eastern English / Z. Proshina // Народы, языки и культуры в третьем тысячелетии: материалы междунар. конф. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – Р. 30–41.
22. Proshina, Z. Language Globalization, or International Orientalisms / Z. Proshina // Качество в преподавании английского языка: материалы междунар. конф. г. Благовещенск, 2002 г., июнь. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. – С. 22–25.

«ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА», ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И «БУКВАЛЬНЫЙ СМЫСЛ»: РОЛЬ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВОКОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Е.Ю. Мальнева

Мальнева Екатерина Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации Дальневосточного государственного гуманитарного университета.

Контактный адрес: aspire9@rambler.ru

В статье обосновывается релевантность использования традиционно-лингвистического метода исследования словарного значения – этимологического анализа – в современных лингвокогнитивных исследованиях на примере анализа внутренней формы одного из самых амбигуентных ментальных конструкторов – концепта DREAM.

Ключевые *слова*: этимологический анализ, внутренняя форма, концепт, ментальный конструктор, DREAM, сема.

В лингвокогнитивных исследованиях, осуществляемых на современном этапе, чрезвычайной значимостью обладает этимологический анализ *внутренней формы* слова-номинанта концепта, которая выступает как источник сведений о структуре исследуемого ментального конструктора. Этимологический анализ¹, традиционно-лингвистический метод исследования словарного значения, стал неотъемлемой когнитивной методикой², имеющей целью определение «"буквального смысла", или "внутренней формы", или этимологии концепта как явления культуры» [9: с. 49]³.

Этимология слов, выражающих концепт, – «...есть предыстория, дописанная история концепта» [9: с. 6], самый архаичный слой, базирующийся на звуковых ассоциациях⁴. Как известно, способность звука вызывать ассоциации с «некогда связывавшимися с ними ощущениями» В. фон Гумбольдт и называл внутренней формой [5: с. 3].

Потебня А.А., как известно, выделял в слове его внешнюю форму – звук, форму внутреннюю – этимологическое значение – и собственно значе-

ние; при этом этимологическое значение определялось им как «отношение содержания мысли к сознанию» (поскольку оно «показывает, как представляется человеку его собственная мысль», а поэтому тоже форма слова, только внутренняя) [8: с. 5]. Внутренняя форма является глубинной моделью возникновения смысла (слова и соответственно концепта) [3: с. 215].

Являясь внутренней формой слова, этимологическое значение проливает свет на особенности когниции, помогает понять процесс мыслительной деятельности человека и осознать те признаки, положенные в основу номинации имени концепта, которые на современном этапе развития общества могут не являться актуальными, либо не осознаваться вовсе.

Общеизвестно, что в лексике любого языка имеется большое количество слов, связь формы которых со значением непонятны носителям языка, «...поскольку структура слова не поддается объяснению на основе действующих в языке моделей образования слов» [10: с. 596], иными словами, внутренняя форма слова с течением времени перестает быть «прозрачной» для носителей языка, не занимающихся лингвистическими изысканиями, и соответственно перестают быть актуальными определенные концептуальные характеристики, определяющие своеобразие некоторых когнитивных структур (превращаясь в то, что Дж. Лакофф именует «историческими реликтами» – когнитивными категориями, которые не являются частью «живой» когнитивной системы) [6: с. 153]. Базируясь на данных этимологических словарей, возможно смоделировать слой этимологических признаков, отождествляемых с внутренней формой лексемы-номинанта концепта; не будучи «прозрачным» для непрофессионалов-представителей лингвокультуры, этот семантически мотивированный слой, безусловно, существует, существует опосредованно, как

¹ Не случайным представляется происхождение самого термина «этимология» – от греческого *etymologia* (*etymon* – истина и *logos* – слово, учение): «*etymon* – true sense (cf. *etymos* «true, real, actual», related to *eteos* «true») + *logia* «study of, a speaking of» [см. 14 (Online Etymology Dictionary)].

² Значение языкового знака и концепт – явления когнитивной природы, оба представляют собой результат отражения и познания действительности сознанием человека [7: с. 93].

³ «...выражение "буквальный смысл" – это научный термин, применяемый и к тем случаям, где вовсе нет никакой "буквы" или звука слова <...> пришедший от изучения языка, но применимый ко всяким явлениям культуры (например, к символике здания храма)» [9: с. 52].

⁴ Степанов Ю.С. отмечает, что концепты, когнитивные конструкторы человеческого разума, существуют по-разному в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры.

та основа, на которой возникли и держатся все остальные смысловые слои концепта [9].

Словарные и энциклопедические статьи, вне всякого сомнения, фиксируют «результаты когнитивных усилий человеческого разума» [1: с. 35]. По лексикографическим дефинициям можно судить о том, как трансформировались представления об определенных словах (и стоящих за ними ментальных сущностях) в ходе исторического развития социума.

Итак, обратимся к данным следующих этимологических словарей: «Online Etymology Dictionary» [OED], использующего данные таких словарей, как Klein's «A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language» (1971), «Barnhart Dictionary of Etymology» (1988), Weekley's «An Etymological Dictionary of Modern English» (1967), «A Concise Anglo-Saxon Dictionary» (1984), «A Sanskrit-English Dictionary, Etymologically and Philologically Arranged» (1899) и других достоверных источников; были также использованы «Oxford Dictionary of English Etymology» [ODEE] (1996), «The Century Dictionary: An Encyclopedic Lexicon of the English Language» [CDELEL] (1899), «Webster's Revised and Enlarged American Dictionary of the English Language» [WRADEL] (1847). Для того чтобы проанализировать внутреннюю форму концепта DREAM, интересного с исследовательской точки зрения еще и тем, что именем данного ментального конструкта является лексема DREAM, а последняя представляет собой определенный камень преткновения (в этимологическом плане), поскольку отсутствует прямая связь, зависимость между современной словарной формой слова, выступающего именем концепта DREAM, его диахроническим значением и значением спектра его синонимов, формирующих исследуемый парадигматический ряд.

Первый из указанных словарей («Online Etymology Dictionary») предоставляет следующую словарную статью, описывающую происхождение имени DREAM:

«c.1250 in the sense 'sequence of sensations passing through a sleeping person's mind', probably related to ON. draumr, Dan. drøm, Swed. drom, OS. drom, Du. droom, OHG. troum, Ger. traum "dream," perhaps from WGmc. *draugmas 'deception, illusion, phantasm' (cf. OS. bidriogan, OHG. triogan, Ger. trügen "to deceive, delude," O.N. draugr 'ghost, apparition'). Possible cognates outside Gmc. are Skt. druḥ- 'seek to harm, injure', Avestan druz- 'lie, deceive'. But OE. dream meant only 'joy, mirth', also 'music'. Words for 'sleeping vision' in OE. were mæting and swefn (from PIE *swep-no-, cf. Gk. hypnos). Much study has failed to prove that OE. dream 'noisy merriment' is the root of the modern word for 'sleeping vision' despite being identical in spelling. Either the meaning of the word changed dramatically or 'vision' was an unrecorded secondary OE. meaning

of dream, or there are two separate words here. "It seems as if the presence of dream 'joy, mirth, music,' had caused *dream* 'dream' to be avoided, at least in literature, and swefn, lit. 'sleep,' to be substituted". Dreamland is c. 1834» [14].

«Oxford Dictionary of English Etymology» содержит следующую словарную статью, описывающую происхождение и развитие лексемы DREAM в английском языке:

«*Drīm* – Vision during sleep. XIII (Genesis and Exodus); ME. drēm identical in form with the ME. representation of OE. drēam – joy, jubilation, music, minstrelsy (= OS. drōm – mirth, noise) but corresponds in sense to OFris. drām, OS. drōm, OGH. troum (G. traum), ON. draumr. On the assumption that there has been accommodation of ON. draumr to English phonetic conditions, attempts have been made to relate the two meanings to the same original base; on the other hand, the words meaning 'joy' have been connected with Gr. thrūlos noise, shouting, those meaning 'dream' with G. trügen deceive, ON. draugr apparition, through *draugm-. Hence, dream vb. The native OE. words are: swefn, mæting sbs., swefnian, mætan vbs.» [15: с. 289].

Суммируя вышеизложенное в приведенных словарных статьях, отметим, что зафиксированное словарное значение DREAM – «...цепь, последовательность ощущений, испытываемых человеком во время состояния сна» – датируется 1250 г.; слово имеет значительные родственные связи за пределами английского языка: в скандинавском, датском, шведском, древневерхненемецком. Предположительные однокоренные слова за пределами собственно германской группы можно обнаружить также в санскрите и авестийском. Что представляется существенным, однако, – это отсутствие четко установленного предтечи современного DREAM в древнеанглийском, поскольку в последнем DREAM означало лишь «радость и веселье», также «музыка»; значение же «сновидение» было реализовано посредством лексем *mæting* и *swefn*, последняя из которых произошла от индоевропейской основы и затем соответственно греческого *Hypnos*, также означающего «Сновидение». Исследователи не могут однозначно верифицировать происхождение интересующего нас словарного значения. Тем не менее, что релевантно – это та внутренняя форма, идущая от скандинавской и древней саксонской основы, которая предопределяет возникновение современных синонимов DREAM, таких как *Nightmare*, *Chimera*, *Succubus* и возможную актуализацию в художественных контекстах этих сформировавшихся на раннем историческом этапе не всегда очевидных значений, а именно: *Illusion*, *Phantasm*, *Ghost*, *Apparition*, *Deception*, то есть Иллюзия, Фантазм, Призрак, Привидение и Обман. В состав всех вышепредставленных лексем входят семы, обладающие пейоративным значением. Подобное положение

дает возможность констатировать, что существует сложная ассоциативная цепь, позволяющая проследить происхождение феномена DREAM от видений, насылаемых богом сновидений Гипносом, почитаемым в Древней Греции, и сложных персонификаций сублиминальных страхов, исходящих из глубин человеческого подсознания. Представляется маловероятным, что «сновидение» могло быть одним из незафиксированных словарных значений древнеанглийской лексемы DREAM с его основным значением *noisy merriment* – «шумное веселье».

В свою очередь, «Webster's Revised and Enlarged American Dictionary of the English Language» (1847) содержит этимологическое приложение, которое позволяет проанализировать те представления о происхождении DREAM, которые были характерны, в частности, для американского социума середины девятнадцатого столетия:

«D. *droom*, G. *traum*, Sw. *drö*, Dan. *dröm*, in Russ. *dremlyu* is to sleep. But I take the primary sense to be 'to rove' and the word to be allied to Gr. *δρομη*, a running which seems to be from the root of roam, ramble. If not, it may signify to form images and be allied to frame» [16: с. 367].

Невзирая на неточности, наличествующие в данной статье, например, в передаче транскрибированной формы русского глагола *дремать* (что несущественно), весьма ценной представляется особая интерпретация DREAM, не представленная в иных этимологических источниках, а именно то, что DREAM изначально являет собой *процесс*: глаголы «скитаться, странствовать, блуждать» указывают на бесцельное времяпрепровождение; также отмечается, что целью DREAM является формирование образов, оформление их в виде какого-то конструкта, ментального/когнитивного построения (*frame*).

Приведем еще одну словарную статью, содержащую сведения относительно происхождения лексемы DREAM, оттенков значения, приписываемых DREAM на различных этапах становления современной формы данной лексемы. Слово DREAM в следующем энциклопедическом словаре («Century Dictionary: An Encyclopedic Lexicon of the English Language», 1899, Vol. II) представлено в двух вариантах:

Dream1, n.: «< ME. *dreme*, *dreem*, *drem*, *dream*, a *dream*, < AS. **dream* (not found in this sense) = OS. *dröm* = OFries. *drām* = D. *droom* = MLG. *dröm*, LG. *droom* = OHG. *troum*, G. *traum* = Icel. *draumr* = Sw. *dröm* = Dan. *dröm*, a *dream*; perhaps, literally a deceptive vision, orig.* *draugmo-*, <Teut. √**drug*, seen in OHG. *triogan*, MHG. *triegen*, G. *triegen*, now *trügen* = OS. *bi-driogan*, deceive, delude (cf. OS. *drugī*, *deceptive*, OHG., MHG. *ge-troc* = OS. *gi-drog*, phantom, apparition = Icel. *draugr*, a ghost, spirit = Skt. √*druh* (for *dihruh*?) hurt by deceit, will, magic, cf. O.Pers.

drauga, a lie. Though generally identified with *dream2* – AS. *dream*, joy, a joyful sound, there is really nothing to connect the two words except the likeness of form» [11: с. 1765].

Dream2, n.: «ME. *drem*, *dreem*, *dreme*, earlier *dream* (rare except in earliest ME.), a sound, especially a joyful sound, jubilation < AS. *dream*, a sound, song, harmony, joy (very common) = OS. *dröm*, joy; hence, the verb AS. *drīman*, *drēman*, rejoice, make jubilee, sing = OS. *drōmian*, rejoice. Probably not connected with *Dream1*; q.v. but perhaps allied to Gr. *θρύλος*, a noise as of many voices, a shouting, murmuring; perhaps, also allied to *drone* q.v., a noise, especially a joyful noise; jubilation, music» [ibid – выделено нами].

В данном источнике намеренно акцентируется двойственная этимологическая природа DREAM – в первом случае интерпретируемая как происходящая от скандинавского и древнесаксонского корня *draugmo-*, буквально означающего «обман, заблуждение», «фантом, призрак»; еще более древней в диахроническом срезе является санскритская основа *druh-*, дословно означающая «причинять вред посредством обмана и колдовства», а также древнеперсидский корень *drauga* – ложь. Очевидно наличие негативного компонента значения, который неминуемо оказывает воздействие на смысловые кванты, формирующие внутреннюю форму DREAM. Вторым – предположительно независимым от первого – значением DREAM является восходящее от греческого *θρύλος*, «a noise as of many voices» – звук, шум, песня, музыка. В результате становится очевидным, что внутреннюю форму DREAM формирует не только этимологический признак «визуальный образ» (иллюзорный, призрачный, обманчивый), но и что-то непосредственно связанное с иным органом чувств – слухом: *noise*, *sound*, *music*; эта трактовка позволяет апеллировать к таким свойствам сновидений, галлюцинаций, грез, как их аудиальные и визуальные характеристики, имитирующие объективную реальность⁵.

Представляется также целесообразным привести толкования лексемы *Sleep*, которая обозначает то состояние, в котором DREAM становится возможным: «*Dream*, *nightmare* and *vision* refer to the kinds of mental images that form during sleep. *Dream* is the general term for any such succession of images» [<http://dictionary.reference.com/browse/dream> – выделено нами].

Соответственно, Sleep, n.:

«*Sleep* An unconscious state in which the physical powers are suspended. OE. *slēp*, *slāp*, OFris. *slēp*, OS. *slāp* (Du. *Slaap*), OHG. *slāf* (G *schlaf*), Goth *slēps-*»

⁵ В подтверждение данному выводу приведем сведения из современного источника: «Although the *visual aspect of dreams* is usually most vivid, in some cases *dreams are primarily auditory*» [13: с. 217].

CGerm. (exc. ON.; cf. sweven) *slæpaz*, relating to corresponding verb *slæpan*, whence OE. *slæpan*, OS. *slāpan*, etc., and by gradation, to **slap-*, whence LG., Du. *slap inert*, *sluggish*, G. *schlaff slack, lax*; ultimate connexions are doubtful» [15: с. 834].

В данной дефиниции налицо указание на то, что во время сна (бессознательного состояния) приостанавливается физическая активность, однако, психическая деятельность не замирает, лишь переходит в качественно иное состояние по сравнению с состоянием бодрствования. Этимологически же соотнесение состояния сна с состоянием безответственным, беспечным (*lax*) и расслабленным (*slack*) может отчасти объяснить существовавшие в XIX столетии воззрения на природу DREAM («a dreamer is a more, a sluggard» [16: с. 367]), природу сновидений, *видений во сне*, и по аналогии – всех других классов видений.

В ряде других этимологических справочников Sleep персонифицируется как латинское *Somnus*⁶, равно как и греческое *Hypnos*, что, вероятно, добавляет к имплицитным признакам, формирующим внутреннюю форму DREAM, некоторые свидетельствующие о божественной природе сновидений, посылаемых богом сновидений Гипносом⁷:

Sleep, n.: «OE. *slæp* from the root of sleep (v.) (cf. cognate OS. *slap*, OFris. *slep*, MDu. *slæp*, Du. *slaap*, OHG. *slaf*, Ger. *schlaf*, Goth. *sleps*). Personified as L. *Somnus*, Gk. *Hypnos* (see somnolence). Fig. use for ‘repose of death’ was in OE. Sleep-walker ‘*somnambulist*’ is attested from 1747» [14].

Sleep, v.: «OE. *slæpan* to sleep (class VII strong verb; past tense *slep*, pp. *slæpen*), from WGmc. **slæpanan* (cf. OS. *slapan*, OFris. *slepa*, MDu. *slapen*, Du. *slapen*, OHG. *slafen*, Ger. *schlafen*, Goth. *slepan* to sleep), from PIE base **sleb-* ‘to be weak, sleep’ (cf. OCS. *slabu*, Lith. *silpnas* ‘weak’), which is perhaps connected to the root of *slack* (adj.). Sleepless is from 1412; sleepy first attested c. 1225» [ibid – выделено нами].

Очевидно, что этимологические изыскания в области семантической структуры слова DREAM представляются не до конца законченными и объективными, что оставляет поле для дальнейших исследова-

ований. Однако отметим некоторые существенные моменты – наличие некоторых явно выраженных компонентов значения: в первую очередь, осознание Sleep как «repose of death», которое можно без преувеличения назвать архетипическим, и компонентов *инертный*, т. е. *бездействующий*, равно как и *медлительный, вялый*. Подобное понимание феномена Sleep проецируется на родственный феномен DREAM, обогащая последний вышеупомянутыми атрибутами; данное явление свидетельствует о невозможности изолированного изучения лексемы DREAM без учета парадигматических связей последней; при этом существенно, что тематическое поле, куда входит DREAM, чрезвычайно обширно.

Представляется целесообразным проследить происхождение также иных парадигматически связанных с лексемой DREAM номинаций, в первую очередь, *Vision*, поскольку последняя лексема представляет собой один из самых очевидных синонимов лексемы DREAM, посредством которой описывается последняя (будучи включенной в цепь циклических интерпретаций). «Oxford Dictionary of English Etymology» содержит следующую статью, приводящую сведения об имени *Vision*:

«Something that appears to be seen otherwise than by an ordinary sight XIII; seeing something not present to the eye XIV; bodily sight XV. – OFr. *vision* – L. *visiō(n)* – sight, thing seen, f. *vīs-*, pp. stem of *vidēre* see; hence, visionary, adj. XVII» [15: с. 983].

«c.1290 ‘something seen in the *imagination* or in the *supernatural*’ from Anglo-Fr. *visioun*, OFr. *vision*, from L. *visionen* (nom. *visio*) ‘act of seeing, sight, thing seen’, from pp. stem of *videre* ‘to see’ from PIE base **weid-* ‘to know, to see’ (cf. Skt. *veda* ‘I know’, Avestan *vaeda* ‘I know’, Gk. *oida*, Doric *woida* ‘I know’, *idein* ‘to see’, OIr. *fis* ‘vision’, *find* ‘white’, i.e. ‘clearly seen’, *fiuss* ‘knowledge’, Welsh *gwyn*, Gaulish *vindos*, Breton *gwenn* ‘white’, Goth., OSwed., OE. *witan* ‘to know’, Goth. *weitan* ‘to see’, Eng. *wise*, Ger. *wissen* ‘to know’, Lith. *vysti* ‘to see’, Bulg. *vidya* ‘I see’, Pol. *widzieć* ‘to see’, *wiedzieć* ‘to know’, Rus. *videt* ‘to see’, *vest* ‘news’, ORuss. *vedat* ‘to know’). The meaning ‘sense of sight’ is first recorded c. 1491» [14].

Vision наглядно демонстрирует наличие важного семантического компонента, присущего также и DREAM: семы «умозрительное», т. е. *видимое лишь внутреннему взору* (будь то в грезе, фантазии, галлюцинации – там, где по законам объективной реальности ничего нет, – или во сне, ночном кошмаре, бреду, где объектом наблюдения являются порождения нашей собственной души, нашего подсознания – призраки, фантомы), которая является прямой актуализацией внутренней формы *Vision* – «something seen in the *imagination* or in the *supernatural*». Именно эту сему можно назвать архисемой, т. е. родовой семой, которая входит в семный

⁶ **Somnambulism, n.:** «walking in one’s sleep. XIII. F.L. *somnus* sleep + *ambulāre* + *ism*. So *somnambulist*, *somnambulation* XVIII. **Somnolence** ‘inclination to sleep’. XIV» [15: с. 845].

⁷ **Hypnotic, a.:** «1625 ‘inducing sleep’; originally used of drugs. From Fr. *hypnotique* ‘inclined to sleep, soporific’, from L.L. *hypnoticus*, from Gr. *hypnōtikós* ‘inclined to sleep, putting to sleep, sleepy’, ‘narcotic’, from *hypnos* ‘sleep’. Short for neurohypnotic. Hence, *hypnotism* – production of a state resembling deep sleep in which the subjects acts only on external suggestion. Coined in 1842 by Dr. James Braid for ‘state of nervous sleep’. Modern sense of ‘induced trance’ first recorded in English in 1843, along with *hypnotist*, *hypnotize*. **Hypnosis** (1876) ‘inducement of sleep’ coined as an alternative to *hypnotism* from Gr. *hypnos* ‘sleep’ + *osis* ‘condition’» [14; 15: с. 456].

состав лексических манифестаций концепта DREAM: *Vision, Nightmare, Illusion, Reverie, Image, Fancy, Phantasm*, etc.⁸. К числу данных номинаций следует добавить также нижеследующие, аналогично содержащие сему «умозрительное, визуальный образ», через посредство которых осуществляется интерпретация выше представленных лексем:

Apparition, n.: «Action of appearing XV; something appearing XV; phantom, ghost XVII. – (O)F. apparition or L. *appāritiō(n)* attendance, service, f. *appārēre* spec. appear at summons, attend» [15: с. 44].

Spectre, n.: «Apparition, phantom. XVII. – F. *spectre* or L. *spectrum*» [ibid: 851].

Сема «умозрительное» содержится и в лексеме/семеме Chimera/Chimæra, которая, в отличие от *Vision*, которое амбивалентно, обладает достаточно ярко выраженным пейоративным значением:

«Lat. *chimæra*, a monstrous beast with the head of a lion and the body of a goat, and the tail of a dragon vomiting flames; supposed to represent a volcanic mountain in Lycia, whose top was the resort of lions, the middle that of goats, and the foot that of serpents. 1382, from L. *chimaera*, from Gk. *chimaira*, a fabulous monster, supposedly personification of snow or winter, orig. 'year-old she-goat', from *cheima* 'winter season'. Meaning 'wild fantasy' first recorded 1587. "Beestis clepid chymeres, that han a part of ech beest, and suche ben not, no but oonly in opynyoun" (Wyclif, "Prologue")» [14]. «Horrible phantasm; wild fancy. XIV. – Gr. *khi-maira* she-goat, monster, f. *khimarus* he-goat. So chimerical. XVII; after F. *chimérique*» [15: с. 169].

Персонификация химеры как чудовища с головой льва и телом козы, представителя бестиария древнегреческой мифологии, дает весьма яркое представление о природе *Chimera*, разновидности DREAM; к этому же классу негативных разновидностей DREAM следует отнести Nightmare, лексеме, внутренняя форма которой, как известно, также отсылает нас к древнему мифическому монстру – *Night + Mara* – Ночная кобыла, ночной демон, предвещающий несчастье и зачастую гибель тому, кто повстречается ей на пути:

«Night and Sax. *Mara*, incubus⁹; *Mara* may be from the root of *merran*, to stop, to hinder; or it may be the Rabbinic, an evil spirit or demon» [16: с. 752].

«с.1290, 'an evil female spirit afflicting sleepers

with a feeling of suffocation' compounded from *night + mare* 'goblin that causes nightmares, incubus', from OE. *mare* 'incubus', from *mera*, *mære*, from PGmc. **maron* 'goblin', from PIE **mora-* 'incubus', from base **mer-* 'to rub away, harm, seize' (cf. first element in OIr. *Morrigan* 'demoness of the corpses' lit. 'queen of the nightmare', also Bulg., Serb., Pol. *mora* 'incubus'; Fr. *cauchemar*, f. *caucher* tread upon, with first element is from OFr. *caucher* 'to trample'). Meaning shifted mid-16 c. from the incubus to the suffocating sensation it causes. Sense of 'any bad dream' first recorded 1829; that of 'a very distressing experience' is from 1831» [14].

К списку персонификаций негативных состояний, связываемых с DREAM, следует добавить неординарную номинацию Succubus, буквально означающую демона в женском облике, являющегося в ночных кошмарах:

«1387, alteration (after *incubus*) of L.L. *succuba* 'strumpet' applied to a fiend in female form having intercourse with men in their sleep, from *succubare* 'to lie under', from sub- «under» + *cubare* 'to lie down'» [14].

Более того, можно отметить, что круг лексем, соотносимых с внутренней формой DREAM, расширяется за счет включения в него также существительных, номинирующих психические состояния, пограничных с безумием или потерей собственно сознания¹⁰:

«Dreaming has many curious resemblances to the mental states of the insane. In the illusory intensity of its internal images, in the rapidity of its flux of ideas, and in the wildness and incoherence of its combinations, the dream stands very close to the whole class of hallucinations and illusions of waking life. In truth, a systematic psychological treatment of dreams must connect them with other forms of illusions. Maury seems disposed to regard dreaming as the incipient stage of a pathological mental condition, of which somnambulism, insanity, etc., are more fully developed forms» (James Sully) [12: с. 452–453].

Рассмотрим этимологию существительного Hallucination:

«Illusory notion. XVII. – L. *hallūcinātiō(n)*, late form of *ālūcinātiō*, f. *ālūcināri* wander in thought or speech – Gr. *alūssein* be distraught or ill at ease» [15: с. 424].

⁸ Тому подтверждением служат и этимологические описания существительных *Phantasm*, *Phantom* и *Phantasmagoria*. См., например, Phantasm, n.: «с.1225, *fantasme*, from OFr. *fantasme*, from L. *phantasma* 'an apparition, a specter', from Gk. *phantasma* 'image, phantom', from *phantazein* 'to make visible, display', from stem of *phainein* 'to show', from PIE base **bha-* 'to shine' (cf. Skt. *bhati* 'shines, glitters', OIr. *ban* 'white, light, ray of light'). Spelling conformed to L. from 16 c.» [14].

⁹ Incubus, n.: «demon descending upon persons in their sleep XIV; nightmare XVI; oppressive person or thing XVII. – late L. *incubus*, earlier *incubo*, f. *incubāre*» [15: с. 469].

¹⁰ Лексические единицы, обозначающие различные психические расстройства – *delirium*, *raving*, *somnambulism*, etc., – также содержат сему «умозрительное», поскольку бредовые состояния, навязчивые идеи, сомнамбулизм также сопровождаются порождением различного рода визуальных образов: химер, фантазмагорий, иллюзорных объектов; даже столь пограничные – маргинальные – психические состояния, как обморок (*swoon*, *syncope*) и летаргия (*lethargy*) не предполагают полного отсутствия сознания. Зачастую пребывание в подобного рода состояниях сопровождается у ряда людей определенными визуальными образами, естественно, не поддающимися однозначной классификации.

Hallucination, лексема, определяемая как «иллюзорное представление», берет свое начало от латинской формы «блуждать в мыслях или в речи», равно как и греческой «быть расстроенным, вне себя». Подобные компоненты значения наличествуют также в следующих манифестациях DREAM:

Rave, v.: «с.1374, 'to show signs of madness or delirium', from OFr. raver, variant of resver 'to dream, wander, rave' of unknown origin (see reverie). The identical (in form) verb meaning 'to wander, stray, rove' first appeared c.1300 in Scottish and Northern dialect, and is probably from an unrelated Scand. word (cf. Icelandic rafa). Sense of 'talk enthusiastically about' first recorded 1704» [14]. «Rave – be mad, hence, talk wildly XIV. Probably related to ONF. raver, obscurely to LG. reven be senseless, rave, Du. ravelen, ravotten» [15: с. 741].

Delirium, n.: «From deliro, 'to wander in mind, to rave'; de and liro, to make balks in plowing, that is, to err, to wander» [17, с. 315]. «Delirium – disorder of the mental faculties. XVI. – L. dēlīrium, f. dēlīrāre deviate from the straight line, be deranged. Hence, delirious. XVIII» [15: с. 253].

От последних двух лексем берет свое происхождение и Reverie, существительное, заимствованное из французского языка, которое имеет два смысловых источника – «безумие, бред» и «мечта как блуждание мыслей»:

Reverie, n.: «с. 1366 'wild conduct, frolic' from O.Fr. rêverie 'revelry, raving, delirium'; from rêver 'to dream, wander, rave' of uncertain origin. Meaning 'daydream' is first attested in 1657» [14]. «Reverie – wild delight, violent or riotous action XIV; fanciful idea; abstracted musing XVII. In ME. – OF. reverie rejoicing, revelry, wildness, rage, f. rever revel, act or speak wildly (mod. rêver talk in delirium, dream), of unknown origin» [15: с. 763].

Близким Reverie по значению оказывается Vagary, существительное, имеющее в латыни схожий смысловой компонент – сему «блуждание»:

Vagary, n.: «Roaming, ramble; wandering in speech; frolic, prank XVI; capricious or eccentric act XVII; fantastic notion XVIII. – L. vagāri wander» [15: с. 967].

Проанализируем также словарные статьи, которые содержат информацию о лексемах Delusion и Illusion, также входящих в исследуемое концептуальное пространство DREAM:

Delusion, n.: «Act of misleading someone c.1420; as a form of mental derangement, 1552, from 'delude' cheat into a false opinion. XV. – L. dēlūdere play false, mock, f. de + lūdere play, f. lūdus play, game. So delusive. XVII. Delusory. XV» [15: с. 254].

Illusion, n.: «Deception XIV; deceptive appearance, etc. XIV; perception of an external object involving a false belief XVIII. – (O)F. illusion – L. illūsiō(n)-

f. illūdere mock, jest at, f. il + lūdere play, sport. So illusory. XVI» [15: с. 462].

Обе лексемы содержат в своей структуре семантический маркер «игра» в сочетании с иными: «заблуждение», «обман» и «умственное, психическое расстройство» соответственно. Как можно наблюдать, Delusion, в отличие от Illusion, которое представляет собой обманчивый нереальный образ, есть *процесс, акт* введения в заблуждение, равно как и сама *форма* психического расстройства.

Итак, подведем итоги. Проведенный анализ этимологических статей, содержащих сведения о происхождении и диахронических трансформациях лексемы DREAM и ее синонимов, позволяет отметить следующее:

1) установленная в результате этимологического анализа семантическая структура лексемы DREAM есть следствие постепенного «наслоения» ряда словарных значений в составе вышеупомянутой лексемы: # 1 apparition, ghost, illusion, phantasm («обманчивый призрачный визуальный образ»), которое является наследием древнесаксонского и скандинавского языкового влияния, и # 2 joy, jubilation, music («радость, веселье, музыка»), которое представляет собой собственно древнеанглийское значение. Также семантику DREAM «отягощают» многочисленные смысловые нюансы, исходящие из древних корней индоевропейских языков: to harm, to injure, to lie, to hurt by will or magic, to delude, – что обогащает в результате трактовку данного слова¹¹, и соответственно содержание соотносимого с ним концепта DREAM (поскольку по набору сем, которые выявляются в лексикографических толкованиях слова, можно изучать его когнитивные параметры);

2) первый из эксплицированных этимологических признаков – «обманчивый призрачный визуальный образ» – обуславливает специфику внутренней формы лексемы DREAM, являя собой архисему (т. е. общую сему родового значения). Ту же сему имеют в своем составе синонимы лексемы DREAM: *Illusion, Delusion, Phantasm, Phantom, Phantasmagoria, Ghost, Specter, Apparition, Deceptive Vision, Succubus, Incubus, Evil Spirit, Demon, Monster, Somnus, Hypnos, Nightmare, Chimera, Vagary, Reverie, Delirium, Raving, Somnambulism, Hallucination, Fanciful Idea, Fantastic Notion, Mental Image, Mental Derangement*. Однако эта сема представлена в некоторых из них потенциально (т. е. она может актуализироваться в определенных условиях и отражать потенциальные

¹¹ При этимологическом анализе необходимо «рассматривать в качестве внутренней формы не все прямое (или главное) значение слова, которое состоит из комплекса семантических компонентов, а отдельные компоненты этого комплекса» [2: с. 243].

свойства предметов и явлений): *Succubus, Incubus, Evil Spirit, Monster, Demon*; в других – как дифференциальная сема (т. е. сема видового значения, отражающая свойства явлений, выделяемые на основании различий и сходств последних): *Raving, Delirium, Somnambulism, Mental Derangement, Hallucination, Delusion, Vagary, Reverie*; при этом, наряду с семой «обманчивый призрачный визуальный образ», в семном составе данных номинаций содержится иной значимый семантический маркер – «блуждание», «скитание», граничащее с «блужданием ума», что характерно для различного рода лихорадочных бредовых состояний. В остальных лексемах данная сема представлена как собственно архисема: *Ghost, Specter, Apparition, Illusion, Phantasm, Phantom, Phantasmagoria, Vision*. Некоторое количество лексем содержит также отсылку к мифологическим существам – злым демонам, персонификациям подсознательных страхов человека (*Succubus, Incubus, Nightmare, Chimera, Demon, Monster, Evil Spirit*) и божествам (*Somnus, Hypnos*);

3) этимологический признак # 2 – «радость, веселье, песня» – напрямую не соотносится с современным пониманием лексемы DREAM; данные исторические словарные значения существуют в качестве изолированной основы, не повлиявшей на формирование современного (характерного для периода Нового времени) представления о специфике концепта DREAM как особого состояния сознания.

Все вышепредставленные смысловые компоненты, формирующие самый архаичный семантический пласт лексемы DREAM – его внутреннюю форму, – чрезвычайно важны для осознания природы сложного антропологического психофизиологического феномена, именем которого является DREAM: «Этимология достигает высшей ступени, когда она становится наукой не только о словах, но и о стоящих за ними реалиях» (Г. Шухардт, 1899) [4: с. 14]. Соответственно, то обширное лексико-семантическое поле, в которое входят различные лексические средства манифестации ментального конструкта DREAM (что есть следствие кросskonцептных/интерконцептуальных отношений феноменов *Сновидения* и *Грезы* с другими родственными психофизиологическими состояниями человека, такими как *сомнамбулизм*, *ночные кошмары*, *бредовые состояния* и т. п.), является наследием сложных лингвистических контактов различных языков и культур, осуществляемых в течение длительного времени на индоевропейском культурном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.
2. Варина, В.Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц [Текст] / В.Г. Варина // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 233–244.
3. Зинченко, В.Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме: учеб. пособие [Текст] / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. – М.: Флинта-Наука, 2007. – 224 с.
4. Колианский, Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте [Текст] / Г.В. Колианский // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 5–31.
5. Кончакова, С.В. Динамика концепта «Джентльмен» в английском национальном сознании [Текст] / С.В. Кончакова // Вестник МГУ. – 2006. – № 3. – С. 172–182. (Сер. 19. «Лингвистика и МКК»)
6. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении: пер. с англ. И.Б. Шатуновского [Текст] / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
7. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. – 134 с.
8. Потебня, А.А. Теоретическая поэтика: учеб. пособ. для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений [Текст] / А.А. Потебня; сост., вступ. ст. и коммент. А.Б. Муратова. 2-е изд., испр. – СПб.: Филол. фак-т СПбГУ; М.: Академия, 2003. – 373 с.
9. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
10. Языкознание. Большой энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
11. Century Dictionary, Cyclopaedia and Atlas: An Encyclopedic Lexicon of the English Language [Text] / prep. under the superintendence of W.D. Whitney. In 8 vol. Vol. V. – New York: The Times London Century Co., 1899. – 7046 p.
12. Encyclopaedia Britannica, The: A Dictionary of Arts, Sciences, and General Literature [Text] / 9th ed. Vol. VII. – Edinburgh: Adam and Charles Black, 1877. – 830 p.
13. New Encyclopaedia Britannica, The: Micropaedia [Text] / 15th ed. / ed. by Peter B. Norton, Joseph J. Esposito. In 12 vol. Vol. IV. – Chicago, Illinois: Encyclopaedia Britannica, Inc, 1994. – 982 p.
14. Online Etymology Dictionary [Electronic Resource] / URL: <http://www.etymonline.com/> [Accessed 13.12.2008].
15. Oxford Dictionary of English Etymology [Text] / ed. by C.T. Onions. – Oxford: Oxford at the Clarendon Press, 1996. – 1025 p.
16. Webster, N. An American Dictionary of the English Language [Text] / N. Webster; rev. and enlarged by Ch.A. Goodrich. – Springfield, Mass.: G & C. Merriam, 1847. – 1367 p.
17. Webster, N. Webster's Revised and Unabridged Dictionary of the English Language [Text] / N. Webster. – Springfield, Mass.: G & C. Merriam, 1840. – 1486 p.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯПОНСКИХ МИФОНИМОВ, АДАПТИРУЕМЫХ АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКОМ

Е.В. Матвиенко

Матвиенко Елена Викторовна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой английской филологии Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема (г. Биробиджан).

Контактный адрес: 4helen2002@mail.ru

В статье перечислены основные способы перевода японских мифонимов англоязычными авторами, а также выявлены особенности фонографической, грамматической и лексической адаптации японских мифонимов в английском языке.

Образы восточно-азиатской мифологии попадают в англоязычный мир через народные сказки, переведенные на английский язык, а также через произведения азиатско-американских авторов. Исследование образов восточно-азиатской мифологии, отраженных в английском языке и англоязычной культуре показывает, что не так много единиц зафиксировано толковыми словарями английского языка. Большее количество мифологической лексики мы находим в энциклопедиях.

Ключевые слова: мифоним, заимствование, язык-реципиент, язык-источник, адаптация, ассимиляция.

Адаптируемые английским языком японские мифонимы рассматриваются нами как заимствования. Целесообразным будет исследовать отобранную лексику по следующей схеме: принадлежность к словарному составу языка, статус японских мифонимов в английском языке, заимствование мифонимов и особенности их адаптации в английском языке, а также способы их передачи на английский язык.

В большинстве своем японские мифонимы представлены ономастической лексикой. Заимствованные собственные имена составляют определенное ономастическое пространство в английском языке и чаще всего не требуют перевода, поскольку выполняют свою основную функцию – называют индивидуальный объект. По мнению Л.М. Калакуцкой, онимы в лексическом плане характеризуются непереводаемостью с одного языка на другой [3]. Однако, при исследовании японских мифонимов в англоязычных текстах, нам часто встречались случаи, когда англоязычные авторы переводили имена собственные как кальку, раскрывая, таким образом, внутреннюю форму мифонимов, например: *Her full name was really Hasu-ko, which means 'Little Lily'; but here we will call her 'Ko' for short [10]. – Ее полное имя – Хасу-ко, что означает «Маленькая Лилия», но здесь мы будем звать ее коротко, Ко. Yuki-onna, whose name means «snow woman», can be considered a personification of the winter [10]. – Юки-онна, чье имя означает «снежная женщина», считается олицетворением зимы.*

Следует отметить, что, несмотря на то, что последний мифоним считается именем собственным (в контактологическом словаре «Перекресток» [5] он фигурирует в соответствующем разделе), в англоязычных текстах он часто встречается как имя нарицательное. Показателем того, что мифоним-имя собственное функционирует в англоязычном тексте как имя нарицательное, является написание

его со строчной буквы, наличие при нем артикля, а также употребление самого мифонима в контексте множественного числа, например: *Being a creature of Japanese folklore, the yuki-onna has naturally been used as a character in a wide range of Japanese fiction and pop-culture [8]. – Подом из японского фольклора, образ юки-онна на самом деле активно используется в художественной литературе и поп-культуре. In my personal opinion, yuki-onna are not malicious and petty as some of the legends would have you believe [11]. – По моему личному мнению, юки-онна на самом деле не такие злобные и мелочные, как их описывают в легендах.*

Описание внешности Юки-онна, ее действий в отношении людей меняются от легенды к легенде: *She sometimes wears a white kimono, but other legends describe her as nude. In many stories, Yuki-onna reveals herself to travelers who find themselves trapped in snowstorms and uses her icy breath to leave them as frost-coated corpses. Other legends say that she leads them astray so they simply die of exposure. Other times, she manifests holding a child [10]. – Иногда на ней белое кимоно, в других легендах она обнаженная. Во многих историях Юки-онна является путешественникам, попавшим в снежную бурю. Ее ледяное дыхание замораживает людей до смерти. По другим легендам, она ведет их по ложному пути, так что они умирают, оставленные на произвол судьбы. Иногда при ней ребенок.*

По-видимому, именно для обозначения разных проявлений Юки-онна англоязычные авторы используют данный мифоним-имя собственное в контексте множественного числа.

Таким образом, к особенностям репрезентации японских мифонимов в англоязычных текстах можно отнести тот факт, что среди них нет четкого деления на имена собственные и имена нарицательные.

В данной работе под «заимствованием» понимается употребление в тексте иноязычного слова (в нашем случае японского мифонима), адаптированного, либо частично адаптированного, зафиксированного, либо не зафиксированного англоязычным толковым или энциклопедическим словарем.

Большой Оксфордский словарь, который, по мнению В.В. Кабакчи, может использоваться в качестве подтверждения языкового статуса внешнекультурной лексики [2], фиксирует 8 лексических единиц мифического содержания, заимствованных из японского языка. Японские заимствования представлены следующими единицами: *Jodo, kami, kimon, kirin, sennin, shishi, ujigami, Yamato-damashii*.

Столь малое количество собственно заимствований среди японских мифонимов, встречающихся в англоязычных текстах, можно объяснить тем, что в словарный состав входят языковые единицы, достаточно часто встречающиеся в употреблении, мифонимы же являются специальной, не общеупотребительной лексикой, они не представляют особой коммуникативной важности на бытовом уровне. Даже будучи собственно заимствованиями, фиксируемыми Большим Оксфордским словарем, японские мифонимы чаще всего остаются инородными, чуждыми для языка-реципиента (они помечены в словаре соответствующим значком – ||, который означает «чуждый, неассимилированный»).

Отобранные нами японские мифонимы, встречающиеся в англоязычных текстах, в большинстве своем представляют собой частично освоенные заимствования, употребляемые в текстах, но зачастую не нашедшие отражения в словарях. Процесс ассимиляции заимствований включает изменения в звуковой форме, графическом оформлении, морфологической структуре, грамматических характеристиках и в значении, поэтому целесообразно выделение фонетической, графической, грамматической и семантической ассимиляции заимствованных слов. Фонетическая ассимиляция заключается в максимальном приближении звуковой формы заимствованного слова к звуковой форме целевого языка. Графическая ассимиляция заключается в передаче иноязычного слова графическими средствами языка-реципиента. Грамматическая ассимиляция заключается в первую очередь в том, что новые слова в языке-реципиенте теряют прежние грамматические категории и парадигмы и приобретают новые по аналогии с другими словами заимствующего языка. Лексико-семантическая ассимиляция заключается в преобразовании семантической структуры слова, расширении сочетаемости со словами языка-реципиента.

Если говорить об особенностях фонографической адаптации японских мифонимов в английском языке, в первую очередь в глаза бросается производительная и орфографическая вариантность, ко-

торая свидетельствует о незавершившемся становлении фонемно-графического облика слова. Неосвоенные и частично освоенные заимствования обычно функционируют в виде нескольких производительных вариантов, которые возникают в результате их адаптации по разным моделям: 1) имитация иностранного произношения, как подражание языку-источнику; 2) соблюдение правил чтения родного языка, по принципу аналогии. Например, *kappa* – (яп.) «каппа, мифологическое существо, водяное чудовище» может читаться в английском как [ˈkɑpə], согласно первой тенденции и как [ˈkærə], согласно второй тенденции, образуя два фонетических варианта. Японский язык подвержен закону открытых слогов. Заимствованные слова, переходя из японского в английский язык, подчиняются законам слогаделения последнего, т. е. в японских словах появляются закрытые слоги. Данным фактом можно объяснить появление звука [æ] во втором варианте произнесения японского заимствования. В английском языке существует также два варианта произнесения японского мифонима *tengu* [ˈtɛngu; ˈtɛŋɡu] – «тенгу, горный гоблин». Первый случай произнесения есть имитация иностранного произношения, подражание языку-источнику, во втором случае мы, по-видимому, наблюдаем звуковую ассимиляцию, согласно правилам языка-реципиента, когда под влиянием заднеязычного [g] переднеязычный сонант [ŋ] превращается в заднеязычный сонант [ŋ], либо мы наблюдаем графическое воздействие – восприятие смежных согласных как диграфа *ng*.

Производительная вариантность также может стать следствием орфографической вариантности, как в случае с японским мифонимом *shoten* [ˈʃoːtɛŋ] – *shoden* [ˈʃoːdɛŋ] – «Сёден, японское имя индийского Бога-Слона, олицетворения мудрости» и китайским мифонимом *Ts'ai-shen* [tsaiˈʃɛn] – *Cai-shen* [kaiˈʃɛn] – «Цай-Шэнь, бог процветания». В последнем случае чтение мифонима, по-видимому, происходит по аналогии с английским чтением буквосочетания *C + A*.

Причиной орфографической вариантности может быть расхождение систем письма. Например, отличие двух исторически первых латиниц, системы Хэпберна и ромадзикаевской, заключается в написании *zu* вместо *dzu*, *e* вместо *ue*, *o* вместо *wo*, *y* вместо *yi*: *Ebisu/Yebisu* – «Эбису, божество, приносящее удачу», *Idzumo/Izumo* – «Идзумо, провинция, впервые населенная после создания мира». С 1874 г. широкое распространение получил новый вариант ромадзи, согласно которой носовой согласный перед *b*, *p*, *m* обозначается только через *n*, а не *m*. Это объясняет тот факт, что в настоящее время в японских словах может иметь место чередование сонантов *m/n*. Например, *oni/omi* – «они;

демон-людоед»; *Enma/Emma* – «Эмма, бог смерти, правитель подземного мира».

Появление вариантов одного и того же заимствования из японского языка может также объясняться варьированием гласных, которые не имеют смысло-различительного значения: *Tsuki-Yumi/ Tsukuyomi* – «Цуки-ёми, японский бог Луны», *Kompera/Kompira* – «Компера, японский бог». В последнем случае орфографическая вариантность сказалась на произношении: *Kompera* [kom`pera:] – *Kompira* [kom`pi:ra].

Причиной вариантности в написании могут также быть фонематические особенности японского языка. Например, в японском нет различия между звуками [l] [r], поэтому в английском есть два варианта написания: *kirin/kilin* – «кирин; японское мифическое существо, напоминающее единорога».

К вариантности, не проявляющейся в произношении, можно отнести слитное, дефисное, раздельное написание слова, например, *Shichifukejin/Shichi-fuku-jin/Shichi Fukujin* – (яп.) «ситифукудзин; семь богов удачи».

В ассимилируемых словах колебания наблюдаются также и в ударении. Согласно «Англо-русскому контактологическому словарю восточно-азиатской культуры», существует несколько вариантов произнесения следующего мифонима: *kitsune* [ki`tsu:nei; `kitsunei] – (яп.) «кицуне, дух лисы, демон в образе лисы».

В настоящее время можно констатировать, что в английских текстах существует разноречивая в написании японских мифонимов, что, как и произносительная вариантность, свидетельствует о малой степени ассимилированности японских мифонимов-заимствований. На неассимилированность исследуемой лексики, в том числе, указывает:

– наличие нередуцированных гласных в безударной позиции, например, *funadama* [fu:na,da:ma] – (яп.) «фунадама, бог кораблей, моряков и рыбаков»);

– появление не свойственных заимствующему языку звуковых сочетаний, например, сочетание двух одинаковых гласных в японском мифониме *Mii-no-kami* [mi`i:no`ka:mi] – «Мии-но-ками, богиня источников и колодцев»;

– появление дифтонга [ei] в несвойственной ему позиции, например, у японских мифонимов *obake* [ou`ba:kei] – «обаке, привидение, дух» и *Takarabune* [ʧta:kəgə`bu:nei] – «такарабуне, корабль с сокровищами».

Грамматическая адаптация заимствованных английским языком японских мифонимов проявляется в приобретении ими категории множественного числа при помощи флексии –s, например: *Karras may once have been wise* [6]. – *Возможно, карра однажды были мудрыми обезьянками. The shojos are naked but for a skirt of green seaweed; their*

skin is pink or red [6]. – *Сёдзё всегда изображаются обнаженными за исключением зеленой юбки, сделанной из морских водорослей; их кожа розовая или красная.*

Некоторые японские мифонимы, встречающиеся в англоязычных текстах в значении множественного числа, имеют нулевой формант множественного числа, например: *The ujigami on the other hand confine their protection to a certain family, or by extension, village. They are usually anonymous, but are probably the deified ancestor of the founder of the family or village.* [17] – *С другой стороны, удзигами берут под свою защиту только определенную семью или деревню. Обычно они безымянны, но могут быть обожествленным предком основателя семьи или деревни.*

У некоторых японских мифонимов нет регулярной формы множественного числа, и они могут иметь форму множественного числа как с флексией –s, так и форму с нулевым окончанием во множественном числе, например: *The tengu of Japanese mythology, mysterious and mischievous supernatural creatures, are part human and part bird* [14]. – *Тэнгу в японской мифологии – злобные существа, наполовину люди, наполовину птицы. A Tokin is the small black box worn on the foreheads of Yamabushi – practitioners of Shugendō or «Tengus», malicious goblins from the Japanese mythology* [10]. – *Токин – это маленькая черная коробочка, которую носят на лбу ямабуси, монахи секты Сюгендо, и тэнгу, злобные гоблины в японской мифологии. The gaki («pretas» in Sanskrit) are condemned to eternal hunger and thirst* [16]. – *Гаки («претас» на санскрите) обречены на вечный голод и жажду. Many gakis are identified with insects.* [6] – *Многие гаки ассоциируются с насекомыми.*

Другой признак приспособления заимствований к системе принимающего английского языка – употребление существительных с артиклем. Артикль, определенный и неопределенный, как маркер существительного, употребляется в англоязычных текстах со многими мифонимами. Неопределенный артикль употребляется с японскими мифонимами, выполняя классифицирующую функцию, обозначая один предмет из целого класса: *In Japanese mythology, everything in nature has a kami- a deity or spirit.* [14] – *Согласно японской мифологии, все существующее имеет kami – дух или божество. A strong-willed priest called Muso Kokushi once kept watch near the body of a deceased person when a jikininki arrived to devour it* [6]. – *Однажды один священник с сильной волей, которого звали Мусо Кокуси, нес службу около тела усопшего, когда явился дзикининки, чтобы съесть покойника.*

Неопределенный артикль употребляется с японскими мифонимами также для обобщения, ко-

гда предмет или лицо, о котором идет речь, выступает в роли представителя всего класса предметов, лиц, явлений, например: *A yokai may manifest itself to anyone unfortunate enough to trespass on its particular abode* [12]. – *Ёкай может предстать перед любым человеком, имеющим несчастье понасть на его территорию.*

Определенный артикль употребляется с японскими мифонимами также, согласно грамматическим правилам, чаще всего для обозначения целого класса предметов, в генерализующей функции, например: *The bimbogami is commonly portrayed as a thin, pale figure with a tattered fan* [12]. – *Бимбогами обычно изображается в виде худой, бледной фигуры с оборванным веером. Because of the belief that the funadama is a female deity and the superstition against having a lone woman aboard the ship, some vessels refrain from enshrining the god'sshintai, though the crew continues to believe in the power of the deity.* [12] – *Из-за поверья, что фунадама – женское божество, и предрассудка, что нельзя иметь одинокую женщину на борту корабля, некоторые суда избегают держать изображения (синтай) этой богини, хотя экипаж упорно верит в ее власть.*

Японские мифонимы могут образовывать форму притяжательного падежа в английском языке, например: *Today a mirror in Amaterasu's shrine at Ise is considered one of Japan's three imperial treasures, along with jewels and a sword* [14]. – *Сегодня зеркало, находящееся на месте поклонения Аматерасу в святилище Исэ, считается одним из трех японских сокровищ, наряду с драгоценным ожерельем и мечом.*

Показателем освоения заимствованного слова в принимающем языке является развитие у него комбинаторных возможностей. Например, некоторые японские мифонимы, образуют устойчивые сочетания в английском языке, например, *kami religion*.

Что касается семантических процессов, характерных для заимствований, здесь следует отметить, что обычно заимствованное слово не приносит в язык-реципиент всего спектра своих значений. При заимствовании слова входят в другой язык с одним-двумя значениями.

Японский мифоним, заимствованный английским языком, может также использоваться в разных значениях, сохраняя присущую их этимону многозначность, например, *shishi* – (яп.) 1) мифологический лев; 2) очень важный человек. *Japanese legend portrays shishi as playful in temperament but protective in nature, and they are invoked as protectors of children* [13]. – *Японская легенда гласит о том, что сиси, игривые по темпераменту, призваны защищать детей. Twenty years ago I publicly proclaimed you Shishi, man of high purpose, my personal champion* [15]. – *Двадцать лет назад я*

публично признал Вас сиси, как человека высоких целей, моим личным защитником.

Интересным примером того, как прямое и метафорическое значения лексической единицы исходного языка сохраняются в принимающем языке, может послужить японский мифоним *Jigoku*: 1) дзигоку, ад, низшая форма существования; 2) горячий источник. *Jigoku is ruled over by Emma-o, the Japanese lord of death* [9]. – *Дзигоку управляет Эмма-о, японский бог смерти. One of the most unusual of Japan's hundreds of hot spring resorts, the Beppu district on the northeastern shore of Kyushu has eight spa resort areas, with dozen of jigoku..., or «hell springs», which are boiling mud ponds that denotate loudly, burping hot mud several inches into the air* [7]. – *Один из самых необычных из сотен японских курортов с горячими источниками, район Бэппу на северо-восточном побережье острова Кюсю имеет восемь курортов с минеральными водами, десятки дзигоку, или «адских ключей», которые представляют собой горячие грязевые пруды, громко бурлящие, выбрасывающие горячую грязь высоко в воздух.*

Мифонимы относятся к разряду той лексики, которую в теории перевода принято называть безэквивалентной. Изучением проблем перевода безэквивалентной лексики занимался целый ряд таких крупных ученых, как А.В. Суперанская, А.О. Иванов, В.В. Кабакчи и другие. В рамках данной работы мы перечислим самые распространенные способы передачи японских мифонимов англоязычными авторами.

Самым распространенным способом перевода заимствованной лексики считается механическое воспроизведение исходной формы, адаптированной к фонографическим условиям языка перевода. При переводе японских мифонимов англоязычные авторы прибегают к способу трансфонации, результатом чего являются фонетические заимствования. Об особенностях фонетической адаптации японских мифонимов английским языком речь шла выше. Введение в текст фонетических заимствований повышает точность описания, однако, эта точность достигается ценой доступности: чем больше в тексте фонетических заимствований, тем труднее он становится для восприятия.

Японские мифонимы являются частично освоенными фонетическими заимствованиями, они встречаются в англоязычных текстах окказионально и чаще всего остаются в статусе иностранных слов для англоязычных носителей. Такого рода обозначения, во-первых, трудны для прочтения, во-вторых, имеют скрытую семантику, поэтому они нуждаются в пояснении. Если составляющие японского мифонима можно разделить на компоненты и перевести, англоязычные авторы в большинстве случаев сопровождают фонетическое заимствование пояснением в виде кальки. Например, *Shichi-fukujin* – (яп.) *Seven Gods of*

Happiness (shichi – seven, fuku – luck, Jin – god/deity). *This ship carries the shichi-fukujin, or seven lucky gods, deities that symbolize prosperity, longevity, and happiness* [10], – *Этот корабль везет ситифукудзин, или семь богов удачи – богов, символизирующих процветание, долголетие и счастье.*

Чаще всего компоненты, составляющие имена мифических персонажей не этимологизируются, т.е. не делятся на значимые элементы. В этом случае авторам приходится прибегать к другим способам передачи японских мифонимов, например, наряду с трансфонированным переводом в постпозиции или препозиции предлагается описание, в котором указывается род деятельности мифического персонажа, его функция в мифологическом пантеоне. Например, «*And who is that?*» «*The one-hundred-and-twenty-second descendant of the Sun Goddess, Amaterasu-o-mi-Kami*» [15]. – *А это кто? – Это сто двадцать второй потомок Богини Солнца, Аматерасу-о-ми-Ками.*

В англоязычных текстах довольно часто используется прием перевода аналогом, который может дать приблизительное представление о специфическом элементе внешней культуре. В случае аналогии соответствующие культурные элементы лишь частично совпадают в своем значении, например, *Musubi-no-Kami* (яп.) – *cupid*; *kappa* (яп.) – *dwarf*; *gaki* (яп.) – *ghost*; *obakemono* (яп.) – *ghost*; *oni* (яп.) – *ogre, devil, demon, ghost, monster*; *tengu* (яп.) – *demons, evil spirits*; *yokai* (яп.) – *spirits, demons*.

Англоязычные авторы, наряду с использованием трансфонированного варианта перевода японского мифонима, подбирают аналог в своей культуре, сопровождая его пояснением, которое В.В. Кабакчи называет ксенонимической экспликацией [2]. Это пояснение варьируется от приблизительного до точного терминологического определения. *Imaginative tales were told of how the ninja had descended from the tengu (long-nosed winged demons who were half man and half crow)* [12]. – *Рассказывали фантастические истории о том, как ниндзя произошли от тэнгу, длинноносых крылатых демонов, полудедей-полуворонов.*

Суммируя все вышесказанное, автор делает вывод о том, что все японские мифонимы, встречающиеся в англоязычных текстах, подвергаются адаптации на разных уровнях языка. Среди способов передачи японских мифонимов на английский

язык можно отметить трансфонированный перевод, калькированный перевод, перевод аналогом, описательный перевод.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов, А.О. Историческая общность Кореи и Японии в мифах и легендах / А.О. Иванов // Вестник ДВО РАН. – 2001. – № 3. – С. 105–117.
2. Кабакчи, В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации: учеб. пособие / В.В. Кабакчи. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 232 с.
3. Калакуцкая, Л.П. О специфичности ономастики как лексических категорий // Восточно-славянская ономастика / Л.П. Калакуцкая; отв. ред. А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1979. – С. 69–84.
4. Прошина, З.Г. Английский язык и культура народов Восточной Азии: монография / З.Г. Прошина. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2001. – 476 с.
5. Прошина, З.Г. Перекресток: Англо-русский контактологический словарь восточно-азиатской культуры / З.Г. Прошина; под ред. Дун Чжэньмина и Л.П. Бондаренко; прилож. собственных имен Т.Н. Мельниковой. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. – 580 с.
6. An encyclopedia of myth and legend. Pacific mythology / ed. by Jan Knappert. – Toronto: Diamond books, 1995. – 336 p.
7. De Mente B. Everything Japanese: The Authoritative Reference on Japan Today. – Passport Books, NTS / Contemporary Publishing Co., 1989. – 319 p.
8. Evans, T.M. A Dictionary of Japanese Loanwords / T.M. Evans. – Westport, Connecticut, London: Greenwood Press, 1997. – 230 p.
9. Hayes, S. Ninja: Spirit of the Shadow Warrior / S. Hayes. – Burbank, CA: Ohara Publications, Inc., 1980. – Vol. 1. – 143 p.
10. Japan Quarterly. – 1990–1998. – № 1–4.
11. Japanese Tales / Selected, edited, and translated by Royall Tyler. – New York: Pantheon Books, 1987. – 341 p.
12. Kodansha Encyclopedia of Japan. – Tokyo: Kodansha, 1983. – 9 vol. – Vol. 1. – 360 p. – Vol. 2. – 378 p. – Vol. 3. – 367 p.
13. Larousse encyclopedia of mythology / ed. by Felix Guirand. – New York: Prometheus Press, 1959. – P. 393–411.
14. Myths and legends of the world / ed. by John M. Wickersham. – Vol. 1–4. – New York: Macmillan Reference USA / An Imprint of the Gale Group, 2000.
15. Silverman, D. Tairo / D. Silverman. – London: Diamond Books, 1994. – 494 p.
16. Terukazu, A. Japanese Painting (Treasures of Asia) / A. Terukazu. – Skira, 1961. – 219 p.
17. The Cambridge Encyclopedia of Japan / Richard Bowring & Peter Kornicki (eds) – Cambridge, New York, Melbourne: Cambridge University Press, 1993. – 400 p.

ЕДИНСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ КАК ОСНОВА ОБРАЗА КИТАЯ В ЖУРНАЛЕ «NEWSWEEK» (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Э.Г. Меграбова

Меграбова Эмма Грайровна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: emik41@yandex.ru

Цель нашего исследования состоит в анализе лексических средств, с помощью которых авторы американского журнала «Newsweek» создают образ одной из ведущих держав мира – Китая. Главный исследовательский метод в работе – критический дискурс-анализ. Формирование образа Китая осуществляется через призму либеральных ценностей. Основой образа Китая являются его противоположности, отражающие противоречивую и сложную природу менталитета и образа жизни Китая. Репертуар лексических средств, воплощающих образ Китая – разнообразен: выбор определённых лексем, плотность тематических полей, метафоризация, антонимия, стилистические средства.

Ключевые слова: образ, противоположность, противоречивый, ценность, дискурс, вербализация, лексема, метафора, антоним, оксюморон.

Образ – это категория сознания, которая имеет прототип в реальном мире, хотя может отличаться от него: «...образ – модель действительного объекта, взятого в его целостности, но он может не совпадать с ним» [1: с. 322]. Образ – это ментальное отражение объектов или явлений в сознании человека, представление, отмеченное индивидуальным восприятием и индивидуальным отношением. Образ представляет собой различные признаки, его составляющие являются результатом чувственного восприятия и сознательного отбора. Этот фактор важен для нас, так как в средствах массовой информации мы видим намеренное формирование образов: «Идеология также обретает опору в образах» [1: с. 323]. Люди различных культур и политических взглядов создают различные образы одних и тех же объектов действительности. Образ, который конструируется политическим изданием – это реализация его идей и ценностей, некое специфическое видение мира или его фрагментов. Газета или журнал категоризирует и приспосабливает мир для своих читателей исходя из определённой идеологической позиции, формируя, таким образом, определённый образ мира, некую схему, его модель. «...Ведущие средства массовой информации обладают собственной властью, хотя бы управляя общественным имиджем других элит и занимая ключевую позицию в осуществлении контроля над общественным дискурсом, и, следовательно, косвенным образом, над общественным сознанием» [7: с. XXIII]. Фундаментальные представления и ценности, разделяемые группой, обществом, свидетельствуют об идеологии как об инструменте социального познания. «...Мы сейчас можем косвенным образом связать

идеологию с индивидуальными практиками членов групп, включая дискурс. Соответствующим образом мы можем, в свою очередь, определить, исходя из социальных практик, принадлежность к группе и мировоззрение членов общества, и идентифицировать кого-либо как, например, либерала, феминистку, журналиста-афроамериканца» [7: с. XXX].

Цель данной статьи – показать, как с помощью лингвистических средств идеологические представления, культурные ценности и общественные факторы вовлекаются в процесс создания сложного образа современного Китая. Практический материал исследования включает статьи о Китае американского политического журнала «Ньюсуик». Временные рамки охватывают период с января 2008 г. до апреля 2009 г. Затем следует трехлетний перерыв, и следующая группа статей охватывает период с января 2011 г. до апреля 2012 г. Такие временные рамки обусловлены целью выявить представления авторов «Ньюсуик» о Китае в динамике и в сравнении. Фактор, который также заслуживает внимания, касается количества политических обзоров, относящихся к различным аспектам общественной и политической жизни Китая. Они занимают ведущее место в «Ньюсуик» среди статей об иностранных государствах, и этот факт показывает важность для США отношений с Китаем. Общий объем материала в нашем исследовании насчитывает 43 статьи. Предполагается, что данное исследование даст характеристику основных аспектов образа Китая, а именно его противоречивой природы, его контрастов и противоположностей, которые формируют важный фрагмент комплексной информационной картины Китая 2008–2009 гг. и 2011–2012 гг.

Репертуар лексических средств, которые находятся в центре нашего внимания, может быть зависимым от целей, которые ставят перед собой авторы журнала, так как средства массовой информации манипулируют мнением общества, и таким образом, отражаются особенности менталитета американцев. Слова могут служить своеобразной завесой реальности, тем не менее, слова, используемые средствами массовой информации, являются эффективным инструментом формирования, выражения и распространения информации о любой стране, в том числе Китая. «Слова могут, в самом деле лгать, они могут создавать ложные образы, так же как и нечто другое, хотя сама двойственность образа, по-видимому, смягчает возможную неправду спасительными средствами эмфазы» [5: с. 64].

Когда мы обращаемся к социальным факторам, которые относятся к экстралингвистическому аспекту и определяют характер текста, мы имеем дело с функциональным социолингвистическим подходом к понятию дискурса: «... дискурс формирует общество так же, как и формируется обществом; оно определяет ситуации, объекты знания, социальную идентичность и отношения между отдельными людьми и группами людей» [2: с. 258]. Когда отношения между языком и обществом анализируются через призму критического подхода, мы имеем дело с критическим дискурс-анализом (КДА). «Цель этого подхода состоит в том, чтобы выйти за рамки текстовой интерпретации использования языковых структур, и прийти к объяснению их идеологической подоплеки. Что, вероятно, является уникальным для исследований критического дискурс-анализа. – это их внимание к тому, как используются структуры дискурса для того, чтобы предписывать, подтверждать, узаконивать, воспроизводить или бросать вызов ведущим точкам зрения по социальным проблемам» [3: с. 154].

Ценности, которых придерживаются авторы журнала «Ньюсуик», позволяют нам квалифицировать дискурс «Ньюсуик» как либеральный. Либеральный дискурс «Ньюсуик» базируется на главной доктрине Запада – либерализме. «Либерализм ... стал философской базой основ современной западной социальной и экономической жизни» [6: с. 102]. Джордж Лакофф пишет: «Я определяю "классический теоретический либерализм" как имеющую долгую историю системы взглядов относительно того, что индивидуумы являются или должны быть свободными, автономными субъектами, каждый из которых преследует свой собственный интерес» [4: с. 19]. Авторы «Ньюсуик» защищают принципы индивидуализма, конкуренции, потребительства, свободной самореализации, открытости общества, плюрализма, свободного обмена товарами внутри открытого нерегулируемого рынка. Комментируя стрем-

ления и решения руководства Китая обратиться к конфуцианскому наследству как моральной основе для страны, авторы «Ньюсуик» критически и даже иронически отзываются об этой идеологической стратегии: *So China has at long last found something to fill its "values vacuum" ... Confucian values – unity, morality, respect for authority, the importance of hierarchical relationships – are being touted by Beijing's communist leaders as never before* (март 20, 2008: с. 30, 32). Журналисты «Ньюсуик» выражают свое сомнение по поводу приемлемости этих ценностей молодым поколением Китая: *It is naïve to expect that Chinese society, especially its wired younger generation, would embrace Confucianism simply because its government has urged it to do so* (март 20, 2008: с. 32). В статье, озаглавленной «Дымовая завеса», автор (Минь Синь Пэй) провозглашает существование рынка идей в Китае, полностью игнорируя древнюю культуру и традиции Китая: *China... now has a vibrant marketplace of ideas* (март 20, 2008: с. 32). Либеральные ценности рассматриваются, в данном случае, как основные ценности для любого общества, как абсолютно современная идеология, которую должны разделять жители Китая: *Confucian values must compete against Western individualism, consumerism... Contrary to the values of modesty and collectivism counseled by Confucius, the younger generation has been won over by the Western concepts of competition and self-realization... The best solution is... greater civic freedom, tolerance and individual rights* (март 20, 2008: с. 32).

Китай – это страна противоречий. Через все статьи о Китае в «Ньюсуик» красной линией проходит оппозиция **силы-слабости**, которая отражается, например, в заголовке статьи: *The Rise of a Fierce Yet Fragile Superpower* (дек. 31, 2007 / янв. 7, 2008: с. 20). Фарид Закария, один из ведущих авторов «Ньюсуик», развивает эту мысль: *China's fragility is directly related to its extraordinary rise... As China grows in strength, it grows in pride and nationalist feeling... China's sense of its own weakness casts a shadow over its foreign policy* (дек. 31, 2007 / янв. 7, 2008: с. 20–21). Двойственность, по мнению некоторых журналистов, присуща самой природе Китая, и этот факт объясняет сосуществование противоречивых сторон в образе Китая: *The yin of volatility, after all is the yang of peace* (февр. 25, 2008: с. 53). Идея силы вербализируется через многочисленные повторения слов **strong, strength** и в лексемах с семантикой «**сильный, сила**»: *Beijing is powerful in some areas... Beijing is flexing its muscle* (март 10, 2008: с. 29). Пропозиция **Китай является слабым государством** реализуется, прежде всего, в прилагательном **weak**, существительном **weakness**, и в лексемах с семантикой «**слабый, слабость**» (*fragile, frailty*): *These are not passing problems. They reveal a deep weakness in China's administration... The*

big challenge may not be the burgeoning strength... but... weakness (март 10, 2008: с. 29).

Оппозиция может быть выражена метафорически: 1. *China: The Reform Trap*. 2. *Beijing is less and less relevant to what's really going on in the economy, threatening to turn China into a «weak state». The phenomenon (California-style blackouts) is a dark cloud on the Asian country*. 3. *China's free market policies have unleashed extraordinary growth in the past decade – but have eroded Beijing control over economy* (март 10, 2008: с. 29). Признаки как силы, так и слабости, типичные для Китая, могут также реализоваться в сравнении: *Over the years I've watched China emerge as an economic dynamo, but I've also seen the frailties underpinning its system* (дек. 31 / янв. 7, 2008: с. 33).

Метафорический эпитет **bitter-sweet**, используемый в заголовке статьи «*The Bitter-Sweet Taste of Success*» (дек. 31 / янв. 7, 2008: с. 32), даёт картину сочетания несочетаемого и создаёт стилистическое средство оксюморон (в котором сталкиваются противоположные по смыслу значения).

Образ Китая как страны со многими противоречиями, далее детализируется в оппозиции **рост (подъём) – проблемы: подъём в Китае выявляет его существенные проблемы**. Слова **growth, rise, increase** неоднократно используются в различных комбинациях практически во всех статьях о Китае: *pace of growth in China; China's peaceful rise; the growth of Chinese cities* (дек. 31 / янв. 7, 2008: с. 20–21, 33–35); *growing domestic demands; China will restore its growth rate* (март. 30, 2009: с. 14); *the increase in Chinese prosperity* (янв. 19, 2009: с. 31); *China's future growth* (март 23, 2009: с. 18).

Значения, выраженные словами **growth, rise**, усилены прилагательными – интенсификаторами: *China's extraordinary growth* (март 10, 2009: с. 29); *impressive economic progress; extraordinary rise* (дек. 31 / янв. 7, 2008: с. 20); *explosive growth of the private sector* (янв. 28, 2008: с. 31). Заголовок одной из статей «*Power Up*» (март 30, 2009: с. 14) довольно нагляден, однако, он противоречит названию другой статьи «*China's Agony of Defeat*» (авг. 4, 2008: с. 29), которая посвящена значимости Олимпийских игр для Китая: *The Olympics are on irresistible stage... for those who wish to act out their grievances before the world* (с. 29). Главная идея этой статьи основывается на антонимической оппозиции **величия – унижения**: *China has made a Herculean effort to prepare the way for this spectacle (The Beijing Games), in which ordinary Chinese, not just their leaders, can announce themselves to the world as having regained their national greatness... It's impossible to understand what the Games mean to the Chinese without understanding their history of humiliation* (авг. 4, 2008: с. 29). The authors of

Newsweek intertwine the history of China into modern reality, developing the idea of the antonymic pair **victim-winner**. The first member of this opposition is connected with the notion «inferiority complex» institutionalized in the Chinese mind. A dense semantic row including the derivational cluster of the word **victim** containing the concept of humiliation expresses the details of Chinese history of humiliation: *defeat (in the Opium Wars), shameful treatment of Chinese immigrants in America, national failures, the country's past sufferings, economic oppression (by foreign powers), suffering under the yoke of unequal treatment, insult, oppressed by imperialism, victim, victimized, victimhood, victimization, the China-as-victim syndrome* (авг. 4, 2008: с. 30–31). The second member of the opposition **victim-victor** finds its expression in the efforts to strengthen China's status as an economic and political *powerhouse*, to become «*a self-assured nation*»: ... *a successful Games was meant to cleanse China's messy historical slate, overthrow its legacy of victimization and allow the country to spring forth on the world stage reborn* (авг. 4, 2008: с. 31).

Количество проблем, с которыми сталкивается сегодняшний Китай, охватывает различные сферы китайской жизни: *Congestion. Pollution. Education concerns. Rising health-care costs* (дек. 31 / янв. 7, 2008: с. 33). *China is bedeviled by internal problems – human rights violations, media censorship, corruption, pollution, labor abuses and lack of due process, to name a few. Several «Domestic» issues – Tibet, Taiwan and Hong Kong... At the same time, a host of relatively new, purely international problems have accrued to China as the country has aggressively sought access to natural resources around the world* (авг. 4, 2008: с. 29). Список проблем китайского общества может быть продолжен. Авторы «Ньюсуик» обращаются к проблемам противоречий между полами, богатыми и бедными, центром Китая и его провинциями и т.д. Некоторые из проблем типичны не только для Китая, но некоторые другие являются следствием истории Китая и специфическими условиями жизни. Автор Мелинда Лю рассматривает проблему, касающуюся закона об одном ребёнке в семье в статьях «*China's One Child Left Behind*» (март 28, 2008: с. 30–31); «*Playing With the Old Blood Rules*», «*A New Home Away From Home*» (март 17, 2008: с. 27–30). Вербализация этого фрагмента китайской жизни на страницах «Ньюсуик» может быть описана в терминах динамического фрейма: **Политика «Один ребёнок в семье» – общая оценка данной политики – социальные последствия – стремление Пекина изменить ситуацию**. Соответственно могут быть выделены несколько тематических полей (фрагментов ситуации или опыта, объединённых общей темой), которые находят соответствующее языковое (лексическое) выражение. 1. Слот «политика один ребёнок

в семье» представлена словосочетаниями: *forced sterilization, family planning, draconian fines*. 2. Слот «общая оценка данной политики» усиливает оценку, содержащую идею чего-то плохого, опасного: *China's unpopular one-child rule; has distorted the population; dysfunctional birth-control policies; threatens China's future; overweight with men; won't produce the «harmonious society»*. 3. Слот «социальные последствия» наиболее детализирован и может быть разделен на подслоты: эгоизм нации; семьи, которые имеют только одного ребёнка; ущемление женщин в правах; быстро стареющее население, лишённое сыновней заботы (метафора *оставшиеся в пустом гнезде*, создает яркий трагический образ пожилых людей с отпрысками, которые забыли о них). Этот слот получает многочисленную вербальную реализацию: *to abandon old obligations, breakdown of filial piety; to turn China's traditional bias for sons into a motivation to screen out girls; to reconsider long-held prejudices for sons; spoiled off-spring of one child family*. Появился специальный стиль жизни: *Many young Chinese urbanities, like yuppies everywhere, don't want more than one kid; some don't want any... 52 percent of adult single children didn't want to have more than one child, and more than a quarter said they preferred the DINK lifestyle: double income, no kids* (март 17, 2008: с. 29).

Плотность этого тематического поля отражает проблемную демографическую ситуацию, которая отражается из частотной встречаемости членов синонимического ряда: проблема, трудности, затруднения: 1) *the most pressing problem is a breakdown of filial piety*; 2) *this has become a great issue*; 3) *that's a big problem for a city with an estimated 2 million only-child adults. Caring for the elderly remains a huge challenge* (март 17, 2008: с. 27–30). Однако образ Китая, погружённого в проблемы, имеет свою положительную сторону: правительство и общество пытаются найти выход (слот «Пекин стремится изменить ситуацию»). Эти намерения выражены обобщённо: 1. *Beijing was considering scrapping the policy*. 2. *Beijing knows the policy needs to be rethought*. 3. *Beijing has begun tweaking its policies anew*. 4. *The government is seeking creative solutions of its own* (март 17, 2008: с. 27–30). Меры по изменению ситуации различны: «дети по найму», усыновление престарелых «детей», программы социальной защиты пожилых людей, служба на дому, дома престарелых. Образ Китая явно противоречив: тенденция к утрате сыновней почитательности к родителям сосуществует наряду с чувством преданности: *packing parents off to a nursing home is still seen as shameful* (март 17, 2008: с. 30). Можно проследить противоречия в комплексе мер, которые принимает правительство, и тем фактом, что «политика одного ребёнка в семье» изменяет ин-

ститут семьи самым неожиданным образом: *the policy has reshaped families in a number of unintended ways* (март 17, 2008: с. 27). Эта проблема также вскрывает другую проблему – расхождение между богатыми и бедными: *Beijing's family-planning rules are slipping as the rich and powerful break the single-baby rule... Ordinary citizens resent the privileged few who can enjoy extra children* (январь 28, 2008: с. 30–31).

Идеологическая пропозиция, которая может быть выведена из материалов «Ньюсуик» о политике «один ребёнок в семье», представлена в следующем виде: **Политика «один ребёнок в семье» не решает проблем.**

Итак, журнал создаёт образ Китая, имеющего ряд демографических проблем, которые правительство и частично общество стремятся смягчить. Другие проблемы, которые также могут быть описаны с помощью пропозиции **Китай – страна, полная противоречий**, отражают общую линию: существует много трудностей, которые сильно ослабляют новую сверхдержаву, и борьба с ними требует усилий как со стороны правительства, так и общества.

Теперь переходим к периоду с января 2011 г. до апреля 2012 г. Критический подход к традиционным ценностям Китая остаётся, но, по мнению авторов «Ньюсуик», эти ценности трансформируются, приближаясь к западным ценностям, используется метафора «мутируют»: *... as China sheds its communist mantle, it is not only Westernizing but also Sinicizing, rediscovering its traditional values. These values, however, are mutating... while the intense competitive pressures of Confucian China have returned, the countervailing Confucian China values – selflessness, compassion, honor and rectitude – have not. As a result, many worry that the China emerging from communism will know no values other than wealth materialism* (март 12, 2012: с. 25).

Следовательно, образ **мутации традиционных ценностей Китая**, выражающий сдвиг к западным ценностям, идея некоторого слияния (*... it is not only Westernizing but also Sinicizing...*) вскрывают противоречия ценностей, столкновение между ценностями конфуцианского Китая и западными ценностями.

Тремя годами позже авторы «Ньюсуик» пишут о тех же самых контрастах между богатством и бедностью: рост Китая вскрывает его противоречия, и подъём Китая обнаруживает его проблемы...

China is a wealthier than ever, yet corruption, censorship and deep social problems are pervasive... What we have here are two images. There is the superdynamic China with cash reserves that mesmerize world leaders... The other China is the one where leaders can... bury their problems (Выпуски 2012: с. 14). Противоречия обнаруживаются во многих аспектах жизни Китая: **Beijing is two cities. One is of power and of money... The other city is one of desperation...**

I see people on public buses, ... and I see they held no hope... They come from very poor villages where they've never seen electricity or toilet paper (сент. 5, 2011: с. 61). Расхождения между городским и сельским населением не исчезло. Журналисты замечают, что наиболее динамичный рост в экономике происходит в городе, и разрыв между сельским и городским населением увеличивается. Полагают, что сельские девушки и женщины – жертвы неравенства. Авторы «Ньюсуик» считают, что такая политика расширяет пропасть в Китае между городом и деревней: *widen the chasms between China's city and country* (Выпуски 2012: с. 16).

Таким образом, расхождения, которые были зафиксированы годами ранее, остались: между полами, центром Китая и его провинциями, богатыми и бедными. Последнее расхождение стало ещё более очевидным: *Many Chinese are richer than they were two years ago, and some Westerners admire the new mega-rich* (Issues, 2012: с. 16). Словосочетание с эпитетом *внезапно и быстро увеличивающееся богатство* подчёркивает «сверхдостижения» Китая: *Like a relentless overachiever China is eagerly collecting superlatives. ... The world's fastest growing major economy, ... the world's biggest hydropower plant, ... the world's largest airport... And now it has more self-made female billionaires than any other country in the world* (март 12, 2012: с. 22). Женщины-миллионеры характеризуются посредством метафоры **Олигархи-Тигрицы: Tigress Tycoons** (март 12, 2012: с. 20). Лидеры страны видят, что разрыв между бедными и богатыми велик до неприличия: *... the gap between rich and poor is obscenely wide* (февр. 27 / март 5, 2012: с. 21) и пытаются решить проблему: *... their policies aim to ameliorate the growing gap between China's have and have-nots* (февр. 13, 2012: с. 40).

Однако следует заметить, что публикаций о правиле «один ребёнок в семье» в данный период не зафиксировано.

В статьях 2011 г., 2012 г. проанализировано новое противоречие, которое не комментировалось три года назад, касающееся китайского руководства: кардинальная смена поколений – *a profound generation shift* (февр. 13, 2012: с. 40); противоречие между «*modern politicians*» и *the fresh crops of mandarins... who pose a startling contrast to the elder generation of gray straitlaced bureaucrats* (февр. 13, 2012: с. 40). Группа лексем со значением **борьба**, метафорическая репрезентация этой группы создают специфический образ борьбы за высшие партийные должности: *the battle for top party slots: a ferocious battle; the struggle has been kept under wraps; the infighting* (февр. 27 / март 5, 2012, с. 20). Данное противостояние вовлекает неомоистов и партийных ретроградов (*neoMaoists and party*

diehards), с одной стороны, и партийных реформаторов, сторонников нового мышления и свободы мысли (*party modernizers, free thinking and mind liberation*), с другой, что отражает борьбу за будущее Китая. Концептуальная метафора **игры** также вербализирует эту оппозицию: *This leadership game of musical chairs also means key players in the nation's economic and financial administration, foreign policy, public security...* (февр. 13, 2012: с. 40). Кандидатом, который устраивает всех: *a compromise candidate with greater neutrality* (февр. 13, 2012: с. 40), человеком, который способен перебросить «мост через пропасть внутри своей партии» (*to bridge the rifts within his own party*) является, по-видимому, вице-президент Си Цзиньпин.

Таким образом, появился новый ракурс противоречивого образа Китая: **существуют различия между старшим поколением и «реформаторами» в руководстве Китая.**

Итак, образ Китая, который формируется на страницах «Ньюсуик», представляет собой сложную, динамическую, информационную картину Китая. Основная черта образа Китая – это его противоречивая природа. Однако противоположные стороны образа Китая сосуществуют, отражая его двойственность и единство в одно и то же время, и, что важно, они могут изменяться, фиксировать новые реалии и представлять в новом свете. Анализ лингвистических средств, создающих образ Китая, имеет определённые перспективы, так как рост влияния Китая и его место в процессе глобализации, должно быть внимательно изучено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis. Discourse as Social Interaction / N. Fairclough, R. Wodak // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. – Vol. 2. – London: Sage Publications, 1997. – P. 240–269.
3. Hall, J.K. Teaching and researching language and culture / J.K. Hall. – Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2002. – 242 p.
4. Lakoff, G. Moral Politic: What Conservatives Know that Liberals Don't / G. Lakoff. – Chicago: The University of Chicago Press, 1996. – 413 p.
5. Nichols, B. Ideology and the image / Bill Nichols. – Bloomington: Indiana University press, 1981. – 267 p.
6. Scollon, R. Intercultural Communication: A Discourse Approach / R. Scollon, S. Scollon. – Beijing: Foreign Languages Teaching and Research Press; Blackwell Publishers Ltd., 2005. – 276 p.
7. Van Dijk, T. Preface. Discourse as interaction in society. Discourse as Social Interaction / T. Van Dijk // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. – Vol. 2. – London: Sage Publications, 1997. – Pp. IV–XXXVII.

ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ДВУЯЗЫЧНОГО ОБЩЕНИЯ РУССКО-КИТАЙСКИХ БИЛИНГВОВ

А.Ю. Мутьлина

Мутьлина Анна Юрьевна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: mutylina_anna@mail.ru

В статье рассмотрено явление русско-китайского билингвизма в таких речевых аспектах его проявления, как переключение и смешение кодов. Языковая ситуация, свойственная русским-билингвам, проживающим в настоящее время в Китае, обусловлена функциональной общностью этих двух языков, которые совместно обслуживают данный билингвальный социум, составляя речевой репертуар его представителей, а также билингвальное общение внутри него. Наблюдения над их речью показывают, что изменение кода является распространенной стратегией их речевого поведения при общении друг с другом в условиях разговорной формы коммуникации. На их билингвальную речь оказывают значительное влияние такие параметры, как место и характер работы, семейное положение, общение до и после переезда, продолжительность проживания в Китае, отношение к анализируемым явлениям и др. В работе рассматриваются такие аспекты двуязычной речи, как просодическая и артикуляционная её характеристики, отличие смешения от переключения кодов, адаптированное и неадаптированное употребление китайских вставок, характер используемых в речи на русском языке китайских лексем, способы их ввода в речь, межфразовое и внутрифразовое переключение кодов, причины перехода на китайский язык и др.

Ключевые слова: билингвизм, переключение кодов, смешение кодов, русско-китайские билингвы.

Bilingualism is one of the most wide-spread phenomena in the world: not only a feature of individual speakers, but of different communities and even nations. During the entire human history there were lots of bilinguals: individuals, bilingual groups, communities and nations.

This phenomenon is of great interest for many researchers: sociologists, political scientists, cultural studies scholars, sociolinguists, and, of course, linguists. According to Carol Myers-Scotton, bilingualism «offers a unique opportunity to understand the structures of a particular language when we see how they pattern when in contact with structures of another language» [1, 12].

Linguistic studying of bilingualism and language contacts began with the observation of diachronic processes, such as lexical borrowing, language mixing, language shifting, areal linguistic problems, Sprachbunds, etc. Only in the middle of the 20th century did scholars begin to pay attention to bilinguals' speech.

We define «bilingualism» as an ability to use two or more languages to successfully produce both oral and written communication and respond to native speakers of these languages. So bilingual is a person, able to communicate with native speakers in both languages in basic spheres of life, necessary for him/her.

Studying the speech of bilinguals shows that their two languages are not isolated; they do interact with each other. The evidence of this interaction is code-switching and code-mixing in bilinguals' speech.

A great interest for scientists is interaction of languages of different types, such as, for example, Russian and Chinese. Most of the research papers

compare these two languages or analyze the changes of the Russian language that is used by Russians who lived in China for a very long time [3; 4; 2; 5, etc.].

But the analysis of Russian-Chinese bilingual speech shows different forms and types of these two languages' interaction, such as code-switching and code-mixing. The present article deals with these two aspects of Russian-Chinese interaction.

Under the term «code-mixing» we understand the insertion of single Chinese words that do not form syntactic constructions in Russian phrases.

Е.г., Посмотри / какая qúnzi!
(Look, what a nice skirt!)

Code-switching takes place when different Chinese words do form syntactic constructions within Russian phrases:

Мне zhēnzhū nǎichá...
(I'd like some pearl milk tea...)

The interaction of languages begins with the interaction of people. There are different reasons for people to become bilinguals: e.g., living in communities with different languages or displacement. C. Myers-Scotton defines the following conditions of displacement under which people are likely to become bilinguals: migrations, wars and colonialism, peace settlements, incorporation for national integration and acculturation" [1, 53].

Nowadays more and more Russians learn Chinese, especially in the Far East region. People are interested in the Chinese culture or in making business with China. Today there are 3 main reasons for Russians to leave for China: migration for job, migration for study and marrying Chinese citizens.

These 3 groups form the Russian-Chinese bilingual community in China. For this community Russian is the first language and Chinese is the second one. So their language situation in China is made of functional community of these two languages that serve the bilingual society together, forming verbal repertoire of its representatives, as well as bilingual communication within it. The main spheres for the Russian language are, as a rule, intra-family communication, culture and leisure; for Chinese – education, business and politics, trade and everyday communication, as well as the scope of official and business documents. For those of Russians, who are married to Chinese, intra-family communication involves two languages: Russian for communicating with their relatives, Chinese – for communicating with husband and his relatives¹. For those, whose work also relates to Russia (working for Russian Embassy in China, Russian representative offices, etc.), business communication also includes two languages (sometimes even with predominance of communication in Russian).

For all our interviewees, bilingual speech took place in such forms as code-switching and code-mixing.

Living abroad changes linguistic background of surroundings. In a way, the Russian bilinguals start losing control of their language. The Russian-speaking background changes to Chinese-speaking. Under such circumstances communication with other Russians becomes more important and appreciable. For this purpose Russian clubs are organized, different meetings are held, Russian holidays are celebrated in big cities of China where a lot of Russians live. Active participating in such events helps to keep the native language. So does watching Russian TV and movies, reading Russian newspapers, magazines and books, going to Russian church and schools.

But at the same time the Chinese surroundings and the need of everyday communication help people to acquire the second language. The faster this acquisition is the better bilinguals communicate in the new surroundings.

Bilinguals' communication is also influenced by such factors as place and nature of their work, marital status, peculiarities of communication before and after their moving to China, the duration of residence in China, their attitude towards the phenomena, etc.

As it was written above, the term “code-mixing” means the insertion of single Chinese words that do not form a syntactic construction in the Russian phrase. Chinese insertions in Russian phrases may be adopted and non-adopted.

Adopted insertions:

Ну-ну / всякие там нихаушки / сесеньки.

(Well, well / all those nihaushki / sesenki. (From Chinese nǐhǎo – 你好– hello; xièxie – 谢谢– thank you)
Намного лучше / чем иэньфэньчжэнь разглядывать.

(It's much better / than stare at shenfenzheni. (From Chinese shēnfēnzhèng – 身份证– ID card)

Non-adopted insertions:

Для иностранцев / конечно / по-другому // они же / такие / убиháо.

(For foreigners / of cause / in a different way // they are / so / friendly.)

Там специальные столовые для liúxuéshēng.

(There are special canteens for international students.)

Change of the code very often occurs on Chinese words that define things, objects, people, activities, or concepts referred to living in China:

Не различают / shuòshì / bóshì.

(They don't differentiate between master's degree / (and) Ph.D.)

В последнее время стали пропадать càidān.

(Recently the menus began to disappear.)

Usually these are words bilinguals use frequently in their everyday life:

Пишут bóshì в chéngbiǎo.

(They write doctor in the schedule.)

Надо было брать билет в liúxuéshēng bànɡōngshì.

(You'd better take tickets at the international students' office.)

Very often code-mixing occurs on the words that express evaluation:

Была большая вечеринка / очень rènao.

(There was a big party / very lively.)

As was shown above, the term “code-switching” means that Chinese elements form a syntactic structure in the Russian phrase. Traditionally code-switching is divided into intra-sentential and inter-sentential. Our material shows that intra-sentential code-switching occurs more often in the speech of the analyzed bilinguals' group:

Мéi shénme интересного.

(There was nothing interesting.)

Intra-sentential code-switching takes place less often:

Zěnméi? / нам к переходу надо.

(What's wrong? / we need to get to the pedestrian crossing.)

Code-switching can be caused by quoting (1-2 examples), triggering (3rd example) and emphasizing the theme of the phrase (4th example):

1. *Препо́д его спрашивает / shénme yìsī?*

(The teacher asks him / what's the meaning?)

¹ Among Russians, whose speech we observed, were only women, married to Chinese men. The opposite group (men married to Chinese women) was not observed yet.

2. Бабушка ему просто поет / wáwa shuì / wáwa shuì.

(The grandma sings to him / baby fall asleep / baby fall asleep.)

3. Miànzì / это основа китайского общества / dōu shì wèile miànzì!

(Reputation / is the base of Chinese community / everything is for the reputation.)

4. А наши мужья вместе работали / так что я / dōu zhīdao.

(Our husbands worked together / so I / knew everything.)

Code-switching may serve the empathic highlighting of some part of the speech:

А она говорит / ваши имена все странные / dōu hěn qíguài.

(And she says / all your names are strange / very strange.)

The analysis of bilingual speech gives grounds to define 3 types according to which Chinese elements are used in Russian phrases: duplicated, mirrored and “simple”.

1. Duplicated type.

In this case a Chinese element is followed by the Russian equivalent:

Все для bǎobǎo / сокровища нашего / идет в молоко.

(Everything for our baby / our treasure / goes into the milk.)

Китайцы убеждают так: “这个菜营养很高 一定要吃” (Это блюдо питательно (много калорий) обязательно надо кушать).

(Chinese people convince somebody to eat something in the following way: “the nutrition of this dish is very high, you must eat some” (This dish is nutritious (has a lot of calories), you should definitely eat it.)

2. Mirrored type.

A Russian element comes before a Chinese one (in some way Chinese elements clarify what has been said before in Russian):

Гостям предложили посмотреть квартиру молодоженов (新房子).

(The guests were offered to take a look at the apartment of newlyweds (apartment of newlyweds [literally – a new house]).

*А он / не крутится? / bù zhǔn ma? // ну да / правильно.

(And he [asked] / it doesn't spin, does it? / doesn't it spin? // well yes / that's correct.)

3. Chinese elements are integrated into the Russian phrase:

Я сейчас в Běiyú / а до этого в Dàwài год.

(I'm studying at Beijing Language and Culture University now / and before that I spent a year at Dalian Institute of Foreign Languages.)

Там / где самую вкусную kǎoyā продают.

(In the place / where the most delicious Beijing grilled fish is served.)

The great amount of Chinese insertions in Russian phrases belong to the following groups, selected thematically:

1. The names of educational institutions and their divisions:

Это рядом с Běidà.

(It's not far from the Beijing University.)

Зашла в наш liúxuéshēng bàngōngshì.

(I've went to our international students' office.)

2. The names of subjects in Chinese educational institutions.

Yùèdú нам с нашими учебниками хватает.

(I've got enough reading with our text books.)

3. The names of documents and laws

Свидетельство о браке, 身份证 мужа.

(Marriage certificate, husband's ID card.)

4. Everything connected with food

Они же мясо почти не едят / траву всякую / bāozi / mántou.

(They almost do not eat meat / [eat] different kinds of grass / steamed stuffed buns / steamed bread.)

5. Geographical names

Поедем сегодня на Wúdàokǒu?

(Shall we go to Wudaokou [the name of the subway station in Beijing] today?)

Russian-Chinese bilingual speech that we observed shows a great number of code-switching and code-mixing examples. The absence of research works in this field makes it a prosperous theme for studying. The article presents only some general aspects of these widespread, interesting and informative phenomena. The further work in this direction will make it to understand more specifically the nature of these phenomena and the way two languages «co-exist» in one human brain.

ЛИТЕРАТУРА

1. Myers-Scitton, C. Multiple voices: an introduction to bilingualism / C. Myers-Scotton. – UK: Blackwell Publishing, 2008. – 457 p.

2. Ли, С. Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского языков / С. Ли // Вопросы филологии. – М., 2003. – № 2 (14). – С. 30–34.

3. Оглезнева, Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.А. Оглезнева. – Томск, 2009. – 55 с.

4. Оглезнева, Е.А. Русский язык восточного зарубежья в первой половине XX в.: к вопросу о своеобразии / Е.А. Оглезнева // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – № 6. – С. 135–150.

5. Чжао, Ю. Сопоставительная грамматика русского и китайского языков / Ю. Чжао. – М.: Прогресс, 2003. – 460 с.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ МАССОВОГО РУССКО-АНГЛИЙСКОГО БИЛИНГВИЗМА

А.А. Ривлина

Ривлина Александра Абрамовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка при факультете менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).

Контактный адрес: rivlina@mail.ru

Статья посвящена необходимости расширения границ описания контакта русского языка с английским в связи с началом формирования массового русско-английского билингвизма, в частности, с привлечением подходов и понятий теории контактной вариантологии английского языка (WorldEnglishes). В статье рассматриваются следующие особенности англоизации современного русскоязычного дискурса: «минимальный»/«начальный» характер массового русско-английского билингвизма; возрастание доли русско-английского переключения и смещения внутри предложения; широкое распространение символических переключений на английский язык, в частности, «переключений-тегов»; наличие ограничений, обуславливающих русификацию английского языка, используемого в русскоязычных контекстах, признаки формирования варианта Russia(n) English; преобладание художественной/речетворческой функции при использовании единиц английского языка в речи носителей русского языка.

Ключевые слова: language contact, global English, bilingualism, mass/societal bilingualism, World English Paradigm, Englishization of Russian / Russianization of English, minimal/incipient/passive bilingualism, intrasentential code-switching and code-mixing, emblematic/symbolic code-switching, tag-switches, conventionalization, indexicality, bilingual creativity.

В современной русистике описание контакта русского языка с английским, даже в самых недавних публикациях, продолжает вращаться вокруг дискуссий, в которых стороны традиционно выступают либо с позиций «просвещенного лингвиста», полагающего, что «русскому языку особые беды не грозят», что язык как самоорганизующаяся система сумеет самостоятельно справиться с любыми воздействиями, либо с позиций «просвещенного обывателя», обеспокоенного и раздраженного происходящими в русском языке изменениями, в частности, теми, которые возникают под влиянием глобального английского [6: с. 7–9]. Каждая из позиций подвергается жесткой критике с противоположной стороны, равно как и попытки примирить их, найти компромиссную точку зрения (ср. критику книги М. Кронгауза в [1: с. 7–8]). Что касается объекта исследования, то он по большей мере ограничивается лишь одним из аспектов системного взаимодействия русского языка с английским, а именно, лексическими заимствованиями из английского языка и их адаптацией/ассимиляцией в русском языке. При этом акцент зачастую делается на оценочной интерпретации вербальных результатов языкового контакта («оправданные» и «неоправданные» заимствования, «избыточные», «паразитарные» и т.д.) и значительная их часть объясняется отсутствием речевой культуры, модой, неумением или нежеланием подобрать соответствующий русскоязычный аналог и «американиченьем» [1: с. 114].

Не ставя под сомнение право авторов на подобное видение проблемы и правомерность высказываемых аргументов, нельзя не признать ограни-

ченность таких подходов в свете огромного объема исследований, накопленных мировой контактологией и вариантологией в описании процессов глобализации английского языка на материале других языков, раньше русского вступивших в контакт с английским и находящихся в более тесном с ним взаимодействии. В частности, расширить горизонты описания русско-английского языкового контакта позволяет теория контактной вариантологии английского языка, или World Englishes Paradigm, согласно которой Россия на рубеже XX–XXI вв., признав английский язык в качестве основного языка международного общения и выбрав его как основной иностранный язык, изучаемый в образовательных учреждениях, вступила в так называемый «расширяющийся круг» англоязычного пространства. И хотя внешнеэкономическая и внешнекультурная сферы остаются основными для функционирования английского языка в России, «глубина» и «диапазон» его использования, т.е. использование в разных культурных, социальных, образовательных и коммерческих контекстах и разными социальными слоями говорящих внутри страны стремительно расширяются¹. Английский язык в России, как и в других странах «расширяющегося

¹ Подробнее о контактной вариантологии английского языка и таких ее основных понятиях как «модель трех концентрических кругов» английского языка, «глубина»/«диапазон» распространения языка и др., а также о функционировании английского языка в России [2; 4; 11; 17; 20].

круга», становится «уже больше, чем просто иностранным языком» [17: с. 4] и носители русского языка все больше втягиваются во всемирный процесс «билингвализации» [3: с. 92], т.е. распространения билингвизма по модели «английский язык плюс местный/русский язык», что порождает не только увеличение заимствований из английского языка, но и использование собственно единиц английского языка на уровне слов, словосочетаний и даже целых предложений в речи носителей русского языка. Носители русского языка, согласно теории World Englishes, хотя и в своем собственном варианте, но становятся такими же полноправными «пользователями» английского языка, как и собственно носители английского языка.

Без признания «билингвализации» русскоязычного дискурса как языковой реальности невозможно сделать шаг вперед в описании современного состояния контакта русского языка с английским. Принципиальный вопрос: идет ли в данном случае речь о билингвизме только как об индивидуальном/групповом явлении или о массовом/коллективном/социальном русско-английском билингвизме? Многие российские лингвисты склонны отрицать существование массового русско-английского билингвизма, явно или неявно. Например, некоторые исследователи, анализируя речь носителей русского языка свободно владеющих английским, называют их «квази-билингвами» [10: с. 10], имея в виду, очевидно, отсутствие в России ситуации «классического», «прототипического» социального билингвизма с закрепленными за каждым из языков сферами использования, внутринациональными функциями, устоявшимися моделями «немаркированного/ситуационного» и «маркированного/метафорического» кодового переключения и смешения и многого другого. Однако С.Г. Николаев, рассматривая одну из разновидностей индивидуального билингвизма, литературный билингвизм, проявляющийся в «творческом» переключении с одного языка на другой, подчеркивает, что в живом человеческом общении индивидуальный билингвизм нельзя рассматривать в отрыве от социального: по его словам, индивидуальный билингвизм как прием немислим без «целевого адресата», который сам бы выступал билингвом, а точнее, без билингвального сообщества, на которое и рассчитано языковое произведение [8: с. 3].

Кроме того, понимание билингвизма как владения двумя языками в одинаковой степени сегодня большинством исследователей признается идеализацией, существенно ограничивающей данное явление, и билингвизм рассматривается в виде континуума степеней владения вторым языком от максимального и активного до минимального и пассивного. В литературе сегодня используются термины, которые допускают существование своеобразной

«периферии» билингвизма: «минимальный билингвизм», когда индивид владеет лишь несколькими словами и выражениями второго языка, «начальный билингвизм» на начальных этапах овладения индивидом вторым языком, «пассивный билингвизм», когда индивид понимает второй язык, но не может говорить или писать на нем [2: с. 41–42; 23: с. 6], даже «притворный/ложный билингвизм» и «имитация билингвизма», когда речь идет о демонстрации речи на иностранном языке при поверхностном владении неродным языком или невладении им [9: с. 55, 105]. Для описания современной языковой ситуации в России важно, что существование подобной периферии невозможно без существования в обществе представления о русско-английской билингвальной речевой практике как таковой, хотя бы в виде некоего образца для подражания.

Доказательством формирования «целевого» русско-английского билингвального сообщества становится возрастающее количество англоязычных компонентов в различных сферах массового общения в России. Достаточно обратить внимание не только на многочисленные международные рекламные слоганы, используемые и с переводом, и без такового, типа «*MacDonald's – I'm loving it / Вот, что я люблю*» или «*Škoda Fabia – Simply clever*», но и на заголовки популярной художественной и публицистической литературы, предназначенной для широкого круга читателей, типа О. Робски *Casual. Повседневное; Про любовь/on*; Т. Огородникова *Брачный контракт, или Who Is Ху...*; И. Хакамада *Sex в большой политике. Самочувствие self-made woman; SUCCESS [успех] в большом городе*; В. Пелевин *Generation «П»; Empire V; S.N.U.F.F.*; С. Минаев *Duxless; The Тёлки* и др., названия радио- и телепередач, типа «*Comedy Club*», «*Yesterday Live*» или «*Hawa Russia*», названия и заголовки газет и журналов, типа «*Oops!*», «*Yes!*» или «*Metro*», составляющие «лингвистического пейзажа» российских городов², например, названия магазинов и ресторанов типа *BuGOODu, Zavarka, Vanиль* или *The Cad* и многое другое. При этом «минимальный», «начальный» характер массового англо-русского билингвизма обуславливает ряд особенностей использования англоязычных единиц в русскоязычной коммуникации, отличающих его от «прототипических» моделей «билингвализации», которые описаны для билингвальных сообществ в странах «внутреннего круга» английского языка, например, в иммигрантских сообществах, или «внешнего круга», например, в бывших колониях Великобритании. Остановимся на характерных чертах массового русско-английского

² О понятии «лингвистический пейзаж» см. специальный выпуск журнала *World Englishes* [15].

билингвизма, которые представляются нам наиболее значимыми на настоящем этапе.

Во-первых, если говорить об особенностях в плане формы, в подавляющем большинстве случаев английский язык представлен в русскоязычных контекстах в виде кодового переключения или вкрапления англоязычных единиц внутри предложения на уровне слов, иногда даже частей слов и словосочетаний. Очень редко используются целые предложения и, тем более, развернутые куски текста на английском языке, если только это не цитаты или рекламные слоганы³. Широкое распространение получили так называемые «переключения-теги», «tag-switches» [19: с. 230–231], слова, у большинства из которых есть русские эквиваленты, и которые представляют собой чисто символические англоязычные вставки в русскоязычную речь, используемые собственно ради их «чужезычности». Так, многие носители русского языка вставляют в свою речь «*please*», «*sorry*», «*welcome*», «*surprise*», «*bye-bye*», «*the best*» и т.п. либо шуточно, чтобы нарушить автоматизм общения и создать непринужденную обстановку, либо для достижения другого прагматического эффекта, обусловленного сложившимися в обществе социально-культурными трактовками типичных контекстов использования английского языка (то, что в социолингвистике получило название «индексикальность» [14: с. 34; 18: с. 89]). Например, премьер-министр Дмитрий Медведев, известный своей увлеченностью интернет-технологиями и стремлением к модернизации страны, часто прибегает к англоязычным «переключениям-тегам», стремясь, очевидно, осознанно или неосознанно, поддержать таким вербальным поведением соответствующий имидж. Ср.: *Если Украина захочет вступить в ОДКБ – welcome* (на встрече Д. Медведева со студентами и преподавателями национального университета Украины, 18 мая 2010 г.); *Если я людям надоем и они скажут мне «Good-bye», я займусь написанием мемуаров* (на встрече Д. Медведева с представителями прессы в Лондоне перед открытием Олимпиады, 30 июля 2012 г.). Исследователи билингвальной речи отмечают, что для выполнения символической функции вполне достаточно одного слова или выражения, которые отсылают к другому языку и высту-

пают как маркеры определенных социальных групп, стилей общения и идеологических представлений [14: с. 34–38; 18: с. 450]. О символическом переключении или смешении кодов, по-видимому, можно говорить и в тех многочисленных случаях, когда с целью привлечения внимания, экспрессивной, «игровой», «коммерческой», «идентификационной» или другими целями используется всего лишь одна или несколько букв английского алфавита, как в приведенных примерах *Брачный контракт...*, *Ваниль* или в имени поп-исполнительницы *МакСим*.

Вторая особенность, связанная с «начальным», «зарождающимся» характером русско-английского билингвизма, заключается в том, что статус многих вербальных единиц, возникающих в результате взаимодействия русского языка с английским, неустойчив и трудноопределим. Так, упомянутые «переключения-теги», которые одни авторы относят к кодовому переключению, а другие трактуют как заимствования или варваризмы, строго говоря, образуют переходную зону между заимствованиями и кодовыми переключениями. Их переходный статус поддерживается нестабильностью их графической репрезентации и кириллицей, и латиницей практически с одинаковой частотностью: *sorry – сорри*, *please – плиз* и т. д. Двойную графическую репрезентацию, затрудняющую однозначное определение статуса, сохраняют и многие лексические заимствования из английского языка, например, в различных письменных и печатных контекстах сегодня достаточно часто используются *know-how* и *ноу-хау*, *sale – сейл*, *off-shore – оффшор*, *VIP-персона – вип-персона*, *PR-агентство – пиар агентство* и др. Причем, если нестабильность написания всегда считалась начальным этапом графического освоения заимствования, сегодня многие подобные лексические единицы не демонстрируют тенденции к утрате исходного англоязычного написания, а скорее сосуществуют в двух вариантах, русскоязычном и англоязычном. Более того, некоторые давние заимствования сегодня «реставрируют»⁴, т. е. восстанавливают свое исходное англоязычное написание, за счет чего намеренно создается смешанный русско-английский текст, и выражаются определенные дополнительные оттенки смысла: ср., например, название акции в одном из московских суши-баров *Калифорнитания*. Также многие рос-

³ В 2011 г. в течение непродолжительного периода времени на нескольких российских каналах показывали недублированные рекламные ролики духов *The One*, *Blue de Chanel* и некоторых других на английском языке, сопровождаемые русскими субтитрами. В некоторых странах «расширяющегося круга», например, в Скандинавии, подобная практика достаточно распространена, однако, в России она, очевидно, оказалась преждевременной и неуместной, и эти ролики быстро исчезли с экранов телевизоров.

⁴ В одной из своих предыдущих публикаций мы писали о тенденции к фонетической и семантической «реставрации» англоязычных заимствований как результате глобализации английского языка и языковой интернационализации [12]. Графическая «реставрация», как нам представляется, является еще одной стороной данного языкового процесса. Е.В. Маринова использует для обозначения языкового механизма этого явления термин «обратная транслитерация» [7: с. 65].

сийские наименования фирм, компаний, брендов и т.п. даются в двух графических вариантах по двум моделям: либо название исходно дается на английском языке и транскрибируется/транслитерируется на русский, например, московская жилищная компания *SweetHome* использует также как вариант название *Свитхоум*, либо, наоборот, русское название транскрибируется/транслитерируется на английский язык, например, караоке-бар *Истерика!* на вывеске также представлен на латинице как *Isterika! (Isterika! Song & Show Club)*. Как представляется, такая практика отчасти обусловлена необходимостью поиска информации о компаниях, товарах и услугах в интернете, поскольку интернет-адреса в любом случае даются с использованием латиницы (<http://isterika.ru>). Статус подобных лексических единиц трудноопределим еще и с точки зрения их принадлежности к определенному, русскому или английскому, языку (слово *isterika* – русское? английское? и то, и другое? ни то, и другое?), также как и статус многочисленных русско-английских гибридов, «игровых» кодовых смешений типа приводившихся выше *Про любoff/on*; *Духless*; *The Тёлки* и т. п.

Следующая особенность заключается в том, что английский язык, используемый в русскоязычном контексте, с неизбежностью подвергается ряду ограничений и русификации вследствие «минимальности» массового русско-английского билингвизма. Как отмечают исследователи английского языка в странах «расширяющегося круга», английские слова и выражения, часто используемые представителями других языковых сообществ, должны быть «конвенционализированы» [22: с. 72], другими словами, они должны быть широко известными, привычными и узнаваемыми даже самыми «минимальными» билингвами. К таким конвенциональным англоязычным включениям в современном русскоязычном дискурсе относятся: а) базовые лексические единицы, изучаемые, как правило, на основных этапах в школьном курсе английского языка, например, *hello, goodbye, mother, father, sorry, good, bad, the best, go* и т. п.; б) лексические единицы, легко узнаваемые в обоих, русскоязычном и англоязычном, вариантах – «когнаты», т. е. этимологически родственные слова, описанные выше «графические восстановленные» давние заимствования или, наоборот, недавние заимствования, сохраняющие как вариант англоязычное написание, например, *Biomax* (обе морфемы в названии данного продукта являются «когнативными»), *sex, millionaire, business, metro, bar, bank, VIP, PR* и т. п.; в) широко или общеизвестные во всем мире английские слова и выражения, определяемые иногда как «глобализмы» [7: с. 65], к которым относятся некоторые технические и экономические термины, наименования

некоторых международных фирм, компаний, брендов, имена известных людей, общеизвестные англоязычные прецедентные феномены, цитаты и аллюзии на популярные англоязычные источники и т.п., например: *play, on/off, Coca-Cola, game over, Mission Impossible* и др. Если используемая англоязычная единица не является достаточно широко известной и узнаваемой, то она, как правило, дублируется на русском языке в виде пояснения или в виде перевода, как в приводившихся выше примерах *Casual. Повседневное; SUCCESS [успех] в большом городе*, что, в свою очередь, способствует ее последующей конвенционализации, расширению набора общеизвестной в русскоязычном сообществе английской лексики и дальнейшему развитию массового русско-английского билингвизма.

Важный аспект рассматриваемой проблемы, который необходимо специально подчеркнуть в данной связи, заключается в том, что образуемый общий фонд англоязычной лексики, широко узнаваемой и часто используемой носителями русского языка, не может быть с однозначностью отнесен ни к одному из основных вариантов английского языка «внутреннего круга», ни к британскому английскому, ни к американскому, ни к одному из других «институализированных» вариантов английского языка, прежде всего потому, что носители русского заимствуют и используют единицы любых вариантов английского языка, особенно не различия их и легко смешивая в собственной речи. Кроме того, используемые англоязычные единицы зачастую трансформируются и используются не в том виде, в котором они существуют в английском языке, а в том виде, в котором они были использованы в предыдущих русскоязычных контекстах. Если вновь обратиться к названию книг Ирины Хакамады *Sex в большой политике. Самоучитель self-made woman* или *SUCCESS [успех] в большом городе*, очевидно, что отсылка дается не к исходному названию популярной книги Кэндэс Бушнелл *Sex and the City*, или к одноименным телесериалу и кинофильму, а к названию, которое они получили в российском прокате, «*Секс в большом городе*». Еще один показательный пример трансформации, или девиации закрепившейся в русскоязычном общении: среди носителей русского языка широко известна и часто используется интертекстуальная отсылка к названию песни, исполнявшейся солистом группы «Queen» Фредди Меркьюри, «*The show must go on*». В современном русском языке эта фраза стала использоваться как фразеологизм для выражения отрицательного отношения к поведению, чаще всего, публичных деятелей, таких как представители шоу-бизнеса, политики и т.п. Однако, несмотря на то, что существует и используется переводной вариант данного фразеологизма, «*шоу должно продолжаться*», с не мень-

шей, если не с большей частотой используются и транслитерированный его вариант, и собственно исходный англоязычный вариант, с одним только отличием – в транслитерированном и англоязычном вариантах данная фраза чаще всего используется без артикля, что можно объяснить влиянием «принимающего» русского языка как языка типологически безартиклевом. Ср.: *Все на сцену и в зал. До выборов – месяц. Show must go on* (Комсомольская правда, 10.02.2012); *Рано или поздно это все утрясется, конечно, и, надеюсь, благополучно для Филиппа, потому что «шоу маст гоу он»* (Комсомольская правда, 14.12.2010). Таким образом, описанные ограничения, накладываемые на функционирование английского языка в русскоязычном общении, а также возникающие под влиянием русского языка трансформации и девиации подводят к признанию того, что в речи представителей «минимального» русско-английского билингвального сообщества мы имеем дело с началом формирования особого варианта английского языка, Russia(n) English, во всяком случае, в его «речевой» разновидности (подробнее о Russia(n) English и дискуссиях вокруг этой лингвистической проблемы см. работы З.Г. Прошиной). Интересно, что подтверждение формирования варианта Russia(n) English под влиянием «минимального» массового русско-английского билингвизма можно найти у переводчиков-практиков: Б.Н. Климзо пишет, что профессиональные переводчики вынуждены принимать участие в «порождении Russian English», и приводит слова известного специалиста в области технического перевода А.Е. Чернухина, который жалуется, что «... [п]орой приходится переводить тупее, т.е. английскими словами на русский лад, лишь бы заказчик, который немножко знает английский, не придирался» [5: с. 398]⁵.

Наконец, анализ взаимодействия русского языка с глобальным английским подтверждает еще одну особенность, которую отмечают в связи с исследованием английского языка в странах «расширяющегося круга»: А. Стефанович пишет, что в странах, в которых общение ведется преимущественно на местном языке и местный язык доминирует

в выполнении основных внутринациональных функций, но при этом знание английского языка широко распространено и высоко ценится в обществе, языковая ситуация является идеальной для использования английского языка в художественной, или творческой функции [22: с. 73]. И действительно, как демонстрируют приведенные выше примеры, сегодня особенно активно происходит переключение с русского языка на английский и смешение русского языка с английским в художественной (поэтической, эстетической, инновационной, речетворческой/ языкотворческой) функции для достижения художественного эффекта и привлечения внимания с помощью таких приемов языковой игры, как графогибридизация латиницы и кириллицы (*Ваниль, MarkSum*), «игровое» графическое переключение (*Zavarka, Isterika!*), словообразовательная англо-русская гибридизация (*Про любовь/on; Duxless*), обыгрывание межъязыковой омофонии в сочетании с псевдомотивацией, т.е. англо-русские каламбуры (*BuGOODu*), англо-русские интертекстуальные отсылки и переименования англоязычных прецедентных феноменов (*Sex в большой политике*) и т. п. Английский язык выступает как дополнительное средство «лингвистической креативности», а точнее, «билингвальной креативности»⁶, которым не располагают монолингвы.

Рамки статьи не позволяют подробнее остановиться на описании русско-английской языковой игры, поскольку данный аспект контакта русского языка с английским настолько значим и многогранен на современном этапе глобализации английского языка, что требует специального освещения. Мы уже писали о нем ранее [13; 21] и еще планируем писать в будущем, как и о некоторых других особенностях процесса формирования массового русско-английского билингвизма, которые не смогли отдельно осветить в данной статье.

В заключение, отметим, что многие авторы указывают на произошедшее во всем мире в последние десятилетия изменение отношения к билингвальной и полилингвальной речи: если раньше доминировало мнение об использовании ресурсов двух и более языков как о некоем недостатке, обусловленном небрежностью или неспособностью к высказыванию мысли на одном языке, то сегодня билингвизм и билингвальная речь считаются скорее нормой, нежели исключением, и описываются с точки зрения разнообразия средств выражения различных смыслов и с точки зрения тех преимуществ, которыми обладают билингвы в плане коммуникативных, культурных, психологических, ког-

⁵ Интересный пример в связи с этим из собственной практики: однажды к автору статьи за экспертной оценкой обратился обеспокоенный заказчик, поскольку в переводе другого, очень грамотного переводчика в тексте о гостиничном бизнесе было использовано (вполне оправдано и «по-английски» идиоматично) выражение *hospitality business*. Это вызвало подозрения у заказчика, который знал, что английский эквивалент слова «гостиница» – *hotel*, и, не увидев его в переводе, стал сомневаться в качестве перевода. Действительно, «начальный» билингвизм клиентов иногда оказывается большей проблемой для профессиональных переводчиков, чем незнание английского языка, что порой вынуждает их «переводить на Russia(n) English».

⁶ О понятии «билингвальной креативности» и глобальном английском языке как дополнительном средстве «лингвистической креативности» см. специальный выпуск журнала *World Englishes* [16].

нитивных и т. п. возможностей [23: с. 16–25]. Пришло время признать, что в России, как и во всем мире, идет процесс «глобанглизации» [3], борьба с которым также невозможна, как и изоляция от него. Важно понимать, что глобализация английского языка при этом сопровождается его одновременной «локализацией»/«нативизацией», в контексте нашей страны, русификацией, что требует более глубокого теоретического осмысления и более широкого практического описания всех особенностей нарождающегося массового русско-английского билингвизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков, Д.Б. О русском языке и не только о нем / Д.Б. Гудков, Д.Б. Гусева, Е.Ю. Скороходова. – М.: Гнозис, 2010. – 206 с.
2. Кабакчи, В.В. Язык мой, камо грядеши? Глобализация, «глобанглизация» и межкультурная коммуникация / В.В. Кабакчи // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век. – СПб.: СПбГУЭФ, 2009. – С. 78–97.
3. Качру, Б.Б. Модели вариантов английского языка, неродного для его пользователей / Б.Б. Качру // Личность. Культура. Общество. Т. XII. Вып. 1 (№ 53–54). – М., 2010. – С. 175–196.
4. Климзо, Б.Н. Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы / Б.Н. Климзо. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Р. Валент, 2006. – 508 с.
5. Кронгауз, М.А. Русский язык на грани нервного срыва / М.А. Кронгауз. – М.: Знак, 2009. – 232 с.
6. Маринова, Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования / Е.В. Маринова. – М.: ЭЛПИС, 2008. – 495 с.
7. Николаев, С.Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С.Г. Николаев. – Ростов-на-Дону, 2006. – 40 с.
8. Панькин, В.М. Языковые контакты: краткий словарь / В.М. Панькин, А.В. Филиппов. – М.: Флинта; Наука, 2011. – 160 с.
9. Привалова, И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) / И.В. Привалова. – М.: Гнозис, 2005. – 472 с.
10. Прошина, З.Г. Основные положения и спорные проблемы теории вариантности английского языка = The ABC and Controversies of World Englishes / З.Г. Прошина. – Хабаровск: Дальневосточный институт иностранных языков, 2007. – 120 с. Доступно в URL: <http://proshinazoyag.weebly.com/books-to-read.html>
11. Ривлина, А.А. О «реставрации» и «нивелировании» заимствований в процессе языковой интернационализации / А.А. Ривлина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2010. – № 2 (26). – С. 11–15.
12. Ривлина, А.А. Об основных приемах современной англо-русской языковой игры // Homo Loquens: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сб. науч. ст. Вып. 3 / А.А. Ривлин; под ред. И.Ю. Щемелевой. – СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, 2011. – С. 86–96.
13. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова [и др.]. – М.: Флинта; Наука, 2013. – 632 с.
14. Alvarez-Cáccamo, C. From 'switching code' to 'code-switching': Towards a reconceptualisation of communicative codes / C. Alvarez-Cáccamo // Peter Auer (ed.) Code-switching in Conversation: Language, Interaction and Identity. – London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 1998. – P. 29–50.
15. Bolton, K. World Englishes and linguistic landscapes / K. Bolton // World Englishes. – 2012. – № 31 (1). – P. 30–33.
16. Bolton, K. Introduction. Special issue on creativity and world Englishes / K. Bolton, R.H. Jones // World Englishes. – 2010. – № 29 (4). – P. 452–454.
17. Kirkpatrick, A. The Routledge Handbook of World Englishes / A. Kirkpatrick (ed.). – London & New York: Routledge Publishing, 2010. – 704 p.
18. Mesthrie, R. The Concise Encyclopedia of Sociolinguistics / R. Mesthrie (ed.). – Oxford: Elsevier Science Ltd, 2001. – 1031 p.
19. Poplack, S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: toward a typology of code-switching / S. Poplack // Li Wei (ed.) The Bilingualism Reader. – London and New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2001. – P. 221–256.
20. Proshina, Z.G. Slavic Englishes: Education or culture? / Z.G. Proshina // Andy Kirkpatrick (ed.) The Routledge Handbook of World Englishes. – London and New York: Routledge Publishing, 2010. – Pp. 299–315.
21. Rivlina, A.A. ELF creativity and English–Russian language play / A.A. Rivlina // Культурно-языковые контакты: сб. науч. трудов. – Вып. 10. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. – С. 98–118.
22. Stefanowitch, A. 'Nice to Meet You': Bilingual Puns and the Status of English in Germany / A. Stefanowitch // Intercultural Communication Studies. – 2002. – № XI (4). – P. 67–84.
23. Wei, Li. Dimensions of Bilingualism // Li Wei (ed.) The Bilingualism Reader. – London and New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2001. – P. 4–25.

ПРЕПОДАВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ В 1940 г.: ДИСБАЛАНС ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Роланд Сассекс

Роланд Сассекс – почетный профессор Центробразовательных инноваций и технологий и Факультета языков и сравнительно-культурологических исследований университета Квинслэнда (Австралия, Брисбен, Санта Лучия).

Контактный адрес: sussex@uq.edu.au

Советский учебник по английскому языку для русских учащихся, опубликованный в 1940 г., раскрывает связь между культурным контекстом учащихся, культурным содержанием изучаемого языка и культуры и использованием языкового учебника для идеологических и пропагандистских целей. В отличие от современных учебников, обучающих коммуникации на изучаемом языке и культуре носителей изучаемого языка, этот учебник погружен в реальность Советской России 1940 г. и обеспечивает англоязычный код для коммуникации о жизни и реалиях в Советской России. Вместе с тем усиленный аудиоматериалами, он представляет собой явное достижение. Он дает нам возможность поразмыслить о взаимоотношениях между первым и вторым языками, родной и изучаемой культурой в дидактике учебника и в учебной программе.

Ключевые слова: преподавание языка, культура, методика, идеология, Россия, английский язык.

Одной из самых необычных книг в моей библиотеке оказалась книга по обучению русских основам английского языка (А.Л. Гильбертсон и Н.Б. Катловкер «Иностранные языки на граммофонных пластинках. Английский язык»). Она была напечатана в Москве в 1940 г. на хорошо знакомой традиционной, низкого качества бумаге, которая в те годы использовалась для учебников. К сожалению, граммофонные пластинки, когда-то прилагавшиеся к этой книге, давно пропали. Однако сама книга – больше чем историческая редкость. Она представляет ряд черт, которые проясняют ключевые моменты концептуализации учебников и их реализации, кардинально изменившиеся в последние два десятка лет, особенно со времени окончания коммунистической эпохи в России.

Книга представляет собой типичный для 1940-х гг. учебник по начальному обучению языку, явно базирующийся на грамматико-переводном методе, господствовавшем в то время. Вместе с тем он дополнен аудиокомпонентом. Действительно очень жаль, что граммофонные пластинки не сохранились, но представить их роль достаточно легко из самого текста. Каждый урок начинается с определенного вокабуляра, за которым идет текст и диалог для прослушивания и проговаривания. Авторы не делают никакого снисхождения в отношении неподготовленного читателя и используют Международный фонетический алфавит (МФА), впрочем, повторяя этот материал в традиционной английской орфографии. За этим следует вокабуляр каждого урока с транскрипцией в МФА, фразы для запоминания и фонетические, и грамматические упражнения. Например, там есть фонетические упражнения, в которых учащимся предлагается записать слова в две колонки в зависимости от того, какой гласный они имеют – короткий или долгий. Это метаобучение, а не коммуникативный подход.

Язык, предлагаемый для изучения, весьма книжный и не всегда отражает разговорный английский, даже того времени. «What book do you read?» [1: с. 102] – такое предложение вряд ли бы нашло место в современном учебнике английского языка для начинающих. А фраза «Good bye, old man» [1: с. 133] относит нас к эпохе Эдуарда VII начала XX в., а звучит так, словно сказана представителем высшего общества – явный социально-идеологический прокол авторов? Фонетическое представление также следует нормам образованных британских носителей, нет ротического звука – факт, не упомянутый во вступлении, так что различия между британским и североамериканским английским оказываются не стоящими упоминания.

В целом этот учебник – явное и значительное достижение. Включение в него разговорного языка, хотя порой и в несколько высокопарной форме, было прогрессивным для того времени. Учебник ни в коей мере не представляет коммуникативный подход. Использование в нем транскрипции МФА вызывает серьезные трудности у учащихся, столкнувшихся с проблемой освоения звуков незнакомого языка, еще более усиленной необходимостью соотносить звуки не только с транскрипцией МФА, но и причудливой английской орфографией. Грамматический и переводной материал характеризуется целесообразностью, пошаговой последовательностью, что довольно типично для того времени. По этому тексту можно узнать достаточное количество форм устного и письменного английского языка, хотя и не без определенных усилий. Направляющая роль опытного учителя была необходима для того, чтобы оживить такую методику или тексты, которые с трудом можно назвать мотивирующими.

Но это не очень удивляет. Мы склонны сбрасывать со счетов старые учебники, отдавая предпочтение более поздним изданиям, созданным новыми, предпочтенными нами специалистами в области преподавания и изучения языка. Этот текст напоминает нам, как далеко мы продвинулись за 70 лет в области педагогики, составления программ и методик.

Гораздо более интересным, однако, является репрезентация материала о культуре в текстах. В современных текстах обнаруживается тенденция помещать героев в среду страны изучаемого языка. Учащиеся, которые часто имеют имена на своем первом языке, взаимодействуют с носителями других языков разными социально-приемлемыми способами. Поэтому и культура, и язык гармонично входят в рамки второго языка и образуют то, что, по аналогии с вторым языком L2, мы называем C2, т. е. второй культурой.

Гильбертсон и Катловкер на это не осмелились. Их герои, повествование и контекст неизбежно соотносятся с советско-русской культурой начала 1940-х гг. Действующие лица носят английские имена (Мэри, Феликс, Стивен, Джон, Уильям) и отчасти русские (Виктор – потенциально русское имя) – обратите внимание на гендерный дисбаланс! Все они используют английский вокабуляр, грамматику и фонетику. Но это и все. А это значит, что перед нами текст на L2 (втором языке), но отражающий C1 (родную культуру учащихся). В определенном смысле это педагогически оправдано, поскольку способствует размещению повествования в рамки знакомого российско-советского контекста. В другом смысле, однако, это связано с ограничениями и приводит к заблуждениям, поскольку такой текст либо не содержит информации об англоязычной культуре, либо представляет информацию, идеологически уходящую корнями в советскую пропаганду того времени.

Анализ материала стоит рассмотреть более детально. Ряд выбранных из учебника цитат поможет нам рассказать о содержании и показать тональность книги в целом:

Mary is better than John at the History of the Party (p. 98) (Мэри успевает по истории партии лучше, чем Джон).

The bad old days have gone forever. I shall never forget the word so four great Stalin! (p. 142) (Плохие дни прошлого ушли навсегда. Я никогда не забуду слов нашего великого Сталина!).

Winter in England is very bad. It rains a lot. The climate in England is bad. The winter the reis the worst season of the year. In Moscow the winter is good [...] it is dry and healthy (pp. 55–56) (Зима в Англии плохая. Часто идет дождь. Климат в Англии плохой. Зима там – самое плохое время года. В Москве зима хорошая [...] сухая и здоровая).

Рассуждения о климате в пропагандистском контексте свидетельствуют о некоторой оригинальности, но они, несомненно, вводят в заблуждение, как и следующее высказывание, не учитывающее, что время депрессии уже давно в прошлом:

What do we see in capitalist countries?

There we see hunger and unemployment. We see young people without a future. We see people able to work, but unable to find work (p. 145) (Что мы видим в капиталистических странах? Мы видим там голод и безработицу. Мы видим молодых людей без будущего. Мы видим людей, способных работать, но не способных найти работу).

Это уже больше похоже на политическую риторику. То же самое можно сказать и о следующем:

The Soviet Union is the largest country in the world. It is the strongest country in the world. It is the richest country in the world. The Soviet people are the happiest people in the world (p. 113) (Советский Союз – самая большая страна в мире. Это самая сильная страна в мире. Это самая богатая страна в мире. Советский народ – самый счастливый народ в мире, где преподавание языка поставлено на службу идеологии. Я полагаю, что это один из способов обучения превосходной степени прилагательных).

Необходимо помнить, что в 1940 г. (с учетом времени на публикацию, эта книга, вероятно, отдана в печать в 1939 г.) между Советским Союзом и Германией был заключен Пакт Молотова – Риббентропа. Еще не наступил период резкой, стереотипизированной, враждебной антинацистской пропаганды, начавшейся после гитлеровского вторжения на территорию Советского Союза 22 июня 1941 г. О самой Германии в тексте нет ни одного упоминания. Более неожиданным оказывается то, что Америка упоминается только один раз, и то косвенным образом:

«About eight million young people who have graduated from high schools are without work, though no fault of their own, writes an American journalist. «We shall follow the example of our Soviet brothers and sisters», say the workers of capitalist countries». Workers of All Lands, Unite!» (p. 146) («Около восьми миллионов молодых людей, которые закончили среднюю школу, не имеют работы, хотя и не по своей вине», – пишет американский журналист. «Мы последуем примеру своих советских братьев и сестер», – говорят рабочие капиталистических стран. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»)

Но сама Америка в этой книге не попадает на идеологическое перекрестье. Только начиная с 1945 г., Америка (вместе с Германией, по крайней мере, Западной Германией, и послевоенным капиталистическим миром) становится главной мишенью советской пропаганды, сеющей ненависть.

И этот общий тон пропитывает всю книгу. Приводятся многочисленные цитаты Сталина. Со-

ветская (сталинская) конституция служит основой текстов для изучения языка в уроках 23–25. Должен признаться, что за время своей преподавательской работы в течение почти сорока лет, я не видел более скучных текстов. В уроке 25 приводится часть «зажигательной» речи маршала Ворошилова (о Троцком – Зиновьеве – Бухарине).

This suppurating ulcer of treachery has been lanced. The Red Army was rapidly and thoroughly purged of all this filth (p. 163) (Эта загноившаяся язва предательства вскрыта. Красная Армия была быстро и тщательно очищена от этой мрази).

«Suppuratingul cerofrea chery» («загноившаяся язва предательства») – в учебнике начального уровня? Риторика берет верх над словарной частотностью и целью обучения.

Эта выборка отрывков дает почувствовать тоналность книги. По всем основным параметрам данный учебник представляет собой советско-русский артефакт, в котором L2 (иностраный язык) и C1 (советская культура) уживаются с трудом и неуклюже.

Вопросы о нарушениях соотношения языка и культуры в обучении языку представляют актуальность, а может и являются объектом интеллектуальных размышлений, со времени гораздо более раннего, чем 1940 г. Но только сегодня они получили достаточное внимание научных исследователей. Явление, подобное описанному в нашем учебнике английского языка 1940 г., подвергнуто анализу Хино [2] на материале текстов для обучения японцев английскому языку. Он цитирует Хосияма [3: 60] для иллюстрации империалистических принципов, лежащих в основе текстов для обучения английскому языку в годы Второй мировой войны:

1. Разработайте материалы, способствующие развитию патриотизма.
2. Не используйте летоисчисление христианской культуры. Пользуйтесь японским летоисчислением с имперскими эрами правления.
3. Запрещаются пробританские и проамериканские материалы.
4. Не разрешается использовать материалы, предполагающие превосходство британцев и американцев над японцами.
5. Используйте материалы о японской территории, а не о Европе или Америке.
6. Темы, связанные с академическими дисциплинами, искусством, биографиями, должны быть основаны на японском материале.

Затем Хино показывает контраст этих требований с раболепским отношением ко всему американскому, характерным для англоязычных учебных материалов времени американской оккупации Японии после 1945 г. Хино хорошо известен как ученый и педагог, энергично пропагандирующий япо-

низацию английского языка. Это предполагает не только использование англоязычных материалов для выражения японской культуры, что параллельно нашему русскому учебнику 1940 г. (хотя и со значительно меньшей идеологической установкой), но и признание некоторых черт японского английского на уровне фонологии, синтаксиса и структуры аргументации, например, при написании эссе. Он предлагает не только признать эти черты, но и поощрять использование их студентами. Вот это уже свобода, которую Гильбертсон и Катловкер никогда бы не санкционировали.

Связанное с этим, но в некотором роде иное исследование Прошиной [4] охватывает амбикультурные тенденции преподавания английского языка – как можно использовать английский язык не только в качестве средства для обсуждения и передачи содержания разноязычных культур, но и для передачи неидеологизированных, культурно-обогащенных взглядов о России тем коммуникантам, чей родной язык – и не английский, и не русский. Это амбикультурное свойство английского языка отражается во множестве глокальных вариантов английского языка – японском, корейском, тагалогском (на Филиппинах), сингапурском и других, о чем свидетельствуют публикации в журналах «World Englishes» и «English World-Wide». Если говорить о китайском контексте, китайцы, которые говорят на китайском варианте английского языка, оформляют китайские сообщения с использованием англоязычного кода. То же самое можно сказать о малайцах, говорящих на малайском английском. Это верно и в отношении учащихся Гильбертсона и Катловкера, которые оформляли советско-русские сообщения на специальном виде английского языка, предназначенного для выполнения их коммуникативных целей.

Учащиеся, пользовавшиеся текстами Гильбертсона и Катловкера, вероятно, никогда и не предполагали использовать английский язык за пределами Советского Союза. То, чему их учили, было альтернативным языковым кодом для коммуникации в Советской России и для передачи информации о советской действительности. Англоязычные носители, приезжавшие в Россию в то время, тем не менее, были бы озадачены, а может и сбиты с толку пропагандистскими темами этого учебника. Это мир труда, рабочих, товарищей, учебы, счастливых граждан, комсомола, Коммунистической партии, политических классов (кто в несветском контексте сможет понять, что такое *политкружок*?) и серьезных устремлений «социалистического соревнования».

Хуже то, что текст предлагает пустословное бахвальство, например, о непобедимости Красной армии перед лицом **любого** врага:

A pledge is the fact that our Worker sand Peasants' Red Army is a first-class army, better than

any other army, an army that is technically equipped and splendidly trained (p. 165) (Гарантией является тот факт, что наша рабоче-крестьянская Красная армия является первоклассной армией, лучше любой другой армии, армией, технически оснащенной и превосходно обученной).

Это было трагически опровергнуто: погибли миллионы советских граждан в ходе кампаний 1941–1944 гг., битвы за Сталинград и блокады Ленинграда. К тому же текст учебника неточен и демонстрирует явное намерение изобразить, как советское сельское хозяйство достигло своего якобы счастливого состояния перепроизводства.

Но не стоит быть слишком критичными. Гильбертсон и Катловкер не могли пойти другим путем. Не могли они также и пойти на риск и в качестве отправного культурно-повествовательного материала взять реальное положение дел на Западе, даже если они его и видели. Поэтому им пришлось следовать мантре и сосредоточиться на создании текста, обогащенного системным аудиосодержанием и упражнениями, основываясь на таком культурном контексте, к которому их учащиеся имели непосредственное отношение. В контексте своего

времени они сделали великолепную работу. И мы, преподаватели языка, иногда оказывающиеся жертвами других идеологий – педагогики, оценки – должны сочувствовать судьбе коллег, которые работали в гораздо менее свободных условиях, чем те, в которых работаем мы и которые мы считаем собой разумеющимися.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гильбертсон, А.Л. Иностранные языки на граммпластинках. Английский язык / А.Л. Гильбертсон, Н.Б. Катловкер. – М.: Литература на иностр. яз., 1940.

2. Hino, N. Negotiating in digenous values with Anglo-American cultures in ELT in Japan: A case of EIL philosophy in the Expanding Circle // *English as an international language in Asia: Implications for language education* / Kirkpatrick and Sussex (eds). – Berlin and London: Springer-Verlag, 2012. – P. 157–173.

3. Hoshiyama, S. Senji-ka no eigokyoiku-kai [The English teaching circle during the war] // *Showa 50-nen no eigokyoiku [50 years of English language teaching in the Showa Period]* / ed. S. Wakabayashi. – Tokyo: Taishukan shoten, 1980. – P. 46–62.

4. Proshina, Z.G. English as a medium for Russians to communicate in Asia // *English as an international language in Asia: Implications for language education* / Kirkpatrick and Sussex (eds). – Berlin and London: Springer-Verlag, 2012. – P. 97–106.

КОГНИТИВНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

О НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«КОГНИТИВНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА»

С 24 по 26 сентября 2012 г. в Комсомольском-на-Амуре государственном техническом университете прошла Международная научно-практическая конференция «Когнитивная целостность человека». В числе организаторов конференции – Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Санкт-Петербургский государственный университет, Научный совет РАН по методологии искусственного интеллекта, Хабаровский научный центр ДВО РАН. В конференции приняли участие ученые из Комсомольска-на-Амуре, Москвы, Санкт-Петербурга, Хабаровска, Владивостока, Петропавловска-Камчатского, Благовещенска и других городов Дальнего Востока.

Во время конференции были проведены два пленарных и два секционных заседания, на которых представители разных наук вырабатывали общую позицию по существу решения проблемы когнитивной целостности человека. Кроме того, в течение третьего дня конференции был проведен итоговый круглый стол.

Открыл конференцию доктор философских наук, профессор *Рудольф Львович Лившиц* докладом «Кто ясно мыслит? Научный текст как предмет гносеологического анализа». Актуальность доклада обусловлена тем, что в постсоветской России в гуманитарных науках каналы информации забиты невнятными текстами, лишенными какой-либо познавательной ценности. По каким признакам можно идентифицировать такие работы? Чем ясное изложение отличается от наукообразного «камлания»? На эти вопросы попытался ответить докладчик. Он выделил следующие критерии ясности мышления: грамматическая связность текста, однозначность интерпретации, семантическая однородность, правильное употребление лексических средств. На конкретных (и весьма выразительных) примерах докладчик показал, к чему приводит отступление от требований ясности изложения.

Доктор социологических наук, доцент Хабаровской академии экономики и права *Андрей Юрьевич Завалишин* тему своего выступления сформулировал следующим образом: «Трансфания как аллегорическое отражение трансцендентной реальности». Трансфания – неологизм, изобретенный докладчиком (по модели «иерофании» Мирча Элиаде). Понятием «трансфания» докладчик обозначил «все возможные рефлексии трансцендентной реальности, воспринимаемые в виде матери-

альных форм». Разъясняя свою позицию, докладчик заявил, что существует много прямых и косвенных доказательств того, что «казавшиеся до недавнего времени «фантастическими» существа когда-то реально обитали на нашей планете, и что мифические события тоже когда-то происходили в реальном времени». Следуя этой логике, необходимо признать, что Кощей Бессмертный – такой же участник исторического процесса, как, например, Иван Грозный. Трансфания!

Доктор философских наук профессор Дальневосточного университета путей сообщения *Александр Семенович Брейтман* в своем докладе «О когнитивных возможностях экрана» проанализировал язык экрана как особое художественное средство познания. Специфика этого языка заключается, по его мнению, в синтетичности, которая обеспечивается посредством монтажа. Этот тезис был проиллюстрирован на большом количестве примеров из области киноискусства.

Доктор философских наук, профессор Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета *Илья Игоревич Докучаев* выступил с докладом «Аксиологические основания когнитивной целостности человека». В качестве таких оснований он выделил ценностные ориентации, которые являются отражением бытия и одновременно ключевой формой всей деятельности. Единство ценностных ориентаций проистекает из идеала, на который они опираются как на свой фундамент. Житейски-обыденная деятельность, социальная реальность, научная практика неизбежно влияют на всю систему ценностей и опосредованно на идеал, что не отменяет его ведущей роли в процессе познания (как и в любой другой деятельности).

Вячеслав Аркадьевич Сакутин, доктор философских наук, профессор Морского государственного университета им. Г.И. Невельского, в своем выступлении «Проблема целостности человека: Рекурсивное и дискурсивное измерение» провел следующую идею: дискурсивное измерение – это не что иное, как познание человека посредством традиционных научных методов, т. е. – по терминологии докладчика – изучение в русле позитивизма. Но «позитивистскими» (т. е. научными) методами невозможно выразить человеческую субъективность (иначе говоря, «собственно человеческое»). Для познания последней необходимо обратиться к рекурсивной методологии, которая состо-

ит в «обращенности на себя» и «бесконечном движении самообоснования». Только так, согласно докладчику, можно понять, в частности, и то, каким образом человек познает истину, иначе говоря, понять его когнитивную целостность.

Давид Израилевич Дубровский, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук, выступил с докладом «Психическая причинность как вид информационной причинности и когнитивные процессы». В этом докладе отмечалось, что современная когнитивистика приблизилась к решению многих проблем, которые еще недавно казались недостижимыми: расшифровке мозговых кодов психических процессов, адекватному и полному информационному моделированию субъективной реальности человека, созданию искусственных биосистем. Эти достижения открывают большие перспективы как в плане развития теории, так и в смысле практических приложений и вместе с тем таят в себе большие опасности.

Доклад доктора философских наук, профессора Дальневосточного государственного университета путей сообщений *Юрия Михайловича Сердюкова* назывался «Детерминанты трансцендентального опыта». Под трансцендентальным опытом Ю.М. Сердюков понимает опыт, полученный в особых состояниях сознания. Трансцендентальному опыту противостоит феноменальный, обретаемый в обычных состояниях сознания. Трансцендентальный опыт детерминируется, согласно докладчику, естественными информационными системами человека, пространственно-образным мышлением и субъективным временем. Каждая из выявленных детерминант была подробным образом охарактеризована.

Александр Георгиевич Никитин, доктор философских наук, профессор Ванинского филиала Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, выступил с докладом «Функциональная детерминация в научном познании: Когнитивное содержание и механизм действительности».

Доклад посвящен аксиологии научного познания. А.Г. Никитин выделил основные классы оценочных суждений в науке и раскрыл механизм их диалектического взаимодействия с существующей системой норм, регулирующих познавательную деятельность ученых.

Доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета *Борис Иванович Липский* выступил на конференции с докладом «Субъективные основания единства научного образа мира». По мнению докладчика, ценность достоверного знания состоит не только в том, что оно отражает действительность, но и в том, что оно создает предпосылки для организации людей. Но эту последнюю функцию знание спо-

собно выполнять лишь в том случае, если оно само обладает внутренним единством.

Екатерина Юрьевна Мальнева, кандидат филологических наук, старший преподаватель Дальневосточного государственного гуманитарного университета, в своем выступлении на тему «Семантические и ментальные константы: концепты эпохи романтизма в современной англоязычной лингвокультуре» утверждала, что так называемая американская мечта уходит своими корнями в романтическое мироощущение, которое, в свою очередь, представляет собой константу историко-культурного процесса.

Андрей Анатольевич Иванов, кандидат культурологии, доцент Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, в докладе «Расщепление субъекта в советском дискурсе» проанализировал сознание некоторых творцов советской культуры 30 г. XX в. Это сознание, с точки зрения докладчика, разрывалось противоречием между восхищением и ужасом. Восхищением грандиозностью созидания в сталинскую эпоху и ужасом – в связи с использованием репрессивных мер. Неспособность соединить эти стороны предвоенной советской действительности в непротиворечивую картину и вызвало то, что в докладе названо расщеплением субъекта.

Надежда Юрьевна Степанова, кандидат философских наук, старший преподаватель Хабаровской государственной академии экономики и права, в своем выступлении «Когнитивные стратегии лечения депрессии в процессе ипшотерапии» отметила, что общение с лошадьми, как и с другими животными, способствует нормализации когнитивных процессов у пациента и может быть использовано в ходе лечения депрессии. Такой контакт, с точки зрения докладчика, является предельно подлинным и не предполагает каких-либо социокультурных посредников, искажающих психическую реальность человека.

Евгений Владимирович Нижельский, аспирант Дальневосточного государственного университета путей сообщения, проанализировал в сообщении «Антропогенные факторы как маркёры этнической общности» соотношение природных (в его терминологии антропогенных) и социокультурных характеристик этноса. Общий вывод Е.В. Нижельского состоит в том, что значение унаследованных от предков внешних признаков весьма незначительно, этнос – общность по преимуществу социоисторическая, а не биологическая.

Любовь Владимировна Михеева, аспирант Дальневосточного государственного университета путей сообщения, в своем сообщении «Когнитивные функции восприятия» подчеркнула, что феномен восприятия чрезвычайно сложен, поэтому необходим синтез разных подходов для его познания.

Роман Сергеевич Легких, аспирант кафедры философии Дальневосточного государственного университета путей сообщения, в своем сообщении «Соотношение понятий религиозного опыта и мистического опыта» попытался развести эти два понятия по линии «социальное – индивидуальное».

Ирина Владимировна Тыщенко, аспирант Дальневосточного государственного университета путей сообщения, выступила с сообщением «Когнитивная ценность трансперсонального опыта». Следуя известной концепции С. Грофа, она обратила внимание на ценность одной из частей трансперсональной реальности – пренатального опыта. В сообщении обосновывается мысль о том, что данный опыт выступает основополагающей структурой процесса познания природы человека.

Несколько позже в рамках конференции прошла работа Школы молодых ученых: были прочитаны четыре лекции на актуальные и вечные темы, связанные с основной проблемой конференции (информационная революция и абстрактное мышление, виртуальность и субъективность, немецкая философия консервативной революции и марксизм в современной научно-философской картине мира). В качестве лекторов выступили доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии

и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета *А.М. Соколов*, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета *С.И. Дудник*, доктор философских наук, профессор, заместитель директора Санкт-Петербургской издательской фирмы «Наука» Российской академии наук *В.М. Камнев*, а также начальник департамента философии Уральского федерального университета *А.В. Перцев*. Лекции посетили и приняли участие в обсуждении, состоявшемся после каждой из них, более ста молодых ученых, студентов, аспирантов университета и других городских образовательных учреждений.

Доктор философских наук,
председатель оргкомитета,
профессор *И.И. Докучаев*
Доктор философских наук,
профессор *Р.Л. Лившиц*

От редакции:

Редколлегия сочла возможным поместить в настоящем номере журнала статьи авторов, чьи доклады вызвали наибольший интерес участников конференции.

КУЛЬТУРА КАК КОГНИТИВНАЯ СФЕРА: СЕМИОТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

И.И. Докучаев

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, проректор по связям с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, заведующий кафедрой философии и социологии.

Контактный адрес: ilya_dokuchaev@mail.ru

В данной статье культура определяется как совокупность семиотических средств выражения когнитивных факторов человеческой деятельности. Основные формы культуры – наука, ценностный мир, искусство, практика – и основные этапы их становления – синкретичная традиция и рационализированное творчество – трактуются как производные ключевых свойств когнитивной сферы – абсолютности, целостности, антропологичности, персонализации и рационализации информации.

Ключевые слова: культура, знак, информация, когнитивная сфера, наука, ценность, искусство, абсолютность, целостность, антропологичность, персонализация, рационализация.

Культура есть результат семиотического выражения когнитивной деятельности человека, т. е. деятельности отражения мира, которая, наряду с его преобразованием, составляет две основные формы индивидуального и социального бытия. Еще Томас Гоббс полагал, что в основании типологии культуры лежат соответствующие психические процессы, так и в основании истории – память, науки – мышление, искусства – воображение. Мы попытаемся показать, что в основе семиотического выражения того или иного вида человеческой деятельности лежат определенные феноменологические типы знаков, например, идея и понятие – в основании науки, образ и текст – в основании искусства. Но не только типы знаков необходимо учитывать, описывая семиосферу. За каждым типом знака скрыт особый тип семиозиса, т. е. процесс порождения и интерпретации знака.

Семиотика тематизирует культуру лишь в одном ее аспекте, а именно – в аспекте результатов человеческой деятельности. Эти результаты хорошо описываются с помощью ключевой в избранном методе модели «означающее – означаемое». Человеческая деятельность, ее типы, структура, функции и генезис запечатлеваются в своих результатах. Результаты оказываются соответствующим образом маркированы, что, конечно, отражается и на их семиотическом статусе. Маркированность знака человеческой культурой реализуется в трех его функциональных установках, коррелятивных установках культуры: на передачу абсолютной, целостной и антропологичной информации.

Основной и исходной формой семиозиса является парадигма, обеспечивающая коммуникацию людей, их стереотипное понимание того или иного сообщения, заключенного в знаке. Однако парадигма не есть итог семиозиса, она является лишь необходимым, но не достаточным условием его бытия. Эта недостаточность имеет глубокие онто-

логические основания: всякое сущее существует лишь постольку, поскольку вступает в отношения с иным сущим, в этом смысле оно никогда не самодостаточно, но всегда нуждается в ином. Это значит, что всякое сущее существует в непрерывном изменении: постоянно испытывая и ликвидируя свою несамодостаточность.

Подобное изменение может быть определено как информация, так как информация, по мнению Л.Ф. Чертова, автора книги «Знаковость», есть «множество отношений в системе В, претерпевших изменения под воздействием отношений системы А» [5: с. 18]. В этой фундаментальной работе, обобщающей результаты исследований по общей теории знаков, понятие «информации» анализируется в связи с различными концептуальными схемами, на основании чего и предлагается вышеуказанное – расширительное – определение, восходящее к концепциям У. Эшби и А. Моля.

Из всего изложенного можно сделать следующий вывод: информационная недостаточность всякой системы есть условие бытия культуры (как одной из возможных систем) и действительная причина культурогенеза во всех его формах. Ясно также, что информационная недостаточность всякой системы (следовательно, и культуры) принципиально не может быть ликвидирована: если бы это произошло, система перестала бы существовать.

Однако система испытывает какой-либо недостаток, она вынуждена стремиться к его ликвидации, что, в свою очередь, не может быть достигнуто во все время ее существования. Так мы получаем еще одно определение культуры – информолого-кибернетическое: культура есть система способов и форм ликвидации своей информационной недостаточности.

Изменение системы, ее структуры и членов может протекать в трех формах: трансформации, деформации и собственно информации. Первая

форма – нейтральное изменение системы относительно ее сущности, вторая форма – отрицательное, разрушительное изменение системы относительно ее сущности, и только третья форма – положительное изменение системы относительно ее сущности – есть такое изменение, которое поддерживает ее бытие, ликвидируя информационную недостаточность.

Критерии подлинной «собственно информации» или ликвидации информационной недостаточности в культуре: абсолютности, целостности и антропологичности. Ликвидация должна осуществляться так, чтобы в связи с уже ликвидированным недостатком не потребовалось бы новой ликвидации, и в этом ликвидированном недостатке заключается ее абсолютность. Ликвидация должна осуществляться целиком, и в этом – ее целостность. Наконец, ликвидация информационной недостаточности всякой системы ориентирована на достижение целей, обусловленных спецификой данной системы. В культуре эти специфические цели определяются ее человеческой природой, удовлетворение собственно человеческих потребностей и есть антропологичность ликвидации информационной недостаточности.

Первые два критерия прочно взаимосвязаны между собой: абсолютность предполагает целостность и наоборот. Но поскольку ни тот, ни другой не могут быть выполнены (речь всегда идет о большем или меньшем соответствии им информации, или о типах компенсации в случаях несоответствия), они различаются так, как различаются систематические необходимость и достаточность. Между третьим же критерием и первыми двумя существует противоречие: все, что целостно и абсолютно, не может быть антропологично, и наоборот. Это противоречие является, на наш взгляд, одним из источников глобальных проблем человечества, появление которых, заложено в самой структуре культурогенеза.

Гуссерль Э., остро осознававший данное противоречие, писал: «Наука – и это постоянно можно слышать – ничего не может сказать нам о наших жизненных нуждах. Она в принципе исключает вопросы, наиболее животрепещущие для человека, брошенного на произвол судьбы в наше злосчастное время судьбоносных преобразований, а именно вопросы о смысле или бессмысленности всего человеческого существования. Не выдвигается ли тем самым общее требование о необходимости всеобщего сознания и ответственности всех людей, которые проистекали бы из разума? Ведь, в конце концов, все это касается людей, которые, будучи свободны в главном, – в своем отношении к окружающему человеческому и внечеловеческому миру, свободны в своих возможностях разумного преобразования себя и окружающего мира» [3: с. 138].

В соответствии с данными тремя критериями ликвидации информационной недостаточности

культуры выделяются четыре формы, четыре результата такой ликвидации: религия, наука, искусство, практика.

Абсолютность ликвидации информационной недостаточности культуры должна быть достигнута в форме научного знания, однако, не достигается в силу невозможности принципиальной целостности этого знания. Сфера возможности, как сущностная составляющая структуры бытия (в виде ли будущего или в виде вещи-в-себе), предполагает незавершенность сферы действительности, незамкнутость ее на себе. Это значит, что и знание о действительности не может быть исчерпано. В знании о действительности содержится лишь необходимая для существования культуры информация, но не абсолютная (т.е. информация, без которой культура невозможна, но вместе с тем не окончательная, нуждающаяся в новой информации), достаточная, но не целостная (т.е. информация, которой хватит для сохранения культуры, но вместе с тем нельзя будет удовлетворить все ее потребности). Абсолютная информация, на достижение которой претендует наука, оказывается лишь необходимой, т.е. лишенной целостности (ведь целостность есть совокупность абсолютной информации), и достаточной (ведь достаточность есть совокупность необходимой информации).

Понятно, что абсолютность научной информации отрицательно сказывается на ее антропологичности. Приведем на этот счет замечательно сформулированную и парадоксальным образом контрастирующую с процитированными выше пассажами из того же автора мысль, пожалуй, крупнейшего в XX в. защитника чистоты научного проекта Э. Гуссерля: «...что истинно, то абсолютно истинно "само по себе"; истина тождественно едина, воспринимают ли ее в суждениях люди или чудовища, ангелы или боги» [4: с. 101].

Целостность ликвидации информационной недостаточности достигается в форме искусства. В этом тезисе нет никакого противоречия с постулированным нами выше положением о принципиальной невозможности достижения целостности ликвидации информационной недостаточности в любой системе, и в том числе в культуре. Искусство есть такой результат человеческой деятельности, который с информационно-семиотической точки зрения представляется компенсацией относительно недостижимой, но закономерной потребности культуры в целостной информации.

Фундаментальным понятием этой семиотики является понятие «рецептивного вакуума», т.е. такой семиотической ситуации, при которой невозможно аутентичное истолкование тех или иных знаков. Это отсутствие определенной информации, выражающееся в «текстах» искусства, предполагает бесконечные возможности для их интерпретации. Таким образом,

само отсутствие информации и оказывается эксплицитным присутствием всей возможной информации. С другой стороны, отсутствие определенной информации не может предполагать в подобном результате ни абсолютности, ни антропологичности, выражающихся всегда в определенных данных.

Антропологичность ликвидации достигается в форме практики. Безусловно, нельзя утверждать, что практика целиком и полностью ориентирована на достижение относительных целей культуры, связанных со спецификой бытия ее творцов (роль ее в науке, например, чрезвычайно значима). Но именно практика, прежде всего, ориентирована на сферу возможности в бытии культуры, т.е. на материальный мир. Поэтому практика – не есть результат культуры, имеющий или претендующий на абсолютные цели, всегда связанные, прежде всего, с действительностью, поэтому практика не несет и целостной информации. Ее результаты всегда конкретны и единичны.

На абсолютность ликвидации информационной недостаточности претендуют различные ценностные системы и, в первую очередь, религия и идеология. Удовлетворение этих претензий связано с особым этапом в генезисе культуры, этапами ее первичного становления. Целостность ликвидации достигается религией в соответствии с теми семиотическими механизмами, на которые указывалось в связи с информологической характеристикой искусства. Антропологичность ликвидации достигается религией в связи с тем, что практика занимает в структуре религии сущностно важное место. В религии, конечно, следует различать две формы: результат первичного синкретического состояния культуры в целом, всегда религиозно окрашенного, и специфической человеческой деятельности, существующий, наряду с результатами других типов человеческой деятельности, таких как искусство, наука, практика.

История культуры в связи с вышеописанной семиотико-информологической классификацией результатов человеческой деятельности предстает в следующем виде.

На начальном этапе культурогенеза человеческая деятельность и ее результаты еще не дифференцированы. Синкретизм культуры выражается в религиозных парадигмах, так что сам этот этап истории можно определить как этап парадигматического синкретизма культуры.

На следующем этапе культурогенеза – этапе синтагматической дискретности культуры, связанном с утверждением доминантного характера роли самосознания личности в культуре социума, претензия на абсолютность ликвидации информационной недостаточности осуществляется уже не в форме религии, но в форме науки, поскольку ее формально-количественные результаты являются необходимыми для каждого члена социума.

Традиционные аксиологические системы уже не могут быть фокусами интеграции общества, поскольку каждая личность формирует свое отношение к ним, переоценивает и переосмысливает их. Если изначально они были условиями культурогенеза, условиями интеграции общества и становления личности (лишь по отношению к ним личность обретала свой неповторимый лик), то на новом этапе только рационально организованные ориентиры культуры могут обеспечивать единство общества и его бытие. В силу условной и формальной природы этих ориентиров им приписывается некоторый авторитет, компенсирующий авторитет традиционных ценностей общества постольку, поскольку смена типов рациональности еще не осознается культурой в качестве принципиальной характеристики бытия. Неосуществимость научного проекта закономерно приводит культуру к кризису и гибели. Культура утрачивает всякие претензии на абсолютность продуцируемой ею информации, следовательно, наступает кризис и распад культуры: больше нет центров, которые бы интегрировали общество и деятельность вокруг себя.

Кризис культуры традиционно ликвидировался в силу его локального характера. Если одно этнокультурное образование прекращало организацию поддерживающих свое существование парадигм и распалось, это носило лишь локальный характер.

Интеграция современного мира в рамках кризиса западно-европейской культуры превращает его в глобальный и лишает культуру возможности выживания. Специфическая ситуация XX в., процессы переосмысления и утраты традиционных ценностей – все это обсуждалось во многих работах современных культурологов. Наша семиотико-информологическая интерпретация данной проблематики во многом созвучна концепциям «нового религиозного сознания» Н.А. Бердяева, И.А. Ильина и П.И. Новгородцева, концепции триединого процесса развития К.Н. Леонтьева, моделям истории О. Шпенглера и А. Тоинби. Но в качестве нашего непосредственного методологического источника следует упомянуть здесь социологию культуры Макса Вебера.

В социологии Макса Вебера упоминаемые здесь процессы были очень точно обозначены двумя понятиями: персонализация и рационализация. В самом деле, одно всегда сопровождает в культуре другое и опирается на него: становление личности связано с установлением господства рационального в культуре, и наоборот. Именно Макс Веберу принадлежит определение специфики рациональности XX в., связанной с интеграцией современного мира вокруг западной культуры.

«Современная теоретическая и практическая, интеллектуальная и прагматическая рационализация картины мира и жизненного поведения человека привела к одному общему результату. Он за-

ключается в следующем: чем больше прогрессирует этот особый вид рационализации, тем больше религия оттесняется в область иррационального – с точки зрения такого интеллектуального формирования картины мира» [1: с. 56].

Рационализм современной западной культуры есть, по М. Веберу, результат контаминации, прежде всего, двух факторов, которые позволили этой культуре не только выжить в условиях своего кризиса, но и распространить его за свои пределы: это «протестантская этика и дух капитализма». «...Вопрос вновь сводится к тому, чтобы определить своеобразие западного, а внутри него современного западного рационализма и объяснить его развитие. Любая подобная попытка толкования должна ввиду фундаментального значения экономики принимать во внимание, прежде всего, экономические условия. Однако нельзя упускать из виду и обратную каузальную связь. Ибо в такой же степени, как от рациональной техники, рационального права, экономический рационализм зависит и от способности и предрасположенности людей к определенным видам практически-рационального жизненного поведения»; «...В прошлом основными формирующими жизненное поведение элементами повсюду выступали магические и религиозные идеи и коренившиеся в них этические представления о долге» [2: с. 55, 56].

Каковы же способы преодоления кризиса? На этот вопрос невозможно получить ответ с помощью дескриптивного семиотико-информологического метода, следовательно, это выходит за рамки нашего исследования. Невозможность получить такой ответ, однако, выразительно иллюстрирует ограниченность семиотического метода при анализе истории того или иного объекта, в том числе и культуры; так, совпадение семиотического движения от парадигм к синтаграммам, аналогичное движению культуры от синкретического к креативному состоянию, тем не менее, лишено каких-либо прогностических функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер, М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
2. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
3. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию (главы из книги) / Э. Гуссерль // Вопросы философии. – 1992. – № 7. – С. 136–176.
4. Гуссерль, Э. Логические исследования. Ч. 1. Прологомены к чистой логике / Э. Гуссерль. – СПб.: Образование, 1909. – 224 с.
5. Чертов, Л.Ф. Знаковость / Л.Ф. Чертов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. – 400 с.

СОВРЕМЕННОЕ МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И БУДУЩЕЕ ЗЕМНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ¹

Д.И. Дубровский

Дубровский Давид Израилевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН (г. Москва).

Контактный адрес: ddi29@mail.ru

Рассмотрены понятия массового человека и массовой культуры, описаны негативные свойства массового сознания, коренящиеся в природе человека. Отмечается роль средств массовой информации (СМИ) в поддержании этих свойств и углублении антропологического кризиса. Обсуждаются вопросы, связанные с прогнозируемым сингулярным рубежом в развития земной цивилизации (середина XXI в.), и мыслимые пути преобразования сознания современного человека. Возможно ли это?

Ключевые слова: массовый человек, массовая культура, массовое сознание, природа человека, глобальные проблемы цивилизации, сингулярность, стратегии СМИ, антропологический кризис, экзистенциальные проблемы, ценностно-смысловые структуры сознания, изменение сознания.

Сейчас в философской литературе и публицистике стали весьма частыми рассуждения и дискуссии о перспективах нашей цивилизации. Несмотря на различие мнений, они показывают единодушие в одном: эти перспективы мрачны. Углубление экологического кризиса и других глобальных проблем влечет дальнейшее обострение социальных конфликтов, межгосударственных отношений, борьбы за ресурсы. Просветов не видно.

Эксперты предупреждают, что к середине века нашу цивилизацию ждет сингулярный рубеж, она войдет в «фазу динамического хаоса» (В.С. Степин), за которой либо деградация и гибель, либо переход на качественно новый уровень развития.

Но как изменить губительный вектор земной цивилизации, какими путями можно построить новое общество? Ведь для этого надо изменить человека, его сознание. Разрушение живой природы и самого социума – следствие неумеренного потребительства, эгоистического своеволия и агрессивности к себе подобным. Здесь перед нами – проблема массового человека, массового сознания.

Понятие массового сознания выражает комплекс существенных свойств его носителя – социального субъекта, сложившегося примерно во второй половине XIX в. В это время в результате развития рыночных отношений, демократических форм общественной жизни, образования, прессы, коммуникаций в странах Западной Европы и в США на общественную арену уверенно вышел массовый человек, который стал оказывать существенное влияние на ход социальных процессов, публичную жизнь и формирование культуры, постепенно создавая то, что сегодня именуется массовой

культурой. Понятия массового человека, массового сознания и массовой культуры тесно взаимосвязаны. Еще Ницше писал о деятелях культуры своего времени: «Теперь век масс: они ползают на брюхе перед всем массовым» [4: с. 360].

Со времен Ницше «массовый человек», конечно, сильно изменился, но некоторые его существенные черты остались прежними. Когда речь идет о массовом сознании, то имеются ввиду те «общезначимые», типичные смыслы, ценностные ориентации, оценки, потребности, вкусы, цели, идеалы, которые характеризуют этого социального субъекта, его «картину мира», проекты его жизнедеятельности.

В 1930 г. вышла знаменитая книга Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс» [5], в которой он подробно рассмотрел феномен «массового человека». По его словам, массового человека нельзя отождествлять с низшими слоями общества, с полуграмотной, забитой массой, это – не представитель сословия, класса, а определенный тип человека, распространенный среди всех сословий, в том числе среди интеллигенции и аристократии. Он характеризуется определенными интеллектуальными, мотивационными и нравственными чертами.

Их перечень, по словам Х. Ортеги-и-Гассета, примерно следующий. Массовому человеку присущ «безудержный рост жизненных вожделений», он весьма корыстен и «полон забот о самом себе – о своих развлечениях, о своей одежде», он не особенно стеснен высокими нормами нравственности, не умеет подчинять им свои желания, удовольствия, делает то, что ему хочется, «не стараясь себя исправить и улучшить». Он весьма активен – «навязывает всему обществу свою волю и свои вкусы», «лезет во всё, навязывая свое пошлое мнение» («вульгарные мещанские души...смело заявляют свое право на вульгарность»), «никого не признает старшим и высшим» (я думаю, кроме высших чи-

¹ Статья подготовлена в рамках Проекта РГНФ № 12-03-00328а.

нов, особенно тех, от кого зависит). Он – человек «готовых мнений», привержен культу силы, не терпит тех, кто не похож на него, вытесняет их из своей личной, деловой, служебной среды.

Массовому человеку Ортега-и-Гассет противопоставляет людей более высокого типа, «избранное меньшинство», которое также встречается среди всех сословий: и среди аристократов, и среди пролетариев. Их отличительные черты – приверженность нравственному долгу, ответственность, стремление к высоким смыслам и благородство. Конечно, приводимые Ортегой-и-Гассетом признаки различения этих двух типов людей вряд ли способны выдержать строгий анализ. В действительности все обстоит сложнее, не столь одномерно. Но в первом приближении его оценки вполне приемлемы.

Правда, за 80 лет, прошедшие после выхода «Восстания масс», массовый человек приобрел новые черты. Сильно возросла его информированность, образованность, энергия самоутверждения, он стал чуть ли не главной фигурой во всех высших сферах общественной жизни. Резко повысилась его внутренняя дифференциация: массовый человек теперь и дворник, и мелкий торговец, и профессор, и олигарх, и политический лидер, и, конечно же, писатель и журналист.

Трудно согласиться с Ортегой-и-Гассетом, когда он определяет массового человека как среднего, заурядного, который не ощущает в себе какого-либо особого дара, отличия от всех и несколько этим не огорчен. Современный массовый человек амбициозен, полон эгоистической самоуверенности, конкурентной завистливости, готовности отличиться. Многие его представители обладают тем или иным природным даром, добились успеха, страстно хотят быть самыми лучшими, самыми богатыми, самыми известными, поражают нас своим потребительским аппетитом, своими автомобилями, дворцами, яхтами, роскошью. Пресса, телевидение, интернет – орудия и олицетворения массового человека. Его психология пропитала все слои общества, наша интеллектуальная элита в подавляющем большинстве своем плоть от плоти массового человека либо его хитроумная прислужница – иначе не станешь популярным, не заработаешь приличных денег. Массовый человек торжествует в культуре, политике, экономике, он набрал такую силу, что уже обитает почти в каждом из нас.

Еще Ортега-и-Гассет отмечал «господствующее положение, которое духовный плебс занял сейчас в общественной жизни». Что бы он сказал в наши дни? Нынешние творцы массовой культуры не просто возделывают свою ниву, они стремятся принизить великое в культурном достоянии России, созданное гениями, брзжат и ёрничают по их адресу, мнят себя самих гениями и находят понимание у своей обширной аудитории. Способная, энергичная, алчная по-

средственность, обладающая коммуникативным даром, занимает ныне высшие места в культуре.

Разумеется, современный массовый человек не лишен альтруистических качеств и критицизма по отношению к власти и социуму. У него, безусловно, большой спрос на здоровье, благополучие семьи, счастье и удачу, на гарантию от всяких напастей. Все это ему предлагают купить разные коммерческие структуры и отдельные лица. Среди них на первом месте, как ни удивительно, вовсе не медицина, а специалисты по оккультным услугам. По данным Всемирной организации здравоохранения сейчас в России практикует 800 тысяч колдунов, экстрасенсов, астрологов, магов, всевозможных целителей, в то время как врачей у нас 620 тысяч². Продавцы эзотерических услуг хорошо организованы. У них свои «Центры», «Школы», «Институты» и, конечно же «Академии» (отдельно белой и черной магии). Понятно, что число их клиентов исчисляется многими миллионами. Это огромный рынок, на котором оборачиваются миллиарды долларов. Есть на что покупать прессу, телевидение, «продвинутых интеллектуалов». Можно было бы привести большое число имен титулованных артистов, писателей, журналистов, крупных чиновников и даже докторов наук, которые поддерживают оккультные практики по убеждению или же стремясь выставить таким путем свою исключительность, некую приобщенность к высшим силам.

Пресса пестрит рекламой гарантированных приворотов и отворотов, снятия порчи, «венца безбрачия»; вам за один сеанс магии обеспечат высокую потенцию, «наказание обидчиков», «вживание фортуны на линию судьбы», «переклад удачи и богатства по фото», излечение от любых болезней. Россия – страна чудес! Но и на западе все это есть в изобилии, хотя и не в таких масштабах.

Чрезвычайная распространенность оккультных услуг – показатель состояния массового сознания. В нем неискоренимо упование на мудрого всемогущего Наставника, Управителя и Спасителя – ему надо молиться или хорошо заплатить, и он все исправит, улучшит,отрегулирует как надо.

Автор остановился столь подробно на данном сюжете, так как он дает обширный и очень важный материал для анализа особенностей характера и функционирования массового сознания.

² См. данные по этому поводу в книге А.В. Юревича «Психологи тоже шутят» [8: с. 276]. В данном случае автор далек от шуток. Он – авторитетный психолог, член-корр. РАН, заместитель директора Института психологии РАН, его анализ распространенности эзотерических услуг в нашей стране под углом особенностей массового сознания заслуживает пристального внимания не только ученых, но и наших государственных деятелей.

Если мы вернемся к приведенному выше перечню свойств массового человека, которые представлены Ортегой-и-Гассетом, то увидим, что он в целом был прав. Знаменитый испанский философ говорил еще о «замкнутости массовой души». Она стиснута эгоизмом, горизонтом практических интересов. Эта же «стиснутость» характерна для мысли «продвинутых интеллектуалов», которые мельтешат на телевизионных экранах, соревнуясь в «продвинутости», в «праведности» и суперкритицизме, в цветистых оборотах и «приколах», стремясь во что бы то ни стало утолить свои пышущие амбиции, но обязательно, любой ценой потрафить массе, понравиться ей, а это значит – добиться успеха. У нас демократия, если ты получил большинство голосов, ты победитель и светоч мысли, ты прав, так как массовый человек, «народ» всегда прав. Мнение массы оказывается главным критерием реальности и «общезначимости».

Наша культура в ее массовом обличьи все более утрачивает объективные критерии реальности, заменяя их правильным исполнением роли. В общественной жизни доминирует игровая имитация, всюду сплошные маски, «ужимки и прыжки». Не потому ли самая интересная, притягательная, самая популярная персона – *артист*. Для массового человека он – соль земли. Безукоризненное лицедейство, правильное исполнение роли – как актерами, так и зрителями – есть то, что принимается массовым человеком за настоящую реальность. Этому всемерно содействуют средства массовой информации.

Доминантой ценностно-смысловой структуры массового сознания (и массовой культуры) является неумная потребительская интенция, ненасыщаемая жажда потребления – вещей, удовольствий, власти, комфорта. Их всеобщий эквивалент – деньги, они же – мерило социальной значимости человека, его ранга, «авторитета». В ненасытном потреблении кроется основной источник производства всё новых «общезначимостей» массового сознания, т.е. *понятных* и *несомненных* для массового человека *образцов* жизнедеятельности.

Эти «общезначимости» представляют ассортимент его главных жизненных ценностей и целей, ярко демонстрируют утрату подлинных смыслов, нарастание абсурда социального бытия. Ведь именно массовый человек – основной деятель нашей эпохи, определяющий вектор развития земной цивилизации, которая все больше затягивается в петлю неразрешимых глобальных проблем.

Массовое сознание постоянно «утверждается» и «обогащается» средствами массовой информации (СМИ), создающими ту картину социальной реальности, которую называют «медиакартиной мира». Именно она определяет основные черты мировидения и мироощущения массового человека. Не будет пре-

увеличением утверждать, что он воспринимает действительность через ее отражения, создаваемые СМИ.

В последние годы проведены серьезные исследования способов создания «медиакартины мира» и поддержания ее действенности. Речь идет об используемых для этих целей стратегиях СМИ. «Основными стратегиями – пишет И.В. Анненкова – следует признать: 1) стратегию «культурного шока» и катастрофы; 2) стратегию инспирирования, или манипуляции; 3) стратегию секуляризма и, наконец, 4) стратегию гедонизма»[1: с. 189]. Она отмечает, что все эти стратегии тесно взаимосвязаны. Вместе с тем стратегия инспирирования с ее манипулятивной функцией как бы растворена во всех остальных стратегиях, присутствует в них явно или неявно; ее можно назвать в этом отношении первичной [3]. Однако «доминирующей, ведущей за собой все остальные, – по мнению И.В. Анненковой, – следует признать стратегию гедонизма»[1: с. 190].

Нетрудно увидеть, что все стратегии нацелены на упрочение и развитие таких ценностных и целевых установок массового человека, которые отвечают определенным потребительским, экономическим и политическим интересам. Суть гедонистической стратегии в том, что она утверждает, навязывает всеми способами в качестве высшего блага *удовольствие*, наслаждение. Большей частью это чувственные удовольствия, стремление к ним изображается чуть ли не главной целью жизни.

Гедонистическая установка СМИ прямо и откровенно служит потребительским целям, умножению потребностей, напрямую связана с рекламой товаров, развлечений и всевозможных удовольствий. Она вбивает в головы читателей, зрителей, слушателей образы роскошной жизни. Это – систематическое и целенаправленное возбуждение инстинктов обладания, жажды удовольствий от изысканной еды и напитков, от всевозможных ублажений собственного тела и, конечно, на самом первом плане, всюду, где только возможно, по всякому поводу, нагнетание сексуальных вожделений.

Под влиянием СМИ гедонистическое мировосприятие эволюционирует. Человек быстро насыщается одним и тем же видом удовольствия, ему нужны все новые и новые. Теперь СМИ развивают у него так называемое «драйв-мышление» – свободные от всяких табу постоянные стимуляции и поиски новых рычагов удовольствия, зачастую на уровне «гедонистического риска», т.е. на грани боли и страха смерти, так как они всегда связаны с острыми ощущениями, не подлежат адаптации. Это хорошо сочетается, а часто идет в одном русле с подачей материала под углом стратегии «культурного шока» и катастрофы, когда на первый план выставляются стихийные бедствия и террористические акты со многими жертвами, жуткие автомобильные аварии, разорванные, изу-

веченные тела, убийства, самые гнусные поступки, мерзость, варварство, грязь, и все это подробно и долго смакуется. Не говоря уже о том, что каждодневно в Интернете, по ТВ, в прессе нас настойчиво предупреждают о скором конце света, рисуют красочные картины апокалипсиса, нагнетают чувство обреченности, безысходности и как бы наставляют: живи сегодняшним днем, не забывая себе мозги проблемами, развлекайся, получай удовольствия, ищи драйв. Такое мироощущение служит, конечно, оправданию крайнего эгоизма и ненасытного потребительства.

Скромность, умеренность, стыдливость, деликатность – пережитки прошлого. Все дозволено! СМИ фабрикует модели гедонистического поведения, образцы для массового подражания, типы успешного, самодовольного человека. Они постоянно шлифуются, дополняются и олицетворяются новыми персонажами как объектами для подражания (чего стоит, например, такой сфабрикованный СМИ эталон для подражания молодежи, как Ксюша Собчак с ее «Домом-2» и потребительской алчностью).

Размышляя о том, как функционирует массовое сознание, мы видим его устойчивую самоорганизацию, единство факторов его производства и потребления: СМИ производят и воспроизводят то, что отвечает потребностям, ожиданиям, вкусам массового человека; и сама деятельность СМИ осуществляется людьми, в сознании которых доминируют черты массового человека; во всяком случае, они хорошо знают, что ему нужно.

Как разорвать этот замкнутый круг? И возможно ли вообще изменение, «преодоление» массового человека? Вот вопросы, на которые надо искать ответы, если мы сохраняем веру в то, что земная цивилизация во второй половине нашего века не деградирует окончательно, а выйдет на качественно новый уровень развития. Эти вопросы по своему масштабу и значимости составляют, без преувеличения, главную глобальную проблему нашего времени, еще более острую, чем, например, экологическая проблема или энергетическая проблема.

Проблема сознания (и прежде всего массового сознания) не является чем-то обособленным, она органически включена явно или неявно во все глобальные проблемы нашей цивилизации, во все мыслимые социальные и технологические преобразования, касающиеся ее будущего. Более того, именно сознание служит источником, инициатором этих преобразований, оно, как хорошо известно, может выполнять не только консервативную или разрушительную функцию, но и творчески-созидательную, новаторскую, ибо все социальные преобразования осуществляются живыми людьми, их деятельной целеустремленностью, волей, силой духа.

В природе человека, наряду с эгоизмом и агрессивностью, укоренено также альтруистическое на-

чало, потребность в любви, дружбе, согласии, взаимопомощи, без чего немислим социум. Альтруистические интенции сформировались на основе биологической эволюции и укреплялись в процессе антропогенеза³. Несомненна генетическая обусловленность нравственных свойств человека, что создает широкий разброс степени их выраженности в больших популяциях с учетом, конечно, их зависимости от социальных условий, воспитания, индивидуальных биографических факторов. Человечество пока еще сохраняет хрупкий баланс эгоистических и альтруистических интенций в межличностных коммуникациях. Однако налицо процесс быстрого возрастания и превалирования эгоистических интенций как среди индивидуальных, так и особенно среди институциональных субъектов, что связано с углублением глобального кризиса земной цивилизации.

Тем не менее альтруистическое начало в природе человека неистребимо. И оно служит основой реального существования высших ценностей в наше время, но вместе с тем и создает основу для будущих преобразований массового сознания. Если мы допускаем возможность постепенного формирования нового типа цивилизации и тем самым *неочеловечества*, то надо полагать, что в его сознании сохранятся такие виды наших высших ценностей, которые выражаются понятиями добра, красоты, истины, справедливости, любви, творчества, духовного возвышения. Они сохраняют свой общий смысл и будут существенно развиты, наполнены новым содержанием (сохранятся и подлинно великие достижения культуры). А это позволяет считать сомнительными суждения о том, что нас ждет некая не-человеческая, пост-человеческая машинная цивилизация с неким «машинным», суперрационализированным, сознанием, порвавшим все связи с нынешними человеческими ценностями высокого ранга. Речь должна идти не о постчеловечестве, *нечеловечестве*, а именно о *неочеловечестве*. Безусловно, сознание неочеловечества будет обладать такими качественно новыми экзистенциальными смыслами, которые нам сегодня с позиций нашего биологически обусловленного сознания трудно, невозможно себе представить.

³ См. по этому вопросу работу выдающегося советского генетика В.П. Эфроимсона «Родословная альтруизма», в которой на большом фактическом материале показана эволюционное значение альтруистических интенций как фактора выживания у высших животных (и на уровне семьи, стада, и на уровне вида). В этом отношении большой интерес представляют факты взаимопомощи, взаимозащиты и самопожертвования, например у павианов при нападении леопарда на стадо. Первобытные сообщества людей смогли выжить потому, что в них альтруистические интенции получили высокое развитие [9: с. 435–466].

Вера в возможность преодоления потребительских, агрессивных, эгоистических интенций массового сознания, его преобразования в более высокий тип сознания равносильна вере в возникновение нового этапа цивилизации. Перед нами жесткая альтернатива: либо наша цивилизация обречена на деградацию и гибель, либо мы сохраняем веру в будущее, крепим волю, напрягаем творческие силы, стремимся добиться перелома в ее нынешнем развитии. Для сохранения этой веры есть достаточно оснований. Прежде всего, это современные носители такой веры, побуждающей к действию. Их много, и число их будет быстро увеличиваться.

Каким бы фантастическим не казался, на первый взгляд, проект преобразования массового сознания (массового человека), он имеет рациональный смысл в такой же мере, как идеи трансгуманизма, кибернетического бессмертия, неочеловечества. Такое преобразование мыслится как длительный эволюционный процесс, в котором уже сейчас значительную роль играет конвергентное развитие НБИКС (нанотехнологий, биотехнологий, информационных, когнитивных и социальных технологий и соответствующих им областей знания). Конвергенция этих мегатехнологий создает небывалые, чрезвычайно мощные средства преобразования человека и социума. Это касается прежде всего изменения телесности человека, процесса антропотехнологических преобразований – важнейшего условия преобразования ценностно-смысловых структур массового сознания. Разумеется, управляемая эволюция человека есть процесс взаимообусловленных изменений сознания и устройства общества.

На первом этапе здесь во всем своем огромном масштабе стоит проблема множества национальных культур, языков, религиозных конфессий, особенностей сознания многочисленных наций и этносов. Сохраняя ряд общих черт, массовый человек во всех этих случаях демонстрирует существенные различия. Одно дело народы экваториальной Африки, другое – европейцы или северо-американцы, не говоря уже об арабах, китайцах, индусах. Ряд крупных философов, культурологов, социологов полагают, что нарастающие процессы глобализации приведут к размыванию национальных различий и образованию «постнационального общества» (Ю. Хабермас). Идея «глобального гражданства», которая выдвигается Ю. Хабермасом и другими известными западными мыслителями, встречает, однако, серьезную критику. Более реалистичной является позиция тех, кто считает, что процессы глобализации реализуются пока лишь в форме становления «глобального этоса» – общих правил поведения, общих нравственных, смысложизненных основ для представителей всех национальных культур, конфессий, народов [2]. Но приняв даже эту позицию, мы должны признать ре-

альность существенных изменений на высших уровнях ценностно-смысловой структуры сознания человека как следствия его эволюции.

Однако процесс глобальной эволюции, в результате которого произойдет преобразование массового сознания, определяется единством многих факторов: технологического, коммуникативного, социального характера. Они включают индивидуальное самосовершенствование и саморегуляцию, «расширение» сознания, возвышение его экзистенциальных смыслов. Эта эволюция означает изменение природы человека. Она представляет собой *антропотехнологическую* эволюцию, которая ведет к изменению человеческой телесности, и эти изменения органически взаимосвязаны с техноэволюцией среды, выражаются во взаимопроникновениях телесности и среды, и таким образом в «расширении телесности» и форм активности индивида, а, одновременно, и в «расширении», преобразовании его сознания. Это – переход к эволюции кибернетической, которая будет набирать всё большие обороты в постсингулярный период развития нашей цивилизации и должна привести к радикальному продлению жизни вплоть до того состояния, которое именуют кибернетическим бессмертием, должна привести к формированию неочеловечества.

Именно с кибернетическим бессмертием связывают качественное преобразование сознания и ставят вопросы о смысле неограниченной во времени жизни [6]. Часто можно услышать: если исчезает смысл смерти, то исчезает смысл жизни. Да, исчезнут многие нынешние смыслы жизни (подумайте, кстати, насколько высокими, значительными являются те многие смыслы и цели, которые определяют большую и лучшую часть нашей жизни). Но на смену старым, отжившим смыслам придут более человеческие и возвышенные смыслы и цели жизни. А мы пытаемся мерить сознание неочеловечества своими нынешними узкими смыслами и целями, укорененными в нашей биологической природе. Если для биологической эволюции и биологических форм существования смерть действительно имеет глубокий смысл, служит неперенным фактором развития жизни, то для кибернетической эволюции она теряет всякое значение.

Путь к кибернетическому бессмертию и к новому сознанию – процесс поэтапного решения сложных, творческих задач преобразования биологического тела в небологические формы. Но такое направление изменение телесности – путь радикального изменения базовых жизненных потребностей и видов жизнедеятельности, путь «очищения» высших ценностей от их биологической обусловленности, а вместе с тем преодоления их земного «горизонта». Это путь творчества принципиально новых высших ценностей и смыслов, а следова-

тельно, и целей творчества – не только земного, но и космического масштаба.

Будущее земной цивилизации в существенной мере зависит от нас, оно не является строго предзаданным и в этом смысле *конструктивно*, определяется способностью реализовать принятый оптимистический сценарий будущего. А это зависит от того, удастся ли создать такой мощный социальный субъект, который бы смог выдвинуть новую идеологию и сконцентрировать в себе духовные силы, интеллектуальные, технологические, финансовые, организационные, медийные и иные ресурсы, достаточные для того, чтобы переломить гибельную траекторию земной цивилизации, преодолеть чрезвычайно опасную полосу крайнего обострения глобальных проблем и социальных конфликтов в преддверии середины века и выйти на рубежи постсингулярного этапа развития земной цивилизации. Мировой общественности хорошо известны прогнозы экспертов, касающиеся того, что нас ожидает к середине века. Но ничего не меняется, все погружены с головой в свои повседневные дела и заботы, не видно никаких решительных противодействий надвигающейся катастрофе. Странно, удивительно, не правда ли?

Но в этом кроется еще одно свойство массового сознания, присущее почти каждому человеку. Наше сознание так устроено, что оно вытесняет страх смерти, знание о неизбежной смерти. Это врожденный защитный механизм биологически обусловленного сознания, без которого человек не мог бы вести активную жизнь, ставить и достигать трудные цели. Психологи называют это феноменом иммортализации. Но точно такой же защитный механизм работает на уровне коллективного, институционального, массового сознания, на уровне всего человечества. Как быть?

История показывает, что почти всегда находят отдельные индивиды, исполненные особой верой и волей, вокруг них собираются единомышленники. Это движение растет, и только так возникает надежда и возможность перелома в социальном развитии. Мы знаем из истории, что часто подобные движения угасали или приводили к совсем другим, непредполагаемым результатам. Но иных вариантов переустройства общества не существует.

Сейчас судьбоносные вопросы будущего цивилизации остро поставлены Общественным движени-

ем «Россия 2045». Оно сделало первые впечатляющие шаги, провело в феврале 2012 г. в Москве Всемирный конгресс «Глобальное будущее 2045», в котором приняли участие более 500 человек, в их числе многие крупные зарубежные ученые и философы (см. обзор материалов этого Конгресса [7]). «Россия 2045» выдвинула обширную программу, в которой, наряду с научно-технологическими и социогуманитарными задачами, поставлены также задачи формирования новой социальной общности, нового социального субъекта, призванного стать катализатором широкого международного движения за преобразование земной цивилизации. «Россия 2045», насчитывающая уже около 20000 своих сторонников, видит свою миссию в том, чтобы стать таким катализатором. Мы, активные представители «России 2045», отдаем себе ясный отчет в колоссальном масштабе, невероятных трудностях этой задачи. Но кто-то должен начать решительно действовать! Мы убеждены, что сейчас эта задача стала главной для земной цивилизации. Она – в цейтноте! Нужны безотлагательные действия, иначе может быть поздно. Будущее зависит от нас с вами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненкова, И.В. Медиадискурс XXI века / И.В. Анненкова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2011.
2. Гранин, Ю.Д. Проекты грядущего мирового порядка: между «национальным» и «космополитическим» / Ю.Д. Гранин // Вестник РАН. – Т. 82. – 2012. – № 9.
3. Данилова, А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации / А.А. Данилова. – М.: Добросвет, 2009.
4. Кара-Мурза, С.Г. Власть манипуляции / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Академический проект, 2007;
5. Ницше, Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / Ф. Ницше. – М., 1990.
6. Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Весь мир, 2000.
7. Турчин, В. Кибернетический Манифест / В. Турчин, Д. Клифф // В книге: Турчин В.Ф. Феномен науки. Кибернетический подход к эволюции. – 2-е изд. – М.: Изд-во ЭТС, 2000. – С. 354–361.
8. Тучина, М. К. Международный конгресс «Глобальное будущее 2045» / М. Тучина // Философские науки. – 2012. – № 9.
9. Юревич, А.В. Психологи тоже шутят / А.В. Юревич. – М.: Канон+, 2012.
10. Эфроимсон, В.П. Гениальность и генетика / В.П. Эфроимсон. – М.: Русский мир, 1998.

ИНТУИТИВНОЕ И ДИСКУРСИВНОЕ В ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНОГО ОБРАЗА МИРА

Б.И. Липский

Липский Борис Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Санкт-Петербургского государственного университета.

Контактный адрес: lipsky@list.ru

Перспектива, в которой мы рассматриваем мир, выступает структурообразующим основанием его теоретического образа. Следовательно, характер этого образа в значительной степени будет зависеть от субъективной установки. В качестве такой установки обычно выступает исходная интуиция – понятие, которой вводится Р. Декартом как «интеллектуальная интуиция». В дальнейшем развитии это понятие все дальше отходит от интеллекта и даже начинает рассматриваться как противоположное ему.

Интуитивный образ, который полагается в основу дискурсивного рассуждения начинает напоминать первый черновой набросок, намечающий общий контур будущего теоретического образа. Такой «предварительный набросок» – *эйдос* формируется благодаря *идеации*, которая представляет особый род *интуиции*, обеспечивающей непосредственное усмотрение сущности.

Ключевые слова: дискурс, интеллект, интенция, интуиция, научный образ мира, субъективность, сущность, реальность, эйдос.

Классическая наука стремилась создать совершенно объективную картину мира, которую можно уподобить фотографии или географической карте, скрупулезно и точно отображающей поверхность Земли. На первый взгляд представляется, что достоверность и точность такой «карты» тем выше, чем крупнее ее масштаб. Однако действительное приближение к «абсолютной точности» лишает теорию всякого практического смысла, ибо «сверхточная» теория (подобно карте в масштабе 1:1) совершенно непригодна для ориентации. Отображение реальности как на географической карте, так и в научной теории, всегда является *избирательным*. Мы акцентируем внимание на элементах, которые являются наиболее значимыми с точки зрения той проблемы, которую мы стремимся решить, приступая к теоретическому воспроизведению того или иного фрагмента реального мира. Перспектива, в которой мы рассматриваем мир, выступает структурообразующим основанием теоретического образа, который мы получаем в результате проведенного исследования. А значит, характер этого образа будет определяться не только объективными характеристиками рассматриваемого фрагмента действительности, но в значительной степени будет зависеть и от наших субъективных установок. Как отмечает Ю. Хабермас: «Мы осознаем себя *перформативно*, как *переживающие* субъекты, ...а также как субъекты *обобщественные*, т.е. включенные в социальные отношения и практики, а также как субъекты действующие, *вмешивающиеся* в мир» [8: с. 77].

Наш жизненный опыт, как и сама жизнь, представляет собой непрерывный поток, в котором заранее не выделены отдельные вещи или события. Полнота бытия, выступает как та исходная данность, в которой обнаруживает себя мыслящий ин-

дивид. И для того чтобы сконцентрировать внимание на отдельных вещах или явлениях, совершенно необходимо «приостановить» этот поток, чтобы «выхватить» из него значимые фрагменты, сделав их предметами рассмотрения. Начиная изучение познавательного акта с момента «чувственного восприятия» или с «постановки проблемы», мы отсекаем от него важнейшую часть, которую можно сравнить с подводной частью айсберга. Поэтому центр исследовательских программ должен быть перенесен на изучение *предсуществующего* по отношению к любому познавательному акту «образу» мира.

Способность к познанию проявляется в двух основных формах: в чувственном восприятии и логическом рассуждении. Основываясь на различии этих основных форм познания, философы пытались построить концепции истины, которые опирались бы на самотождественность либо чистой чувственности, либо чистого мышления. Однако действительный процесс развития человеческого познания привел к тому, что, с одной стороны, чувственное восприятие всегда «нагружено» концептуальным содержанием, а с другой – теоретическое мышление пронизано практическими установками. А это означает, что, помимо непосредственной данности чувственных впечатлений, в процессе познания всегда присутствует заданность предшествующим социокультурным опытом, представленным в логике понятий, структуре ценностных и целевых ориентаций, в формах языковых практик, наконец.

Как в обыденной жизни, так и в науке мы сплошь и рядом мыслим без четкой фиксации каждого очередного шага в последовательности наших рассуждений. Идеи часто возникают в «глубине» сознания, и их вербальное оформление производится позже и требует порой большого труда. Здравый

смысл не формирует четкой, систематизированной области знания. Его конструкции нередко противоречивы, трудно совместимы друг с другом и в большинстве случаев не сформулированы явным образом. Вместе с тем расплывчатость этих конструкций, дополняемая богатством и гибкостью естественного языка, придает здравому смыслу универсальность, недоступную другим видам знания.

Требование классической науки строить «надежное знание» на том, что непосредственно дано нам в ощущениях (сенсуализм) оказывается столь же несостоятельным, что и требование строить это знание на вечных принципах чистого разума (классический рационализм). В этом отношении можно сказать, что не существует абсолютно предельного, незыблемого, непроблематизируемого базиса познания. Не существует такой фактической или логической структуры, которая была бы совершенно достаточна для обоснования реального знания, которое не возникает вследствие прямой (индуктивной) генерализации опытных данных. Для продуцирования знания необходимо наличие некоего исходного (предпосылочного) интеллектуального слоя, инспирирующего поиск и намечающего общую схему возводимых концептуальных конструкций. В качестве такого предпосылочного слоя обычно выступает некая исходная интуиция – понятие, которое в европейской философской традиции начинает интенсивно обсуждаться со времен Р. Декарта.

Для самого Декарта интуиция представляется как понятие «...ясного и внимательного ума, настолько простое и отчетливое, что оно не оставляет никакого сомнения в том, что мы мыслим» [6: с. 86]. Картезианская интуиция выступает как *рациональная* операция, с помощью которой мыслящему разуму предъявляются определенные идеи, составляющие исходный материал для последующей дискурсивной обработки. Намеченный Декартом интуитивизм классической рациональности подхватывается Спинозой и Лейбницем и достигает высшего развития в системах Канта и Гегеля. Здесь интуиция понимается как преимущественно интеллектуальный акт, хотя уже в рамках немецкой классической философии (Шеллинг) начинается процесс пересмотра содержания этого понятия.

Рассматривая эволюцию идеи интуиции от Декарта до начала XX в., можно констатировать, что интуиция в понимании Декарта, Спинозы и Лейбница по своему характеру еще очень близка к интеллекту (не случайно она и называется именно *интеллектуальной* интуицией). Для упомянутых авторов интуиция скорее есть лишь форма умозаключения, настолько стремительного, что его опосредованный характер просто не осознается. Идеалом классической метафизики, построенной на основе подобного представления об интуиции становится полное ус-

ранение субъективности из научного образа мира. Однако к XX в. выявляется утопический характер этого идеала и, по мере приближения к современности, присутствие субъективности в содержании научного знания все более возрастает. Это нарастание выражается, в том числе и в пересмотре роли интуиции в научном познании.

Понимание интуиции как действия выходящего за пределы разума и даже в чем-то противопоставляемого ему формируется в философии романтизма и постепенно получает все более широкое распространение.

Так, В. Дильтей предлагает трактовать интуицию как состояние *эмпатии*, представляющей не уже столько интеллектуальный акт, сколько как непосредственное переживание, обеспечивающее не *познание*, а *понимание* объекта. Далее А. Бергсон определяет интуицию как род *интеллектуальной симпатии*, посредством которой субъект получает возможность проникнуть вовнутрь познаваемого объекта, слиться с ним воедино и обеспечить, таким образом, то самое *жизненное познание*, которое представляет собой нечто вроде высокоорганизованного инстинкта, превосходящего дискурсивные построения рассудка своей непосредственностью и категоричностью выражения [3: с. 163]. Более того, поскольку интеллект, как полагает А. Бергсон, «ясно представляет себе только прерывное» [3: с. 167], он неспособен схватывать непрерывность, познавать движение и новизну, которые постигаются только посредством инстинкта.

Схваченное интуитивно может быть выражено, по меньшей мере, двумя способами: в образе или в понятии. Но в понятиях может быть выражено только то, что уже было представлено в прошлом опыте и закреплено в системе языка. Такой вербально зафиксированный результат интуитивного акта используется и получает дальнейшее развитие в дискурсивной (понятийной) форме. Но исходным пунктом дискурсивного рассуждения служит исходная интуиция, которая первоначально возникает в довербальной форме.

В дальнейшем развитии это понятие все дальше отходит от интеллекта и даже начинает рассматриваться как противоположное ему. А тот интуитивный образ, который полагается в основу дальнейшего дискурсивного рассуждения все больше начинает напоминать уже не географическую карту, а первый черновой набросок художника, начинающего свой труд не с проработки отдельных деталей, а наброски общего контура своего будущего произведения.

Характеризуя результаты, к которым приводит пересмотр роли интуиции в научном познании, Гастон Башляр констатирует: «...мы подошли к тому, чтобы мыслить нечто вроде *предваряющей* структуры *проекта* конструкции, *плана* реального» [2: с. 141]. Необходимость такого предварительно-

го «наброска» осознается как существенно важный элемент научного познания, отличающий «новый» рационализм от классического: «...Для ученого [классической традиции – Б.Л.] знание возникает из незнания, как свет возникает из тьмы. Он не отдает себе отчета в том, что духовные потемки имеют свою структуру» [2: с. 165]. Наиболее значительный вклад в разработку вопроса о том, как происходит формирование такого рода «предваряющих структур» вносит феноменологическая философия Э. Гуссерля, исследующая «поле трансцендентально чистого сознания, следуя исключительно интуиции» [4: с. 39].

Гуссерль исходит из того, что такой «предварительный набросок» – *эйдос* формируется благодаря *идеации*, которая представляет собой особый род *интуиции*, обеспечивающей непосредственное усмотрение сущности. Феноменологическая философия акцентирует внимание на том, что акт нашего сознания есть некая направленность, интенция. В таком случае любой воспринимаемый объект, поскольку он воспринимается, можно рассматривать как интенциональный объект. Но эта направленность может быть интерпретирована не просто как концентрация внимания на определенном объекте, а как *вынесение* вовне и *вкладывание* во внешний предмет наших собственных *внутренних* ментальных состояний: не вещи *вызывают* в нас определенные впечатления, а мы *вкладываем* в них те впечатления, которые формируются в нашем внутреннем мире. В результате движению, осуществляемому в познавательном акте, может быть придано направление противоположное привычному: не от познаваемого объекта к познающему субъекту, а наоборот – от познающего субъекта к познаваемому объекту. И какое именно направление считать доминирующим зависит от нашего выбора. Мы сами определяем, считать ту или иную идею *субъективным* переживанием или *объективной* характеристикой предмета. Такое вынесение собственного переживания вовне и приписывание переживаемого состояния объекту вполне согласуется с идеей интенциональности.

Согласно Гуссерлю, в результате феноменологической редукции предметы, которые в рамках традиционной философии рассматривались как «объективная реальность», выносятся за скобки и остаются вне рассмотрения. Достоверно существующим остается только сомневающийся трансцендентальный субъект и идеи, составляющие содержание его сознания. Но если мы вынесем их вовне и представим как принадлежащие внешнему объекту, несомненность этих идей распространится и на объект, который мы теперь также можем помыслить как достоверно существующий и обладающий именно теми характеристиками, которые

непосредственно переживаются нами как идеи нашего сознания. Механизм такого «переноса достоверности» с содержания собственного сознания на внешний объект описывает Я.А. Слинин: «Всякое *cogito*, – говорит он, – по определению должно иметь свой *cogitatum*. И раз этот *cogitatum* является необходимым коррелятом *cogito*, то он должен существовать аподиктически постольку, поскольку, само *cogito* существует аподиктически» [7: с. 18]. Иными словами, поскольку существует мысль, постольку существует и мыслимое, и существует именно так, как оно мыслится. Но это означает, что связь между идеями и вещами гораздо более плотная, чем предполагали сторонники концепции идей как «отражений» вещей в содержании сознания.

Рассмотрим простой пример – витгенштейновского «уткозайца». Глядя на нарисованный контур, можно увидеть голову либо утки, либо зайца. Чем определяется, чью именно голову мы увидим? Ничем иным, кроме нашего собственного решения. *Глядя* на тот же самый контур, человек *увидит* именно то, что он *пожелал* увидеть.

В акте непосредственного восприятия контур рисунка переживается нами *ноэтически*. Предметный смысл он обретает лишь с того момента, когда мы *решим* увидеть именно зайца или именно утку. В результате интенционального акта, выражающего в нашем решении увидеть именно утку (или именно зайца) восприятие рисунка превращается в *ноэматическое* – выступающее уже в качестве интенционального коррелята *ноэзиса*. Иными словами, этот аподиктически данный заяц (или утка?) дан нам не как существующий «сам по себе», а именно как *видимый*, причем, *преднамеренно* видимый заяц (или утка). Только после того, как мы увидели и зафиксировали в *слове* восприятие определенного объекта (в данном примере – зайца), становится возможным дискурсивное рассуждение о нем. Ибо условием самой возможности дискурса об объекте становится визуальное его восприятие и вербальное именование.

Согласно естественной установке, окружающий мир состоит из множества определенных и четко отграниченных друг от друга *вещей*, каждая из которых воспринимается как отделенная отчетливыми границами от всех других и обладающая совокупностью присущих ей качеств – атрибутов, по которым мы отличаем и опознаем её. Но является ли именно такой способ восприятия мира действительно естественным и врожденным? Обратившись к «Картезианским размышлениям» Гуссерля, мы увидим, что он выражает в этом серьезное сомнение. «...В детстве, – говорит он, – мы сначала вообще должны научиться видеть вещи... и это видение должно генетически предшествовать всем другим способам осознания вещей. Таким образом, в раннем детстве поле восприятия заранее данного

не содержит ничего, что при простом взгляде могло бы быть эксплицировано как вещь» [5: с. 167].

«Мы должны *научиться* видеть вещи». Это означает, что изначально мы *не видим* вещей. Точнее, мы видим их, но не как вещи, а каким-то иным способом. В этом отношении весьма интересны эксперименты английского психолога Т. Бауэра с восприятием младенцев. Перед ребенком ставилась задача опознания предмета, который перемещался в поле зрения младенца, скрываясь за экраном и вновь появляясь с другой стороны. За экраном предмет мог либо заменяться другим, либо изменять траекторию движения. В результате проведенных исследований выяснилось, что у детей опознание предмета происходит иначе, чем у взрослых. Пока траектория движения предмета сохранялась, младенец не проявлял беспокойства, даже если менялись *все* его внешние признаки. Но как только изменялось направление движения, младенец проявлял беспокойство, даже если все внешние признаки предмета сохранялись. Таким образом, делает вывод Т. Бауэр, «...трех-четырёхмесячные младенцы... идентифицируют движущиеся предметы только на основании характеристик движения, не принимая во внимание другие признаки» [1: с. 239].

Из результатов исследований Т. Бауэра следует, что в раннем детстве все мы подвергаемся интенсивному «переучиванию», целью которого является формирование привычки опознавать предметы именно по совокупности признаков, а не по траекториям их перемещений. В младенчестве нас буквально «дрессируют», приучая видеть то, что мы впоследствии начинаем воспринимать, как *вещи*. Демонстрируя нам яркие игрушки, нас приучают «превращать» наши впечатления в предикаты и, вынося их вовне, «собирать» из них определенную *вещь*: «синий шарик», «красный кубик», «белую пушистую кошечку» и т.п. И к тому времени, когда мы начинаем осознавать себя, этот способ восприятия становится уже настолько привычным, что принимается нами как «естественный».

Гуссерлевская феноменология вполне допускает такую трактовку: «Я, – пишет ее автор, – постоянно окружено *предметами*. Об этом говорит уже то обстоятельство, что все воздействующее на меня как на развитое *его* воспринимается как предмет, как субстрат предикатов, с которыми я могу ознакомиться. Ибо такова заранее известная возможная форма, к которой стремятся возможные экспликации» [5: с. 168]. Но Гуссерль говорит именно о *развитом* *его*, значит в неразвитом, младенческом состоянии мы можем воспринимать мир иначе, причем вовсе не обязательно в форме вещей. Однако мы привычно распространяем способ восприятия развитого *его* на любое восприятие вообще.

Из данного рассуждения следует, что установка, которую мы называем «естественной», в действительности не является таковой, и, скорее всего, представляет собой специфически человеческий способ восприятия. И дело здесь вовсе не в том, что такое восприятие способно давать более адекватный образ мира. Просто оно является специфическим способом восприятия, характерным именно для вида *Homo sapiens*. Но это означает, что благодаря согласованности наших идей с вещами, возникает возможность дискурсивного рассуждения о вещах, благодаря которому мы получаем возможность достигать взаимопонимания по поводу этих вещей с другими людьми.

Непосредственно человеку даны только его собственные восприятия. Все остальное известно ему лишь благодаря наличию этих, непосредственно переживаемых восприятий. В результате каждого человека оказывается строго «центрированным» миром, в фокусе которого располагается он сам, а на периферии все остальное. Среди этих периферийных образований находятся и другие люди, которые *для воспринимающего субъекта* изначально ничем не отличаются от всех остальных вещей.

Для субъекта, находящегося в центре своего *интенционального* мира открытым является только этот – его *собственный* мир. Интенциональные миры других для него полностью закрыты. Заглянуть во *внутренний мир* Другого, чтобы увидеть в нем такого же, трансцендентального субъекта, для нас совершенно невозможно, поскольку мы никоим образом не можем *непосредственно пережить* ментальные состояния этого Другого.

Таким образом, возможность опознать в Другом такого же трансцендентального субъекта, как и я сам, оказывается существенно ограниченной, поскольку она не может быть реализована путем непосредственного наблюдения. Следовательно, необходимо найти какое-то опосредующее звено, благодаря которому сознание Другого может быть идентифицировано как подобное моему собственному. Чтобы происходящее «внутри» сознания Другого, могло стать доступным, оно должно «обнаружить» себя, т.е. получить какое-то внешнее проявление. Таким *проявлением* может быть «вынесение» ментальных состояний вовне и «вкладывание» их в предмет. В процессе такого «овнешнения» внутренние состояния сознания превращаются в предикаты, которые приписываются предмету, соединяются с ним в одно целое и начинают восприниматься как *всецело ему принадлежащие*. С этого момента человек начинает говорить о собственных идеях как об *объективных характеристиках вещей*, например: не «Я переживаю ощущение округлой формы и красного цвета», а «Я вижу круглое, красное яблоко». Но и другой человек проделывает ту же операцию со своими идеями: он точно так же пе-

реводит свои переживания в предикаты и так же выносит их вовне, приписывая их вещи как её (вещи) объективные характеристики.

В результате множества таких актов экстернизации идей возникает тот общий для множества людей мир вещей, по поводу которых они могут обмениваться информацией об их «качествах», которые в действительности являются ни чем иным как «овнешненными идеями». Интерсубъективность этого мира обусловлена общностью ментальных установок, и обмениваясь информацией о вещах, люди, по существу, обмениваемся информацией о непосредственно переживаемых ими ментальных состояниях. Так, сообщая друг другу о собственных идеях, мы создаем общий для нас мир, который привычно считаем «внешним». И это вполне соответствует мыслям, высказываемым Гуссерлем в первом из его «Картезианских размышлений»: «...в действительности, естественному бытию мира, того, о котором я только и веду и могу вести речь, в качестве самого по себе более первичного бытия предшествует бытие чистого *ego* и его *cogitations*. Естественная почва бытия по своей бытийной значимости вторична...» [5: с. 78].

Именно благодаря экстернизации ментальных состояний и возникает тот общий для множества людей мир, который Гуссерль называет интерсубъективным. В этом мире бытие вещей, которыми мы сами «наполняем» его, является проблематичным, но те идеи, из которых мы «конструируем» вещи переживаются нами непосредственно и, следовательно, воспринимаются аподиктически. Мы «собираем» объекты предметного мира из «материала» собственных впечатлений, обладающих для нас аподиктической достоверностью. Именно это обстоятельство позволяет нам надеяться, что результаты такой «сборки» – вещи и явления – могут выступать «ориентирами», позволяющими нам предпринимать осмысленные действия, направленные на достижение намеченных целей. Ведь, как говорит Гуссерль, этот «объективный мир, который есть для меня, который когда-либо был и будет, сможет когда-либо быть, со всеми своими объектами, черпает... весь свой смысл и бытийную значимость, которой он для меня будет, из меня самого» [5: с. 83].

Внутренний мир другого человека закрыт для нас. Мы не можем проникнуть вглубь его сознания и ознакомиться с его содержанием изнутри. Однако без такого ознакомления достижение взаимопонимания не просто затруднено, оно вообще невозможно, ибо мы оказываемся не в состоянии даже идентифицировать Другого, как такого же человека, как и мы сами. Только сопоставляя наши идеи по поводу объектов *внешнего* мира, мы убеждаемся, что наши впечатления о вещах не являются глубоко индивидуальными, а разделяются множеством

других людей. В результате мы выстраиваем согласованную картину нашего общего мира. Картина мира, создаваемая наукой, предполагается как интерсубъективный образ, имеющий единый смысл и значение для множества (если не для всех) людей. Но стать действительно интерсубъективным он может только на основании достаточно высокого уровня взаимопонимания между людьми.

И здесь следует обратить внимание на то, что коммуникация между представителями рода *Homo sapiens* осуществляется иначе, чем у животных. Животное полностью «растворено» в собственных ментальных состояниях. Оно не отделяет их от себя и не «выносит» вовне, как характеристики внешних объектов. Поэтому и других особей своего рода оно опознает, скорее всего, по собственным непосредственно переживаемым впечатлениям. Человек же внутренние элементы собственной психической жизни превращает в интенциональные объекты, обретая тем самым возможность сообщать о них другим и сопоставлять с элементами их психической жизни, самостоятельно формируя общий интенциональный *мир вещей* как мир трансцендентный *ego* собственному сознанию.

В таком мире всякая вещь представляет собой результат «сборки» целостного объекта из исходного материала наших ментальных состояний. Вещи присуща «сделанность», хотя этот термин употребляется здесь в несколько ином смысле, чем у Хайдеггера. Однако то, что он говорит о невозможности выявления «вещности вещи, если отнимать у нее "сделанность"» [9: с. 64], остается справедливым и в данном случае. Философы, принадлежащие к классической традиции, стремились рассматривать вещь как чисто объективное образование, вне нашего заинтересованного внимания к ней. В результате возникает взаимное отчуждение вещи и человека. Вещь становится безразлична нам, так же как и мы становимся «безразличны» вещи. В действительности мир вещей – это интенциональный мир, поэтому строение и перспектива, в которой мы его видим, определяются нашим заинтересованным вниманием к нему, а согласованность наших идей с вещами становится, в свою очередь, основанием для достижения согласия между людьми.

В методологии научного познания термин «достоверность» обычно употребляется для обозначения логической обоснованности или эмпирической проверенности знания. В более широком контексте этот термин употребляется для обозначения знания, не вызывающего сомнений, надежного знания, на которое мы можем полагаться в своей практической жизни. В этом более широком контексте термин «достоверность» выходит за рамки чисто логико-методологического дискурса и обретает аксиологическую, ценностную окраску.

Ценность научного знания состоит, прежде всего, в том, что будучи достоверным, оно не просто отображает в своем содержании тот или иной фрагмент действительности, но выступает основой для организации взаимодействия людей, преобразующих эту действительность. Чтобы эффективно выполнять такую организующую роль само знание должно обладать внутренним единством. «Феноменологически описанный жизненный мир, – говорит Ю. Хабермас, – можно понимать и как фон коммуникативных действий, и соотносить его с процессами взаимопонимания» [8: с. 79]. Следовательно, ценность науки состоит не просто в том, что они дают нам логически «правильное» или эмпирической «подтвержденное» знание. Согласованность базовых интуиций, лежащих в основе дискурсивных построений науки, призвано обеспечивать единство личности, её связь с миром природы и миром межчеловеческих отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауэр, Т. Психическое развитие младенца / Т. Бауэр. – М.: Педагогика, 1979.
2. Башляр, Г. Новый рационализм / Г. Башляр. – М.: Прогресс, 1987.
3. Бергсон, А. Творческая эволюция / А. Бергсон. – М.: Канон-Пресс, 1998.
4. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – М.: Лабиринт, 1994.
5. Гуссерль, Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль. – СПб.: Наука, 2001.
6. Декарт, Р. Правила для руководства ума / Р. Декарт // Избранные произведения. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1950.
7. Слинни, Я.А. Феноменология интерсубъективности / Я.А. Слинни. – СПб.: Наука, 2004.
8. Хабермас, Ю. От картин мира к жизненному миру / Ю. Хабермас // Лекции зарубежных профессоров на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Идея-Пресс, 2011.
9. Хайдеггер, М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер // Феноменология. Герменевтика. Философия языка. – М.: Гнозис, 1993.

КОНТУРЫ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО ОПЫТА

Ю.М. Сердюков

Сердюков Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: editor@festu.khv.ru

В статье излагается концепция трансцендентального опыта. Автор дает краткое описание двух форм трансцендентального опыта – личного религиозного опыта и околосмертного опыта, выявляет признаки трансцендентального опыта, эксплицирует его детерминанты и предлагает материалистическое обоснование личного бессмертия человека.

Ключевые слова: сознание, психика, опыт, трансцендентальный опыт, религиозный опыт, околосмертный опыт, бессмертие, магия, шаманизм.

Опыт бывает феноменальным и трансцендентальным. Феноменальный опыт доступен интроспекции, эмпирическим и теоретическим методам науки, поэтому неплохо изучен. С трансцендентальным опытом сложнее. Он индивидуален, с трудом поддается вербализации и почти не верифицируется инструментарием современной науки. Вместе с тем к настоящему времени две формы трансцендентального опыта: *личный религиозный опыт* и *околосмертный опыт* исследованы вполне достаточно для определения их общих признаков и детерминант. Именно это является основной задачей статьи, которую автор начинает с краткого описания форм трансцендентального опыта, а завершает проблемой личного бессмертия человека.

1. ФОРМЫ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО ОПЫТА

1.1. Личный религиозный опыт

Систематическое научное изучение *личного религиозного опыта* началось в последней четверти XIX в. С тех пор многочисленные исследователи написали о нем целые библиотеки книг, но так и не создали общего определения. Например, только в *одном* из современных академических изданий – «Энциклопедии эпистемологии и философии науки», – даны *три* различные дефиниции религиозного опыта [55: с. 817–821]. С одной из них, принадлежащей проф. А.П. Забияко, я почти полностью согласен: «Религиозный опыт – состояние психики, в котором человек осознает себя пребывающим в контакте со сверхчеловеческим существом или могуществом, ощущает свою причастность к инобытию, к запретной обыденному миру реальности» [18: с. 819].

Поскольку состояние психики в личном религиозном опыте либо полностью исключает *осознание* (например, в состоянии бессознательного сосредоточения «*asamprajnata samadhi*» [22: с. 87, 88, 206–207 и др.]), либо делает его малозаметным и спонтанным. Мистический и магический опыт воз-

можны лишь при снятии рефлексивного отношения к многообразию содержаний ментальности, при замене осознания сакрального объекта его непосредственным восприятием [36: с. 94–99].

Разворачивая свое исходное определение, А.П. Забияко далее пишет, что большинство религий включает религиозный опыт в качестве одного из своих основополагающих начал и что в некоторых религиях, например в *шаманизме*, религиозный опыт выступает *стержнем* (курсив в обоих случаях мой Ю.С.) идейно-психологической и культовой деятельности. Это действительно так. Тотемическая магия и шаманизм являются двумя видами магии примитивных культур, в которых магическое отношение человека к миру содержится в «чистом виде» – без позднейшей рационализации, институализации и фальсификации.

В настоящее время эти формы религиозного опыта изучены, однако, интерес историков, антропологов, этнографов, этнологов и религиоведов к ним не пропал. Постоянно появляются новые диссертации [19, 44, 50 и др.], монографии [21, 32, 40, 51 и др.] и научные статьи [3, 39, 41 и др.], проводятся научные и научно-практические семинары [48–50], посвященные шаманизму – традиционной форме религиозности якутов, алтайцев, нанайцев, чукчей, ительменов, коряков и других автохтонных народов Сибири и Дальнего Востока.

В середине 60-х гг. XX в. возникло новое, не академическое, направление изучения тотемической магии и шаманизма, назвать которое научным или философским довольно сложно. Его основателем считается американский антрополог Карлос Кастанеда, художественные произведения которого о шамане из индейского племени Яки – доне Хуане [57], вызвали значительный интерес и породили новое явление – *неошаманизм*. Распространившись с невиданной быстротой по всем пяти континентам, неошаманизм стал влиятельным фактором современной культуры, смешав в массовом сознании традиционный шаманизм с произвольными вариациями

на его тему. Многие из них оказались паллиативны. Многие, но не все. На стыке традиционных академических исследований шаманизма и неошаманских практик появились исследовательские проекты и отдельные работы, давшие интересные результаты. Я имею в виду работы Майкла Харнера и Роджера Уолша из США [46, 59, 63], В.П. Серкина из России [38] и других ученых, изучающих (часто на собственном опыте) психотехнику шамана. Новизна и достоверность получаемых ими результатов объясняются, с одной стороны, высокой профессиональной квалификацией, с другой стороны – личной способностью индуцировать шаманские состояния сознания (ШСС)¹, в некоторых случаях – генетически обусловленной².

Все эти обстоятельства позволили сформировать общее представление о магии примитивных культур, которое выглядит так.

Условия магического опыта

Существо магического опыта было эксплицировано в первой трети XX в. Б. Малиновским [27]: *магия является имманентной способностью субъекта*, поскольку она никогда не «рождалась», не создавалась и не изобреталась, а была изначально непременным спутником вещей и процессов, входящих в сферу жизненно важных интересов человека, не обеспеченных обычными рациональными усилиями. Заклинание, обряд и то, чем они управляют, возникли одновременно и, в отличие от науки, не исходят из наблюдений за природой или знания ее законов, а считаются исконным достоянием человека, обретаемым только через традицию и утверждающим автономную способность человека достигать желаемых целей. Магия есть свойство связи между человеком и вещью и, не будучи созданной человеком, всегда предназначалась для человека. Поэтому в традиции магия выступает как принадлежность человека, полученная им от предков. Но магия не только является принадлежностью человека, она буквально и фактически заключена в самом человеке и может быть передана только от человека к человеку, согласно очень строгим правилам наследования магического искусства, посвящения и обучения. Она есть уникальная и специфиче-

ская сила, присущая исключительно человеку и высвобождаемая только его искусством, оживляемая его голосом, выбрасываемая вовне лишь пусковым механизмом его обряда [27; 76].

К середине двадцатого века стало ясно, что основным каналом трансляции магических способностей является их передача по наследству [54]. Например, у бурят, чтобы стать шаманом, человек должен обладать *утха*, т.е. иметь предка – шамана. *Утха* передавалась из поколения в поколение, и наибольшим авторитетом пользовались шаманы, предки которых были шаманами в девятом поколении [9; 66]. Наследуемость шаманских способностей установлена также у нанайцев и ульчей, вогулов (манси), сибирских самоедов, остяков и множества других народов мира [27–33; 54]. Поэтому очевидно, что шаманизм опирается на генетическую передачу психофизиологических свойств личности, востребованных в архаической культуре [2: с. 161].

Помимо генотипа, на генезис и эволюцию шаманизма существенное влияние оказывала среда. Шаман мог проявлять свои способности лишь в особой природной среде и в адекватно социализированной аудитории. Этническая социокультурная среда гарантировала как сохранение и межпоколенную трансляцию самих шаманских способностей, так и воспроизводство подготовленных соответствующим образом поколений реципиентов как некой цельной аудитории [2: с. 164]. Поэтому с древности и до наших дней шаманизм каждого этноса остается цельной и закрытой системой. Генетической, социокультурной и географической обусловленностью шаманских «операций» объясняется их эффективность в автохтонной среде и неэффективность при любом, даже идеально точном воспроизведении ритуала, вне этой среды. Ритуал действует только в породивших его условиях, поэтому у разных народов мы находим различные системы магии: тотемическая магия и шаманизм не существуют в «чистом виде», а представляют собой совокупность множества уникальных систем.

Путь шамана

Но как проявлялись и формировались в онтогенезе особые умения и свойства шамана? Принято считать, что это происходило в пять этапов: избранничества, кризиса, ученичества, просветления и смерти/возрождения [46: с. 42–74].

Путь шамана начинался еще в детстве. Обычно «избранник духов» отличался от своих сверстников чрезвычайной задумчивостью. Он любил уединяться, видел вещие сны, предсказывал будущее. Считалось, что у такого ребенка отсутствует душа, проходящая в это время обучение шаманскому искусству у западных и восточных тэнгриев [9; 66]. Несмотря на все тяготы процесса становления, избранник

¹ Термин Роджера Уолша.

² Многое (но не все) о чем пишет Владимир Павлович Серкин невозможно придумать. В этом меня убеждает собственный опыт одиночного пребывания в тайге. А личное знакомство с автором «Хохота шамана» наводит на мысль о том, что образ Шамана возник в результате синтеза его научного профессионализма (В.П. Серкин – доктор психологических наук, профессор), литературных способностей, личного «таежного» опыта (тундра и тайга, где каждая ошибка может быть последней) и врожденной способности индуцировать шаманские состояния сознания.

должен был пройти свой путь до конца. Ему не следовало отказываться от предначертанной доли, так как подавление наследственных установок приводило к дискомфорту личности, что могло стать причиной ее деструктивных изменений, а для социума потеря шамана становилась потерей врача, предсказателя, человека, способного решать множество общественно важных проблем.

В пубертатный период наступал момент *кризиса*, когда происходил «шаманский призыв». В это время нагрузка на психофизиологическую систему была столь велика, что у бурят шаман считался отмеченным печатью избранничества и мучеником. Один непальский шаман описал свой кризис посвящения следующим образом: «Когда мне исполнилось тринадцать лет, я стал «одержимым». Позже я узнал, что это был дух моего умершего деда, но в то время я не знал, что происходит. Меня начало страшно трясти, я не мог сидеть спокойно ни минуты, даже когда дрожь проходила... В конце концов люди отправились искать меня. Когда меня догнали, я перестал дрожать и пришел в себя. Меня отвели домой и накормили. Вся семья была очень озабочена. У меня не было аппетита, и в ту ночь меня опять начало трясти» [46; 48].

Для тех, кто окликался на шаманский призыв, наступал этап *ученичества*, основной задачей которого была теоретическая и психофизиологическая подготовка к исполнению функций шамана.

Теоретическая подготовка заключалась в изучение космологии, мифологии, ритуала, других премудростей, а также обретение духов-хранителей. Знание космологии и мифологии позволяло шаману ориентироваться в путешествиях и правильно общаться с духами, ритуал являлся эффективным способом воздействия на неземные силы, а дух-помощник проводил шамана по иным мирам и оказывал содействие там, где это было необходимо.

Шаманские путешествия по иным мирам следует отметить особо, поскольку именно это умение составляет специфику и основу техники шаманизма, заключающейся, прежде всего, в переходе из одной космической области в другую: с Земли на Небо или с Земли в Преисподнюю. Шаману, в отличие от его соплеменников, была известна тайна прорыва уровней, хотя, как гласят легенды, когда во «время оно» не было смерти, и люди умели летать, то подземный и небесный уровни были доступны всем без исключения. Но со временем пути сообщения прервались, и проникновение на Небо и под Землю стало прерогативой избранных – шаманов. Остальные люди могли возвратиться к исходному состоянию лишь в момент смерти, причем и она не гарантировала полного восстановления утраченных качеств всем умершим без исключения [53; 145–198].

Сообщение между космическими сферами делала возможным центральная ось, соединяющая три сферы: Землю (Средний мир), Небо (Верхний мир) и

преисподнюю (Нижний мир). Считалось, что ось проходит через сквозное отверстие и является средством связи между тремя мирами: по ней боги спускаются на землю, мертвые опускаются в подземный мир, а шаманы могут курсировать по всем трем уровням и в пространстве, и во времени.

Именно в путешествиях, которые шаман совершал, как правило, с помощью духов-покровителей, он вступал в общение с неземными существами, приобретал силу и способности, отсутствующие у других людей и, что самое главное, решал поставленные перед ним задачи.

Основными элементами *психофизиологической подготовки* были ограничение в питании, холод и уединение [46; 54]. Они развивали особые свойства шамана, недоступные соплеменникам, закаляли тело и дух, укрепляли волю. Шаман приобретал навыки подготовки к процессу камлания и навыки активизации в самом ритуале почти невероятных способностей: особого зрения, необычайной физической силы и потери ощущения жары и холода³. Свойственное уединению состояние сенсорной депривации развивало способность эмоционального и ментального контроля, умения сосредотачиваться на феноменах сознания, повышать или понижать порог восприятия, активировать или дезактивировать необходимые при камлании сенсорные каналы и вызывать галлюцинации, связанные с целью обряда⁴.

По свидетельству Расмуссена, *просветление*, внутреннее переживание света, расценивается иглуликскими эскимосами как важный этап становления шамана. Расмуссен пишет: «... следующая вещь, которую делает старый шаман со своим учеником, – это проведение его через "анак уа", под которым имеется в виду "анаккок", или "ангакок", то есть вполне специфический и особый элемент, который и делает этого человека "ангакоком" (шаманом). Он также называется "куаменек" – "озаренный" или "просветленный", так как "анак уа" – это тот таинственный свет, который шаман внезапно ощущает в своем теле, голове и мозгу; это ослепительный источник света, сияющий огонь, позволяющий шаману – как буквально, так и метафорически – видеть в темноте, поскольку теперь он может даже с закрытыми глазами воспринимать вещи

³ Попов А.А. Шаманство у долган // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981; Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков // Сборник музея антропологии и этнографии. СПб., 1914; Широкогоров С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов. Владивосток, 1919.

⁴ Супрун А.П. Измененные состояния сознания в шаманских практиках (альтернативная интерпретация реальности) / Евразийская ментальность; под общ. ред. В.Ф. Петренко, И.Н. Карицкого. М.: Информполиграф, 2012. С. 325.

и будущие события, скрытые от других; будущее и чужие секреты открываются для него» [46; 63].

Последний этап становления шамана – опыт *смерти/возрождения*. Его описание (по Расмуссену) таково: «Прежде чем шаман достигнет того уровня, когда любой дух-помощник посчитает возможным явиться к нему, он должен в напряженной концентрации мысли обрести еще одну важную, загадочную способность – он должен увидеть себя скелетом. Ни один шаман не в состоянии объяснить себе, как и почему появляется такая сверхъестественная способность лишать свое тело плоти и крови, так что, кроме костей ничего не остается... Видя себя полностью освобожденным от бренной и преходящей плоти, он для достижения своей великой цели с помощью священного языка шаманов концентрируется на той части своего тела, которая дольше всего способна противостоять воздействию солнца, ветра и непогоды после того, как он умрет» [46; 65].

После этого духи покрывали кости шамана новой плотью, а в его артерии и вены вливали новую кровь. Новое тело обретало сверхъестественные свойства. Под его защитой дух шамана мог перемещаться по Трем Мирам и взаимодействовать со сверхъестественными существами.

Для посвящаемого процесс *смерти/возрождения* был невероятно тяжел. В это время он находился на грани между жизнью и смертью и переживал психофизиологический кризис такой глубины и силы, что все оставшиеся дни свято верил в реальность смерти своего прежнего существа и новое рождение в виде шамана.

«Шаманское состояние сознания»

Длительное время «шаманское состояние сознания» считалось «шаманской болезнью», близкой по своим клиническим показателям к шизофрении, но более пристальное изучение эту позицию опровергло. Сейчас установлено [46: с. 223], что, в отличие от больного шизофренией, для шамана, пребывающего в измененном состоянии сознания, свойственны: 1) способность произвольно входить в измененное состояние сознания (ИСС) и выходить из него; 2) способность контролировать содержание переживаний; 3) способность к концентрации; 4) способность иметь положительные эмоции; 5) способность сохранять идентичность; 6) способность контролировать экстаз; 7) способность иметь организованные, связные образы.

Шаманское состояние сознания достигалось с помощью нескольких способов.

Первым из них были *голодание и недосыпание*. Они усиливали способность шамана видеть духов и требовали недюжинной выносливости и особой системы физической подготовки [52: с. 153].

Вторым – *музыка*, как правило, – ритмичные звуки шаманского бубна или других ударных музыкальных инструментов, а также ритмичное *пение* и ритмичные *танцы*.

Глубинные психологические механизмы воздействия ритма на психофизиологическую динамику личности были выявлены Ж. Пиаже, по мнению которого *ритм*, в отличие от следующих за ним в фило- и онтогенезе регуляций и группировок, связан с инстинктивными потребностями человека, представляющими собой функциональное продолжение структуры органов. В качестве своеобразной «логики органов» инстинкт способен достигать форм поведения, по своей сложности в операциональном плане сопоставимых с деятельностью «исключительно высоко развитого интеллекта» [30: с. 226]. Примером этого является успешный инстинктивный поиск объектов, расположенных за пределами поля восприятия человека и на различных от него расстояниях. По мнению Пиаже, органические или инстинктивные потребности, лежащие в основе мобильности элементарных форм поведения, являются периодическими и подчиняются, следовательно, структуре ритма: голоду, жажду, половому влечению и т. п. Ритм характеризует виды функционирования, находящиеся на стыке физиологической и психической жизни, поскольку даже в области элементарных восприятий или ощущений различие в степени восприимчивости делает совершенно очевидным наличие примитивных ритмов, полностью ускользающих от сознания субъекта. Ритм также лежит в основе всякого движения, включая движения, в которые, в качестве составной части, входит моторный навык. Схема ритма всегда так или иначе требует чередования двух противоположных процессов, один из которых функционирует в направлении: А→В, а другой – в обратном направлении: В→А. Движения, присущие ритму, регулируются самой внутренней (и наследственной) установкой. Наследственный ритм обеспечивает определенное сохранение форм поведения, которое совершенно не исключает ни их сложности, ни даже относительной гибкости. Но в той мере, в которой человек имеет дело с врожденными установками, это сохранение периодических схем свидетельствует о систематическом отсутствии аккомодаций субъекта к возможным модификациям внешней ситуации, отвлечения от нее [30: с. 227–233].

Общая же роль ритма в магическом ритуале состоит в том, что, являясь функцией природы и находясь ближе всего к инстинкту, он способствует нейтрализации социальных установок, снятию рефлексии, раскрепощению и активизации природных свойств личности.

Третьим способом изменения состояния сознания в шаманской технике достижения экстаза явля-

лись *галлюциногены*. Они инициировали вхождение шамана в транс, поддерживали его в «шаманском состоянии сознания», а также способствовали сохранению в генетическом коде наследников шамана его способностей, закреплению в последующих поколениях магических действий и усилению их генетической и фенотипической обусловленности. Практически во всех известных примитивных культурах галлюциногены имели сакральный характер, заключающийся и в обожествлении, и в табуировании галлюциногенных растений и приготавливаемого из них экстракта, доступного рядовым членам племени лишь при их участии в особо торжественных и значимых ритуалах. Объявление наркотика во всех иных случаях «табу» предотвращало его бесконтрольное, опасное для жизни и здоровья человека употребление, а сакрализация создавала к галлюциногенам особое религиозное отношение.

* * *

Таково общее представление о наиболее существенных для нашей темы признаках тотемической магии и шаманизма. Теперь обратимся к другой форме трансцендентального опыта – *околосмертному опыту*.

1.2. Околосмертный опыт

Понятие околосмертного опыта – Near Death Experience (NDE) – вошло в научный оборот около сорока лет назад после публикации в 1975 г. книги Р. Моуди «Жизнь после жизни» [29], где автор изложил свидетельства около 50 пациентов, переживших клиническую смерть. С тех пор изучение NDE стало весьма популярным и сейчас является предметом многочисленных дискуссий, труднообозримого количества литературы, находится в центре внимания специально созданных для его исследования организаций⁵. К сожалению, большая часть имеющихся на сегодняшний день материалов малоинформативна. В них либо механически умножается количество стереотипных примеров, либо дается этим примерам фантастическое объяснение. Редким исключением является книга Л.М. Литвака «Жизнь после смерти»: предсмертные переживания и природа психоза. Опыт самонаблюдения и психоневрологического исследования» в которой автор – врач, имеющий ученые степени по медицине и психологии, описывает и объясняет собственный околосмертный опыт. Насколько нам известно, сейчас это *единственное профессиональное описание околосмертного опыта от «первого лица»*. Поэтому при описании NDE я буду следовать преимущественно ее тексту.

Исследования клинической смерти, в которой и существует NDE, начались раньше публикации книги Р. Моуди. В середине 30-х гг. XX в. их инициировал основатель современной реаниматологии акад. В.А. Неговский, предложивший термин «клиническая смерть» для обозначения такого состояния организма, когда, несмотря на остановку сердца и прекращение дыхания, реанимационными мероприятиями человека можно вернуть к жизни, поскольку основные функции головного мозга еще не угасли. Поэтому, начиная с 80-х гг. XX в., основным признаком биологической смерти принято считать смерть мозга: «...жизнь можно считать оконченной, когда мозг, как главный орган, определяющий существование человека, необратимо прекращает свою деятельность» [45: 31]. Именно **жизнь мозга** после остановки сердца и прекращения дыхания является основным признаком клинической смерти, отличающим ее от смерти необратимой – биологической.

Но как долго живет мозг (и, следовательно, человек!?) без поступления необходимого нервным клеткам кислорода? Ответ на этот вопрос неоднозначен. С одной стороны, вернуть больного к жизни удастся (с последующим восстановлением функций головного мозга) в том случае, если реанимационные мероприятия начнутся не позднее трех-пяти минут после остановки кровообращения. С другой стороны, краткость сроков клинической смерти определяется не только изменениями, происходящими в ходе умирания (сейчас они считаются обратимыми в течение примерно 60 мин), но и специфическими постреанимационными патологическими воздействиями, поскольку именно в ходе реанимационной рециркуляции и реоксигенации происходит гибель ряда образований мозга [13: с. 174–175]. Поэтому мозг живет до дольше, чем длится клиническая смерть [45: с. 70]. Он не погибает сразу, необратимые изменения начинаются с самых молодых в филогенетическом отношении структур и постепенно распространяются на все более и более древние образования, приводя в конечном счете к окончательной биологической смерти мозга, а вместе с ней – к смерти человека [45: с. 31].

В момент наступления клинической смерти человек отключается от природных и социокультурных регуляторов времени. Он не воспринимает ни солнечного света, ни ритмической организации социума и остается в ситуации абсолютной сенсорной и социальной депривации. Единственной реальностью оказывается замкнутая на себя субъективная реальность, полностью утратившая контакт с «внешней» последовательностью событий.

По свидетельству Л.М. Литвака, основным признаком психики в этом состоянии – ее дезинтеграция. Поскольку интеграция более простых психических функций является стойкой, а интеграция высших –

⁵ Пожалуй, самой известной из этих организаций является «Near Death Experience Research Foundation» (<http://www.nderf.org/>)

подвижной, изменчивой, нестойкой [25: с. 185], то филогенетически более ранняя *протопатическая* система, обслуживающая аффекты, чувства удовольствия-неудовольствия (в первую очередь боль), вытесняет *эпикритическую* и *гностическую* системы, обслуживающие познавательные процессы, почти полностью лишенные аффективной окраски [25: с. 139, 146–147]. В терминальном состоянии сознания (ТСС)⁶ «психика несет в себе досоциальные, доличностные, т.е. биологические источники, почти неосознаваемые, проявляющиеся в виде «минимального сознания», опережающего переживания самой простой социальной ситуации» [25: с. 298].

Именно поэтому почти на всем протяжении ТСС преобладают два наиболее древних состояния психики – страх и тревога, которые следуют сразу за *полной бессознательностью* и проявляются в *витальной депрессии*, сопровождающей большую часть ТСС и выражающейся в патологических ощущениях сжатия, стеснения, тоски, тревоги, страха, боли и т.п. [25: с. 152–153]. Но негативный эмоциональный фон, хоть и доминирует в ТСС, но не является единственным. Завершается череда образов филогенетически не менее древним состоянием *радости*, сопровождающим полет над горной альпийской долиной в потоке солнечного света под величественную музыку симфонического оркестра [25: с. 86–87].

Рассудочному вербальному мышлению филогенетически предшествуют не только ощущения бессознательности, витальной депрессии и радости, но и визуальные и акустические образы ТСС. К этим последним относятся: 1) пустое черное поле зрения, следующее за состоянием полной бессознательности; 2) быстро бегущий серый поток неопределенных впечатлений; и 3) образы, которые впоследствии могут быть связаны в сюжеты. Эти образы существуют преимущественно в сером сумрачном мире, где «даже если события... происходят днем, кажется, что за окном хмуро, идет дождь. Если время действия вечер, то окружающее кажется покрытым туманной пеленой, в нем часто *суетятся* странные люди-тени, но не слышно их голосов» [25: с. 68].

Именно мысли-образы, визуальное мышление, филогенетически предшествующее вербальному мышлению, мыслям-словам, составляет каркас мыслительных операций в ТСС. Как пишет Л.М. Литвак: «На всем протяжении ТСС, до короткого момента перед его концом, исчезает речь, но с середины ТСС и до внутреннего диалога... нечто подобное мышлению сохраняется на "интуитивном" уровне, оно справлялось только с простыми ситуациями, находящимися в поле зрения. Затем – переход на

уровень внутренней речи, идущий сначала в виде "танца"» [25: с. 298–299].

Содержание мыслительных операций подчинено аффективным потребностям, мышление ограничивается интуициями отношений, становится из познавательного практическим, но в нем часто сохраняется прошлый, в основном аффективный опыт, прежде всего, *чувства* связи с близкими и т. д. [25: с. 343, 403 и др.].

Сохранение в ТСС части жизненного опыта⁷, во-первых, делает каждый случай NDE индивидуальным, во-вторых, определяет содержательно-смысловую часть околосмертных переживаний, поскольку они протекают в состоянии строгой сенсорной депривации, при почти полном прекращении экстероцепции и полном обездвижении [25: с. 335]: субъективная реальность отключается от внешних источников информации и замыкается на себя. Поэтому в NDE «Речь идет... уже не столько о различных формах «отражения внешнего мира», не о памяти, внимании, восприятии, мышлении и т. д., сколько о своеобразной переработке субъективно воспринятого и запечатленного» [25: с. 197]. В результате такого самоограничения изменяются не только характер и содержание мыслительных операций, но также системообразующие принципы восприятия – *пространство* и *время*, у которых появляются весьма необычные свойства.

В NDE, во-первых, *изменяется длительность времени*: в небольшом интервале клинической смерти (3–5 мин) умещается огромное количество событий, порой превосходящее всю предшествующую жизнь. Во-вторых, возникает *ощущение вечности*: длительность событий исчезает, и человек погружается в состояние безвременья, где все события существуют одновременно или не существует ничего. В-третьих, *время становится обратимым*: нарушается последовательность событий, в которой не причина предшествует действию, а действие предшествует причине.

Выводы

Всё вышеизложенное позволяет сформулировать общие признаки трансцендентального опыта. Они таковы.

*Обусловленность имманентными свойствами личности*⁸, которые, как правило, имеют врожденный характер и проявляются либо непроизвольно (мистический экстаз, околосмертный опыт), либо в результате целенаправленной деятельности (даосские техники достижения бессмертия, йога).

⁷ Именно части, поскольку, как пишет Литвак: «Я потерял прошлое, *исключая самые глубокие привязанности*» (курсив мой – Ю.С.) [9: с. 217].

⁸ Не все, пережившие клиническую смерть, имеют околосмертный опыт. Сейчас неясно, почему. Объяснений может быть несколько, одно из наиболее вероятных – имманентные свойства личности.

⁶ По мнению Л.М. Литвака, понятие «терминальное состояние сознания» точнее отражает состояние психики в околосмертном опыте, чем более распространенное и привычное понятие «измененные состояния сознания».

Нарушение нормального адаптивного функционирования сенсорных систем в диапазоне от изменения (общего или избирательного) порога чувствительности до состояния строгой сенсорной депривации.

Изменение ощущений собственного тела от его полной утраты в околосмертном опыте до восприятия скрытых структур телесности в опыте магическом.

Спонтанное (как в околосмертном опыте) или произвольное (как в суфизме или йоге) *изменение состояния сознания*.

*Расширение субъективной реальности*⁹ путем снятия порога сознания между осознанным и бессознательным и получения доступа к вытесненным в подсознание содержаниям ментальности, архетипическим образам и структурам и т. п.

Активизация филогенетически более древних психических структур, в частности, перцептивно-го, или пространственно-образного мышления. Логико-вербальное мышление полностью или почти полностью бездействует, и обработка информации осуществляется в нерелексивной форме.

Существенное снижение степени восприятия собственного Я вплоть до его исчезновения и состояния тождества с не-Я. Деперсонализация сопровождается полной или частичной потерей воли, возможностью отождествления себя с любым ментальным или физическим объектом вплоть до элементарных частиц или Вселенной (как это происходит в трансперсональном опыте) и проч.

Качественно изменяется восприятие пространства и времени. Например, в восприятии времени: 1) меняется его длительность, когда в небольшом интервале астрономического времени умещается значительное количество событий и состояний субъективной реальности; 2) возникает феномен обратимости времени; 3) появляется ощущение вечности.

Нетрудно заметить, что спектр этих признаков весьма велик и охватывает практически все известные уровни генетической и психофизиологической организации человека – от генотипа до интуиции. Поэтому и субъектные детерминанты трансцендентального опыта располагаются в столь же широком диапазоне.

2. ДЕТЕРМИНАНТЫ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО ОПЫТА

2.1. Когнитивная целостность человека

Когнитивная целостность человека не является специфической для трансцендентального опыта детерминантой, она – основание всякого возможного опыта: и феноменального, и трансцендентального. Именно когнитивная и психофизиологиче-

ская целостность человека делают возможным переход с феноменального уровня на трансцендентальный и наоборот. Но до сих пор существуют влиятельные теоретические системы, либо отрицающие эту целостность, либо полагающие ее источником некоторую нематериальную, а значит – сверхприродную ипостась реальности. Эта ипостась находится за пределом инструментария и методологии современной науки, а значит относится к компетенции паранауки и теологии.

Автор полагает, что это не так и что в рамках эволюционной эпистемологии [26] предложен метод, позволяющий без гипостазирования сверхприродного, трансцендентного уровня бытия объяснить феномен познания в тех пределах, которые обусловлены современным состоянием философии и науки.

Ключевое теоретическое положение эволюционной эпистемологии состоит в том, что жизнь не только человека, но всякого организма представляет собой познавательный процесс, поскольку ее (жизни) возникновение совпадает с формированием структур, способных получать и накапливать информацию. Возникновение и развитие способности познания связано с необходимостью приспособления организма к условиям окружающей среды (адаптация) и сохранения равновесия между ним и природой. В адаптации выделяются процессы ассимиляции и аккомодации. Ассимиляция – это усвоение данного материала существующими схемами поведения организма, а аккомодация – приспособление этих схем к определенной ситуации. Эволюция является таким процессом, в котором информация, касающаяся среды, в результате адаптации организмов буквально пересаживается, внедряется в их когнитивные структуры, в том числе и в когнитивные структуры человека. Поскольку знание и когнитивные механизмы представляют собой функцию взаимодействия человека со средой, а рациональность когнитивных структур способствовала его выживанию, они закрепляются в организме генетически.

Адаптивные модификации организма и особенно его адаптивное поведение представляют собой когнитивный процесс особого рода, сочетающий и опыт генома, и достижения механизмов, обрабатывающих краткосрочную информацию. Внешнее воздействие поставляет сведения, которые определяют, какую из предусмотренных в программе генома возможностей осуществить, какая из них лучше подходит к данной ситуации. Благодаря этому непрерывно возникают новые формы приспособления и лежащая в их основе информация аккумулируется.

Происходящие в организме информационные процессы тесно связаны с процессами энергетическими – чем больше энергоёмкость организма, тем выше его способность к выживанию. Поэтому про-

⁹ Я не расшифровываю понятие *субъективной реальности*, поскольку оно эксплицитивно в работах проф. Д.И. Дубровского [17 и др.].

блема доступа живого существа к источникам энергии является для него первостепенной и может быть успешно решена только в том случае, если имеется адекватная информация об этих источниках. Следовательно, увеличение информационной емкости системы является необходимым условием доступа к новым источникам энергии, что означает повышение ее шансов на сохранение и развитие. С другой стороны, увеличение энергоемкости системы позволяет нарастить объем ее когнитивных структур и увеличить их информационную емкость, что создает возможность использовать новые источники энергии. В целом можно утверждать, что получение и накопление информации, существенной для сохранения вида, – столь же фундаментальная функция всего живого, как получение и накопление энергии [26: с. 268]. Поэтому любой живой организм можно представить как информационную систему или комплекс информационных систем. Например, структура информационного поля человека – субъекта познания – включает четыре *естественные информационные системы*: генетическую, сенсорную, перцептивную и ментальную [37].

Генетическая информационная система является основанием когнитивной организации человека. Ее функциональное назначение состоит в наследственной передаче информации от одного поколения к другому посредством кодирования фенотипических признаков в генотипе. Материальными элементами, в которых осуществляется это кодирование, являются молекулы ДНК и РНК, в различной степени присутствующие у всех известных живых существ.

На формирование и изменение генетической информационной системы существенное влияние оказывают психофизиологические факторы, состоящие в том, что функциональная активность нервной системы может играть роль механизма, изменяющего активность генных систем. Так, например, проявление ряда генетически детерминированных поведенческих актов зависит от уровня возбуждения ЦНС: при низкой возбудимости нервной системы определенные генетически детерминированные формы поведения могут и не обнаруживаться, но они проявляются по мере повышения нервной возбудимости. Особая роль в воздействии нервной системы на генотип принадлежит стрессу, играющему роль внутреннего механизма регуляции наследственной изменчивости и эволюционного процесса. По отношению к организму как к целому стресс выступает в качестве фактора, изменяющего активность генома. Стрессирование модифицирует и интегрирует деятельность четырех уровней: генного, эндокринного, нервного и психического [33].

Сенсорная информационная система предназначена для обеспечения субъекта оперативной информацией об окружающем мире и внутреннем со-

стоянии организма. Сенсорные системы дают адекватное представление о реальности и способны воспринимать и преобразовывать сигналы трех модальностей: 1) электромагнитные поля в видимой (зрение) и в инфракрасной (температурная чувствительность) областях спектра; 2) механические возмущения, к которым относятся звуковые волны (слух), сила тяжести (гравитационная и вестибулярная чувствительность), механическое давление (осознание); 3) химические сигналы – обнаружение веществ в жидкой фазе (вкус) и в газовой фазе (обоняние) [8].

На уровне сенсорной информационной системы возникает важнейший канал функционирования информации, а именно *способность организма к обучению* – проявлению адекватных изменений индивидуального поведения в результате приобретения опыта. Реализуется обучение в механизмах привыкания (габитуация) и сенситизации [24]. Привыкание означает ослабление поведенческой реакции при многократном повторении стимула, который вначале был новым. Сенситизация представляет собой несколько более сложную форму обучения и требует, чтобы животное научилось обращать внимание на стимул, так как он сопровождается потенциально болезненным эффектом или опасными последствиями. Ее изучение показало, что в головном мозгу имеются синаптические пути, которые детерминированы процессами развития, но которые, будучи предрасположены к обучению, могут быть функционально инактивированы или реактивированы опытом.

Назначение *перцептивной информационной системы* состоит в формировании целостного образа предметов, ситуаций и событий, возникающего при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности органов чувств. Специфика этого уровня определяется также и тем, что здесь происходит синтез сенсорной и ментальной информации. Фундаментом восприятия являются биологические сенсорные системы, поскольку именно они поставляют ту «элементарную» материю чувств, из которой в процессе перцептогенеза формируется чувственный образ. Недостаток сенсорного материала пагубно сказывается на состоянии организма. Например, у человека он вызывает сенсорную депривацию, характерную для полярников, подводников, исследователей пустынь и представителей некоторых других профессий.

У человека перцептивные процессы не замыкаются только лишь в рамках органов чувств и физиологии центральной нервной системы. Значительное влияние на них оказывают установки, эмоции, внимание, волевой компонент индивида, его опыт, умения, навыки, а также черты характера и направленность личности. Поэтому содержание восприятия пристрастно. Получаемая информация носит избирательный характер и структурируется в

соответствии с потребностями, намерениями, ценностями и ожиданиями человека [4].

Следующим уровнем когнитивной организации личности является *ментальная информационная система*. Длительное время она считалась исключительной принадлежностью человека. Однако в последней четверти двадцатого века в научный оборот прочно вошли термины «мышление животных», «психика животных», «психическая деятельность животных», определенно свидетельствующие об изменении представлений о границе и сферах локализации ментального. Сейчас установлено [20], что зачатки мышления имеются у довольно широкого спектра видов позвоночных – рептилий, птиц, млекопитающих разных отрядов, а у наиболее высоко развитых млекопитающих – человекообразных обезьян – способность к обобщению позволяет усваивать и использовать языки-посредники на уровне двухлетних детей.

В составе ментальной информационной системы человека можно выделить восемь основных элементов (или модулей), к которым в конечном счете сводятся все остальные. *Внимание* обеспечивает сосредоточенность деятельности субъекта в данный момент времени на каком-либо реальном или идеальном объекте. *Воля* обуславливает активную самодетерминацию и саморегуляцию человеком своей деятельности и поведения вопреки внешним и внутренним препятствиям, влияниям и воздействиям. *Эмоции* представляют собой непосредственное, страстное переживание субъектом жизненного смысла явлений, предметов и ситуаций. *Представление* делает возможными образы предметов, сцен и событий, которые возникают на основе их припоминания или же посредством продуктивного воображения. *Язык* позволяет фиксировать, хранить, перерабатывать и передавать информацию. *Память* обуславливает процессы организации и сохранения прошлого опыта, делающие возможным его повторное использование в деятельности или возвращение в сферу сознания. *Рефлексия* есть сознательное сосредоточение внимания субъекта на совокупности своих понятий и представлений; к рефлексивному мышлению применимы законы организации понятийного мышления, оно использует основные методы познания – дедукцию, индукцию, анализ, синтез, другие формальные методы операций с понятиями. Непременным условием рефлексии является разделение реальности на субъект и объект познания, и противопоставление мыслящего – мыслимому. Рефлексивное разделение есть разделение сознательное, отчуждение сознания от себя, его, если можно так выразиться, самотрансцендирование. Наиболее существенным отличием *интуиции* от рефлексивного способа получения и обработки информации является то, что процесс получения знания находится за

пределами восприятия субъекта, и осознаются лишь его результаты. Синтез интуитивной информации происходит в состоянии бессознательного сосредоточения, когда мыслительные процессы самопроизвольно организуются в соответствии с заранее усвоенной субъектом установкой или схемой [10].

2.2. Пространственно-образное мышление

На уровне ментальной информационной системы кодирование информации осуществляется двумя способами – пространственно-образным и логико-вербальным, которым соответствуют два типа мышления, связанных между собой системой пропозициональных кодов [28: с. 215–216]. В филогенезе пространственно-образное мышление предшествует логико-вербальному, поскольку является дальнейшим развитием перцептивного мышления животных и основано на восприятии. Наиболее существенные признаки пространственно-образного мышления, отличающие его от мышления логико-вербального, таковы:

- Основано на сенсорной памяти, преимущественно иконической (визуальные образы) и эхоической (акустические образы) [42]. Способом долговременного сохранения перцептивно-образной информации является эпизодическая, а не семантическая память¹⁰.
- Опирируется целостными образами (гештальтами), а потому склонно к холистическому образу реальности.
- Эмоционально нагружено.
- Ментальной основой пространственно-образного мышления является *представление*, механизмом создания новых образов – *продуктивное воображение*.
- Ему присуща сравнительно меньшая организованность и упорядоченность связей между перцептивными образами, элементами образов, мысленными представлениями и даже словами, которые символизируют их смыслы. Поэтому оно требует более низкой активности мозга и меньших физиологических и энергетических затрат [28: с. 246].
- Церебральной основой пространственно-образного мышления является правое полушарие.

Именно потому, что пространственно-образное мышление является «стратегией» обработки информации правым полушарием, его специфика особенно заметна у левшей. В результате многолетних исследований Н.Н. Брагиной и Т.А. Доброхотовой [5; 6] были установлены следующие отличия психических процессов у левшей и правшей.

У правшей *галлюцинации* строго различны при поражении правого и левого полушария. Слуховые

¹⁰ Вполне возможно, что и процедурная память. Это пока не установлено.

обманы представлены соответственно невербальными (музыкальные, ритмические звуки природы) и вербальными (слова, фразы, имеющие определенное содержание) галлюцинациями. Резко различаются и зрительные галлюцинации по их пространственно-временной характеристике. Она (характеристика) смазана, неотчетлива при поражении правого полушария: больные не могут описать, где и что видят; если, скажем, в зрительных галлюцинациях им дано лицо человека, то больные не могут сообщить, видит его вне себя или «внутри головы», чье – мужское или женское – лицо представляется им в зрительных обманах. Та же характеристика отчетлива при левополушарной патологии мозга: больные точно описывают место, где видят лицо человека (впереди себя, слева), расстояние от себя до мнимого образа, подробно и конкретно описывают лицо, данное в галлюцинаторных переживаниях; обозначают время появления и исчезновения, длительность зрительного галлюцинирования.

Напротив, у левшей галлюцинации не только значительно чаще, чем у правшей, но мало или почти независимы от стороны поражения мозга. Для них характерна тенденция к сочетанию различных галлюцинаций – зрительных, слуховых, осязательных (особенно часто возникающих), обонятельных, вкусовых. Имеются и другие галлюцинации, которые невозможно отнести к какой-либо сенсорной модальности, как будто у левшей не пять, а больше органов чувств. В своей совокупности эти галлюцинации создают ощущение присутствия «постороннего человека», которого левша «воспринимает» слухом, зрением, осязанием и такими ощущениями, как колебания воздуха, вызываемые «дыханием» того человека, шевеления волос на затылке, прикосновения рукой и т. д. Чаще всего левши «ощущают» человека сзади себя. По силе переживания галлюцинации левши почти равны восприятию реальных событий. Они отличаются еще ритмичностью: появляются и исчезают, повторяясь сотни раз.

Помимо специфики галлюцинаций в восприятии левшей, отмечались следующие особенности:

- *кожно-оптическое чувство*: больные могли «читать», «видеть» кожей, чаще пальцами рук; осязанием они иногда различали соленое и сладкое;
- *расширение зрительного пространства*: больные становились способными видеть то, что располагалось явно за пределами досягаемого зрением пространства (например, объекты, находящиеся сзади них);
- *предвосхищение*: во время приступа больные оказывались способными воспринимать (видеть, слышать) события будущего времени;
- *обратная последовательность устной и письменной речи*: больные проговаривали звуки речи и изображения букв в словах в обратной последовательности – от конца к началу;

- *зеркальная деятельность* – письмо, чтение, восприятие, рисование, движение, представление;

- *цветные или вещие сны*.

Причины столь существенных различий восприятия левшей и правшей Н.Н. Брагина и Т.А. Доброхотова усматривают в обусловленности функциональной асимметрии фундаментальными законами природы. По их мнению, церебральную асимметрию (отмеченную, кстати, не только у человека, но и у животных), следует рассматривать как кульминационное выражение принципа симметрии и нарушения симметрии правого и левого в природе. Опираясь на названный теоретический принцип и тот факт, что в описанных выше феноменах психические процессы у левшей осуществляются как бы наоборот по сравнению с такими у правшей, они делают вывод о том, что при определенных условиях возможна обратимость пространственно-временных отношений, поскольку «сознание человека есть свойство пространства и времени его головного мозга» [6: с. 90].

2.3. Изменение состояния сознания

Следующей детерминантой трансцендентального опыта являются *измененные состояния сознания* (ИСС).

Практически на всем протяжении существования европейской философии и науки внимание исследователей сознания было сосредоточено на его нормальном бодрствующем состоянии. Внимание к ИСС было эпизодическим и фрагментарным, и лишь в 60-х гг. XX в. сформировалась устойчивая тенденция систематического и комплексного изучения этого феномена. С тех пор не иссякает поток научных статей [34, 56, 58, 62 и др.], диссертаций [35] и книг [43], содержащих новые и сравнительно новые подходы, сведения и интерпретации, но до сих пор общим ориентиром исследователей остаются идеи Арнольда М. Людвига, изложенные им в статье «*Altered States of Consciousness*» [61].

Согласно А. Людвигу, измененным состоянием сознания является любое психическое состояние, индуцированное различными физиологическими, психологическими или фармакологическими приемами или средствами, которое субъективно распознается самим человеком (или его объективным наблюдателем) как достаточно выраженное отклонение субъективного *опыта* (курсив мой, Ю.С.) или психического функционирования от его общего формального состояния, когда он бодрствует и пребывает в бдительном сознании [61: 14–15].

ИСС вызываются факторами, которые препятствуют: 1) нормальному притоку сенсорных или проприоцептивных стимулов; 2) нормальному выходу моторных импульсов; 3) нормальному «эмоциональному настроению»; 4) нормальному течению или организации когнитивных процессов.

Наиболее существенные из этих факторов таковы.

- *Редукция экстероцептивной стимуляции и/или моторной активности.* Сюда относятся психические состояния, возникающие в основном из-за полной редукции сенсорных входящих сигналов, изменения паттернирования сенсорных данных или постоянного предъявления повторяющейся монотонной стимуляции (одиночное заключение, сон, гипноз и проч.).

- *Повышение экстероцептивной стимуляции и/или моторной активности и/или эмоций.* К этой категории относятся психические процессы, продуцируемые под воздействием сильного возбуждения в результате сенсорной перегрузки или бомбардировки, сопровождающейся или нет напряженной физической активностью или усилием (суггестивные состояния, шаманский транс, истерические конверсивные реакции и проч.).

- *Повышенная alertность, или психическая вовлеченность.* В эту категорию входят психические состояния, которые возникают в результате сосредоточенной или избирательной гиперalertности с последующей периферийной гипоalertностью в течение длительного периода времени (пламенная молитва, полная психическая вовлеченность в выступление динамичного или харизматического оратора и проч.).

- *Снижение alertности, или ослабление критичности.* В данную группу входят психические состояния, которые можно охарактеризовать как «пассивное состояние ума», при котором активное целенаправленное мышление ведено до минимума (мистические состояния, трансцендентальные состояния, глубокие эстетические переживания и проч.).

- *Влияние психосоматических факторов.* Сюда относятся психические состояния, возникающие в основном в результате изменений в химии или нейрофизиологии тела (гипогликемия, обезвоживание, дефицит сна, прием наркотических препаратов, алкоголя и проч.) [61: с. 15–21].

В измененных состояниях сознания происходят, во-первых, *изменения в мышлении.* Нарушается концентрация внимания, эффективность памяти и формулирование суждений. Ведущей становится архаическая манера мышления. В той или иной степени нарушается способность к проверке реальности. Происходит стирание различия между причиной и следствием, сильно выражена амбивалентность, многие ИСС связаны со снижением рефлексии. Во-вторых, *нарушается чувство времени,* что выражается в виде общей дезориентации во времени и характерном субъективном чувстве безвременья, остановки, ускорения или замедления времени и т. д. Время также может восприниматься как бесконечное или не поддающееся измерению. В-третьих,

происходит *потеря контроля.* Человек, входя или пребывая в ИСС, обычно ощущает страх перед утратой власти над действительностью и утратой самоконтроля. Снижение сознательного контроля может вызвать чувство бессилия и беспомощности, либо, что парадоксально, обеспечить еще большим контролем и силой через утрату контроля. В-четвертых, происходят *изменения в эмоциональном выражении.* Возникают внезапные, неожиданные вспышки более примитивных и интенсивных, чем в нормальном состоянии, эмоций, вплоть до крайних эмоциональных состояний – от экстаза и состояния, близкого к оргазму, до глубокого страха и депрессии. В-пятых, *происходит изменение образа тела.* Наряду с искажением образа тела, весьма распространенной является склонность у индивидов испытывать глубокое чувство деперсонализации, разделения тела и души, потери самосознания или размывание границ между собой и другими, миром или Вселенной. Если подобные субъективные переживания вызываются токсическими или делириозными состояниями, предвестниками припадков или возникают после приема определенных наркотиков и проч., они нередко воспринимаются как странные и даже пугающие. Но при возникновении таких ощущений при мистических или религиозных обстоятельствах они могут интерпретироваться как трансцендентальные или мистические переживания «исключительности», «расширения сознания», «океанских чувств» или «забвения». В-шестых, *происходит искажение восприятия.* Общим для большинства ИСС является наличие перцептивных аберраций, включая галлюцинации, псевдогаллюцинации, преувеличенную визуальную образность, гиперобостренность восприятия и самые многообразные иллюзии. Содержание этих перцептивных отклонений обуславливается культурными, групповыми, индивидуальными или нейрофизиологическими факторами и представляет либо скрытые желания и фантазии, выражение базовых страхов или конфликтов, либо простые явления незначительной динамической важности, такие как галлюцинации света, цвета, геометрических форм или очертаний. В-седьмых, происходит *изменение смысла или значения,* что проявляется в склонности людей, находящихся в ИСС, вкладывать повышенный смысл и значение в свои субъективные переживания, размышления или восприятия. В-восьмых, возникает *чувство невыразимости,* которое проявляется в бессмысленности или невозможности описания субъективного опыта ИСС тому, кто не испытывал подобных переживаний. В-девятых, возникает *чувство возрождения,* когда многие, выйдя из некоторых состояний глубокого изменения сознания, заявляют о переживании нового чувства надежды, возрождения или перерождения. В-десятых, *гипервнушаемость* [21–30; 61].

Психофизиологической основой ИСС являются измененные функциональные состояния организма (ИФС), которые сводятся в три основных класса [43: с. 11]: суггестогенные состояния, возникающие при гипнотическом и аутогипнотическом воздействии; фармакогенные состояния, вызванные в результате применения психоактивных препаратов; экзогенные состояния, возникающие при попадании в экстремальные внешние условия, которые обуславливают включение механизмов пере- и дезадаптации. На базе ИФС формируется совокупность измененных психических состояний личности (ИПС), и уже на основе ИПС, прежде всего, на базе их когнитивного модуля формируются ИСС.

2.4. Нелинейность субъективного времени

Нелинейность субъективного времени нельзя свести к ИСС, поскольку само субъективное время обусловлено *биологическим временем*, под которым принято понимать совокупность биологических ритмов высокой, средней и низкой частоты, задающих интервалы и последовательность процессов жизнедеятельности и восприятия событий.

Потеря ощущения времени, изменение его длительности и направления стали предметом пристального внимания философов и ученых в конце XIX – начале XX в. Импульс, заданный теоретической постановкой проблемы в работе У. Джемса «Многообразии религиозного опыта» [14], привел к впечатляющим результатам, полученным в различных отраслях философского и научного знания о человеке: эволюционной эпистемологии, феноменологии, психологии, нейрофизиологии, психофизиологии, психогенетике и проч. Среди этих результатов есть две концептуальные идеи, особенно важные для нашей темы. Во-первых, идея об индивидуальном характере времени и его зависимости от мозга субъекта [7]. Во-вторых, идея о том, что дифференциация прошлого, настоящего и будущего не имманентна живой природе, а является продуктом эволюции, в ходе которой развитие церебральной асимметрии, абстрактного мышления и речи породили возможность рефлексивного отношения к единству содержаний ментальности и обусловили специализацию больших полушарий головного мозга в организации и функционировании темпорального ряда. В контексте этих идей **организация временного ряда** выглядит так.

Во временной последовательности «прошлое–настоящее–будущее» *настоящее* – это непрерывный поток перцепций, мыслеобразов и слов. Чем оно актуальней, тем более подавлено в сознании человека прошлое, которое в данных обстоятельствах воспроизводится лишь произвольно [7] и тем более очерчен образ *будущего*, который и гипотетичен, и реален. Гипотетичен, поскольку является результа-

том продуктивного воображения, интуиции и рефлексии и не существует за пределами субъективной реальности. Реален, так как и зафиксирован синаптическими связями нейронов, и воспринимается субъектом как органическая часть его собственного бытия. В контексте субъективной реальности онтологический статус будущего сопоставим с онтологическим статусом прошлого и настоящего: настоящее неуловимо, а дифференциация между прошлым и будущим весьма условна и зависит больше от особенностей восприятия и рефлексии субъекта, нежели от физических, биологических, социальных и прочих объективных факторов.

Если будущее – это образы продуктивного воображения и вербально-логические конструкты, настоящее – поток перцепций, мыслеобразов и слов, то *прошлое* – это энграммы памяти, чувственные образы прежних восприятий окружающего мира и самого себя. Доступно прошлое и произвольно, и произвольно.

Произвольное воспоминание, как правило, *рефлексивно*. Оно представляет собой волевой акт, направленный на извлечение из памяти и вербализацию образов прежних событий, систематизируемых в соответствии с определенной целью, которая определяет и состав воспроизводимых событий, и их содержание, и их связи. Незначимые факты субъект элиминирует или редуцирует до необходимого минимума.

Непроизвольное воспоминание *нерефлексивно*. Его основой является сохранение памятью чувственных образов именно в той последовательности, в какой совершались отраженные в этих образах события, поэтому непроизвольное оживление соответствует реальному порядку событий во времени [7]. Интенсивность оживления прошлого зависит от возраста, она тем выше, чем более снижена память и общая активность, отражающие степень привязанности человека к реальности: чем старше человек и чем ниже его активность, тем больше он погружается в прошлое [7]. Возрастная деградация высших психических функций, прежде всего, вербально-логического мышления (включая удержание намерений к действию) и способности к продуктивному воображению, с одной стороны, и оживление образов прошлого, с другой, – формируют у пожилого человека образ настоящего, в котором прошлое причудливо переплетаются с перцепциями текущих событий. Создается парадоксальная повседневность, где давно ушедшие из жизни люди представляются реальными участниками нынешних дел. В оживлении, организации и последовательности прошлого важную роль играют *системы конденсированного опыта* – важные в эмоциональном плане события жизни отпечатываются на матрице памяти, образуя специфические группы, аккумулирующие опыт.

Функциональная структура данных групп такова, что относящиеся к различным периодам жизни воспоминания, в которых действуют сходные факторы, наполненные сходным эмоциональным содержанием, оказываются сгруппированными в тесно переплетающиеся объединения [12: с. 165].

Длительность субъективного времени определяется количеством актов сознания в единицу астрономического времени. Непосредственная оценка длительности представляет собой функцию числа воспринятых в данной ситуации изменений. Атомами, неделимыми монадами событийно-временного ряда субъективной реальности считаются перцепторные образы, от количества и интенсивности которых зависит восприятие времени. В обычном состоянии сознания чем больше впечатлений и чем они интенсивней, тем длиннее интервал субъективного времени [7].

Факторами, влияющими на количество актов сознания в единицу астрономического времени и имеющими непосредственное отношение к околосмертному опыту, являются *возраст, обездвижение, сенсорная депривация, аффект, измененные состояния сознания*.

С *возрастом* восприятие реальности становится менее острым. Приобретенный опыт и многократная повторяемость стандартных событий делают прежде яркие впечатления неразличимым фоном будней. Снижение двигательной активности и ослабление сенсорного аппарата усиливают этот процесс, превращая часы и минуты бодрствования стариков в неопределенно длительные интервалы. Напротив, лишённые ярких впечатлений дни, недели, месяцы и годы пролетают значительно быстрее, и год у пятилетнего ребенка проживается в 10 раз дольше года 50-летнего человека. Поскольку интенсивность оживления прошлого также зависит от возраста (чем старше человек, тем интенсивней его воспоминания), то можно утверждать, что в процессе естественного старения и умирания происходит постепенное возникновение в субъективной реальности признаков, присущих околосмертному опыту. Прекращение дыхания и остановка сердца окончательно отрезают сознание от внешнего мира, замыкают его на себя и превращают начавшиеся еще при жизни процессы в единственную реальность.

Утрата ощущений собственного тела, полное обездвижение, дополненные сенсорной депривацией, вызывают изменение длительности времени вплоть до его остановки. Это установлено в результате наблюдений над состоянием космонавтов, находящихся в невесомости [7] и опытов по искусственной сенсорной депривации. В последнем случае совершенно здоровый человек, находящийся в течение нескольких часов в полной изоляции в бассейне с водой, соответствующей температуре человеческого

тела и высокой концентрацией соли, теряет ощущение времени [60]. И в состоянии невесомости, и при искусственной сенсорной депривации физиологическая причина влияния обездвижения на восприятие времени состоит в нарушении нормальной деятельности вестибулярного аппарата. Орган вестибулярного аппарата – внутреннее ухо, воспринимающее изменение положения головы и тела в пространстве и направление движения, перестает работать в привычном режиме. Также существенно изменяются (почти прекращаются) импульсы, поступающие в головной мозг от зрительных и тактильных нейронов, обуславливающих вестибулярно-моторные, вестибулярно-сенсорные и вестибулярно-вегетативные рефлексы. Эти обстоятельства вызывают дестабилизацию соответствующих систем мозга и как следствие нарушение темпоральности сознания в более «мягкой» форме наблюдаемой в состоянии сна, когда органы чувств «отдыхают», а тело находится в относительном покое.

Существование связи между состоянием вестибулярного аппарата и субъективным временем и более широко – состоянием сознания было установлено еще в традиционных культурах. Различные формы движения (особенно танца) широко использовались в шаманских камланиях, суфийских ритуалах, а обездвижение (покой) как необходимое условие остановки времени и сознания – в йоге и мистицизме. Можно предположить, что любое существенное изменение двигательной активности влечет модификацию субъективного времени и привыкшему к интенсивному движению человеку, вынужденный покой невыносимо долог.

В *состоянии аффекта*, особенно в предельно критических ситуациях, время замедляется и буквально за считанные секунды в памяти человека успевают «проноситься» необычайно длинные фрагменты воспоминаний. За мгновение люди могут вновь пережить всю свою жизнь, и одна доля секунды оборачивается для них вечностью [11, 12: с. 186–187, 251–252 и др.]. В околосмертном опыте содержание мыслительных операций подчинено аффективным потребностям и аффект, безусловно, играет важную роль в организации субъективного времени после наступления клинической смерти, способствуя превращению считанных минут в вечность.

В *измененных состояниях сознания* восприятие времени существенно отличается от того, которое принято называть обычным. Например, во сне события могут развиваться с чрезвычайной быстротой и за считанные мгновения астрономического времени человек иногда переживает ситуацию, на обычное развитие которой потребовались бы дни, недели, месяцы и даже годы [25: с. 167–168; 1]. При гипнозе возможно внушение как ускоренного, так и замедленного течения времени, что, кстати, влечет

за собой значительные сдвиги в субъективном состоянии испытуемых [11: с. 202 и др.]. В *галлюциногенных* состояниях (под действием ЛСД) за несколько минут объективного восприятия времени люди могут субъективно прожить целые жизни, века, тысячелетия и даже эпохи [12: с. 251–252].

Выводы

Субъектным основанием когнитивной целостности человека являются естественные информационные системы. Они детерминируют трансцендентальный опыт следующим образом. Генетическая информационная система обуславливает врожденную способность произвольного вхождения в транс, что особенно важно для некоторых форм личного религиозного опыта (шаманизм и проч.). Произвольное или спонтанное изменение модальности отдельных элементов сенсорной информационной системы или их совокупности необходимо для достижения психофизических состояний, делающих возможным трансцендентальный опыт. Изменения в рамках перцептивной информационной системы являются важнейшим фактором трансцендентального опыта, поскольку практически все его содержание составляют перцепторные образы. Существенно модифицируется в трансцендентальном опыте и ментальная информационная система. Ее рефлексивная компонента буквально сходит на нет, а нерелексивные факторы – эмоции, интуиция и проч. – доминируют.

В трансцендентальном опыте доминирует пространственно-образное мышление, которое основано на сенсорной памяти, преимущественно иконической (визуальные образы) и эхоической (акустические образы). Способом долговременного сохранения перцептивно-образной информации является эпизодическая, а не семантическая, память. Оно оперирует целостными образами (гештальтами), а потому склонно к холистическому образу реальности и эмоционально нагружено.

Необходимым условием трансцендентального опыта является переход от бодрствующего состояния сознания к измененному, которое характеризуется изменением функционирования модулей мышления, восприятия объективного течения времени, самоконтроля и самосознания, эмоций, схемы тела, перцепции, оценки, речи, субъективного течения времени, внушаемости.

Трансцендентальный опыт становится возможным благодаря нарушению организации временного ряда и нарушению длительности субъективного времени. Например, в околосмертном опыте продолжительность бытия невозможно вычислить в единицах астрономического времени по двум причинам. Во-первых, нельзя точно сказать, как долго живет мозг после остановки сердца и прекращения

дыхания. Во-вторых, длительность субъективного времени в околосмертном опыте иная, нежели в опыте повседневном. Обездвижение, потеря ощущения собственного тела, аффект и строгая сенсорная депривация замыкают сознание на себя, замедляют течение времени до бесконечности, и субъективная реальность покидает привычные пределы темпорального ряда «прошлое-настоящее-будущее». Жизнь субъекта в околосмертном опыте это то, что есть только «здесь и сейчас»: неконтролируемый поток образов и переживаний, состоящий из наиболее сильных и устойчивых впечатлений прошлого, фантастических образований, символов коллективного бессознательного и других феноменов, не поддающихся вербальному и графическому описанию или акустическому воспроизведению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние годы в философских исследованиях актуализируется экзистенциальная проблематика¹¹ [16]. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий (НБИК), успехи в расшифровке нейродинамических кодов, создание в 2009 г. первой искусственной ДНК, а в 2011 г. – первого искусственного организма выдвигают на первый план, по точному замечанию проф. Д.И. Дубровского, экзистенциальный вопрос: «Зачем?». В чем заключаются подлинные смыслы нашей преобразовательской деятельности? [23]. Вероятно, в улучшении нашей жизни. Каждый понимает это улучшение по-своему, но большинство считает его атрибутом долгу, в идеале – вечную жизнь. И современное развитие НБИК создает для этого необходимые предпосылки. Так, например, в рамках движения «Россия 2045» разработан проект кибернетического аватара человека, предполагающий сохранение субъективной реальности – нашего Я, на практически неразрушимых носителях [1]. Эта идея благородна, но многочисленные проблемы теоретического, технологического и морального плана делают ее реализацию в обозримом будущем маловероятной.

Если верно то, о чем писал автор выше, то кибернетического бессмертия в сущности достигать не надо. Мы и так бессмертны: замедление или полное прекращение течения времени в околосмертном опыте означает переход в вечность. Проблема в другом: что нас в вечности ожидает? Бесконечный страх, люди-тени, полная беспомощность и витальная депрессия, о которых писал Лев Литвак? Или

¹¹ Экзистенциальная проблематика актуализируется не только в работах проф. Д.И. Дубровского. Когда эта статья уже готовилась к печати, я получил новую монографию проф. Э.А. Тайсиной «Теория познания», лейтмотивом которой является идея *экзистенциального материализма*.

радостный полет «души» к Богу, описанный легионом «визионеров» на «тот свет»? Второе более предпочтительно, но менее вероятно. Мрачные описания загробного мира в мифологии (в том числе и христианской), воля к жизни и страх смерти, осуждение самоубийства вплоть до признания его великим грехом, говорят о том, что ничего хорошего после клинической смерти нам ждать не стоит. Но так ли все безнадежно? Нет, у нас есть способы избежать ада. Они эксплицированы в религиозно-философских и этических системах традиционных культур и содержат нормы поведения, стереотипы мышления и нравственные предписания, следование которым создает в нерелективных слоях психики структуры, способные нейтрализовать, минимизировать или смягчить негативные воздействия умирающего организма на субъективную реальность. Универсальных рецептов спасения нет, и каждый должен выбрать путь к нему сам. Но надо иметь в виду, что в различных религиях и культурах (архаической, буддийской, арабо-мусульманской, христианской и т. п.) широко распространено убеждение в том, что тому, кто не может отказаться от материальных благ, стремления к чувственным наслаждениям и легкомыслия, уготованы лишь надежда и неопределенность. И лишь меньшинству, способному пренебречь удовольствиями и ценностями «сансары», дается шанс свободной деятельности после смерти: христианские аскеты и индийские йоги отрешаются от «бренного мира» и целенаправленно формируют субъективную реальность, позитивные эмоции и волю. *Устойчивые* представления создают «материю» околосмертного опыта, *устойчивые* позитивные эмоции нейтрализуют витальную депрессию, тревогу и страх, а доведенная до предела человеческих возможностей свободная *воля* способна управлять субъективной реальностью после прекращения дыхания и остановки кровообращения. Причем если переход в «иную реальность» совершается хорошо подготовленным человеком произвольно, то изменяются даже свойства его тела. Последний, известный мне пример этого феномена, – нетленность тела XII Пандито Хамбо Ламы Даши Доржо Итигэлова, хранящегося в Иволгинском дацане «Хамбын Сумэ» (Бурятия). В этом смысле жизнь представляет собой шанс сформировать позитивный околосмертный опыт. Этот шанс дан каждому. Но кто из нас может разумно им распорядиться, найти свой путь к бессмертию, и по нему пройти?

ЛИТЕРАТУРА

1. «Аватар»: ключевые этапы проекта / <http://www.2045.ru/tech2/>
2. Банников, К.Л. Наука и шаманство. Диалог мировоззрений / К.Л. Банников // Восток. – 1997. – № 5. – С. 161.
3. Болхосоев, С.Б. Служители шаманистских культов у предбайкальских бурят конца XX – начала XXI вв. (на ос-

нове полевых материалов) / С.Б. Болхосоев // Религиоведение. – 2011. – № 4. – С. 49–56.

4. Барабанщиков В.А. Восприятие и событие / В.А. Барабанщиков. – СПб.: Алетей, 2002.

5. Брагина, Н.Н. Парапсихология: психология или психопатология левшей? / Н.Н. Брагина, Т.А. Доброхотова // Парапсихология в СССР. – 1991. – № 1. – С. 21–31.

6. Брагина, Н.Н. Проблема «мозг – сознание» в свете современных представлений о функциональной асимметрии мозга / Н.Н. Брагина, Т.А. Доброхотова // Мозг и сознание (философские и теоретические аспекты проблемы). – М., 1990. – С. 75–92.

7. Брагина, Н.Н. Функциональные асимметрии человека / Н.Н. Брагина, Т.А. Доброхотова. – М.: Медицина, 1988.

8. Варфоломеев, С.Д. Сенсорная биология, сенсорные технологии и создание новых органов чувств человека / С.Д. Варфоломеев, Ю.М. Евдокимов, М.А. Островский // Вестник РАН. – 2000. – Т. 70. – № 2. – С. 99–103.

9. Галданова, Г.Р. Доламаистские верования бурят / Г.Р. Галданова. – Новосибирск: Наука, 1987.

10. Грановская, Р.М. Интуиция и искусственный интеллект / Р.М. Грановская, И.Я. Березная. – Л.: ЛГУ, 1991.

11. Гримак, Л.П. Моделирование состояний человека в гипнозе / Л.П. Гримак. – М.: Наука, 1978.

12. Гроф, С. Человек перед лицом смерти / С. Гроф, Дж. Галифакс. – М.: ИНИОН РАН, 1995.

13. Гурвич, А.М. Постреанимационные нарушения сознания и некоторые морально-этические и правовые проблемы реаниматологии / А.М. Гурвич // Мозг и сознание (философские и теоретические аспекты проблемы). – М., ФО СССР, 1990. – С. 171–191.

14. Джемс, У. Многообразие религиозного опыта / У. Джемс. – СПб., 1910.

15. Дрёмов, С.В. Измененные состояния сознания: Психологическая и философская проблема в психиатрии / С.В. Дрёмов, И.Р. Семин. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001.

16. Дубровский, Д.И. Социальная эпистемология и проблемы информационного общества (некоторые критические соображения и методологические вопросы) / Д.И. Дубровский // Естественный и искусственный интеллект: методологические и социальные проблемы. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2011. – С. 311–348.

17. Дубровский Д.И. Субъективная реальность как предмет философского и научного исследования (некоторые теоретико-методологические вопросы) / Д.И. Дубровский // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2011. – № 3. – С. 14–21.

18. Забияко, А.П. Религиозный опыт / А.П. Забияко // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 819–820.

19. Зомонов, М.Д. Бурятский шаманизм как целостная мировоззренческая система: дис. ... д-ра филос. наук / М.Д. Зомонов. – СПб., 2003.

20. Зорина, З.А. Зоопсихология. Элементарное мышление животных / З.А. Зорина, И.И. Полетаева. – М.: Аспект – Пресс, 2001. – С. 17–18.

21. Кенин-Лопсан, М.Б. Тувинские шаманы / М.Б. Кенин-Лопсан. – М.: ИПЦ-Маска, 2009.

22. Классическая йога («Йога-сутры») Патанджали и «Вьяса-Бхашья»). – М.: Наука, 1992.

23. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2012. – № 4. – С. 3–23.

24. Кэндел, Э. Малые системы нейронов. Мозг / Э. Кэндел. – М.: Мир, 1982.

25. Литвак, Л.М. «Жизнь после смерти»: предсмертные переживания и природа психоза. Опыт самонаблюдения и психоневрологического исследования / Л.М. Литвак; под ред. и вступит. ст. Д.И. Дубровского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2007.
26. Лоренц, К. Обратная сторона зеркала / К. Лоренц. – М.: Республика, 1998.
27. Малиновский, Б. Магия, наука и религия / Б. Малиновский. – М.: Рефл-бук, 1998.
28. Меркулов, И.М. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход). Т. 2 / И.М. Меркулов. – СПб.: Изд-во РХГА, 2006.
29. Моуди, Р. Жизнь после жизни / Р. Моуди. – М.: София, 2007.
30. Пиаже, Ж. Психология интеллекта / Ж. Пиаже // Избранные психологические труды. – М.: Международная психологическая академия, 1994.
31. Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека; Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека; Постановление Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2012 г. № 950 г. Москва.
32. Потапов, Л.П. Алтайский шаманизм / Л.П. Потапов; отв. ред. Р.Ф. Итс. – Л.: Наука, 1991.
33. Равич-Щербо, И.В. Психогенетика / И.В. Равич-Щербо, Т.М. Марютина, Е.Л. Григоренко. – М.: Аспект Пресс, 1999.
34. Робинсон, К. Состояние сознания в процессе смерти: научно-медицинский и буддистский подходы / К. Робинсон // Религиоведение. – 2007. – № 3. – С. 168–187.
35. Россохин, А.В. Психология рефлексии измененных состояний сознания: дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2009.
36. Сердюков, Ю.М. Альтернатива паранауке / Ю.М. Сердюков. – М.: Академия, 2005.
37. Сердюков, Ю.М. Информационная целостность человека / Ю.М. Сердюков // Вестник РАН. – 2007. – Т. 77. – № 10. – С. 875–880.
38. Серкин, В.П. Хохот Шамана / В.П. Серкин. – М.: АСТ, 2009.
39. Слепцов, Ю.А. Обряд погребения шаманов у эвенов Момского улуса Республики Саха (Якутия) / Ю.А. Слепцов // Религиоведение. – 2012. – № 1. – С. 27–32.
40. Смоляк, А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение: Народы Нижнего Амура / А.В. Смоляк. – М.: Наука, 1991.
41. Содномпилова, М.М. Ключевые шаманские культы западных бурят в структуре пространства жизнеобеспечения / М.М. Содномпилова // Религиоведение. – 2010. – № 3. – С. 3–8.
42. Солсо, Р.Л. Когнитивная психология / Р.Л. Солсо. – М.: Тривола; Либерия, 2002.
43. Спивак, Д.Л. Измененные состояния сознания: психология и лингвистика / Д.Л. Спивак. – СПб.: Ювента, 2000.
44. Тимофеев, Д.Г. Шаманизм: философско-религиоведческий анализ: дис. ... канд. филос. наук / Д.Г. Тимофеев. – М., 2012.
45. Уолкер, А.Э. Смерть мозга / А.Э. Уолкер. – М.: Медицина, 1988.
46. Уолли, Р. Дух шаманизма / Р. Уолли. – М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1996.
47. Харитонова, В.И. Проблемы интеграции медицинских систем: летняя школа медицинской антропологии / В.И. Харитонова. <http://journal.iea.ras.ru/online>.
48. Харитонова, В.И. Шаманское целительство и психотерапия: международный семинар по проблемам медицинской антропологии / В.И. Харитонова. <http://journal.iea.ras.ru/online>.
49. Харитонова, В.И. Шаманизм и шаманское целительство: методологический и научно-практический аспекты: международный семинар / В.И. Харитонова. <http://journal.iea.ras.ru/online>.
50. Хомушку, О.М. Религиозный синкретизм у народов Саяно-Алтая: дис. ... д-ра филос. наук / О.М. Хомушку. – М., 2007.
51. Функ, Д.А. Миры шаманов и сказителей (комплексное исследование телеутских и шорских материалов) / Д.А. Функ. – М.: Наука, 2005.
52. Шамаев, Н.К. Вопросы внедрения движений якутских шаманов в систему физического воспитания. Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции / Н.К. Шамаев // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 5. – С. 153.
53. Элиаде, М. Космос и история / М. Элиаде. – М.: Прогресс, 1987.
54. Элиаде, М. Шаманизм: архаические техники экстаза / М. Элиаде. – Киев: София, 2000.
55. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2009.
56. Avner, J.R. Altered States of Consciousness / J.R. Avner // Pediatrics in Review. – Vol.27 – № 9. – September 2006.
57. Castaneda, C. The Teachings of Don Juan: A Yaqui Way of Knowledge / C. Castaneda. – CA: University of California Press, 1968. – 168 p.
58. Dietrich, A. Functional neuroanatomy of altered states of consciousness: The transient hypofrontality hypothesis / A. Dietrich // Consciousness and Cognition 12 (2003) 231–256.
59. Harner, M. The Way of Shaman / M. Harner. – N. Y., 1975.
60. Lilli, J. The deep Self / J. Lilli. – N.Y.: Warner Books, 1977.
61. Ludwig, A. Altered States of Consciousness / A. Ludwig // Archives of general psychiatry. – 1966. – № 15. – P. 225–234. Используется статья А. Людвига, опубликованная в русском переводе книги: Tart, C.T. (1969) (Ed.). *Altered States of Consciousness*. New York: Wiley (Людвиг, Арнольд М. Измененные состояния сознания / Тарт Ч. Измененные состояния сознания. – М.: Эксмо, 2003. – С. 14–37).
62. Studerus, Erich, Gamma, Alex, Vollenweider, Franz X. Psychometric Evaluation of the Altered States of Consciousness Rating Scale (OAV) // PLoS ONE. – 1 August 2010. – Vol. 5. – Issue 8.
63. Walsh, R. The World of Shamanism: New Views of an Ancient Tradition / R. Walsh. – Llewellyn Publications, 2007.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА РОССИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Л.А. Моисеева

С.М. Дударенок

В.Е. Кулешов

Моисеева Любовь Андреевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой общегуманитарных наук Дальневосточной государственной академии искусств (г. Владивосток).

Контактный адрес: 1977edward@mail.ru

Дударенок Светлана Михайловна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Отечественной истории Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: dudarenoksv@gmail.com

Кулешов Валерий Ермолаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Тихоокеанского военно-морского института им. Макарова (г. Владивосток).

В статье рассматриваются проблемы формирования предпринимательства в самом отдаленном и проблемном регионе России – на Дальнем Востоке в период перехода от трансформации общества к его модернизации.

Ключевые слова: государственная политика, Дальний Восток, предпринимательство, формирование, инновации, Азиатско-Тихоокеанский регион.

Нестабильность общества переходного периода порождается совместными, но не соорганизованными действиями людей, когда устойчивая система уже разрушена, а другая – еще не создана. В этой ситуации в обществе актуализируются особые социальные образования, а люди, их формирующие, принимают участие в процессах социального взаимодействия. Таким особым образованием в России стало новое предпринимательство, очень быстро встроившееся в социальную структуру общества. Уже в 2002 г. Всероссийская перепись населения зафиксировала, что новое социальное образование, которому не было места в советском обществе, имеет в своей структуре хозяев-работодателей (около 1 млн. человек) и 2 млн. частных предпринимателей¹.

Необходимо сразу заметить, что этот процесс не был возрождением дореволюционного предпринимательства: сформировалось новое российское предпринимательство в иных исторических условиях, на

иной социальной базе. Наиболее показателен этот процесс можно увидеть на примере Дальнего Востока России, где уже к середине 1997 г. в ходе приватизации объекты по формам собственности в основном были определены. Из 143 855 предприятий и организаций в государственной собственности оставалось только 9958, что составляло 6,9 %, в муниципальной – 9062 (6,5 %). В частной собственности, например, Камчатской области из 10183 предприятий 70,5 % стали частной собственностью, в Сахалинской области 68,8 % из 13708 предприятий перешло в частную собственность. Кроме того, на Дальнем Востоке было зарегистрировано 28591 предприятие прочих форм собственности, в том числе: в Магаданской области – 8952, Амурской – 1461, Сахалинской – 1923, Хабаровском крае – 6674, Приморском крае – 49712².

В дальневосточных субъектах РФ произошли объединения предприятий по организационно-правовым формам. В частности, в Приморском крае из

¹ Госкомстат России докладывает итоги первой очереди обработки материалов Всероссийской переписи населения 2002 г. // Российская газета. 2003. 3, 4 ноября.

² Подсчитано на основании данных, представленных по запросу автора Приморским краевым комитетом государственной статистики // Справка от 18.08.2003 г. № 19. Св. 39.

38142 объектов в собственности юридических лиц, являвшихся коммерческими организациями, находились 30167, тогда как государственными оставались только 365, или 1,2 %; муниципальными – 671 (2,2 %). В Сахалинской области из 13708 предприятий и организаций государственными оставались 276 объектов (2,5 %), муниципальными – 648, или 6,4 %³. Такая же обстановка была и в остальных субъектах РФ.

Следовательно, уже в 1997 г. на Дальнем Востоке сложилась хозяйственная структура, исключившая инвестиции из государственного бюджета. Так, в 1998 г. доля инвестиций из федерального и муниципального бюджетов составляла 19,2 %, тогда как в 1994 г. она держалась еще на уровне 24,0 %⁴. Собственники теперь сами должны были решать все вопросы, связанные с организацией, финансированием, инновационными технологиями, поиском рынков деловой продукции и т. д.

Новая модель хозяйствования принципиально отличалась от советской модели, когда министерствами и управлениями определялось, сколько и какой продукции производить, кто поставит сырье и комплектующие; определялись статьи расходов на заработную плату, закупку оборудования, куда и по какой форме представлять отчеты о выполнении утвержденного министерством государственного плана за год, полугодие, квартал. В новых условиях предприниматель должен был научиться решать все сам.

Предпринимательство в преуспевающих странах является ключевым хозяйственным механизмом развития общества, а предприниматель – одной из центральных фигур его социально-экономической жизни. В данной ситуации предприниматели должны обладать определенной предпринимательской культурой.

Существуют различные трактовки понятия культуры предпринимательства (У. Оучи, Ж.А. Серван-Шрейбер) [8: с. 519; 10]. Наиболее полное понятие дает П. Друккер, отмечая, что культура предпринимательства – это система правил, норм, традиций деятельности, групповых и индивидуальных интересов, стиля руководства, уровня взаимного сотрудничества [3].

Культура предпринимательства нами понимается как фактор творческого жизнеустройства, источ-

ник общественных инноваций. Назначение культуры предпринимательства связано с решением основной проблемы – достижение страной социально-экономической эффективности [7].

Культура современного предпринимательства представляется в нескольких главных аспектах: как социальная ответственность; инновационная деятельность; корпоративная культура; метакультура в «соразвитии» с деловым миром стран АТР и др. В рамках данной статьи рассмотрим инновационную культуру предпринимательства как фактор выработки общенациональной идеи современного общества. В развитых странах предпринимательство опиралось на подтвержденную жизнью и практикой концепцию, определявшую функцию и значение предпринимателей в развитии общества. «Задача предпринимателей – реформировать и революционизировать способ производства путем внедрения изобретений, а в более общем смысле через использование новых технологических возможностей для производства новых товаров или прежних товаров, но новым методом благодаря открытию нового источника сырья или нового рынка готовой продукции вплоть до реорганизации прежней или создания новой отрасли промышленности» [17: р. 72].

Основные функциональные характеристики предпринимательства присутствуют практически во всех концептуальных построениях теории предпринимательства от метафизических до современных бихевиористических и психосоциальных. Условно можно выделить три «волны» развития теории инновационной функции предпринимательства. В XX в. первая волна сконцентрировала внимание на таком инновационном аспекте, как несение риска (risk bearing) и выделяла самостоятельность предпринимателя в принятии решений. Понятие риска в качестве функциональной характеристики предпринимательства впервые выдвинул шотландец R. Cantilion, считавший, что прибыли и потери предпринимателя есть следствие инновационного риска и неопределенностей, сопровождающих его решения. Предприниматель у R. Cantilion – человек, заглядывающий вперед, чтобы обеспечить наличие нужного товара в нужном месте для удовлетворения уже известных желаний потребителя. Он вывел предпринимателя в центр рыночной системы [12: р. 53–58]. Его последователи видели в оценке дохода плату за инновационный риск. Так, Й. фон Тюнен, представитель немецкой школы, считал, что прибыль предпринимателя – от предпринимательского инноваторства, внедрившего в производство новую технику и высокую технологию [9].

Г. фон Мангольдт и Ф. Найт добавили к риску понятие неопределенности, в которой действует предприниматель. G.L. Shaki отрицал состояние равновесия, вне которого только и может существовать

³ Подсчитано на основании данных, представленных по запросу автора Приморским краевым комитетом государственной статистики // Справка от 18.08.2003 г. № 19. Св. 39.

⁴ Подсчитано на основании: Инвестиционный климат и его составляющие // Эксперт. 1977. № 47. С. 34–35; Регионы России. М.: Госкомстат РФ, 1997. С. 27–31; Сахалинская область в цифрах. Южно-Сахалинск, 1997. С. 8–11; Хабаровскому краю 60 лет. Стат. сб. Хабаровск, 1998. С. 17–21; Ишаев В.И., Минакир П.А. Дальний Восток России: реальности и возможности экономического развития. Хабаровск, 1998. С. 46–50.

предпринимательство, и нарушение которого является главным в деятельности предпринимателя. Обе функции тесно взаимосвязаны именно в инновациях. Процесс реализации инноваций – функциональная характеристика предпринимательства, приводящего хозяйственный кругооборот на новый уровень [18].

Неоавстрийская школа (L. Miss, F.A. Hayer) [14; 15] и американский исследователь L.M. Kirzer [16] считали, что в основе предпринимательской деятельности лежит социальный акт открытия новых, прибыльных возможностей, повышающих качество и уровень жизни всего общества.

Развитие трех «волн» теоретических исследований предпринимательских функций позволило подойти к разработке ролевого назначения инноваций. Главные различия между культурными (социальными) и научно-техническими инновациями определяются «сконструированностью» последних, их характером, вытекающим из того, что они есть результат осознанной целенаправленной деятельности человека.

Инновационная политика в любой стране, как правило, соответствует ценностно-смысловым основаниям, лежащим в основе доминирующей политико-идеологической системы и представлениям властной элиты о направленности и формах реформирования и модернизации общества. Поэтому ее стратегические цели должны быть связаны с повышением эффективности человеческого капитала, укреплением механизмов самоорганизации социокультурной системы определением общенациональной идеи.

Действительно любая страна сильна своей национальной идеей. В ней есть органическая потребность человека, так как ему необходимы высшие ценностные ориентиры, поскольку они являются жизненным основополагающим мотивом. Так, правительство Японии в 60-е гг. XX в. заложило основу общенациональной идеи сохранения национальных японских традиций и культуры в максимальном использовании научно-технических достижений Запада и России. Эта стратегическая общенациональная идея была реализована через массовое обучение молодежи в лучших колледжах и университетах мира, а в самой Японии в течение 5 лет руководители (чиновники) всех уровней и бизнесмены постигали специфику менеджмента для достижения непревзойденного качества японской технической промышленной продукции. «Экономическое чудо» Японии – результат перестройки мышления целого народа, его единения в развитии корпоративной инновационной культуры, побуждающей каждого работника фирмы ощутить себя значимым и важным в непрерывном инновационном производственном процессе.

Интересен опыт реализации национальной идеи Китая, выполняющего стратегический план выхода страны из нищеты и разрухи середины XX в., рас-

считанный на 75 лет. Первые 25 лет предстояло одеть и накормить многомиллионный народ; в следующие 25 лет добиться высокого уровня качества китайских товаров; в последние 25 лет занять лидирующее положение Китая в мире. В начале второго десятилетия XXI в. Китай занимает первое место в мире по инвестициям зарубежных бизнесменов, вкладывающих огромные капиталы в экономику и развитие этой страны. Успехи Китая удивляют и привлекают многих исследователей.

Советские идеалы растворились в России как-то сами собой, поиск новых ориентиров затянулся. Предложение А.И. Солженицина провозгласить общенациональной идеей «сбережение нации» не прижилось. Какое уж тут сбережение, если глава Правительства РФ В.В. Путин спокойно говорит с трибуны Государственной думы, что ежегодно страна уменьшает свое население на 1 млн. человек.

Между тем Информационное общество XXI в. предопределило потребность в создании «умной» (инновационной) экономики. Поскольку инновационные процессы охватывают многие стороны современной жизни, для оценки успешности выполнения задач инновационной экономики потребовался особый интегрирующий показатель. На его роль сегодня претендует такое понятие, как «технологический уклад».

Появлением этого понятия мир обязан российскому ученому Николаю Дмитриевичу Кондратьеву (1892–1938 гг.). Он занимал ответственный пост во Временном правительстве А. Керенского, а затем возглавил знаменитый московский Конъюнктурный институт. Н.Д. Кондратьев обнаружил долговременные колебания в хозяйственной жизни общества, получившие название «**К-циклов**» или длинных волн Кондратьева. Такие циклы и волны образуются от каждой новой базовой инновации и представляют собой множество вторичных инноваций. «К-циклы» – это свидетельство того, что в производстве через определенные промежутки времени (49–55 лет) происходит вытеснение одного доминирующего «уклада» другим, который с течением времени сам становится доминирующим. Каждый последующий уклад оказывается более эффективным, чем предыдущие. В этих переходах от уклада к укладу, сопровождающихся ростом масштабов производства, производительности труда, усложнением хозяйственных связей и отношений, заключается процесс эволюции на макроуровне [5].

Для периода после промышленной революции обычно выделяются следующие 6 кондратьевских циклов/волн («К-волн» или «К-циклов»).

Первая волна (1785–1835 гг.) сформировала техногенный уклад, основанный на новых технологиях в текстильной промышленности и использовании *энергии воды*.

Вторая волна (1830–1890 гг.) была связана с развитием морского транспорта и механического производства во всех отраслях на основе парового двигателя («эпоха пара»).

Третья волна (1889–1940 гг.) базировалась на использовании в промышленном производстве электрической энергии («эпоха электричества»), развитии тяжелого машиностроения и электротехнической промышленности на базе использования стального проката, открытий в области химии. Были внедрены радиосвязь, телеграф, автомобиль, самолет, начали применяться цветные металлы, алюминий, пластические массы. Появились крупные фирмы, картели, тресты. На рынке господствовали монополии и олигархии. Началась концентрация банковского и промышленного капитала.

Четвертая волна (1930–1990 гг.) сформировала технологический уклад, основанный на дальнейшем развитии энергетики с использованием нефти и нефтепродуктов, новых синтетических материалов. Это эра массового производства автомобилей, тракторов, самолетов, различных видов вооружений, товаров народного потребления (ТНП). Появились и широко распространились компьютеры, программные продукты, радары. Атом используется в военных, а затем и в мирных целях. Организовано массовое производство на основе фордовской конвейерной технологии. Появились транснациональные и межнациональные компании, которые осуществляли прямые инвестиции на рынках различных стран.

Пятая волна (1980–2035 гг. – прогноз) опирается на достижения в области микроэлектроники, информатики, биотехнологии, генной инженерии, новых видов энергии, материалов, освоения космического пространства и спутниковой связи. Происходит переход от разрозненных предприятий к единой сети крупных и мелких фирм, соединенных сетью на основе Интернета, осуществляется тесное взаимодействие в области технологии, контроля качества продукции, планирования инноваций, организации поставок продукции по принципу «точно в срок».

Шестая волна (2018–2060 гг. – прогноз) – это NBIC – конвергенция нано-, био-, информационных и когнитивных технологий, проектирование живого, вложения в человека, новая медицина, высокие гуманитарные технологии, новое природопользование, проектирование будущего и управление им.

Вслед за Н.Д. Кондратьевым **Й. Шумпетер** подчеркивал, что складывавшееся на рынке равновесие постоянно нарушалось в результате новых колебаний. Хозяйственных субъектов, функций которых являются эти новые колебания, Й. Шумпетер называл их предпринимателями. Он трактовал инновации как новую научно-организационную комбинацию производственных факторов, мотивированную предпринимательской активностью. Предпринимателя

Й. Шумпетер называл новатором, который постоянно осуществляет на предприятии «созидательное разрушение» старого, являясь при этом главной фигурой в социальной структуре общества [11: с. 211]. Вслед за Й. Шумпетером проблемами циклов Кондратьева занялся **Г. Менш**, который подчеркивал, что спад в экономике заставляет предпринимателей искать пути эффективных капиталовложений. Таким выходом оказались инновации [6].

Известный американский исследователь **П. Друкер** подчеркивал, что инновации – это особый инструмент предпринимателей, средство с помощью которого они используют изменения как шанс для разного рода бизнеса [13: р. 33].

Сегодня уже никто не подвергает сомнению тот факт, что развитие всех основных сфер жизнедеятельности напрямую зависит от роста инновационных технологий, причем со временем эта зависимость экономики от науки становится все сильнее.

Вместе с тем к началу XXI в. в научно-технической эволюции определился ряд новых черт:

- крупные исследовательские проекты («Мегапроекты») имеют тенденцию к интернационализации, поскольку требуют таких больших расходов, которые не могли себе позволить даже очень богатые государства;

- на уровне отдельных государств научно-технические проблемы решаются в рамках «национальных программ», объединяющих усилия государства, академического сектора и ведущих в данной отрасли корпораций;

- государство постепенно расширило свою функцию поддержки национальных инновационных проектов, включая все категории частного предпринимательства – крупные, средние и мелкие фирмы – выступая одновременно заинтересованным законодателем, основным источником финансирования, крупным заказчиком и покупателем новой технической продукции;

- особое внимание развитых государств уделяется среднему и малому бизнесу: именно они создают наиболее активную часть национального инновационного комплекса. Малый бизнес, потенциально обладая богатейшим инновационным потенциалом, является полноправным «двигателем прогресса», обладая готовностью к риску и необходимой гибкости для динамического обновления производства, которое требует кредитной, налоговой, информационной помощи от государства.

Поддержка «инновационного климата» в стране стала одной из важнейших функций современного государства. Власть выполняет прогнозы и мониторинг состояния мировой научно-технической сферы, определяет наиболее перспективные «точки роста». В Японии, например, министерство внешней торговли и промышленности публикует обстоятельные

10-летние «Предвидения» (visions), в США действует «Агентство перспективных исследовательских проектов» (Advanced Research projects agency – ARPA), которое следит за перспективными идеями и создает условия для их реализации. Суперкомпьютеры, микросхемы на арсениде галлия, компьютерные коммуникационные сети и многое другое в очень богатом списке удач «Агентства». Государство вовлекает на коммерциализационной основе фирмы, академические структуры, сотрудников госсекторов в развитие инноваций, предусматривая целую систему солидного поощрения.

Политика Правительства Российской Федерации по поддержке развития инновационных процессов определялась финансовой базой, не позволяющей создать и в XXI в. хорошего «инновационного климата» в стране: Германия тратит на инновационные проекты больше средств, чем Россия в 4,5 раза, Япония – в 9,6 раза, США – в 26 раз [1: с. 37]. В результате в экономике России прослеживается наличие 3, 4 и 5-го технологических укладов с преобладанием 3 и 4-го укладов.

Однако ученые пришли к выводу, что причины нынешнего кризиса – в исчерпании возможностей пятого уклада. Понимая, что вложения в инновации пятой волны уже не дают прежних успехов и отдачи, что прежняя траектория развития мира закончилась, США дают преференции тем людям, которые мыслят категориями шестого уклада, «обладают» его психологией и создают мегапроекты. Так, был организован Институт сингулярности. Основатель – Р. Курцвейль, 2009 г. Спонсоры – «Google» и NASA, при живейшем участии Департамента передовых разработок Пентагона – DARPA. Читаются курсы: нанотехнологии, биотехнологии, робототехники, мехатроники, прогностики, новых финансов, предпринимательства в новом мире. В стенах Института сингулярности проходят обучение высшие менеджеры государства и корпораций.

Прежняя модель мирового развития исчерпала себя, впереди – переход в совершенно новый (Шестой) технологический уклад. США готовятся возглавить этот переход. Для этого в США создан Институт сложности в Санта-Фе, где работают 3 Нобелевских лауреата по экономике, ими созданы новые теории:

- 1) инновационного развития Брайна Артура;
- 2) техногенеза Л.Г. Бадалян и В.Ф. Кривороты;
- 3) структурно-демографической модели П.В. Турчина.

Они построены с учетом возможностей 6-го технологического уклада «К-циклов».

Таким образом, инновационная деятельность – сложная динамическая система различных методов, факторов и органов управления, занимающихся научными исследованиями, созданием новых видов продукции, совершенствованием оборудования и предметов труда, технологических процессов и

форм организации производства на основе новейших достижений науки, техники и передового опыта, планированием, финансированием и координацией научно-технического прогресса [2]. Но к началу второго десятилетия XXI в. определились губительные факторы, не дающие возродиться России, создать инновационную экономику:

- уничтожение смыслов и ценностей;
- «привязка» к Западу;
- отказ от государственного планирования и целеполаганий;
- переход от работы к имитации деятельности;
- опора государственных структур на криминалитет.

В результате, имея 30 % всех мировых богатств, Россия производит всего 1 % глобального валового продукта. Если в 1980 г. СССР по объему ВВП равнялся шести Китаям, то в 2010 г. РФ – это 1/5 Китая, т. е. Россия «ужалась» в 30 раз.

Для России время «нефтяной цивилизации» заканчивается: каждая третья тонна нефти добывается в океане сквозь толщу вод до 2 километров. Учитывая это, Конгресс США принял грандиозную программу: пустыни Аризоны и Невады с помощью солнечных установок позволят произвести 65 % энергии и 35 % тепла, потребляемых в стране.

В это же время в США готовят свою элиту к реалиям 6-го уклада. Для обеспечения перехода в новую эру США создали негласную внешнеполитическую программу. Ее основные пункты состоят в следующем:

- однополярный ядерный мир;
- фактический союз с радикальным исламом;
- история должна быть остановлена;
- «посадка» доллара с сохранением мирового господства.

Чтобы исключить Россию из числа конкурентов на лидерство, США намерены использовать исламистов, поскольку планируют останавливать развитие на захваченных территориях, погружая их в средневековую дикость. Вопреки иллюзиям российской элиты, Россию не видят как государство, США и Запад воспринимают ее лишь по частям.

Ученые Японии и США пришли к выводу, что наступление «эры нанотехнологий» так же неизбежно, как наступление эпохи двигателей внутреннего сгорания после века паровых машин. Высшей стадией нанотеха считается создание крохотного ассемблера – сборщика, который сможет из атомов собирать все самые необходимые вещи на нанофабрике размером с комнату. На Западе уже распространяется теория «Двухнедельной технологической революции». Ее компоненты:

- возможность редактировать геном (евгеника);
- наноассемблеры позволяют производить все желательные вещества очень быстро;

– принципиально новые растения, животные, другие формы жизни (так, выведены в одном из наших научных центров суперсосна, которая растет в несколько раз быстрее, чем обычная);

– универсальные анализаторы; постоянный мониторинг состояния организма;

– принципиально новые устройства могут быть созданы в маленькой лаборатории;

– распад традиционного экономического уклада (все можно производить на месте).

Страна, первая совершившая такой прорыв, моментально обгонит все прочие страны и превзойдет их так же, как европейцы превзошли ацтеков и инков. Такой нанотех – основа и для революции в военном деле: он позволит создать совершенное, абсолютное и чистое оружие (микророботы и целые их сообщества).

Наше Отечество, с распадом СССР оказалось отброшенным на век назад, испытывает полный паралич инновационного развития. Так, работы по микророботам и по проблемам коллективных действий роботов были закрыты в Институте прикладной математики в 1989 г. как «бесперспективные». Технология создания нанотрубок, из которых можно создавать материал в 100 раз легче стали и в 6 раз ее прочнее и получать абсолютно пуленепробиваемые доспехи или суперброню, «Роснанотех», во главе с А. Чубайсом, определил все это как ненужные инновации. Вместе с тем из нанотрубок можно создать «канатную дорогу» между Землей и спутником на геостационарной орбите (36 тыс. км) и по этой дороге запускать в космос грузы, используя центробежную силу, не тратя и грамма горючего. Этот «космический лифт» проектировал российский ученый Ю. Арцутанов, опираясь на описанный Артуром Кларком проект в «Фонтане рая».

Чтобы двигаться по инновационному пути, России необходимо определить главные инновации, не потеряв Сибирь, Север и Дальний Восток. Академик Н.Моисеев говорил: «Если Древняя Русь была создана на торговом пути "из варяг в греки", то новая Россия должна подняться на пути «из англичан в японцы». Такая транспортная система по-новому должна связать страну, обеспечить увеличение доходов на 30 млрд. долл. ежегодно, реанимировать Северный морской путь, возродить десятки аэродромов-хабов, дать толчок стремительному инновационному развитию России.

Для этого нам нужна новая идеология, новая сфера ценностей, воодушевляющая национальная идея. У России есть люди, формирующие идеологию инновационного, опережающего прорыва страны в Шестой технологический уклад: С. Карамурза («Советская цивилизация»), А. Паршев («Почему Россия не Америка»), М. Калашников, С. Кугушев («Третий проект»), коллектив авторов «Русской доктрины» и др. Становые инновации, по

мнению современных российских ученых, должны включать следующие положения:

– духовное выше материального;

– общее выше личного;

– справедливость выше закона;

– будущее выше настоящего и прошлого [4].

Инновационная стратегия Президента РФ Д.А. Медведева основана на теории Н.Д. Кондратьева. Разработчики предложили 3 варианта инновационного развития. **Первый вариант** ориентирован на импорт технологий. Инновационная политика должна проводиться через общие меры по развитию институтов, формированию благоприятного делового климата, а также организационное содействие. Этот вариант с большой вероятностью ведет к дальнейшему ослаблению национальной инновационной системы.

Второй вариант предполагает «догоняющее развитие и локальную технологическую конкурентоспособность». Он ориентирован на точечное стимулирование отечественных разработок и перевооружение экономики на основе импортных технологий.

Этот вариант в качестве первого этапа технологической модернизации основан на массовом заимствовании рядовых для мирового рынка, но передовых по российским стандартам технологий.

Третий вариант предполагает достижение лидерства в ведущих научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях.

Потенциально Россия может претендовать на лидирующие позиции в производстве авиакосмической техники, нанотехнологиях, композитных материалов, атомной и водородной энергетике, биомедицинских технологиях жизнеобеспечения и защиты человека, отдельных направлениях рационального природопользования и экологии и др.

Таким образом, ведущие государства мира гибко реагируют на вызовы времени, что требует от России структурной перестройки инновационной сферы, радикальной модернизации ее управления, финансирования, организации работ. Главной задачей этого Управления должно стать руководство научно-технической политикой, нацеленной на вхождение России в 6-й технологический уклад.

Своеобразным «клеем», соединяющим названные составляющие, стал «коучинг». Слово звучит необычно, но ему прочат славу, как слову «компьютер». Суть коучинга проста – человек осознает себя по-новому: 1) овладевает свободой; 2) управляет собственной жизнью; 3) отвечает за себя, своих близких и за Отечество.

Осознать себя по-новому в России может прежде всего предпринимательство – наиболее жизнедеятельная часть социальной структуры общества. Мотивацией этому может стать инновационная культура предпринимательства, сформировав и развив которую политическая элита сможет опереться на иное мышление россиян.

Открыв «подсознание» человека, З. Фрейд был потрясен находившейся в нем энергией, которую можно сравнить с энергией кипящего котла», которой не достаёт только мотивации для активного использования этой энергии. «Коуч» (тренер-педагог) обучает как это осуществить. В Англии коучинг сравнивают с наставничеством.

Карл Юнг в свое время создал типологию, согласно которой существует 16 психотипов, каждый из них не меняющаяся устойчивая генетическая система. В современном звучании типологии американская модель похожа на психотип «Предпринимателя», японская – «Энтузиаста», а российская – «Романтика», «Хранителя». Коучинг начинается тогда, когда человек будет полностью вовлечен в предпринимательский процесс, а для русского важно работать с «душой».

В России бизнес должен развиваться на сплыве психотипа «Романтика» и «Хранителя», который является для первого референтной и уважаемой личностью. Это и есть «герой нашего времени»: он добросовестен, пунктуален, обязателен, человек долга и чести, рационален, принципиален, имеет сильную выдержку и самообладание, трудолюбив в быту и прекрасный организатор.

Самая главная черта его – это неукоснительное соблюдение этических традиций человечества – он «хранитель – моралист». Возрождение сильной России начинается со своих настоящих предпринимателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдулов, А.Н. Проблемы развития инновационной экономики в Российской Федерации / А.Н. Авдулов // Россия и современный мир. – 2004. – № 1.
2. Ващук, А.С. Инновационная политика на Дальнем Востоке как основа становления предпринимательства // Л.А. Моисеева, А.С. Ващук / История предпринимательства на Дальнем Востоке России: конец XX – начало XXI вв. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – С. 179–229.
3. Друкер, П. Рынок: как выйти в лидеры. Практика и

принципы: пер. с англ. / П. Друкер. – М., 1992.

4. Калашников, М. Инновации – последняя надежда России. Доклад Г.Г. Малинецкого в Институте динамического консерватизма 28 июня 2009 г. / М. Калашников. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dynacon.ru/content/articles/339/>

5. Кондратьев, Н.Д. Проблемы экономической диалектики / Н.Д. Кондратьев. – М., 1989. – 460 с.

6. Менш, Г. Технологический пат / Г. Менш // Долгосрочные тенденции в капиталистическом воспроизводстве. – М., 1985. – С. 115–132.

7. Моисеева, Л.А. История формирования предпринимательства Дальнего Востока России как инновационной системы хозяйствования (1985–2000 гг.) / Л.А. Моисеева. – Владивосток: Дальнаука, 2003. – 455 с.

8. Оучи, У. Методы организации производства: японский и американский подходы: сокр. пер. с англ. / У. Оучи. – М., 1989.

9. Предпринимательство в конце XX в. – М.: Наука, 1992. – 312 с.

10. Серван-Шрейбер, Ж.А. Ремесло предпринимателя. Десять портретов предпринимателей: пер. с фр. / Ж.А. Серван-Шрейбер. – М., 1998.

11. Шумпетер, Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982.

12. Cantillon, R. Essai sur la nature du commerce en general / Ed and transl. By H.Higgs. – L., 1931.

13. Drucker, P.F. Managing for results / P.F. Drucker. – London, 1992.

14. Hayek, F.A. New studies in philosophy, politics, economics and the history of ideas / F.A. Hayek. – L., 1978. – 180 p.

15. Mises, L. von. Human action: A treatise on economics / L. von Mises. – New Haven (Conn), 1949. – 249 p.

16. Kirzner, L.M. Perception, opportunity and profit: Studies in the theory of entrepreneurship / L.M. Kirzner. – Chicago, 1979. – 115 p.

17. Shumpeter, J. Can Capitalism Survive? / J. Shumpeter. – New-York: Harpes & Row, 1952.

18. Shaki, G.L.S. The nature of economics thought / G.L.S. Shaki. – Cambridge (Mass), 1966. – 173 p.

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: ИЗМЕНЕНИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ТРАНСФОРМАЦИЙ*

И.Ю. Лапицкая

Лапицкая Ирина Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и культурологии Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга (г. Петропавловск-Камчатский).

Контактный адрес: lapirina@yandex.ru

К проблеме идентичности приковано в настоящее время внимание учёных различных областей научного знания. В данной статье рассматриваются процессы формирования, развития и утраты социальной идентичности в условиях проживания населения на отдалённых территориях страны. Хронологические рамки исследования – 1990-е гг. XX в. по настоящее время – обусловлены трансформацией всех сторон жизни населения России, происходящей в этот указанный период.

В советский период в условиях плановой экономики не было общественной необходимости в региональных сопоставлениях, основным измерителем социального развития считалось соответствие показателей плановым заданиям. В настоящее время ситуация кардинально изменилась: на современном этапе развития России проблемы регионального развития стали ключевыми. В числе этих проблем оказались и вопросы, связанные с формированием особой социальной идентичности у населения Дальнего Востока РФ.

Отмечается, что если бы и дальше в отношении Дальнего Востока сохранялась патерналистская политика (единственно возможная, учитывая все условия развития региона – географические, климатические, экономические, геополитические) и были бы приняты необходимые программы развития Дальнего Востока с учётом региональных особенностей развития в новых социально-экономических и политических условиях, то отпала бы острая необходимость в дебатах по вопросу закрепления населения в крае и скоропалительных выводов о возможности закрытия ряда дальневосточных городов. Для дальнейшего поступательного развития страны необходимо формировать общероссийскую социальную идентичность граждан, вне зависимости от места их проживания.

Ключевые слова: социальная идентичность, Дальний Восток, Россия, отчуждённость, реформы, трансформация, политика.

Идентичность определяется как категория социально-гуманитарных наук (психологии, социальной философии, культурной антропологии, социальной психологии и др.), применяемая для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых, «тождественных самим себе» целостностей. Идентичность есть не свойство (т. е. нечто присущее индивиду изначально), но отношение. Она формируется, закрепляется (или, напротив, переопределяется, трансформируется) только в ходе социального взаимодействия [11].

В структуре идентичности можно выделить «индивидуальный» и «социальный» уровни. Если персональная идентичность представляет собой совокупность характеристик, сообщающих индивиду качество уникальности, то социальная идентичность – результат идентификации (отождествления) индивида с ожиданиями и нормами его социальной среды. Таким образом, социальная идентичность включает в себя (1) когнитивные схемы, «обыденные теории»; (2) поведенческие стратегии и (3) аффективное подтверждение. В силу этой системности она управляет делами и поведением человека, служит источником

мотивации. Человек на основании своей социальной идентичности строит собственную жизненную стратегию, инвестирует в неё доступные ему ресурсы и рассчитывает получить определённый результат, выгоду или пользу. Основная функция социальной идентичности заключается в реализации базисной потребности человека принадлежать к группе, быть вместе с другими, быть сплочённым с ними для обеспечения самосохранения и защиты со стороны других, оценки другими, влияния на других с целью самовыражения и самореализации [15: с. 597].

В свою очередь, в зависимости от того, что выступает основанием идентификации (профессиональная или этническая группа, регион, политическое движение и т. д.), можно выделить различные типы социальной идентичности: профессиональная (шахтер, инженер, врач, спортсмен и т. д.), этническая (баварец, каталонец, татарин, фламандец и т. д.), региональная (сибиряк, техасец, северянин, дальневосточник и т. д.), политическая (коммунист, демократ, националист, либерал и т. д.).

Известно, что на идентификацию человека оказывают воздействия различных сторон жизни, при анализе которых выделяются два основных подхода. *Первый* состоит в отборе и выявлении факторов, значимых для идентификации личности с точки зрения общества; они могут быть как положительными, так и отрицательными. *Второй* подход предусматривает факторы, значимые с точки зрения самого

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации ФГБОУ ВПО «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга» на 2012 г., проект 6.2633.2011.

человека. Для человека в процессе идентификации важно понимание его окружающими, включая родителей, друзей, сверстников, государство. То есть органическое единство отдельного индивида и окружающих его людей в основном определяет положительную идентичность человека.

Характерной особенностью социальной идентичности в современном мире является её размытие в постоянно меняющихся условиях внешней среды. Речь в данном случае идёт о том, что ситуация, о которой будет сказано ниже, не есть уникальная ситуация, характерная только для России, так как размытие социальной идентичности в тех или иных формах встречается в разных странах.

Сегодняшние процессы глобализации и трансформации, наблюдающиеся в России, нарушают традиционные формы идентичности, ставят под сомнение субъективные ощущения самоидентичности человека и этносов, сформированные в рамках прежних традиций. Особенно остро это проявляется по отношению к проблеме идентичности представителей малых групп, этнических, религиозных, культурных меньшинств. Былое ощущение ими своего собственного «я», которое обеспечивалось прежними формами идентичности, пришло в упадок. Произошел разрыв в преемственности, когда разрушение одного типа идентичности должно компенсироваться идентичностью другого типа. Отсутствие механизма преемственности идентичности для россиянина стало сопровождаться ощущением внутреннего дискомфорта и тревоги, реализующихся в формах замкнутости и усиления изоляционистских тенденций. Изоляционизм, в свою очередь, побудил тенденции к обратной локализации культуры и традиций, образа жизни, мыслей и норм поведения людей [13: с. 124].

Экономические, политические, технологические изменения последних лет как в нашей стране, так и за рубежом, приводят к глобальным изменениям культурного и психологического характера на уровне восприятия и самовосприятия. Быстрое распространение информации, рост глобальной информационной индустрии воздействуют негативно на самоидентификацию и социальную идентичность людей, способствует разрушению общественной солидарности и нарушению основ сложившегося когда-то межкультурного диалога. Указанные тенденции общественного развития приводят к необходимости изучать способы формирования и поддержания коллективной идентичности в условиях противоречивой динамики становления информационного общества и глобальной культуры. На наш взгляд, особая ситуация с формированием собственной идентичности складывается в настоящее время у жителей Дальневосточного федерального округа. Определяющее влияние на формирование и изменение социальной идентичности оказывают условия жизни людей и тот социальный статус, который они

приобретают как жители того или иного региона или той или иной территории.

Дальневосточный регион занимает территорию, на которой сконцентрировано более 40 % всех российских энергетических и геологических ресурсов. В связи с усилением на мировой арене роли стран АТР, Дальний Восток приобретает большее значение, чем прежде. Между тем регион теряет реальную основу обеспечения трудовым потенциалом, создается вакуум в хозяйственном освоении и развитии регионального территориального пространства, являющегося объектом притязаний сопредельных государств.

По утверждению академика М.Л. Титаренко, точку зрения которого мы полностью разделяем, проводимая правительством страны с 1990-х гг. XX в. линия по развитию северо-восточных территорий фактически ведёт к отторжению Сибири и Дальнего Востока от России. Эти регионы в первые, самые тяжёлые годы реформ смогли выжить и остаться в рамках России благодаря патриотизму людей и поставкам продовольствия и товаров повседневного спроса из КНР [2].

Россия имеет долгосрочные политические и экономические интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Суть этих интересов состоит в том, чтобы обеспечить здесь не только безопасность России, но и ее геэкономические позиции, существенно повысить конкурентоспособность страны. Необходимость полноценного подключения России к деятельности мирового сообщества требует от нее серьезной и прагматичной восточной политики, существенной активизации внешнеполитических и внешнеэкономических связей на этом направлении, которые должны быть приоритетными по отношению к силовым факторам.

С другой стороны, утрата Россией роли «военной сверхдержавы» в АТР, по крайней мере, в ближайшем будущем, не может быть компенсирована возможностями подключения к экономическому взаимодействию с членами тихоокеанского сообщества. Надо признать, что в экономическую интеграцию в этом регионе Россия, будучи его составной частью, так пока и «не вписалась» [14]. Между тем характерной особенностью современной обстановки в АТР является высокая динамика политических и экономических процессов, формирующих устойчивую тенденцию к превращению его в важнейший центр мировой политики и экономики, сопоставимый с евроатлантическим [6].

Дальний Восток в современных условиях сохраняет своё значение региона, развивающегося не только за счёт сырьевого сектора экономики, но имеющего значительный трудовой резерв – людей активных, трудоспособных, которые в силу разных причин пока ещё продолжают проживать в регионе. Однако регулирование количественных и качественных характеристик человеческого потенциала в регионе имеет противоречивый характер, поэтому учёные-социологи ставят проблему управления

человеческими ресурсами для решения социальных и демографических проблем как в целом в стране, так и на Дальнем Востоке [4: с. 9].

В советский период улучшение транспортного сообщения с остальной частью страны, предоставление ряда льгот переселенцам и жителям Дальнего Востока, содержание крупного воинского контингента, принятие специальных программ подъёма экономики – всё это было тем комплексом мер, который делал повседневную жизнь на Дальнем Востоке более-менее приемлемой и обеспечивал рост населения в регионе. Руководство страны в свете политико-экономических задач ориентировалось на закрепление населения в регионе, которое давало неплохие результаты. В результате рождения на Дальнем Востоке ряда новых поколений сложился костяк из постоянного населения, который можно рассматривать в качестве демографического ядра региона, так как представители этой группы и психологически, и физиологически наиболее приспособлены к проживанию в непростых климатических и экономических условиях.

Дальневосточное сообщество обладало большим капиталом знаний и умений жить в суровых условиях, так как любые перемещения требуют от человека выработки новых качеств и даже вопреки потребностям самого индивида повышают уровень его знаний. В пореформенный период качество человеческого потенциала ухудшилось [9: с. 167], на что повлияли, во-первых, массовая миграция населения из региона, так как его покидают наиболее активные граждане трудоспособного возраста и, как правило, не одни, а с семьями; во-вторых, бедность; в-третьих, ограниченные возможности для поддержания здоровья и лечения, получения образования, проведения досуга, выезда за пределы региона с целью отдыха.

На Дальнем Востоке, как и в целом по стране, снизился уровень использования знаний за их невостребованностью [9: с. 165], особенно у значительной части специалистов, на что повлияли безработица, вынужденная неполная занятость в результате кризиса в ВПК, сельском хозяйстве и других отраслях, где занято большое количество специалистов. Регион понёс потери и в квалифицированных рабочих [9: с. 165].

Как известно, с падением знаний происходит и потеря умений. В связи с этим на многих предприятиях, в организациях, которые сумели пережить кризис 1990-х гг., но потеряли часть своих сотрудников, осуществляется обучение и переобучение, особенно это касается сферы ВПК и работы КБ, где ныне легальны виды работы, не связанные с прямым назначением предприятий. Процесс воспроизводства рабочих и научных коллективов оказался нарушенным вследствие нежелания молодёжи идти в непрестижные, малооплачиваемые сферы деятельности [9: с. 165], а также её массового оттока из региона по причине ограниченности спектра дальневосточных

учебных заведений, возможностей трудоустройства и отдыха [9: с. 163–165]. Немаловажную роль в оттоке молодёжи из ДФО играет рост стандартов потребления и требований, предъявляемых к организации досуга в регионе, в том числе и возможность выехать на отдых не только в центральные и южные районы страны, но и за границу [9: с. 165]. Вместе с тем молодёжь – трудовые ресурсы будущего, и инвестиции в воспитание и образование подрастающего поколения – это вложения для развития на перспективу. Нередки такие ситуации [9: с. 170], когда вслед за уехавшими в центральные районы страны детьми, с целью получения высшего образования, через некоторое время уезжают и родители.

Социально-экономическая адаптация дальневосточников в условиях развития рыночной экономики проходит медленно и тяжело [9: с. 170]. На наш взгляд, эта ситуация объясняется ограниченным спектром предложений на рынке труда. Сложившаяся ситуация в экономической и социальной сферах ДФО автоматически толкает людей на принятие решения уехать из региона. Дальневосточники, адаптировавшиеся к новым социально-экономическим условиям, также стараются покинуть регион, особенно его северные районы [9: с. 170].

Отъезд трудоспособного населения с детьми ставит в критическое положение самовоспроизводство региона. Очевидно, что на Дальнем Востоке растёт количество пожилых людей [5: с. 56] вследствие того, что многие пенсионеры в силу материальных причин и возрастных особенностей не имеют возможности выехать за пределы федерального округа.

Невозможность обеспечить благоприятные в экономическом отношении условия для жизни, ориентации на восприятие дальневосточных территорий исключительно как на ресурсную базу страны приводит к тому, что регион, оставаясь частью России, начинает сближаться с восточным окружением, все более становясь «востоком», интегрируясь в АТР, и является новой основой для социальной идентичности его населения [7: с. 15].

Одномоментное превращение Дальневосточного края из территории, где было выгодно и престижно работать, в депрессивный регион способствовало развёртыванию процессов маргинализации [9: с. 158]. Безработица, угроза оказаться на бирже труда, отсутствие твёрдых гарантий на будущее, непоследовательная политика руководящих органов страны и региона в отношении дальнейшего развития ДФО [9: с. 159] не может не отражаться на сознании и поведении жителей региона. Тот факт, что в 2004 г. были переданы Китаю остров Тарабарова и часть Большого Уссурийского острова, только усугубил негативное отношение жителей Дальнего Востока к «центру» (мнение автора статьи).

Советский гражданин – житель Дальнего Востока – имел достаточно устойчивое представление о своей роли в жизни страны, ощущал на себе опреде-

лѐнную заботу со стороны государства, считал себя частью единой страны. За годы постперестроечных трансформаций социальная идентичность населения региона сменила свой вектор с общегосударственного (мы – жители СССР, Российской Федерации) на региональный. Свидетельством постепенного формирования у населения Дальнего Востока особой социальной идентичности может, в частности, являться конкурс эссе «Мы – дальневосточники», который был проведѐн в Хабаровском крае в январе 2012 г. [8], а также создание портала «Строительный комплекс Азиатско-Тихоокеанского региона», на сайте которого указано, что «это проект, который доступными ему средствами будет способствовать развитию "самосознания дальневосточника"» [12].

В обычных условиях региональная идентичность проявляется в формировании определенной системы ценностей и норм поведения жителей региона вне связи с этнической принадлежностью. В условиях ослабления или кризиса национальной (общегражданской) идентичности регионально-этническая идентичность может составить ей конкуренцию и, получив политический оттенок, поставить под угрозу единство страны [3]. Известно, что если политика какой-либо страны оценивает различных индивидов и народы по-разному, отделяет один от другого, не заботится о них с одинаковой справедливостью, считает одного надежнее другого, тогда отчуждаемая половина начинает проявлять недовольство.

При таких обстоятельствах происходит раскол общества с чреватыми последствиями (мнение автора статьи). Из него есть два выхода. Первый – отчужденные должны пребывать в безмолвном состоянии, являясь лишь сырьевым ресурсом для страны. Второй – общество обязано решить эту задачу цивилизованно, все индивиды должны получить равные права на всех уровнях и во всех сферах общественных институтов, в правительственных, образовательных, военных, правоохранительных и прочих структурах, принимать активное участие в экономической, социальной, политической, образовательной, духовной, культурной жизни страны [13: с. 124]. Однако на сегодняшний день эксперты отмечают, что ключевыми угрозами безопасности Российской Федерации на Дальнем Востоке являются, в первую очередь, сильная разобщенность проживающего здесь населения и постепенная утрата им своей социальной идентичности [7], что доказывает развитие ситуации в регионе по первому сценарию, логическим завершением которого станет не только отчужденность местного населения, но и отчужденность постепенная, на договорных началах, другими государствами российских земель.

Решить проблемы потери дальневосточниками своей социальной идентичности вполне возможно: для этого нужны не только экономические меры, которые, безусловно, очень важны. Нужен также

идеологический фундамент, основой которого должна стать идея о приумножении человеческого потенциала дальневосточных субъектов Российской Федерации в силу их значимости для страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад о Дальнем Востоке № 1 «Дальневосточники» и «западники». Взаимные образы и основания для проектирования эффективных моделей межэлитной коммуникации в процессе развития Дальнего Востока / сост. Е.Н. Соколова 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ppfond.ru/files/ODV_web.pdf (дата обращения 30.08.2012 г.).
2. Единая стратегия экономического развития – императив времени (обсуждение в Президиуме РАН) // Вестник РАН. – 2005. – Т. 75. – № 6. – С. 506.
3. Ерѐмина, Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионология. – 2011. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://regionsar.ru/node/781?page=0,0> (дата обращения 07.09.2012 г.).
4. Захаров, Н.Л. Управление социальным развитием организации: учебник / Н.Л. Захаров, А.Л. Кузнецов. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 263 с.
5. Камчатский статистический ежегодник. 2010: статистический сборник / Камчатстат. – Петропавловск-Камчатский, 2010. – 428 с.
6. Кортунов, С.В. Национальные интересы России в АТР / С.В. Кортунов // Золотой лев. – № 142-143 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zlev.ru/142/142_13.htm (дата обращения 09.08.2012 г.).
7. Круглый стол «Социокультурные угрозы национальной безопасности России на Дальнем Востоке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.riss.ru/?activityId=121> (дата обращения 02.09.2012 г.).
8. Кто мы такие, дальневосточники? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://priamurka.ru/index.php/history/57-2012-01-13-01-32-56.html> (дата обращения 22.08.2012 г.).
9. Лапицкая, И.Ю. Миграционные процессы как детерминанта трансформации социальной структуры (на материалах Дальневосточного федерального округа): дис. ... канд. соц. наук / И.Ю. Лапицкая. – СПб., 2006. – 221 с.
10. Маркина, Ю.М. Имидж региона и региональная идентификация населения Дальнего Востока России (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. соц. наук / Ю.М. Маркина. – Хабаровск, 2010.
11. Новая философская энциклопедия. В 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; предс. науч.-ред. совета В. С. Степин. – М.: Мысль, 2000–2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/1181.html> (дата обращения 03.06.2012 г.).
12. Портал «Строительный комплекс Азиатско-Тихоокеанского региона» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: skatr.ru (дата обращения 22.08.2012 г.).
13. Салихов, Г.Г. Проблема идентичности в условиях глобализации / Г.Г. Салихов // Век глобализации. – 2011. – № 1. – С. 122–129.
14. Ценностные ориентиры и приоритеты в трансформирующемся мире / под ред. А.С. Железнякова и З.П. Яхимович. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2010. – 215 с.
15. Ядов, В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования идентичности личности / В.А. Ядов // Психология самосознания. – Самара: БАХРАХ-М, 2000. – С. 589–601.

РОТАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

О.Ф. Лейченко

Лейченко Ольга Федоровна – кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и социальной психологии Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (Дальрыбвтуз) (г. Владивосток).

Контактный адрес: 9089746434@mail.ru

В статье представлена трансформация региональных политических институтов с 1991 г. по настоящее время. Показаны изменения в правовом статусе губернаторов и степени их влияния на политическую жизнь регионов. Обозначены взгляды Российских политологов на новую систему выборов региональных политических лидеров.

Ключевые слова: политические институты, регион, региональная политика, политические лидеры, региональные политические лидеры, президент, институт губернаторства, «вертикаль власти», рейтинг.

За последнее десятилетие одним из существенных факторов современного российского политического процесса стало введение института губернаторства. Его изучение позволяет составить более глубокое представление о российском политическом лидерстве.

По мнению исследователей, к региональным политическим лидерам относятся руководители республик, краев, областей Российской Федерации, автономных образований, городов федерального значения. А национальные, геополитические, социально-экономические, религиозные, исторические факторы и различия в правовом статусе субъектов определяют их специфику [9: с. 66].

Особенностью российского регионального лидерства является его формирование в условиях трансформации общества. Трансформация региональных политических институтов с 1991 г. по настоящее время проходит под влиянием преобразовательных процессов общенационального уровня. Становление регионального политического лидерства в регионах началось в условиях кризиса советской системы. В процессе развала СССР и ухода с политической арены КПСС, состав правящей элиты в центре и на местах подвергся коренным изменениям. Политическая, экономическая трансформация, начавшийся процесс приватизации, изгнание руководителей коммунистов резко изменили состав правящей номенклатуры.

В процессе становления регионального политического лидерства было апробировано несколько организационных форм. Практику альтернативных выборов первых секретарей обкомов КПСС на республиканских конференциях в конце 80-х гг., расширение публичности в деятельности обкомов можно рассматривать как попытку сохранения лидерства за КПСС и легитимизации первого секретаря обкома в качестве регионального политического лидера. Однако падение авторитета КПСС и подъем общественно-политических движений не позволили это сделать [9: с. 70].

С дискредитацией партийного руководства властные структуры в регионах уже в 1990 г. оказались нестабильными. На волне начавшегося демократического процесса, в условиях открытости и гласности в начале 90-х гг. XX в. возросла роль народных депутатов. Как отмечает американский исследователь Дж. Хан, «... борьба происходила скорее не на уровне за или против реформ, а за то, кто будет решать вопросы – что, когда и каким образом» [Цит. по: 17]. Эти коренные политические и социально-экономические изменения создали условия и предпосылки для выдвижения на руководство политических лидеров новой формации.

В 1991–1993 гг. Президент России Б.Н. Ельцин после августовских событий 1991 г. получил от Съезда народных депутатов РСФСР чрезвычайные полномочия, в том числе по формированию исполнительных органов власти субъектов федерации. Он поменял большинство председателей исполкомов областных (краевых) Советов народных депутатов на глав администраций субъектов Российской Федерации. При этом Президент получил право сделать такие перестановки только один раз. В случае ухода в отставку главы администрации, по каким-либо причинам, назначались выборы главы администрации.

А. Браун отмечает, что в это время региональное политическое лидерство начало играть более важную роль, чем в годы коммунистического правления или в период перестройки [2: с. 59]. Руководитель новой демократической России, президент Б.Н. Ельцин сделал ставку на становление в регионах института губернаторства. С тех пор, как должность губернатора стала выборной, главы регионов приобрели независимую власть, которой у них не было, пока их назначение находилось в компетенции президента. Укрепление «губернаторской России» было главным в региональной политике Б.Н. Ельцина, эта была политика полицентризма, т.е. многообразие центров политической власти и влияния [4: с. 38]. Губернатор стал

ключевой политической фигурой в регионе de jure и de facto [12: с. 98].

Лидер, находящийся у власти, стремился к институциональной стабильности, в случае необходимости он старался изменить правила, укрепляя дееспособность значимых для него институтов, которые в дальнейшем усиливали их политическое влияние. Статус главы администрации был определен уставами краев и областей, разрабатывавшимися и вводившимися в действие после принятия новой Конституции РФ [20: с. 166], что усиливало их позиции и делало более независимыми от федерального центра. В это время политические ресурсы региональной власти были таковы, что никакие другие общественные институты или структуры в регионе и в Москве, даже на уровне федеральной власти, не могли предъявлять им свои требования с позиции силы [22: с. 98].

В 1994–1996 гг., после октябрьских событий в Москве 1993 г., вслед за роспуском Верховного Совета РСФСР и под давлением из центра главами администрации были распущены большинство областных и краевых Советов. В соответствии с новой российской Конституцией (1993) их предполагалось заменить областными (краевыми) думами. Однако выборный процесс затянулся, и во многих регионах главы администрации без представительной власти использовали власть для личных целей. При этом положение о выборах в областную думу и сроки этих выборов утверждались самими главами администрации. И, несмотря на все усилия, многие областные думы оказались оппозиционными по отношению к центральной власти и ее ставленникам в регионах.

В 1995 – первой половине 1996-го около 10 губернаторов в преддверии президентских выборов добились от Президента России права провести досрочные выборы губернатора. И почти везде победили. На результативные губернаторские выборы, прошедшие в 1995–1997 гг., в 36 случаях выиграли действовавшие главы, в 14 – бывшие и лишь в 21 случае – кандидаты, ранее не находившиеся у власти в регионе. С разгоном Советов в 1993 г конфликт «губернатор – мэр» завершился тем, что губернатор стал главным в регионе, а мэр второй после губернатора фигурой в региональной иерархии [15: с. 103].

Был окончательно решен вопрос о статусе всех губернаторов и их субординационных отношений с главой государства. Президент Российской Федерации фактически рассматривался не как должностное лицо, властные полномочия которого распространялись на всех региональных руководителей, но как первый среди равных в ряду губернаторов и глав республик. Кроме того, Совет Федерации второго созыва не выбирался как первый, а формировался уже из губернаторов и руководителей законодательных органов субъектов Федера-

ции. Совмещая свою деятельность в области с членством в Совете Федерации, губернатор занял положение, которого никогда не занимал губернатор в истории России. Как отмечает К.С. Бельский, присутствие губернатора как руководителя исполнительной власти соответствующего региона в верхней палате парламента поставило федеральный законодательный процесс под его непосредственный контроль и позволило тормозить принятие законов, которые ограничивали самовластие бюрократии на местах. Губернатор был поставлен в привилегированное положение по отношению к федеральным министрам и выведен из-под юрисдикции судов и прокуратуры, став членом Совета Федерации и получив депутатский иммунитет [1: с. 5].

Между тем региональные законодательные собрания (Думы) также усилили власть губернаторов. Если в первой половине 90-х гг. XX в. эти органы вели самостоятельную линию и могли, возражая, направлять губернаторов советами, то во второй половине десятилетия они превратились в подобие бывших Советов и стали играть роль «групп поддержки» при губернаторах (президентах республик). Председателей законодательных собраний избирали, как правило, по рекомендации губернатора. Подобный тандем способствовал принятию законодательных актов, нередко противоречащих федеральному законодательству [15: с. 103].

Анализируя становление института губернаторства в 90-е гг. XX в., следует отметить, что губернаторы укрепили свою власть не только институционально, но и формально. В значительной части уставов области (края) губернатор характеризовался не столько как государственный чиновник, ответственный перед федеральным центром и региональным законодательным собранием, сколько как правитель «полусуверенного государства». Определение его правового статуса в уставах областей и краев совпадало с установлением правового статуса президента Российской Федерации [20: с. 183]. Вместе с тем в значительной части Уставов была не предусмотрена ответственность губернатора за свою деятельность. А между тем основополагающим принципом существования исполнительной власти в регионе является ее ответственность за деятельность по управлению данной территорией.

В 1997–2002 гг. закрепленная в Конституции Российской Федерации исполнительная дисциплина, после прошедших губернаторских выборов, стала заметно ослабевать [10]. Только сильная экономическая, финансовая зависимость от федерального центра еще удерживала целый ряд губернаторов в русле федеральной власти. Но регионы все более проявляли свою самостоятельность. В 2000–2003 гг. в нескольких регионах губернаторами стали представители крупного бизнеса: Таймырский АО (А.Г. Хло-

понин), Чукотский АО (Р.А. Абрамович), Приморский край (С.М. Дарькин) [7: с. 23].

Политический лидер в регионе становится важнейшей составной частью регионального политического процесса: участвует в формировании большинства его институтов, взаимодействует с организованными субъектами общественно-политической активности, проходит через все функциональные циклы деятельности региональных и федеральных структур государственной власти – выборы, принятие годового бюджета, кадровые вопросы. Поддерживает или гасит всплески социальной активности граждан, играет важную роль стабилизатора политико-правовой системы. Важной стороной регионального политического лидерства становится развитие всесторонних международных связей, взаимодействие с диаспорами, создание благоприятного имиджа региона, создание политических и экономических блоков с другими лидерами. Региональный политический лидер становится основным каналом взаимодействия региона с Федеральным центром [9: с. 77].

В то же время действия региональных лидеров зачастую регулируются неформальными нормами. Неформальные связи, правила, традиции, договоренности играют большую роль как в региональных взаимодействиях, так и в отношениях с федеральным центром и федеральными округами. Лидеры оказывают влияние через неформальные институты и на государственные структуры, которые в правовом отношении достаточно самостоятельны и независимы от него. Используя административный ресурс, личный авторитет, могли поддержать тех, в ком были заинтересованы на выборах, оказать влияние на ход обсуждений, голосование в законодательном органе. Происходила концентрация и персонификация власти. Вместо поддержки и развития демократических институтов, системы «сдержек и противовесов» во власти делалась ставка на личность [9].

Представители Президента Российской Федерации избегали конфликтов с губернаторами из-за несоблюдения последних федеральных законов. Они понимали, что любое главное противостояние с губернатором обернется в заведомый проигрыш, поскольку губернатор – лицо избранное, с парламентским иммунитетом, и снять его Президент не имеет права. К тому же губернатор опирался на мощные материальные и административные ресурсы, которые позволяли губернаторам почти повсеместно добиваться от Президента России замены «неудобных» представителей на лояльных себе. В таких условиях власть Москвы все слабее влияла на положение в регионах, в ряде которых, особенно в республиках, сложились режимы личной власти [1].

В этих условиях Президент предпринял попытки уравновесить ситуацию, сохранить институт губернаторства под своим контролем.

С началом федеративной реформы (2000 г.) общей тенденцией стало усиление влияния федеральных властей, централизация власти и ресурсов. Позиции действующих губернаторов были частично ослаблены сокращением их ресурсов и полномочий. Одновременно нарастала усталость населения от лидеров, давно управляющих регионами [7: с. 28]. Доминировавший в 1990-е гг. XX в. тип «крепкого хозяйственника» с номенклатурными корнями постепенно уходил в прошлое. По мере развития рыночных отношений и в связи с усилением федерального центра терялся смысл роли «хозяина региона». В качестве альтернативы проявился тип губернатора-менеджера, способного воспроизвести модель управления регионом в условиях рыночной экономики. Обычно в этом качестве воспринимались молодые губернаторы, пришедшие во власть из бизнеса (С.М. Дарькин, Приморский край). Однако здесь сразу обнаружился ряд проблем: региональный бизнес был слишком криминализован; представители крупного столичного бизнеса, приходя к власти в регионах, вынуждены были ориентироваться на свою корпорацию и следовать логике ее экономических интересов; оказывали явные предпочтения собственным фирмам. Все это создавало массу ограничений [18].

В дальнейшем произошло изменение в правовом статусе губернатора. Законодательная деятельность губернаторов в Федеральном собрании прекратилась [21]. Изменение в статусе поставило вопрос об образовании федерального органа, который включал бы в свой состав глав регионов для координации их деятельности федеральным центром и для привлечения их к обсуждению проблем, имеющих особое государственное значение. Указом Президента Российской Федерации от 1 сентября 2000 г. был образован государственный Совет Российской Федерации как совещательный орган, призванный способствовать реализации полномочий главы государства по взаимодействию органов государственной власти, субъектов Федерации федерального законодательства и рассмотрения по предложению Президента проектов законов и указов общегосударственного уровня [19].

В 2004 г., на расширенном заседании правительства с участием губернаторов, сенаторов и депутатов Госдумы президент В.В. Путин выступил с инициативой отмены прямых выборов губернаторов в связи с необходимостью укрепления вертикали власти для более эффективного противодействия террористической угрозе и создание Общественной палаты как органа контроля граждан за действиями государства.

Происходящие изменения в региональной власти в России, инициируемые построением «вертикали власти», исследователи и аналитики все чаще определяют формулой «рецентрализация по Путину», в отличие от децентрализации, характерной для эпохи Б.Н. Ельцина. Предпринятые В.В. Путиным реформы власти существенно влияют на потенциал губернаторской власти в российских регионах. Если влияние политического лидерства губернаторского корпуса на федеральном уровне существенно сужается, то на региональном уровне идут менее очевидные процессы [10].

Российские политологи С.А. Белковский, В.А. Никонов по-разному оценивают новую систему выборов региональных лидеров.

Президент Института национальной стратегии С.А. Белковский настроен критически, считая, что новая система избрания губернаторов была введена для «законсервирования» нынешних элит, а не для их замены. Новые губернаторы появляются там, где прежние управленцы нарушили свои обязательства перед выдвинувшими их во власть олигархическими группировками, или там, где они являются излишне «беспокойными», политически активными с точки зрения Кремля. После 2004 г. все губернаторы являются не политическими лидерами региональной элиты, а представителями определенной федеральной лоббистской группы.

По мнению же президента фонда «Политика» В.А. Никонова, в России, напротив, создается система «...всеобъемлющей президентской кадровой политики и серьезной ротации кадров по горизонтали и вертикали». Идя по новой схеме, Кремль сохраняет сильных управленцев, у которых должны были истечь сроки полномочий и одновременно обновляет руководящие органы там, где они работают неэффективно. Отмена выборов позволила повысить управляемость региональных лидеров, открылась возможность для влияния на исполнительную власть в регионах из федерального центра и со стороны политических партий. Устанавливается централизованный контроль над рекрутированием элиты исполнительной власти в регионах, открылся канал выдвижения новых политических лидеров. Старая избирательная система открывала «свежим фигурам» автономные пути в большую политику. Губернаторы превращались в потенциальных кандидатов на пост президента. Новая система эти каналы закрывала. Теперь кандидаты на пост губернатора стали проходить через отбор кремлевских кадровиков и систему согласований с местными элитами [10].

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) отмечал, что, по мнению большинства россиян (49–51 %), переход от выборности к назначению никак не повлиял ни на эффективность их работы, ни на степень их ответственности

перед населением вверенных им регионов. Каждый пятый полагал, что после отмены прямых выборов губернаторы стали работать эффективнее (21 %), только 12 % считают, что их эффективность снизилась. Так, 23 % опрошенных считают, что назначаемые губернаторы более ответственно ведут себя по отношению к населению, чем выборные. Им возражают 11 % респондентов [3]. Можно согласиться с мнением В.К. Васильева, что «...голосование не является адекватной процедурой установления лидерства, а избранный человек не может автоматически идентифицироваться с лидером» [14].

Важно отметить, что в 2004–2006 гг. шло «формирование» новых региональных руководителей. Были определены формальные рамки деятельности глав регионов, четко обозначен новый порядок их избрания. Основным направлением реализации нового «организационного механизма» стало назначение действовавших глав через процедуру «оказания доверия» Президента. При этом проходили и новые назначения с наметившейся особенностью – «приглашением варягов».

В 2007 г. весомое место в политике занимали кадровые изменения, перестановки, включая добровольный уход в отставку региональных лидеров. Происходило закрепление и принятие «новых правил».

С избрания нового Президента Д.А. Медведева в 2008 г. пошло «нормирование» деятельности глав регионов, совпадающая по времени с процессом реформирования всей политической системы. В целом сохраняется обозначенный ранее общий политический курс на укрепление «вертикали власти», который дополняется стремлением политического лидера страны внедрить в систему государственного управления основы стратегического планирования и менеджмента [16].

Президентом Д.А. Медведевым сформулировано новое правило для губернаторского корпуса: при решении вопроса о возможности представления действующего главы к переназначению будет учитываться его рейтинг и антирейтинг. За динамикой рейтингов поручено следить администрации президента. Прямой механической зависимости от рейтинга не будет, однако, это повод губернатору призадуматься, что происходит, насколько довольны его действиями люди, население территории, где он губернаторствует. Это будет важный показатель к переизбранию [8].

В 2008 г. на десять из двенадцати губернаторских постов были назначены новые люди, в 2009 новичков оказалось семеро из десяти, а в 2010 еще до представления кандидатур на пост главы Ростовской области на своих прежних должностях не удержались еще шестеро из семи губернаторов. То же самое касается и республиканских президентов. В марте 2010 г. ушел со своего поста президент

Татарстана М.Ш. Шаймиев, в мае досрочно прекратил полномочия президент Якутии В.А. Штыров, в июне – глава Карелии С.Л. Катанандов, а в июле – президент Чувашии Н.В. Федоров [5]. Ю.М. Лужков, не завершив пятый срок, отправлен в отставку «в связи с утратой доверия» [13].

В 2010 г. президент Д.А. Медведев представил для переназначения 13 действующих глав и выдвинул 14 новых. По его собственным словам, он следит за количеством сроков (выборных и назначенческих), которые губернатор отработал. Оптимум – три срока, четвертый рассматривается как исключение. Известно также, что фактически введен возрастной ценз. Главы, которым исполнилось 70 и более лет, отправляются на заслуженный отдых вне зависимости от количества отработанных ими сроков. Теперь нередко сами главы, «не вписывающиеся» в новые правила, когда завершается их очередной срок, просят не рассматривать их кандидатуры. Или вообще подают в отставку досрочно [8].

Президент Фонда эффективной политики Г.О. Павловский отметил, что это не конфликт между федеральным центром и губернаторами, которые управляли своими регионами, и не атака на региональных лидеров, занимающих свои посты несколько сроков. Для того стиля управления, который присущ этим губернаторам, уже нет места в модернизируемом российском государстве [5]. Согласимся с мнением А.В. Дахина, что в настоящее время в «политической системе России губернаторы рассматриваются как доверенные региональные агенты политического влияния новой федеральной номенклатуры, как узлы концентрации регионального политического влияния» [5: с. 57].

Таким образом, поскольку в последнее время произошло усиление личной зависимости глав регионов от федерального центра, то личное влияние губернаторов приобретает иную структуру. Определяющую роль в динамике лидерства играют усилия как самого губернатора, его личные связи, так и команды, работающей с ним. От их профессионализма, компетентности и способности принимать важные, порой нестандартные управленческие решения во многом зависит социально-экономическое и политическое развитие субъектов Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельский, К.С. О реформе губернаторской должности / К.С. Бельский // Государство и право. – 2001. – № 1. – С. 5–13.
2. Браун, А. Политика лидерства в России / А. Браун // Вестник Московского университета. – 1998. – № 2. – С. 59. – (Сер. 18 «Социология и политология»)
3. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): Губернаторы и выборы. Пресс-выпуск. – 2009 – 06 октября. – № 1330. – URL: <http://old.wciom.ru/>

[arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/12537.html](http://arkhiv.tematicheskii-arkhiv/item/single/12537.html) (дата обращения: 11.08.2010).

4. Гончаренко, О.В. Трансформация института губернаторства / О.В. Гончаренко // Власть. – 2004. – № 4 – С. 38

5. Дахин, А.В. Система власти в России в 2000-х гг. и модели политического управления регионами / А.В. Дахин // ПОЛИС: Политические исследования. – 2009. – № 2. – С. 57.

6. Долгая партия «хана Кирсана» – URL: <http://www.interfax-russia.ru/South/view.asp?id=172812> (дата обращения: 11.11.2010).

7. Зубаревич, Н.В. Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы: аналитический доклад / Н.В. Зубаревич / Независимый институт социальной политики. – М.: Поматур, 2009. – 110 с.

8. Иванов, И. Губернаторы и рейтинги / И. Иванов // Известие. – 2010. – 6 сентября.

9. Идиатуллина, К.С. Политическое лидерство в институциональном дизайне национальных республик Российской Федерации / К.С. Идиатуллина // Соц.-гуманит. знания. – 2003. – № 2. – С. 66-79.

10. Итоги отмены прямых губернаторских выборов год спустя: Кремль пообещал больше демократии регионам. – URL: <http://www.newsru.com/russia/13sep2005/reforma.html> [дата обращения: 13.08.2010].

11. Конституция Российской Федерации. – М.: Юридическая литература, 1993. – 55 с. (ч.2 ст. 77).

12. Лапина, Н.Ю. Региональные элиты России: кто правит на местах // Россия и современный мир. – 1998. – № 1. – С. 98.

13. Лужков, Ю. Отправлен в отставку «в связи с утратой доверия» / Ю.Ю. Лужков – URL: <http://spb.rbc.ru/topnews/28/09/2010/473083.shtml> (дата обращения: 29.09.2010).

14. Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций / под ред. В.Б. Большакова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. – 84 с.

15. Петров, Н. Выборы 1995–1997 гг. и региональные политические элиты / Н. Петров // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе. – М.: МОНФ, 1999. – С. 103–106.

16. Ратманова, Е.В. Политическое лидерство в современной России: стиль управленческой деятельности : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Е.В. Ратманова. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 2009. – 23 с.

17. Троякова, Т.Г. Особенности формирования новой правящей группировки в Приморском крае / Т.Г. Троякова. Портал Владивосток. Com. – URL: <http://vladivostok.com/archive/10/03/vlast.asp> (дата обращения: 10.05.2010).

18. Туровский, Р.Ф. Кризис российской региональной элиты / Р.Ф. Туровский // Властные элиты современной России. – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 162–187.

19. О порядке формирования Совета Федерации: Указ Президента РФ от 01.09.2000 // Собрание законодательства. – 2000. – № 46. – С. 254.

20. Уставы краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов. Вып. 1. – М., 1995.

21. О порядке формирования Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации: федер. закон РФ от 5.08.2000 г., № 113-ФЗ // Российская газета. – 2000. – 08 августа. – № 152.

22. Чирикова, А.Е. Вертикаль власти в оценках региональных элит: динамика перемен / А.Е. Чирикова // ПОЛИС: Политические исследования. – 2008. – № 6. – С. 98.

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ (ОПЫТ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)

Н.А. Воронина

Воронина Наталья Александровна – аспирант Хабаровской государственной академии экономики и права.

Контактный адрес: vornaak@mail.ru

В статье рассмотрены различные подходы к пониманию сущности социального партнерства, представлены различные его модели, а также проанализированы закономерности и особенности развития системы социального партнерства в России в условиях переходной экономики. Исследована система социального партнерства в Хабаровском крае, выявлены её недостатки и предложен ряд мер, необходимых для дальнейшего развития и повышения её роли в обеспечении общественной стабильности.

Ключевые слова: социальное партнерство, исполнительная власть, профессиональные союзы, взаимодействие, модели, система.

Социальное партнерство является обязательным элементом государственного устройства и базовым принципом организации взаимодействия органов власти, работников и работодателей по регулированию насущных вопросов трудовой и социальной жизни граждан и общества в целом.

Социальное партнерство – важнейший институт, обеспечивающий не только общественную стабильность и повышение качества человеческого капитала, но и конкурентоспособность национальных экономик.

В трудовом законодательстве дано следующее определение социального партнерства: система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений [3: с. 351].

Анализ опыта социального партнерства складывающихся подходов к пониманию его природы, попыток описания партнерских взаимодействий позволяет утверждать, что в отечественной науке нет единства взглядов и подходов при рассмотрении данного феномена. Можно выделить три основных подхода, наиболее четко проявляющихся в оценке формирования, различающихся между собой по широте применимости потенциала партнерства в жизни социума.

В рамках *первого* подхода, который можно охарактеризовать как предметно-локализованный, социальное партнерство выступает в качестве явления, присущего какой-либо отдельной общественной сфере (рынок труда, гражданское общество, социальная защита населения и т. д.). Этому подходу соответствует определение социального партнерства, предложенного одним из ведущих специалистов

в этой области В.А. Михеевым. По его мнению, социальное партнерство – «...это цивилизованная форма общественных отношений в социально-трудовой сфере, обеспечивающая согласование и защиту интересов работников, работодателей, органов государственной власти, местного самоуправления путем заключений договоров, соглашений и стремления к достижению консенсуса, компромисса по важнейшим направлениям социально-экономического и политического развития» [15: с. 66].

Второй – межсекторный подход активно разрабатывался В.Н. Якимцом и его единомышленниками. Здесь социальное партнерство – взаимодействие не субъектов какой-либо особой сферы или направления общественной жизнедеятельности, а обязательно сторон, представляющих различные секторы общества: государство, бизнес-сообщество, гражданское общество. В данной интерпретации «...идеализированное межсекторное социальное партнерство понимается как конструктивное взаимодействие двух или трех секторов для решения социальных проблем, "выгодное" каждой из сторон в отдельности и населению территории, где оно реализуется, в целом» [21: с. 169].

В рамках *третьего* универсального подхода, социальное партнерство рассматривается как один из видов общественных отношений, наряду с сотрудничеством, конкуренцией, конфликтом и т. д. Социальное партнерство понимается как особый социальный институт, на основе которого реализуется определенный тип социальных отношений, направленных на развитие консенсуса и положительного результата в процессе взаимодействия социальных субъектов – партнеров этого взаимодействия. В самом общем смысле термин «социальное партнерство» характеризует весь спектр социальных взаимодействий между социальными субъектами,

цель которых – достижение согласия и взаимный отказ от противоборства и конфронтации [17: с. 130]. Это отношения постоянного согласования повседневной и практической деятельности, имеющей своей основной целью решение общих задач.

Таким образом, социальное партнерство – это особый способ взаимодействия социальных субъектов путем диалога на принципах рациональности, добровольности и симметрии отношений сторон, с целью достижения консенсуса, выявления и удовлетворения общих и взаимозависимых интересов [20: с. 22].

Если говорить о моделях социального партнерства, то наиболее часто выделяют две – плюралистическую (бипартизм) и корпоративистскую (трипартизм). Первая базируется на принципе невмешательства правительства в отношения между двумя партнерами – предпринимателями и профсоюзами. Правительство лишь гарантирует и охраняет основные права трудящихся (на организацию в профсоюз, заключение коллективного договора и на забастовку). Главной сферой деятельности профсоюза является производство (предприятие), где заключается коллективный договор. Профсоюзы имеют возможность лоббировать государственные органы. Эта модель широко реализуется в США и Великобритании.

Корпоративистская модель социального партнерства, получившая распространение в странах Западной Европы, предполагает взаимодействие трех социальных партнеров – государства, объединения работодателей и профсоюзов. В странах, использующих эту модель, трехсторонние соглашения заключаются, как правило, по каким-то конкретным проблемам, имеющим особо важное значение в определенный период времени (например, снижение темпов инфляции, сокращение уровня безработицы) [20: с. 29].

Что касается российской модели социального партнерства, то необходимо отметить, что в начале 1990-х, оглядываясь на зарубежный опыт поддержания стабильности в обществе, российские социальные технологи имплантировали на отечественную почву так называемую трипартистскую систему, которая была создана на Западе в 1950–1960-х и довольно успешно там функционировала. Западная система социального партнерства была перенесена в Россию в своем, казалось бы, оптимальном варианте. Переход России от тоталитарного государства к социальному, правовому и демократическому, потребовал принципиально новой системы государственной службы, способной эффективно управлять обществом.

Переходный период совпал с кризисом экономики России, сопровождающимся дефицитом бюджетов всех уровней и, как следствие, неплатежами, что не позволяло решать возникающие проблемы. В 1988 г. был принят новый Закон о профсоюзах, который лишил профсоюзы некоторых привилегий, но

при этом дал трудящимся право на забастовки и другие протестные действия. На фоне обостряющегося продовольственного кризиса, роста цен и назревающей в стране социально-политической напряженности это привело к резкому всплеску забастовочного движения. В ряде случаев имело место прямое подстрекательство некоторых отраслевых профсоюзов к радикальным требованиям, бессрочным забастовкам и незаконным действиям по перекрытию автомобильного и железнодорожного движения. Граждане, наряду с социально-экономическими требованиями, выдвигали органам государственной власти и политические, неоднократно происходила смена руководства в высших эшелонах власти.

В этот период в регионах отсутствовали механизмы, с помощью которых возможно было цивилизованно решать возникающие проблемы. Отсутствовали условия и факторы для развития и становления социального партнерства. Но, самое главное, отсутствовали правовые основы, регулирующие как региональные преобразования, так и социально-трудовые отношения.

Ситуация изменилась с приходом к власти сторонников рыночных реформ в августе 1991 г. С этого момента в стране начинает формироваться система социального партнерства. Чтобы стабилизировать социально-экономическую ситуацию, требовались реальные рычаги, которые на тот момент отсутствовали. Попыткой создания такого механизма стал Указ Президента РФ «О социальном партнерстве и решении коллективных трудовых споров (конфликтов)», подписанный Б.Н. Ельциным в ноябре 1991 г., а также Закон РФ «О коллективных договорах и соглашениях» (март 1992 г.), перекладывающие ответственность за величину заработной платы и ее своевременную выплату на предприятия и организации, т. е. в сферу взаимоотношений профсоюза и работодателя [9: с. 35].

С этого времени начинается процесс формирования региональных правовых основ социального партнерства. Постановлениями глав администраций регионов создаются трехсторонние комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, в которых оговариваются основные цели, задачи, порядок их формирования. Идет работа по подготовке региональных законодательств о социальном партнерстве, в которых определяются виды соглашений, стороны регулирования социально-трудовых отношений, их права, обязанности и ответственность.

Лишь в 1995 г. был принят Закон «О порядке разрешения коллективных трудовых споров», который дал легитимные основания для действий профсоюзов в деле отстаивания интересов работников в суде, и в январе 1996 г. – закон РФ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», закрепивший новый статус профсоюзов. Нако-

нец, в мае 1999 г. вступил в силу Закон «О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений» [9: с. 56].

Таким образом, формирование законодательной базы социального партнерства растянулось на восемь лет. Все это время социальное партнерство, будучи не более чем декларацией, тем не менее, в какой-то мере сдерживало рост забастовочного и протестного движения наемных работников, хотя основания для этого были: стремительными темпами росло расслоение населения по уровню доходов. По экспертным оценкам, децильный коэффициент в конце 1980-х гг. составлял 4,5; в 1992 г. – 8; 1993 г. – 11; 1998 г. – 13,8; 2000 г. – 13,9; 2004 г. – 15,2; 2010 г. – 16,5.

Итак, необходимо отметить, что российская модель социального партнерства, основывающаяся на общих закономерностях и принципах, международных правовых нормах регулирования социально-трудовых отношений, рационально использующая мировой опыт, безусловно, имеет свои национальные особенности:

- во-первых, традиционно значительной остается роль государства в процессе регулирования социально-трудовых отношений;

- во-вторых, сфера отношений, регулируемых на принципах социального партнерства, шире, чем в других странах;

- в-третьих, российская система социального партнерства отличается особой сложностью.

Также российская модель характеризуется высокой степенью региональных особенностей, что является отражением значительной специфики «вхождения» различных регионов России в рыночную экономику.

Итак, специфика российского социального партнерства во многом предопределяется тем, исторически оно насаждалось сверху как один из элементов модернизации, ведущей к западному типу рыночной экономики. В отличие от западной модели развития, в которой социальный диалог сформировался после десятилетней борьбы, в России он был навязан со стороны правительства преимущественно формальным социальным партнерам. Характерной особенностью искусственно созданных отношений социального партнерства стало неравенство его сторон, состоящее в очевидном доминировании государства при слабости профсоюзов и отсутствии ответственности у представительства работодателей.

Если говорить о Хабаровском крае, то система социального партнерства развивается здесь с 1991 г.: в условиях обострения в стране экономического кризиса, между Хабаровским крайисполкомом и крайсовпрофом было заключено специальное соглашение, в котором стороны добровольно взяли на себя обязательства по вопросам социальной защиты трудящихся, занятости, оплаты и охраны труда, социального страхования, экологической безопасности.

С 1995 г. в крае начали заключаться трёхсторонние соглашения между представителями работодателей, администрацией края и профсоюзами. Несколько позже – краевые отраслевые соглашения между краевыми организациями профсоюзов и соответствующими краевыми органами управления, а также территориальные соглашения – между органами местного самоуправления и соответствующими органами профсоюзов.

Необходимо отметить, что система социального партнерства в крае функционирует при самом активном участии краевых организаций профсоюзов. Обеспечить договорное регулирование социально-трудовых отношений призвана многоуровневая система соглашений (от краевых до муниципальных): сегодня в крае действуют 19 краевых отраслевых соглашений и 21 территориальное соглашение, около 1800 коллективных договоров. К этому арсеналу можно добавить еще и отраслевые тарифные соглашения федерального уровня, посредством которых общероссийские, межрегиональные профсоюзы обеспечивают решение вопросов оплаты и условий труда, предоставления дополнительных льгот и компенсаций, охраны труда и здоровья [12: с. 40].

В то же время возможности социального диалога в ходе формирования и реализации социально-экономической политики, регулирования трудовых отношений используются пока еще не в полной мере. Недостаточно обобщается и распространяется опыт социального партнерства, отсутствует должная координация трехсторонних органов социального партнерства различных уровней.

Если рассматривать систему социального партнерства через призму структурно-функционального анализа, то можно отметить, что из наиболее целесообразных способов сотрудничества социальных партнеров является создание особых органов социального партнерства. К ним могут быть отнесены все постоянно действующие органы, состоящие из представителей субъектов социального партнерства как на двусторонней, так и на трехсторонней основе, призванные регулировать социально-трудовые отношения. Система органов социального партнерства, как правило, создается на всех уровнях, на которых осуществляется партнерское взаимодействие. Эти органы, работающие в соответствии с заранее определенными процедурными правилами, позволяют обеспечить непрерывное функционирование системы социального партнерства. Органы социального партнерства можно подразделить на органы общей компетенции и специализированные органы. Органами социального партнерства общей компетенции являются трехсторонние и двусторонние комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, которые создаются на всех уровнях социального партнерства [3: с. 368]. Данные органы правомочны рассматривать любые вопросы регули-

рования социально-трудовых отношений, которые могут найти свое разрешение на соответствующем уровне социального партнерства.

С 1992 г. в Хабаровском крае работает краевая трёхсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений, в которую входит равное количество представителей работодателей, профсоюзов и правительства края. Функции комиссии определяются её наименованием: разработка проектов краевых соглашений, контроль за их реализацией, рассмотрение на своих заседаниях наиболее острых социально-экономических проблем, выработка рекомендаций по их решению [7: с. 29].

Краевая трёхсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений становится сегодня основным механизмом при выработке взаимоприемлемых решений по социально значимым вопросам.

«Сложным участником» социального партнерства остается государство. К сожалению, недостаточно ответственное отношение органов исполнительной власти к выполнению своих обязательств по трехсторонним соглашениям типично для России. И это особенно печально, поскольку государство продолжает оставаться крупнейшим работодателем. Естественно, данная ситуация оказывает негативное влияние на весь процесс договорного регулирования трудовых отношений.

Государство не является, как это должно быть, объективным арбитром в отношениях труда и капитала. Напротив, преследуя свои интересы, оно полностью находится на стороне предпринимателя. Обществу навязываются такие социальные технологии, которые не просто оставляют интересы работающего населения на периферии внимания исполнительной власти, но и продолжают способствовать его беспощадной эксплуатации на фоне явно несправедливого распределения доходов.

В целом же система соцпартнерства сформирована и действует. Тем не менее в этих условиях остаётся много труднорешаемых проблем, низкое качество жизни многих работающих. Именно поэтому, социальное партнерство нельзя рассматривать в отрыве от факторов, вызвавших его в жизнь.

Профсоюзы не могут быть удовлетворены таким положением, когда существует и даже растет уровень безработицы. В 2009 г. безработица в крае выросла на 20,69 % по отношению к предыдущему периоду, когда наемные работники имеют низкий уровень заработной платы, не позволяющий обеспечить хотя бы сносные условия существования, когда повсеместно нарушается трудовое законодательство. Средняя заработная плата в крае за I квартал 2010 г., согласно статданным, составила 21309,7 руб. [4: с. 78].

Остается и даже усугубляется проблема задолженности по заработной плате и страховым взносам в пенсионный фонд, не улучшается ситуация по выпла-

те долгов по заработной плате в организациях-банкротах, не найдены формы сотрудничества сторон соцпартнерства в вопросах регулирования тарифов на ЖКХ, растет безработица и в то же время существует нехватка квалифицированных кадров.

Острым остается вопрос минимального размера оплаты труда. В I квартале 2010 г. он составлял 5629 руб., при этом прожиточный минимум составлял 8565 руб. Сегодня четверть работающих не имеет заработной платы на уровне, обеспечивающем их физиологическое выживание [4: с. 79].

Ожидать производительного труда от нищего духовно и физически человека не приходится, при этом сформировать работника для информационной экономики при уровне месячных доходов в 4–6 тыс. руб. – также невозможно.

Реализация новой социальной политики, ориентированной на самофинансирование через труд, предлагается без решения главного вопроса, без которого ее нельзя осуществить в принципе – значительного роста доходов населения и, прежде всего, за счет повышения уровня оплаты труда. Ныне это ключевой вопрос, по которому должно быть достигнуто согласие всех участников процесса социального партнерства. Иная политика бесперспективна.

Часть работодателей противится созданию и функционированию профсоюзных организаций на своих предприятиях. Поэтому остается еще довольно большое поле, не охваченное коллективно-договорным регулированием: частные и мелкие предприятия, вновь создаваемые акционерные общества и т. д. Именно на них отмечается наибольшее число нарушений трудового законодательства.

Подобное положение опасно не только для профсоюзной организации, но и для трудового коллектива в целом. Отсутствие коллективных переговоров и договоров позволяет работодателям заявлять о возможности социальной справедливости и защиты интересов работников в процессе выстраивания индивидуальных трудовых отношений, при которых не нужны ни профсоюзы, ни иные посредники.

Одним из основных составляющих сдерживания роста эффективности функционирования системы социального партнерства в крае, на наш взгляд, является рекомендательный характер краевого трехстороннего соглашения и отсутствие должного контроля за его выполнением всеми сторонами социального партнерства. Из данного утверждения следует, что для развития социального партнерства необходимо обеспечить безусловное выполнение обязательств краевого трехстороннего соглашения – краевых, городских, отраслевых и межотраслевых соглашений, коллективных договоров, а также усилить контроль за выполнением рекомендаций краевой трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений.

Ещё одним негативным фактором в существующей системе социального партнерства является недостаточный авторитет краевой трехсторонней комиссии. На наш взгляд, целесообразно передать ряд функций в сфере социально-трудовых отношений, осуществляемых государственными органами исполнительной власти, в ведение трехсторонних комиссий. Кроме того, необходимо обеспечить обязательное рассмотрение законопроектов и иных нормативно-правовых актов по вопросам социальных и связанных с ними экономических отношений, регулирования трудовых отношений в соответствующих трехсторонних органах социального партнерства, а также определить порядок учета мнения комиссий при их принятии органами законодательной и исполнительной власти.

Недостатком системы социального партнерства является также неэффективный механизм правового регулирования ответственности должностных лиц за нарушение законов в сфере труда. Необходимо более четко определить функции и формы представительства органов государственной власти в системе социального партнерства как субъекта социально-трудовых отношений и как арбитра при возникновении конфликта сторон, а также повысить правовой статус решений, принимаемых органами социального партнерства.

Кроме этого, необходимо отметить, что только в двух субъектах РФ профсоюзы имеют возможность законодательной инициативы. Несомненно, это сужает возможности конструктивного социального диалога и негативно отражается на формировании социально-экономической и общественной ситуации. Более результативным социальное партнерство было бы при условии повышения правового статуса органов системы социального партнерства и принимаемых соглашений.

Недопонимание необходимости и взаимовыгодности развития системы социального партнерства его участниками приводит к низким показателям профсоюзного членства, численности профорганизаций, охвата коллективно-договорной работой и, в итоге к большому числу нарушений трудового законодательства и отсутствию возможности коллективной социальной защиты работающих.

Социальное партнерство предполагает законопослушание, ответственность, мораль, т. е. – это определенный уровень духовности, интеллигентности отношений. Безусловно, партнерские отношения не работают сами по себе – здесь важна последовательная работа всех участников партнерских отношений во всех уже действующих формах по определению основных приоритетов для решения перечисленных социальных проблем, выработка в соответствии с этим своих обязательств и их реализации с учетом повышения ответственности

за выполнение принимаемых нормативных актов.

Для дальнейшего развития социального партнерства, повышение его роли в формировании и реализации социально-экономической политики необходима, на наш взгляд, реализация комплекса мер, который предполагает:

- организацию обучения участников социального партнерства принципам трипартизма, современным технологиям переговорного процесса, роли социальных партнеров в становлении гражданского общества.

- обеспечение регулярного освещения в средствах массовой информации проблем, практики, направлений развития системы социального партнерства, хода коллективных переговоров по заключению соглашений, регламентирующих социально-трудовые отношения;

- содействие становлению системы социального партнерства на предприятиях малого и среднего бизнеса, легитимацию субъектов переговорного процесса, представляющих интересы, как наемных работников, так и их работодателей, его законодательное обеспечение.

Таким образом, основными составляющими низкой эффективности системы социального партнерства являются: массовое несоблюдение органами государственной власти взятых на себя обязательств; невысокая степень организованности и ответственности со стороны работодателей; недостаточная настойчивость и умение самих профсоюзных организаций вести коллективные переговоры, добиваться реализации достигнутых договоренностей.

Однако необходимо отметить, что, несмотря на имеющиеся недостатки, профсоюзами накоплен значительный опыт взаимодействия с органами исполнительной и законодательной власти по подготовке нормативно-правовых актов, соглашений по социально-трудовым и экономическим вопросам, а также в деле реализации социальной политики. Этот опыт требует аналитического осмысления и эффективного использования для качественного перспективного сотрудничества в системе социального партнерства.

Практика последних лет убедительно доказывает, что дальнейшее развитие социального партнерства во многом зависит от положительных сдвигов в экономике и социальной сфере, от готовности профсоюзов, работодателей, органов исполнительной власти взаимодействовать в части выработки и реализации основных принципов социально-экономической политики и регулирования трудовых отношений.

Только на основе социального партнерства, взаимного учета интересов работников, работодателей, органов власти, достойной оценки честного труда возможны качественное развитие экономики и рост благосостояния населения края.

ЛИТЕРАТУРА

1. О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: федер. закон от 12.01.1996 г. № 10-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 48. – Ст. 4556.
2. Об общественных объединениях: федер. закон от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1995. – № 67. – Ст. 7656.
3. Трудовой кодекс РФ. – М.: Юрайт, 2002. – 351 с.
4. *Беляев, А.В.* Взаимодействие профсоюзов и органов законодательной власти в формировании и реализации социально-трудовых прав и гарантий трудящихся в процессе развития современного гражданского общества / А.В. Беляев // Роль профсоюзов в процессе развития гражданского общества. Региональный аспект: материалы межрегиональной науч.-практ. конф. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского государственного университета, 2006. – 344 с.
5. *Васильев, В.* Органы власти и профсоюзы, пути взаимодействия / В. Васильев // Государственная служба. – 2005. – № 2. – С. 67–71.
6. *Гордеева, О.Г.* Практика профсоюзов в социальном партнерстве / О.Г. Гордеева // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 5. – С. 45–54.
7. *Зарубина, Н.П.* Коллективный договор как правовая форма социального партнерства / Н. П. Зарубина // Общество и экономика. – 2007. – № 7. – С. 23–31.
8. *Зарубина, Н.П.* Реализация принципов трипартизма в трудовом кодексе российской Федерации / Н.П. Зарубина, Н.С. Мартыненко, Е.А. Пальгина // Общество и экономика. – 2006. – № 5. – С. 35–39.
9. *Киселев, В.Н.* Социальное партнерство в России: специфика и основные проблемы становления в период рыночных реформ / В.Н. Киселев, В.Г. Смольков. – М.: Луч, 1998. – 94 с.
10. *Комаровский, В.В.* Социальный диалог в России / В.В. Комаровский // Общественные науки и современность. – 2006. – № 1. – С. 21–32.
11. *Кононенко, Г.А.* Роль профсоюзов во взаимодействии государства и гражданского общества в современной России / Г.А. Кононенко // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 6. – С. 15–24.
12. *Лымарь, А.Ф.* Состояние социального партнерства в Хабаровском крае. Факторы, сдерживающие развитие системы социального партнерства / А.Ф. Лымарь // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 5. – С. 37–44.
13. *Майер, А.* Взаимодействие власти и бизнеса: экономическое и социальное партнерство / А. Майер // Человек и труд. – 2009. – № 5. – С. 17–21.
14. *Мельникова, С.А.* Содержание и особенности партнерства в социально-трудовой сфере / С.А. Мельникова // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 5. – С. 25–37.
15. *Михеев, В.А.* Основы социального партнерства / В.А. Михеев. – М.: Пронто, 2001. – 65 с.
16. *Нещадин, А.* Какая модель социального партнерства нужна россиянам? / А. Нещадин, Н. Горин, В. Роговая // Человек и труд. – 2007. – № 1. – С. 60–63.
17. *Ховрин, А.Ю.* Социальное партнерство: сущность и классификация // А. Ю. Ховрин // Человек и общество. – 2008. – № 6. – С. 125–140.
18. *Ховрин, А.Ю.* Функции социального партнерства и особенности их реализации в сфере государственной молодежной политики // А.Ю. Ховрин // Человек и общество. – 2007. – № 9. – С. 199–219.
19. *Цысина, Г.* Профсоюзы стран Запада сегодня / Г. Цысина // Общество и экономика. – 2009. – № 4–5. – С. 227–246.
20. *Цысина, Г.* Социально-трудовые отношения в странах с развитой рыночной экономикой / Г. Цысина // Общество и экономика. – 2008. – № 7. – С. 19–36.
21. *Якимец, В.Н.* Межсекторное социальное партнерство: основы, теория. Принципы, механизмы. – М.: ЮНИТИ, 2004. – 167 с.

ВУЗЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЙТИНГАХ

Е.Ю. Олейникова

Олейникова Евгения Юрьевна – аспирант, преподаватель кафедры «Менеджмент» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: ms.oleynikova@gmail.com

В статье рассмотрены наиболее известные мировые университетские рейтинги: Шанхайский, Тайваньский, QS, Times Higher Education, Вебометрикс. Выделены основные направления оценки деятельности вузов в рассматриваемых рейтингах – научно-исследовательская и образовательная деятельность, а также международная деятельность вуза и качество сайта учебного заведения. Большинство рейтингов ориентировано на англо-саксонскую модель образования, поскольку основное внимание уделяется научно-исследовательской деятельности учебных заведений. Проанализированы данные по количеству представленных в рейтингах университетов ряда азиатских стран по сравнению с российскими. Было выявлено, что глобальные рейтинги университетов сходны в оценках уровня образования по рассмотренным странам, рейтинг российского образования низок. Вузы Дальнего Востока представлены лишь в наиболее демократичном рейтинге – Вебометрикс, в статье рассмотрены позиции дальневосточных вузов в данном рейтинге. Дальневосточные федеральные университеты отстают по рейтингу сайтов от федеральных вузов центральной части страны. По профилю подготовки (в статье рассматриваются железнодорожные и педагогические вузы) дальневосточные учебные заведения занимают место не выше середины или в конце списка. Не все вузы знакомы с современными мировыми требованиями, выдвигаемыми международными рейтингами.

Ключевые слова: международные рейтинги университетов, индикаторы рейтингов, вузы Дальнего Востока, Вебометрикс, Тайваньский рейтинг, Шанхайский рейтинг, рейтинг QS World University, рейтинг Times Higher Education.

В последние годы наблюдается возрастающая популярность различных рейтингов образовательных учреждений на международном уровне. Вузам приходится ориентироваться на критерии систем ранжирования, поскольку они определяют направления развития университетов. Рейтинги состоят из независимыми авторитетными организациями, расположенными в разных точках земного шара. В основе рейтинговых оценок лежат качественные и количественные параметры, касающиеся основных направлений деятельности вузов.

До последнего времени большинство отечественных высших учебных заведений не уделяло должного внимания глобальным рейтингам, относясь к ним критично. На сегодняшний день ситуация меняется и задача вхождения вузов РФ в международные рейтинги рассматривается университетами как поддержание собственного престижа в образовательной сфере страны и мира, а правительством определяется как задача геополитических и социально-экономических отношений. Тем не менее пока российские вузы в большинстве международных рейтингов представлены лишь несколькими ведущими университетами, занимающими в них далеко не первые места. Динамика изменений в позициях российских вузов в международных рейтингах имеет и географические аспекты, что, например, ярко прослеживается при сравнении участия в рейтингах вузов центральных регионов России и вузов Дальнего Востока [5].

Наиболее известными международными университетскими рейтингами являются следующие:

✓ Академический рейтинг университетов мира (Academic Ranking of World Universities) или Шанхайский рейтинг (составитель – Шанхайский университет Цзяо Тун, Китай), публикуется с 2003 г. Данный рейтинг был создан для сравнения научно-исследовательской деятельности университетов.

✓ Мировой университетский рейтинг QS World University Ranking (составитель – агентство Quacquarelli Symonds), публикуется с 2008 г. Основная целевая аудитория рейтинга QS – люди, поступающие в вузы (независимо от уровня обучения). В данном рейтинге большое значение придается экспертной оценке.

✓ Международный рейтинг университетов Times Higher Education, публикуется с 2004 г. (до 2009 г. – совместно с компанией Quacquarelli Symonds, с 2010 г. – в сотрудничестве с Thomson Reuters). Этот рейтинг включает 13 показателей эффективности, которые охватывают широкий спектр деятельности вузов.

✓ Рейтинг научной деятельности вузов, или Тайваньский рейтинг (составляется Тайваньским Советом по оценкам и аккредитации в сфере высшего образования с 2007 г.). Данный рейтинг представляет собой сравнительную оценку научно-исследовательской деятельности вузов в части написания научных работ. Рейтинг основан на подсчете количества публикаций вуза и цитирований.

✓ Рейтинг Вебометрикс (готовится лабораторией Cybermetrics Lab национального Центра информации и документации (Centro de Informacion y Documentacion, CINDOC) при Высшем совете

Испании по научным исследованиям) публикуется с 2004 г. В основе рейтинга – информация, получаемая с веб-сайтов вузов. Главная задача Вебо-метрикс – поддержка инициатив открытого доступа, электронного доступа к научным публикациям и другим учебным материалам.

В качестве основания для ранжирования выбирается одно или несколько направлений деятельности учебного заведения. Основным критерием, присутствующим во всех рассматриваемых рейтингах, является научно-исследовательская деятельность университета. В табл. 1 приведены показатели оценки по этому направлению работы вузов.

Как видно из табл. 1, в трех рейтингах из пяти доля научно-исследовательского направления составляет более половины от общего веса индикаторов. Такое положение характерно для англосаксонской системы образования, где научным исследованиям отдается приоритет перед другими направлениями деятельности.

На втором месте среди выделяемых рейтингами направлений находятся качественные и количественные характеристики профессорско-преподавательского состава и образовательной среды (табл. 2). Не во всех международных рейтинговых системах университеты оцениваются непосредственно по уровню преподавания. Так, составители Тайваньского рейтинга принимают во внимание только научно-исследовательскую деятельность университета, Вебо-метрикс исследует сайты вузов. Тем не менее об-

щий вес индикаторов по направлению «Образовательная деятельность» в трех рейтингах, представленных в табл. 2, составил от 60 до 20 %.

Кроме двух основных направлений, – преподавательской и научно-исследовательской деятельности – составители рейтингов также обращают внимание на другие аспекты работы университета: международную деятельность учебного заведения, трудоустройство выпускников, качество сайта университета. Эти показатели рейтингов объединены в табл. 3.

Вышеперечисленные рейтинги основаны на разных показателях и используют различные подходы к сбору и анализу информации. Рассмотрим позиции российских вузов в данных рейтингах.

В табл. 4 перечислены наиболее известные мировые университетские рейтинги, отмечено количество российских университетов в них, также для сравнения приведена информация по рейтингам университетов ряда других стран. Выбор стран был продиктован, во-первых, географическим расположением – это страны Азии и/или Азиатско-Тихоокеанского региона (поскольку нас интересует вопрос развития вузов Дальнего Востока, уровень их привлекательности и конкурентоспособности в регионе). Во-вторых, учитывались исторические аспекты – для сравнения взяты как капиталистические страны, так и страны с социалистическим прошлым. В-третьих, английский язык не является государственным языком в 5 странах из 7 анализируемых.

Таблица 1

Индикаторы международных рейтингов и их вес по направлению «Научно-исследовательская деятельность»

Наименование рейтинга	Индикаторы рейтинга	Вес индикатора, %	Общий вес индикаторов, %
Шанхайский рейтинг (Academic Ranking of World Universities)	✓ Количество статей, опубликованных в журналах Nature и Science за последние пять лет	20	40
	✓ Общее число статей, вошедших в индексы научной цитируемости SCIE и SSCI в предыдущем году	20	
QS World University Ranking	✓ Академическая экспертная оценка	40	60
	✓ Индекс цитирования	20	
Международный рейтинг университетов Times Higher Education	✓ Объем исследований, доход от них и их значимость (в том числе: репутационное анкетирование по вопросам исследований, доход от исследований, количество работ преподавателей, общий доход от исследований)	30	62,5
	✓ Цитирование (влиятельность научных исследований)	30	
	✓ Доходы от инноваций	2,5	
Тайваньский рейтинг научной деятельности университетов	✓ Исследовательская производительность (в том числе количество статей за последние 11 лет и за последний год)	20	100
	✓ Значимость исследований (в том числе количество цитирований за последние 11 лет и за последние 2 года, среднее число цитирований за последние 11 лет)	30	
	✓ Качество исследований (в том числе: количество высокоцитируемых работ за последние 11 лет, количество статей в высокоцитируемых журналах, индекс Хирша за последние 2 года)	50	
Рейтинг Вебометрикс	✓ Количество размещенных на сайте научных публикаций преподавателей и сотрудников вуза и ссылок на публикации (используется поисковая система Google Scholar)	30	30

Таблица 2

Индикаторы международных рейтингов и их вес по направлению «Образовательная деятельность»

Наименование рейтинга	Индикаторы рейтинга	Вес индикатора, %	Общий вес индикаторов, %
Шанхайский рейтинг (Academic Ranking of World Universities)	✓ Количество преподавателей, ставших нобелевскими лауреатами, а также получивших медаль Филдса	20	60
	✓ Численность часто цитируемых исследователей, работающих в 21 предметной области наук о жизни, медицины, физики, инженерного дела и социальных наук	20	
	✓ Количество выпускников, ставших нобелевскими лауреатами	10	
	✓ Производительность (соотношение суммарного количества баллов по остальным показателям рейтинга, касающихся качества обучения, квалификации преподавательского состава, научных исследований и численности академического персонала, работающего на полный рабочий день)	10	
QS World University Ranking	✓ Соотношение численности преподавательского состава и студентов	20	20
Международный рейтинг университетов Times Higher Education	✓ Репутационное анкетирование по вопросам преподавания	15	30
	✓ Количество преподавателей с ученой степенью	6	
	✓ Количество поступивших на первый уровень обучения	4,5	
	✓ Доход на академического сотрудника	2,25	
	✓ Награды преподавателей/бакалавров	2,25	

Таблица 3

Индикаторы международных рейтингов и их вес по другим направлениям деятельности университетов

Наименование рейтинга	Индикаторы рейтинга	Вес индикатора, %	Общий вес индикаторов, %
QS World University Ranking	✓ Доля иностранных студентов	5	20
	✓ Доля иностранных преподавателей	5	
	✓ Трудоустройство выпускников	10	
Международный рейтинг университетов Times Higher Education	✓ Доля иностранных преподавателей	3	7,5
	✓ Доля иностранных студентов	2	
	✓ Доля международных исследований	2,5	
Рейтинг Вебметриск	✓ Видимость сайта	50	70
	✓ Размер сайта	10	
	✓ Число размещенных на сайте файлов для скачивания	10	

Таблица 4

Количество университетов ряда стран в международных рейтингах

Наименование рейтинга	Общее число университетов в рейтинге	Количество университетов в рейтингах 2011 г. по странам						
		Россия	Казахстан	Китай	Корея	Япония	Австралия	Индия
Шанхайский рейтинг (Academic Ranking of World Universities)	500	2	0	22	10	41	20	4
QS World University Ranking	Более 600	8	4	13	17	32	26	11
Международный рейтинг университетов Times Higher Education	400	2	0	10	7	16	21	1
Тайваньский рейтинг научной деятельности университетов	500	1	0	18	10	24	13	2
Рейтинг Вебметриск	Более 12 000	450	33	1062	331	702	76	380
Количество вузов в первой тысяче рейтинга Вебметриск	(1000)	3	0	12	8	33	28	3
Общее количество упоминаний университетов в рейтингах*		16	4	75	52	146	108	21

Как видно из табл. 4, российские вузы очень слабо представлены в данных рейтингах. Даже ведущие университеты нашей страны (МГУ, СПбГУ) занимают далеко не первые места, нередко они находятся даже не в первой сотне. Лидером из представленных в таблице стран по количеству упоминаний в вышеперечисленных рейтингах является Япония, второе место принадлежит Австралии, третье место занимает Китай, затем идут Корея, Индия, Россия и Казахстан.

Представители российских университетов считают, что уровень высшего образования в нашей стране оценивается мировым сообществом несправедливо низко [4]. В то же время они согласны с тем, что российские ученые мало публикуются на английском языке и вообще в международных изданиях, многие отечественные журналы отсутствуют в банке данных поисковых систем и поэтому недоступны мировому сообществу. Также наши вузы сильно отстают по показателям интернационализации образования.

Исследователи в сфере образования подчеркивают, что «...к достоинствам глобальных рейтингов можно отнести прозрачность используемых процедур, повторяемость методик и регулярность составления. Среди недостатков отмечают ограниченное количество критериев оценки, методов сбора данных и возможность их неоднозначной интерпретации» [5].

Рассмотрим, насколько сопоставимы результаты рейтингов для вышеприведенных стран (табл. 5).

Как видно из табл. 5, степень корреляции высокая. Это означает, что в целом, несмотря на разные подходы и показатели, рейтинги близки друг к другу по оценкам уровня развития образования, и эти оценки указывают на аутсайдерское положение российских вузов. Что касается вузов Дальнего Востока России, то они не учитываются при составлении большинства глобальных университетских рейтингов.

Безусловно, свою роль в сложившейся ситуации играет традиционное разделение институтов в советский период на образовательные и научные. Развитие науки шло преимущественно в стенах НИИ, а не в вузах, последние должны были заниматься подготовкой высококвалифицированных кадров. Как отмечалось выше, в большинстве международных рейтингов, ориентированных на англосаксонскую модель, особое внимание уделяется именно научным достижениям университетов (табл. 1). Направление «Образовательная деятельность» также оценивается в международных рейтингах через достижения преподавателей в науке. Так, Шанхайский рейтинг, в котором общий вес индикаторов по образовательной деятельности составил 60 %, акцентирует внимание на численности преподавателей и выпускников вуза, ставших нобелевскими лауреатами, численности цитируемых исследователей и т.д. (табл. 2).

Единственный рейтинг, в котором научно-исследовательская деятельность не является приоритетной – Вебометрикс. Этот рейтинг наиболее демократичный, так как базируется на сборе информации с университетских интернет-сайтов. Он включает в себя более 20 тыс. учебных заведений по всему миру (по данным 2012 г.)

В январе 2012 в рейтинге Вебометрикс насчитывалось 657 российских университетов, 27 (или чуть более 4 %) из них – дальневосточные (табл. 6).

Основная часть дальневосточных вузов находится в более населенных южных регионах Дальнего Востока, такое распределение находит свое отражение и в Вебометрикс: девять вузов представляют Приморский край (в том числе два из них являются подразделениями ДВФУ), семь – Хабаровский край, четыре – Амурскую область, по два – Сахалинскую область и Камчатский край, по одному – республику Саха и Еврейскую автономную область.

В первую пятерку дальневосточных вузов в рейтинге Вебометрикс вошли по два хабаровских и приморских вуза, а также один университет республики Саха. В пятерке лидеров первое место принадлежит Тихоокеанскому государственному университету (бывший политехнический институт), два из вузов – федеральные университеты и два вуза экономического профиля.

На сайтах лишь трех из двадцати семи вошедших в рейтинг дальневосточных университетов (Тихоокеанского государственного университета, Дальневосточного федерального и Северо-Восточного федерального университетов) встречается упоминание о Вебометрикс, как раз они и находятся в первых рядах среди дальневосточных вузов в Вебометрикс. Данные учебные заведения включились в рейтинговое соревнование: обращают внимание на международные рейтинги, знакомы с их критериями оценок и отслеживают свои позиции в них.

Рассмотрим каковы позиции дальневосточных вузов из 27 вошедших в рейтинг Вебометрикс по сравнению с вузами других регионов России, участвовавших в этом рейтинге, по статусу университетов, а именно – федеральные университеты, и по профилю подготовки.

Обратимся к табл. 7, в которой можно увидеть на каких позициях в рейтинге Вебометрикс находятся федеральные вузы Дальнего Востока среди ведущих университетов страны.

Два ведущих дальневосточных вуза не входят в первые 2000 вузов мирового рейтинга и располагаются ближе к концу списка среди федеральных вузов страны. Причем если ДВФУ занимает 40-е место в российском рейтинге Вебометрикс, то СВФУ находится во второй сотне данного рейтинга. Ведущим дальневосточным вузам есть к чему стремиться.

Таблица 5

Коэффициент корреляции университетских рейтингов

Наименование	Шанхайский рейтинг	Рейтинг QS	Рейтинг Times	Тайваньский рейтинг	Вебометрикс-1000*
Шанхайский рейтинг	1				
Рейтинг QS	0,887095	1			
Рейтинг Times	0,805446	0,893667	1		
Тайваньский рейтинг	0,970546	0,832668	0,801679	1	
Вебометрикс-1000*	0,913477	0,965089	0,944392	0,851975	1

* При анализе учитывалась строка 6 табл. 4 (количество вузов в первой тысяче рейтинга Вебометрикс) вместо строки 5 для лучшей сопоставимости данных.

Таблица 6

Вузы Дальнего Востока в рейтинге Вебометрикс (январь 2012 г.)

Наименование вуза	Место вуза в Вебометрикс среди дальневосточных вузов (январь 2012)	Место вуза в Вебометрикс среди российских вузов (январь 2012)	Место вуза в мировом рейтинге Вебометрикс (январь 2012)
1. Тихоокеанский государственный университет	1	22	1573
2. Дальневосточный федеральный университет	2	40	2011
3. Хабаровская государственная академия экономики и права	3	53	2331
4. Владивостокский государственный университет экономики и сервиса	4	89	3088
5. Северо-восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова	5	117	3417
6. Морской государственный университет им. Невельского	6	129	3657
7. Амурский государственный университет	7	145	4068
8. Камчатский государственный технический университет*	8	195	4068
9. Дальневосточный государственный медицинский университет	9	222	5192
10. Владивостокский государственный медицинский университет	10	232	5878
11. Дальневосточный государственный аграрный университет	11	244	6019
12. Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет	12	247	6262
13. Сахалинский государственный университет	13	257	6439
14. Дальневосточный государственный университет путей сообщения	14	285	7171
15. Благовещенский государственный педагогический университет	15	287	7264
16. Дальневосточный государственный гуманитарный университет	16	289	7313
17. Тихоокеанский государственный экономический университет	17	337	8573
18. Северо-восточный государственный университет	18	391	10331
19. Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет	19	397	10573
20. Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга	20	422	11287
21. Владивостокский филиал российской таможенной академии	21	440	11689
22. Биробиджанский филиал Амурского государственного университета	22	501	13638
23. Филиал ДВФУ в г. Большой Камень	23	504	13711
24. Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет	24	520	14134
25. Амурская государственная медицинская академия	25	582	16454
26. Южно-сахалинский институт экономики, права, информатики	26	590	16885
27. Находкинский инженерно-технический институт ДВГТУ	27	601	17437

Стоит отметить, что на сайтах большинства ведущих вузов страны (федеральных и национальных исследовательских университетов), расположенных в первых рядах Вебометрикса по России, также можно найти упоминание о данном рейтинге (см. табл. 7). Внимание ведущих университетов к глобальным рейтингам связано, в том числе с озвученной в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 задачей вхождения к 2020 г. не менее 5 российских университетов в первую сотню ведущих мировых университетов [1].

Далее рассмотрим несколько высоко поднимаются в рейтинге дальневосточные вузы из 27 вошедших в рейтинг Вебометрикс по сравнению с вузами своего профиля других регионов страны.

Так, Дальневосточный государственный университет путей сообщения занимает, согласно рейтинга Вебометрикс, седьмое место из 12 российских вузов, готовящих работников для железнодорожной отрасли (табл. 8).

Среди пятидесяти педагогических вузов страны два дальневосточных учебных заведения (Благовещенский государственный педагогический университет и Дальневосточный государственный гуманитарный университет) располагаются в середине списка, занимая 27-е и 28-е места соответственно. Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет (г. Комсомольск-на-Амуре) – ближе к хвосту рейтинга, на 45 месте среди российских педагогических университетов (табл. 9).

Таблица 7

Федеральные вузы в рейтинге Вебометрикс (январь 2012 г.)

Наименование вуза	Место вуза в Вебометрикс среди российских вузов	Место вуза в Вебо-метрикс	Количество упоминаний о рейтинге Webometrics на сайте университета
1. Московский государственный университет им. Ломоносова	1	147	0
2. Санкт-Петербургский государственный университет	3	538	88
3. Южный федеральный университет	7	750	145
4. Казанский федеральный университет	8	798	1
5. Уральский федеральный университет	16	1285, 1287*	1
6. Сибирский федеральный университет	18	1317	32
7. Северо-Кавказский федеральный университет	23	1725	0
8. Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ)	40	2011	4
9. Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (СВФУ)	117	3417	2
10. Балтийский федеральный университет им. И.Канта	144	4057	4
11. Северный (Арктический) федеральный университет	154	4255	1

Таблица 8

Железнодорожные вузы в рейтинге Вебометрикс (январь 2012 г.)

Наименование вуза	Место вуза в Вебо-метрикс среди российских вузов	Место вуза в Вебо-метрикс
1. Российская открытая академия транспорта	71	2771
2. Уральский государственный университет путей сообщения	122	3541
3. Московский государственный университет путей сообщения	151	4214
4. Ростовский государственный университет путей сообщения	162	4512
5. Сибирский государственный университет путей сообщения	203	5391
6. Петербургский государственный университет путей сообщения	221	5873
7. Дальневосточный государственный университет путей сообщения	285	7171
8. Омский государственный университет путей сообщения	315	7950
9. Ростовский государственный университет путей сообщения, филиал в г. Крпотькине	316	7966
10. Самарский государственный университет путей сообщения	377	9964
11. Иркутский государственный университет путей сообщения	486	12960
12. Челябинский институт путей сообщения Уральского государственного университета путей сообщения	495	13424

Педагогические вузы в рейтинге Вебометрикс (январь 2012 г.)

Наименование вуза	Место вуза в Вебо- метрикс среди рос- сийских вузов	Место вуза в Вебо- метрикс
1. Красноярский государственный педагогический университет	30	1867
2. Московский городской педагогический институт	80	2946
3. Томский государственный педагогический университет	83	2990
4. Волгоградский государственный педагогический университет	56	3040
5. Челябинский государственный педагогический университет	96	3232
...		
25. Чувашский государственный педагогический университет	272	6882
26. Самарский государственный педагогический университет	282	7066
27. Благовещенский государственный педагогический университет	287	7264
28. Дальневосточный государственный гуманитарный университет	289	7313
29. Мурманский государственный педагогический университет	303	7597
30. Елабужский государственный педагогический университет	313	7902
...		
45. Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет	520	14134
46. Липецкий государственный педагогический университет	532	14373
47. Арзамасский государственный педагогический университет им. А. Гайдара	534	14424
48. Институт специальной педагогики и психологии	539	14641
49. Коломенский государственный педагогический институт	586	16691
50. Тульский государственный педагогический университет	629	19203
51. Волжская государственная инженерно-педагогическая академия	645	19972

Не вошли в рейтинг Вебометрикс учебные заведения Дальнего Востока, занимающиеся подготовкой студентов в сфере культуры и искусства (Дальневосточная государственная академия искусств (Приморский край), Арктический государственный институт искусств и культуры (республика Саха), Хабаровский государственный институт искусств и культуры (Хабаровский край), физической культуры (Дальневосточная государственная академия физической культуры (Хабаровский край), Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта (республика Саха), сельского хозяйства (Якутская государственная сельскохозяйственная академия (республика Саха), Приморская государственная сельскохозяйственная академия (Приморский край)). Также значительное количество филиалов вузов отсутствует в рейтинге – часть из них не имеет отдельных сайтов, другая часть – не была проранжирована. Филиалы вузов, которые вошли в рейтинг, занимают места ближе в конце таблицы, не имея достаточно ресурсов для поддержки и развития своих сайтов.

Следует отметить, что в рейтинге Вебометрикс находят отражение далеко не все изменения, происходящие с университетами. Например, в 2011 г. ряд университетов приморского края (Дальневосточный государственный университет (ДВГУ), Дальневосточный государственный технический университет (ДВГТУ), Тихоокеанский государст-

венный экономический университет (ТГЭУ) и Уссурийский государственный педагогический институт (УГПИ) были объединены в Дальневосточный федеральный университет (ДФУ). По состоянию на июль 2011 г. эти вузы были включены в рейтинг по отдельности (кроме УГПИ, он отсутствовал как в рейтинге, так и в каталоге, где были перечислены обследованные, но не вошедшие в рейтинг вузы). К моменту составления следующего рейтинга (январь 2012 г.) эти вузы юридически завершили процесс объединения. Но интернет-ресурсы ДВФУ не стало меньше – ДВГУ находился в рейтинге на 3897-м месте, несмотря на то что на сайте происходила автоматическая переадресация на сайт ДВФУ (2011-е место в рейтинге). Также в Вебометрикс появились сайты филиалов ДВФУ в г. Большой Камень и г. Находка. Сайт Тихоокеанского государственного экономического университета до сих пор работает, хотя и не обновляется (<http://www.psue.ru/>, по состоянию на июнь 2012 г.).

Лаборатория Cybermetrics, составляющая рейтинг Вебометрикс, дает рекомендации вузам для упорочения своих позиций в данном рейтинге, но не все учебные заведения знают о них и используют для продвижения своих сайтов. Так, сайты некоторых университетов проранжированы по 2 раза, поскольку учитывалось старое и новое название учебного заведения (например, Дальневосточный государственный университет и Дальневосточный федеральный уни-

верситет). Есть вузы, прекратившие свое существование в связи с реорганизацией, многие университеты имеют по несколько доменных имен (только по этой причине снижается показатель видимости сайта, используемый в методике расчета).

Подводя итог нашим рассуждениям, отметим ряд аспектов, детерминирующих и характеризующих положение дальневосточных вузов России в международных рейтингах.

Во-первых, уровень российского высшего образования с точки зрения мирового академического сообщества, отражаемой в международных рейтингах, в настоящее время весьма невысок. Большинство рейтингов ориентировано на англосаксонскую модель образования, предъявляя высокие требования к научно-исследовательской деятельности университета. В России исторически сложилось разделение на научно-исследовательские и образовательные институты, отчасти поэтому российские учебные заведения проигрывают в конкурентной борьбе за мировое первенство.

Во-вторых, судя по рейтингам, вузы Дальнего Востока России существенно отстают от университетов стран-соседей по региону. Пока лишь единичные университеты ДФО вовлекаются в процесс рейтингового соревнования на мировом уровне.

В-третьих, слабо представлены дальневосточные вузы в международных рейтингах по сравнению с вузами других регионов России. Невысокие позиции дальневосточных вузов среди вузов России по профилю подготовки, это места не выше середины, либо в «хвосте» списка.

В-четвертых, неоднозначное восприятие международных рейтингов, бытовавшее долгое время в научно-педагогическом сообществе России, сменилось на осознание значимости участия отечественных вузов в них (объективность оценки уровня развития национальных систем высшего образования международными рейтингами и высокий уровень корреляции рейтингов был продемонстрирован в статье). Несмотря на это не все российские вузы знакомы с рейтингами, уделяют должное внимание вопросу участия в них, акцентируют внимание на

критериях оценки своей деятельности по международной рейтинговой системе. Так, дальневосточные вузы теряют свои позиции в одном из самых демократичных международных рейтингов Вебометрикс из-за отсутствия должного внимания к работе своих сайтов и их продвижению.

ЛИТЕРАТУРА

1. О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 // Российская газета, федер. выпуск № 5775, 09.05.2012.
2. *Артюшина, И.А.* Глобальные рейтинги на повестке дня / И.А. Артюшина, В.А. Шутилин // Вопросы образования. – 2008. – № 2. – С. 240–259.
3. Динамика развития российских вузов по оценке международного рейтинга университетов Webometrics (2007–2009) / М.Д. Бершадская [и др.] // Инновации в образовании. – № 1/2010. – С. 65–89.
4. *Гладильщикова, Н.* Правда и ложь российских рейтингов / Н. Гладильщикова // Русский журнал. URL: <http://www.ucheba.ru/vuz/5932/article/9545.html> (дата обращения: 05.08.2012).
5. *Карпенко, О.М.* Международный рейтинг университетов Webometrics: основные идеи, индикаторы, результаты / О.М. Карпенко, М.Д. Бершадская. – URL: <http://testolog.narod.ru/Other19.html> (дата обращения: 30.08.2012)
6. *Муравьева, М.* Мировой рейтинг вузов: российская версия / М. Муравьева // Наука и технологии РФ. URL: http://www.stf.ru/organization.aspx?CatalogId=221&d_no=14080 (дата обращения: 12.08.2012).
7. Справочник аккредитованных вузов. URL: <http://abitur.nica.ru/> (дата обращения: 09.01.2012).
8. Academic Ranking of World Universities. URL: <http://www.shanghai ranking.com/index.html> (дата обращения: 10.01.2012).
9. Performance Ranking of Scientific Papers for World Universities. URL: <http://ranking.heeact.edu.tw/en-us/2011/homepage/> (дата обращения: 12.01.2012).
10. QS World University Rankings URL: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2011> (дата обращения: 10.01.2012).
11. Ranking Web of World Universities. URL: http://www.webometrics.info/about_rank.html (дата обращения: 11.01.2012).
12. The World University Ranking. URL: <http://www.timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/2011-2012/top-400.html> (дата обращения: 12.01.2012).

СУБЪЕКТИВНЫЕ ИНДИКАТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ ЗДОРОВЬЯ В СТРУКТУРЕ САМООХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

В.В. Власова-Сайкова

Власова-Сайкова Валентина Викторовна – аспирант Дальневосточной академии государственной службы (г. Хабаровск).

Контактный адрес: Saikovvv@yandex.ru.

В статье исследуются субъективные индикаторы социально-экологических ценностей здоровья, анализируется структура самоохранительного поведения молодежи на примере Хабаровского края. Рассматриваются условия жизнедеятельности молодежи на фоне социально-экологических факторов и парадоксальных явлений, которые показаны с разных сторон и мотиваций молодежи к ценностным индикаторам здоровья, определены подходы к моделям здорового образа жизни.

Ключевые слова: субъективные индикаторы, социально-экологические ценности, ценности здоровья молодежи, социально-экологическая ситуация в регионе, социально-экологические условия жизнедеятельности молодежи, парадоксальность ситуации с ценностями здоровья, здоровый образ жизни.

Региональный уровень исследования ценностей здоровья молодежи имеет свою специфику, которая детерминирована как природными факторами данной территории, так и социально-культурными особенностями его жизнедеятельности. На большей части территории Хабаровского края, особенно в ее северных широтах, преобладают низкие температуры атмосферного воздуха, высокая его влажность, действуют сильные ветры, имеются значительные перепады атмосферного давления. Продолжительный «зимний» период и относительно короткое лето, особенности состава (по содержанию кислорода) атмосферного воздуха и питьевой воды (по концентрации фтора, железа и ряда других компонентов), наличие множества кровососущих членистоногих (комаров, клещей и др.), распространенность в почве и ландшафтах возбудителей опасных болезней, в том числе инфекционных, и многие другие факторы понижают естественную ценность территорий для благополучного проживания на ней современной молодежи.

С общими природно-климатическими условиями жизнедеятельности молодежи коррелируют и социально-экологические факторы, которые обуславливают разнообразные процессы функционирования людей (хозяйственные, техногенные, трудо-

вые, бытовые и др.), результаты воздействия на среду обитания и качество жизни населения, его здоровье. К ним следует отнести: вредные выбросы промышленности и транспорта в атмосферный воздух; загрязнение вредными стоками поверхностных и подземных вод, бытовые и производственные свалки; ядовитые дымы и запыленность на территориях проживания населения; состояние питьевой воды и продуктов питания; экологические параметры бытовой техники и мебели; качество и безопасность лекарственных средств, а также многие другие предметы и объекты среды жизнедеятельности людей. Результаты социологических исследований свидетельствуют, что решению социально-экологических проблем молодые дальневосточники придают первостепенное значение при определении привлекательности территории для проживания и оценке качества своей жизни [2: с. 22–23].

Отношение молодежи к здоровью как ценности показывает, что респонденты знают об основных экологических опасностях [1]. На вопрос о разновидностях проявления в городе неблагоприятных экологических ситуаций были получены следующие ответы (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Что вы понимаете под неблагоприятными для здоровья социально-экологическими ситуациями? (процент от числа опрошенных)»

Варианты ответа	2008 г.	2010 г.	2012 г.
1. Высокая загрязненность воздуха	31,2	32,4	31,8
2. Низкое качество питьевой воды	51,1	49,7	50,5
3. Повышенная радиация	5,6	5,4	6,8
4. Выпадение кислотных осадков	3,7	3,0	2,6
5. Наличие природных очагов паразитарных и инфекционных заболеваний	7,7	8,4	6,9
6. Другое	0,7	1,1	1,4

Содержание и структура ответов близка к реальному состоянию влияния этих социально-экологических ситуаций на территории г. Хабаровска. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что опрошенные отметили наиболее известные к настоящему времени неблагоприятные экологические факторы, влияющие на их здоровье. Именно они чаще всего становятся предметом обсуждения в средствах массовой информации и рассматриваются в системе экологического образования. При этом совершенно неадекватно отношение респондентов к другим неблагоприятным социально-экологическим факторам, влияющим на ухудшение социальной среды: снижение качества продуктов питания, рост темпов распространения опасных заболеваний (сердечно-сосудистых, новообразований и др.), повышение уровня шумов и т.п. Данный факт свидетельствует, что в наборе компетентностей у молодежи по вопросам социально-экологических ценностей здоровья значительное место принадлежит стереотипам мышления.

Анализ полученных результатов позволяет предложить меры по повышению эффективности функционирования ценностных ориентаций молодежи, усиления их социальной направленности на здоровье. Обратимся к следующим фактам, полученным из анализа результатов социологического исследования.

В современных процессах развития ценностей здоровья молодежи обнаруживаются некоторые парадоксальные ситуации, когда реальное положение дел в значительной мере не совпадает с общественным мнением или социально-психологическими ожиданиями по поводу их фактического состояния. Парадоксальное сознание и поведение молодежи в отношении социально-экологических ценностей здоровья обусловлены:

- неоднородностью состава молодежи по ее качественному потенциалу;
- неравномерностью и противоречивостью формирования ценностей здоровья, проявлением относительной самостоятельности в оценках этих ценностей и детерминирующих их условий;
- несовпадением оценок, имеющих место в функционировании общих тенденций и состояний ценности здоровья молодежи, с их отдельными направлениями, заниженные или завышенные ожидания в оценках динамики таких ценностей.

Указанные выше факторы рассматриваются в ряде социологических исследований [7].

Учет парадоксальности сознания и поведения молодежи позволяет иначе подходить к дискуссионным вопросам, специфически оценивать бесспорные проблемы и ситуации, включая ценности здоровья. Одним из ее проявлений следует отметить значительное несовпадение между наличием богатых природных условий региона, которые соз-

дают возможности для обращения их на реализацию ценности здоровья местного населения, и высоким уровнем неблагоприятного состояния территории для качественной жизнедеятельности людей, в том числе и социально-экологических условий.

Парадоксальная ситуация вызывает в молодежной среде различные дискуссии по поводу реальности норм экологического права, содержания экологического образования, социальной направленности практики природопользования и эффективности мер по охране окружающей среды. Так, в период обострения неблагоприятной ситуации (2007–2008 г.) с экологией в бассейне р. Амур молодежь усилила внимание к этой проблеме, участвовала в разнообразных её исследованиях. Рабочей группой Молодежной общественной палаты по вопросам ведения социально-экономического развития при Законодательной думе Хабаровского края 26 мая 2009 г. рассмотрен вопрос «О социально-экологических проблемах бассейна реки Амур и путях их законодательного решения». В принятом решении предусмотрено привлечение молодежи к исследованию социально-экологического состояния региона, обратиться к молодежным парламентариям других дальневосточных субъектов РФ об участии в решении экологических проблем.

Другим аспектом парадоксальной ситуации с социально-экологическими ценностями здоровья молодежи является несоответствие, с одной стороны, между представлениями о ее пристрастиях к алкоголизму, табакокурению, потреблению наркотиков и, с другой стороны, теми процессами, которые протекают в молодежной среде. Так, по результатам социологических исследований курящими считают себя 74 % опрошенных молодых людей, а убежденных, что курение вредит здоровью 80 %, т.е. молодые люди осознанно вредят своему здоровью.

Выявление устойчивых тенденций изменения социально-экологических ценностей молодежи, ее адаптации к новым условиям жизнедеятельности и положительной рефлексии на них, создают предпосылки для целенаправленного формирования здорового образа жизни.

Одним из основных направлений закрепления молодежи в регионе является улучшение качества жизни местного населения. Среди ведущих мер – совершенствование социально-экологических условий среды жизнедеятельности людей. Реализация этих задач предполагает организацию мониторинга социально-экологических отношений, включая и ценностей здоровья молодежи.

Многолетние социологические исследования дальневосточной молодежи, ее ценностных ориентаций позволяют сделать вывод о том, что ценность здоровья преобладает у молодых людей с устойчиво высоким статусом [3; 4; 5; 6].

Подавляющая часть (свыше 70 %) молодых респондентов отмечают приоритетное значение для них ценностей здоровья [7: с. 23–25].

Для определения показателей социально-экологической ситуации и ее качественных значений автором были проведены социологические исследования, связанные с экологией здоровья человека в условиях повседневного быта, работы и жизнедеятельности. Они показали, что только третья часть опрошенных (34,3 %) заявляют о своем «хорошем» здоровье, каждый второй (56,0 %) опрошенный оценивает свое здоровье как «удовлетворительное», 7,3 % – считает его плохим.

При этом факторами, наиболее влияющими на ценностные характеристики здоровья отмечены: условия жизни, вредные привычки и природная среда. В сложившейся ситуации 41,2 % респондентов заявляют, что «здоровье – это, конечно, важно, но не всегда удается заботиться о нем» (табл. 3).

Заботясь о своем быте и здоровье большинство опрошенных (95,2 %) понимают, что нужно хорошо питаться и это решит все проблемы, а более 60 % предпочитают своевременно обращаться к врачам, не нервничать, не заниматься умственной перегрузкой, вести здоровый образ жизни, не курить и не злоупотреблять алкоголем.

Результаты региональных исследований совпадают с данными ВЦИОМ. Так, только третья часть опрошенной молодежи отмечает, что старается употреблять здоровую пищу (34 %), лишь 8 % – соблюдают диету и статистически незначимое число (4 %) следуют рекомендациям врача. Больше половины молодежи не придерживаются правил питания, 28 % – признаются, что у них нет возможности думать о качестве пищи, 33 % редко, или когда придется занимаются спортом. Каждый второй (50 %) молодой респондент вообще не тратит время на физкультуру. При этом подавляющее большинство (85 %) считают спорт и физкультуру важнейшей необходимостью жизни [8].

Показатели социальных проблем, как мы видим, в своей основе понятны людям, но их выполнение лежит в противоположной плоскости. Это подтверждается тем, что всего 3,4 % респондентов заявили, что они «делают все», чтобы на них было минимальное влияние факторов социально-экологических проблем, «делаю, но не все» – 67,5 %, «делаю очень ма-

ло» – 27,4 %, «ничего не делают» – 0,9 %. Понятно, почему 40,0 % респондентов задумываются о своем здоровье только лишь после его ухудшения.

Однако проблема состоит еще и в том, что 27,3 % респондентов считают, что заниматься своим здоровьем незачем, пока оно хорошее, у 21,4 % нет на это времени, а 4,1 % не знают, как это делать, и в то же время 7,0 % не имеют соответствующих условий.

На здоровье молодежи влияют условия жизни в семье. Так, 12,0 % респондентов отметили, что жилищные условия ухудшают здоровье, 19,0 % – посчитали, что ухудшают материальные условия, а 8,0 % считают причиной ухудшения отношения в семье. Большинство (77,0 %) опрошенных имеют дома аптечки, 69,5 % – медицинскую литературу. Более половины (58,4 %) заявили, что в их семьях принято заботиться о здоровье.

Две трети респондентов (65,7 %) считают, что современный человек должен постоянно заботиться о своем физическом развитии и лишь 4,2 % – отрицают. Так, 61 % ответили, что занятия физкультурой несколько раз в неделю достаточно. Однако практически 1/3 опрошенных не может заниматься физкультурой и спортом по состоянию здоровья. Основными пояснением каждого второго респондента является нежелание заниматься спортом и физкультурой из-за лени, недостатка силы воли. Кроме того, пятая часть респондентов ссылается на отсутствие достаточных материальных условий, один из десяти – компании, другие на усталость после работы (40,6 %) и стесняются (11,2 %).

Однако главными негативными показателями экологической ситуации является низкое качество питьевой воды (50,4 %) и высокая загрязненность воздуха (31,8 %), наличие природных очагов паразитарных и инфекционных заболеваний – 7,8 %, повышенная радиация – 5,9 %, выпадение кислотных осадков – 3,1 %, другое – 1,1 %.

Таким образом, анализ социально-экологических ценностных ориентаций молодежи выявил изменение состава факторов, негативно влияющих на ее здоровье. Наряду с курением, наркоманией, алкоголизмом, спецификой сексуального поведения, круг вопросов расширился, в том числе за счет полного включения в них социально-экологических индикаторов ценностей здоровья в структуре самоохранительного поведения молодежи.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «О важности здоровья» (процент от числа опрошенных)

Варианты ответа	Процент от числа опрошенных		
	2008 г.	2010 г.	2012 г.
1. Здоровье – это самое главное в жизни, и все важные решения должны приниматься, прежде всего, с учетом того, чтобы не повредить здоровью	22,8	22,1	15,8
2. Здоровье – это, конечно, важно, но не всегда удается заботиться о нем	38,6	40,3	44,7
3. Здоровье важно для меня, наряду с работой, отдыхом, учебой, развлечениями	29,5	28,7	25,4
4. Даже если это вредит здоровью, предпочитаю жизнь с риском, острыми ощущениями, переменами	2,6	1,9	2,3
5. Я хочу жить так, как мне нравится, ни в чем себя не ограничивать	6,5	4,8	5,9

ЛИТЕРАТУРА

1. *Власова-Сайкова, В.В.* Опрос молодежи г. Хабаровска в 2008 г., 2010 г., 2012 г. в возрасте 17–29 лет / В.В. Власова-Сайкова. – Хабаровск: ДВАГС, 2012.
2. Молодежный потенциал региона: опыт социологического анализа. – Хабаровск: ДВАГС, 2001.
3. Молодежный потенциал региона: опыт социологического анализа // Молодежь Востока России: история и современность: материалы второй межрегиональной науч.-практ. конф. 7 октября 2005 г.; под ред. Н.М. Байкова, Ю.В. Березуцкого. – Хабаровск, ДВАГС, 2005.
4. Молодежь Востока России: история и современность: материалы третьей Всероссийской науч.-практ. конф. Ч. I / под ред. д-ра соц. наук, проф. Н.М. Байкова – Хабаровск: ДВАГС, 2007
5. Молодежь Востока России: история и современность: материалы третьей Всероссийской науч.-практ. конф. Часть II. Студенческие научные работы / под ред. д-ра соц. наук, проф. Н.М. Байкова – Хабаровск: ДВАГС, 2007
6. Молодежь Востока России: история и современность: материалы IV Всероссийской науч.-практ. конф. 24 ноября 2009 г. / под общ. ред. Н.М. Байкова, Ю.В. Березуцкого. – Хабаровск: ДВАГС, 2009.
7. *Шуляева, А.В.* Особенности возрастной дифференциации молодежи в системе социально-структурных отношений общества (на примере Хабаровского края): автореф. дис. ... на соискание уч. степени канд. соц. наук / А.В. Шуляева. – Хабаровск: ТОГУ, 2008.
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://healr-beaty.ru/tajjny-ayurvedy-lechenie-ostioartrroza>.

СИМВОЛЫ РУССКОЙ (ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ) ИДЕНТИЧНОСТИ В ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ В КИТАЕ

А.М. Ковальчук

Ковальчук Антон Михайлович – аспирант Хабаровского государственного института искусств и культуры (кафедра «Теория и история культуры») (г. Хабаровск).

Контактный адрес: mnbr88@mail.ru

В статье рассматриваются символы русской культурной идентичности на материалах печатной рекламы русской эмиграции «первой волны». Автор детально анализирует базовые компоненты русской национальной идентичности: этнический, географический, конфессиональный, политический, лингвистический и экономический. Центральным признаком идентификации русской диаспоры в Китае был русский язык. В статье рассматривается использование русских литературных образов и символов в эмигрантской рекламе. Анализируется использование старой и новой русской орфографии в русской печатной рекламе в Китае. Объясняется, почему в эмигрантской рекламе использовалась только старая (дореволюционная) орфография. Утверждается, что подлинным животным-символом, отражающим специфику русской эмиграции в Китае был тигр. Его изображение наиболее часто встречается в эмигрантской печатной рекламе. Особое внимание уделено символу Святой Руси, отраженному в образе Храма Божьего. Таким храмом был Свято-Никольский собор, построенный в Харбине в начале XX в. Этот храм изображался в русской эмигрантской рекламе. Статья написана на основании анализа рекламы, опубликованной в 1920–30-х гг. XX в. русскими в Китае в газетах «Заря» и «Рупор». Это наиболее популярный вид изданий среди соотечественников-эмигрантов. Напечатаны отдельные образцы рекламы.

Ключевые слова: идентичность, культурный архетип, печатная реклама, эмиграция, символ, образ.

Под идентичностью в культурологии понимается: «...психологическое представление человека о своем Я, характеризующееся субъективным чувством своей индивидуальной самоидентичности и целостности; отождествление человека самого себя (частично осознаваемое, частично не осознаваемое) с теми или иными типологическими категориями (социальным статусом, полом, возрастом и т. д.)» [6: с. 725]. В зависимости от того с чем (кем) человек себя самоотжествляет существует социальная, культурная, этническая, групповая идентичность [6: с. 725–726]. Этническая идентичность не мыслима без самоотжествления человека с какой либо национальной культурой (без культуры нации не существует). Поэтому национальная и культурная идентичности могут быть объединены единым понятием как национальная (этнокультурная) идентичность (в нашем исследовании русская идентичность)¹.

В коллективной работе, посвященной русской национальной идентичности, авторы выделяют следующие базовые компоненты (уровни), формирующие в своей совокупности образ русской национальной идентичности [1: с. 35–36] (табл. 1).

Не все бесспорно в позиции авторов, некоторые положения требуют, на наш взгляд, уточнений и дополнений. В частности, трудно согласиться с шестым тезисом, так как в условиях России большую роль играло не только община как фундаментальная основа хозяйственной жизни, но и государство как системообразующая структура, без которого экономика России не мыслима. В том же Китае русская общность была до тех пор прочна, пока существовало КВЖД. В то же время русский язык является, прежде всего, инструментом межкультурных, межэтнических коммуникаций и не только в пределах России, но и везде, где есть и были выходцы из нашего государства. И это несмотря на то что рядом функционируют другие языки межнационального общения (к примеру, китайский или японский в Маньчжурии).

Тем не менее Т.В. Беспаловой, В.Ю. Верещагину, Г.А. Филатову удалось выявить интегральные критерии, по которым мы можем характеризовать русскую нацию, и на основе этого исследовать как они проявляются в творчестве русского народа, включая рекламную деятельность. При этом необходимо сделать поправки на диалектику общего и особенного.

К рассматриваемой нами проблеме можно подойти и с другой позиции, а именно исследовать его через призму русского культурного архетипа. При этом важно подчеркнуть, что и то и другое – национальная идентичность и этнокультурный архетип – находятся в психологической плоскости. Не случайно поэтому, рассматривая проблему русского культурного архетипа, Н.П. Моница выделяет, примерно, те же факторы, влияющие на его формирование, что и вышеназванный коллектив авторов, делая лишь малозначительные, на наш взгляд, уточнения и дополнения [5].

¹ Существует два основных подхода к пониманию нации: 1) отождествление нации с этносом (русские, немцы, французы и т. д.); 2) нация – сограждане, кто являются гражданами одной страны (швейцарцы, американцы и т. д.). Западные авторы склонны больше принимать вторую точку зрения (употребляется термин «nation-state») [12]. В современной России в ходу два термина «русские» (этнос), и «россияне» (сограждане) и оба имеют права на существование. Реалиям начала XX в. в эмиграции, по нашему мнению, более всего отвечает первый подход к определению нации, так как значительная часть русского общества имела традиционные ценности и именно их стремилась сохранить.

Базовые компоненты (уровни) русской национальной идентичности [1: с. 35–36]

Базовый компонент (уровень)	Характеристика базового компонента
Этнический (расовый)	Толерантность, отсутствие жесткой корреляции между политическими и этническими феноменами вследствие происхождения русских в результате синтеза славянской, тюркской и угорской этносов (рас)
Географический	Осознание себя как континентального, евразийского народа, ответственного за интеграцию «большого пространства»
Конфессиональный	Византийское православие, веротерпимость, союз традиционных и мировых религий (христианство, буддизм, мусульманство)
Государственный (политический)	Идеократия, имперостроительство
Лингвистический	Русский язык как универсальное средство общегосударственной коммуникации и укрепления политического единства
Хозяйственный (экономический)	Общинность, многоукладность, экономический плюрализм, второстепенность хозяйственной жизни по сравнению с иными внеэкономическими факторами (духовным, культурным, религиозным, политическим и т. д.)

В то же время Н.П. Моница упускает такие важные факторы, как языковой и политический в выработке культурного архетипа. В целом, рассматривая образно-содержательный строй русской рекламы за рубежом с позиции культурного архетипа, мы будем придерживаться той схемы исследования, которая была предложена при рассмотрении русской идентичности Т.В. Беспаловой, В.Ю. Верещагиным, Г.А. Филатовым.

Важным фактором формирования русского культурного архетипа было пространство его обитания. Русский историк В.О. Ключевский выделял три основных природно-географических компонента, оказавших влияние на русский характер: наличие дремучих лесов, вольных степей и раздольных равнин, и пересекающие их глубокие и полноводные реки. Лес – это материал для хозяйственных нужд; здесь и охота, и добыча зверя, порой весьма опасного и коварного (медведь, волк, вепрь), а также место для уединения от мирских забот монаха-отшельника. Степь ассоциируется в русском этносе как воля, т. е. ничем и никем не ограниченная свобода. При этом степь является воплощением бездомности и безвольности русского человека. Для Европейской России свойственен равнинный ландшафт, который, по мнению исследователей, воспитывает неопределенность и уныние. Но, безусловно, главное, что влияло на характер русского человека, это то, что большинство регионов его исконного обитания находились в зоне рискованного земледелия. Отсюда его упорство и стойкость, упование на «авось», т. е. его величество случай. Бескрайность русского пространства объединяла реки как пути сообщения, как символ порядка. «Волга – матушка», «Амур – батюшка» – эти словосочетания определяли отношения человека не только к конкретным рекам, но и к миропорядку.

Воспоминания о русской природе и просторах России оставались в памяти русских эмигрантов,

держалось в сознании их потомков, даже если они и не были на своей исторической Родине (см. стихотворение Г. Гранина). Но важно и другое. Маньчжурия, где осело большинство русских эмигрантов в Китае в 1920–30-х гг., по своим природно-климатическим условиям была близка к соседним с ней районам Сибири и Приморья и даже Урала. Именно из этих районов России была основная масса эмигрантов в Китае. Это и маловодные степи Барги (Трехречье), равнинные поля и темные леса Маньчжурии, реки Амур и Сунгари. Отроги Хингана напоминали милый русскому сердцу Урал. Сунгарийский пляж – излюбленное место отдыха русских харбинцев, а его берега – место для рыбалки заядлых рыбаков-любителей. Русские земледельцы освоили маловодные просторы Барги. Маньчжурский лес был не только местом времяпровождения для русских любителей охоты, но и сферой хозяйственной деятельности охотников-промысловиков. Снежные зимы Маньчжурии несколько не пугали русских, а лишь подчеркивали сходство с природой оставленной ими Родины.

Все эти обстоятельства не могли не сказаться на художественных образах русской печатной рекламы в Китае. Дед Мороз в валенках. Снеговик, вылепленный ребятишками (правда, у него во рту папироса). Русская «тройка». Все это персонажи и образы русской рекламы. Снег, романтически падающий на плечи девушки, – все это то же русская реклама.

Символом России за рубежом является медведь. Он «визитная карточка» крупнейшей политической партии «Единая Россия». Изображение медведя в русской печатной рекламе Китая не редкость. Так, в рекламе водки П. Хлуднева (бывшего владивостокского предпринимателя) медведь держит в руках бутылку «горячительного». Водка и медведь – это то, что нужно ностальгирующему по России эмигранту, и то с чем ассоциировали рус-

ских иностранцы. Этому способствовало также и продвижение на рынок Харбина чулочной продукции фирмы «Медведь». Изображение медведя было на рекламе молочной фермы «Медведь», магазины которой имелись в Харбине в 1920-х гг. XX в.

Ни женские чулки, ни молочная продукция не ассоциировались у покупателей с медведем, но четко обозначить русских владельцев фирм они вполне могли. Во второй половине 1930-х к изображению бурого медведя присоединился белый медведь. Невольно возникает мысль, что его появление в рекламном изображении – дань успехам России – СССР в освоении Арктики. Из других животных, встречающихся в изобразительном плане русской рекламы в Китае, отражающих природные (пушные) богатства также и России, можно выделить лису, белку, норку, куницы (соболь, куница). Как правило, они изображались на рекламе меховых изделий или пушно-меховых фирм.

Однако подлинным животным-символом русских в Маньчжурии был тигр, который в 1920-х гг. XX в. стал одним из торговых знаков табачных изделий Торгового Дома «И.Я. Чурин и Ко». Это животное обитает не только в лесах Северо-Восточного Китая, но и на сопредельных территориях русского Дальнего Востока. В качестве символа самобытности Дальнего Востока тигр был запечатлен на гербе Иркутска в XVIII в., а затем по указу Екатерины II от 26 октября 1790 г. перешел на герб Охотска как города-порта, относящегося к Иркутскому наместничеству [3: с. 23–24]. Со второй половины XIX в. появляется изображение тигра на гербе Приморской области. Таким образом, тигр как символ самобытности русского Дальнего Востока был хорошо знаком и одновременно близок многим русским в Маньчжурии, так как значительная часть из них были выходцы из Сибири и Приморья [3: с. 48].

Язык один из центральных признаков идентификации той или иной этнической группы. В условиях господства иной природной среды, иных экономических и социальных отношений, отличных от Родины, язык диаспоры выступает на первый план, объединяя всех тех, кто на них говорит. Русские на Северо-Востоке Китая смогли, в отличие от других регионов мира, сохранить в рассматриваемый нами период русский язык во всех основных сферах коммуникации, т.е. в межличностном, деловом и даже в межнациональном общении. Разумеется, русский язык употреблялся и в самой русской печатной рекламе. Однако и здесь были свои нюансы.

Во-первых, в русской печати рекламировались не только отечественные товары, произведенные либо в Советском Союзе, либо на предприятиях эмигрантов, но, главным образом, иностранные. В этих случаях в рекламе могли употребляться иностранные названия товаров. Не редки были случаи, когда иностранная техника рекламировалась на языке товаропроизводителя. Обычно это были американские товары.

Во-вторых, русское зарубежье стремилось всеми силами не только сохранить, но и развивать русский язык как живой и постоянно совершенствующийся. В печатной рекламе встречаются цитаты из литературных произведений («и дым отечества нам сладок и приятен»), русские пословицы («бедность – не порок»). В рекламе французского шампанского «Аи» есть тонкий намек на литературные произведения XIX – начало XX в., в которой оно предстает как «дар волшебный», спутник веселых и вольных пирушек, любовных походов и романтических ассоциаций. Наверняка каждый выпускник русской гимназии, а они успешно функционировали в Харбине 1920-х – первой половине 30-х гг. XX в., знал эти строки из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина:

К Аи я больше не способен
Аи любовнице подобен.
Блестящий, ветренный, живой
И своенравный и пустой...
Но ты, Бордо, подобен другу,
Который в горе и в беде,
Товарищ завсегда, везде.

К началу XX в. «Аи» стало символизировать утонченную, богемную атмосферу. Полагаем, что харбинской и шанхайской русской эмигрантской литературной богеме были знакомы стихи А.А. Блок «В ресторане»:

Я сидел у окна в переполненном зале
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, Аи.

Прямой иллюстрацией отрывка романа А.С. Пушкина в стихах является реклама шампанского «Аи». В ней, кроме центральных персонажей – двух влюбленных – присутствует Амур, сближающий сердца молодых (рис. 1).

Рис. 1. Реклама французского шампанского «Аи»

В излюбленную поэтами и рекламщиками тему вплетаются и космические «мотивы». В 1923 г. в Советской России был опубликован роман А. Толстого «Аэлита», ставший классикой отечественной фантастической литературы. Автора этого романа очень хорошо знали в русском зарубежье, так как граф А. Толстой только что сам вернулся из эмиграции. Его роман повествует о том, как рабочие впервые советские годы сумели построить космический корабль и отправить экспедицию на Марс. Харбинская реклама откликнулась на это литературное «событие», и тоже отправила экспедицию на Марс, откуда пришла первая телеграмма: прислать шампанское «Аи». Налицо в первом прочтении рекламного текста юмор как прием, привлекающий покупателя, а за ним на втором плане насмешка над «красным графом» (так называли А. Толстого), пославшего рабочих делать революцию на Марс, но не поколебавший стойких привычек харбинцев к шампанскому.

В русской эмигрантской печатной рекламе за рубежом применяется дореволюционная орфография. Суть вопроса в том, что еще в 1904 г. Академия наук России создала специальную комиссию, которая в 1912 г. опубликовала проект реформы русской орфографии. После длительного обсуждения в мае 1917 г. был подготовлен окончательный вариант изменений в правилах орфографии [12: с. 432]. Если бы большевики не пришли к власти в октябре 1917 г., то не им, а Временному правительству пришлось принимать решение. Но судьба распорядилась иначе. Важный, но, в общем-то, нейтральный, в смысле политики, вопрос был крайне политизирован. Так как реформа затрагивала всех, говорящих и пишущих по-русски, она расколола их на две части – противников (антисоветские силы) и сторонников новой орфографии (просоветские силы). Естественно, в эмигрантской печати употреблялась, как уже было сказано, дореволюционная орфография, в том числе и реклама. Однако из этого правила были исключения. Они касались рекламы советских товаров в 1920-е гг. И здесь возникали различные коллизии. Так, если это были просоветские издания, или издания, подготовленные совместно (советской стороной и эмигрантами), то использовались клише, заготовленные советской стороной. Если издание было антисоветским, то оно умудрялось публиковать рекламу, вероятно, хорошо оплаченную, в которой сам советский товарный знак («резинотрест») был напечатан по новой орфографии, а все остальное на основе дореволюционной (рис. 2). В 1930-х гг. XX в. советская реклама исчезает со страниц эмигрантских печатных изданий.

Сам русский язык, и это отчетливо видно в рекламе, выступал в роли языка межэтнического общения всех выходцев из Российской империи. В русской рекламе можно увидеть объявления и

рекламу представителей еврейской диаспоры в Маньчжурии, немногочисленной (по сравнению с русской), но мощной экономически. Из представителей народов Кавказа наибольший вес имели грузинская и армянская диаспоры. Однако ни те, ни другие, ни третьи не публиковали в русской эмигрантской печати рекламу на своем языке (как это делали американцы) или вкрапывали в отдельные иностранные слова в свою рекламу (как это делали французы, реже чехи, немцы и голландцы).

Большую роль в жизни русской диаспоры в Китае, как и в любом другом месте зарубежья, играла русская православная церковь. Само название церкви «православная» (по-английски «orthodox church» – правильная церковь) предполагает, что другие «неправильные» или не совсем «правильные», и говорит об особом отношении русских к религии и к церкви. Ни один народ Европы, исповедующий Христианство, не назвал свою страну святой. По мнению Ю.Ю. Булычева: «... инвариантность в нашем культурном самосознании символа Святой Руси при его многогранности, смысловой запредельности и формальной неотчетливости свидетельствует, что он служит интегральным основанием всей традиционно-русской культурно-исторической мифологии» [2: с. 142]. Автор считает, что вспоминая терминологию аналитической психологии К. Юнга, идея «Святая Русь» «...довольно пространный архетип "самости" национального духа, предполагающий определенную направленность исторического генезиса ряда конкретных символов, сюжетов, образов, мифологем, и тем самым предопределяющий саму возможность своеобразного русского самосознания, самоопределения» [2: с. 142].

Рис. 2. Образец советской рекламы в эмигрантской печати 1920-х гг.

В сознании харбинцев понятие «Святая Русь» отождествлялось с храмом, «золотым звоном» церковных колоколов». Ниже приводится стихотворение харбинского поэта Георгия Гранина (Юрий Сапрыкин) (1913–1934). Поразительно стихи, отразившее мировосприятие 19-летнего молодого человека России, в которой, когда он писал стихотворение, никогда не был, так как родился в Маньчжурии, и куда он больше никогда не попадет, так как добровольно уйдет из жизни:

А вдруг и вправду была Россия,
Россия, пламя, вихрь, огонь!
Обожженных **степей** парусина,
Табунов длинноногих разгон?

А вдруг и тлел в сумасшедшем утре
Прогреваемый пласт реки?
Полыня горьковатые кудри?
Ошарашенных ветл парики?

А – вдруг и было **золото звонов**,
Когда колыхалась **рожь**,
Тайга Сибири, Байкал бездонный

И вправду был чудно хорош?

А если были и впрямь **озера**,
Реки, что краше в свете нет,
Моря, **березы**, опушки бора,
Заплетенные в лунный свет?

Но если и вправду была Россия
В пшенице, во ржи и овсе,
Ведь тогда ж мы семья, мы – родные – **Родные**
– ты слышишь ли – все!
[7; 8: с. 391].

Это стихотворение – крик души, в полном смысле этого слова. Их пейзажность – очевидна. Как и то, что в этом мире – Россия как космос, над которой раздается «золото звонов».

Символ Святой Руси – Храм Божий. Отношение к этому символу, который имел большую убедительность для русского зарубежья, было соответственно святым. Даже реклама придерживалась относительно изображения русского храма или церкви крайне осторожно, а значит, его не часто можно было увидеть на страницах печати. Тем не менее эти изображения весьма характерны. Прежде всего, следует отметить, что если идея Святой Руси возвышена, то изображение православного храма – сакрально. Однако изображали, как правило, не абстрактный храм Божий, а конкретные узнаваемые православные храмы. Так, в рекламе автомобилей встречается только изображение Свято-Николаевского собора (рис. 3). И это не случайно.

Рис. 3. Реклама автомобиля на фоне Свято-Николаевского собора в Харбине

Свято-Николаевский собор – первый православный храм, построенный на КВЖД в 1899 г. по проекту петербургского архитектора И.А. Подлевского в честь Николая Чудотворца (Мерликийского). Храм с 1908 г. является соборным (главным в г. Харбине), а с 1922 г. – кафедральным, так как стал центром Харбинской епископии Зарубежной Русской православной церкви. Современный китайский автор Чанг Хуай Шенг пишет: «После того как царско-русские колонизаторы вторглись в Харбин, они первым делом построили церкви. В 1899 г. на кульминационном пункте города, в центре Наньгана, они построили православный Свято-Николаевский собор. С этого момента в Харбине начали подражать образу «Восточной Москвы», и церкви на долгий срок стали символом восточной Москвы» [4: с. 97–99]. Таким образом, китайский автор признает храм символом русского духовного проникновения, именно русского, а не западного, так как Харбин это не «восточный» Петербург, а восточная Москва. О том, настолько этот образ – Свято-Никольский собор прочно укоренился в сознании бывших харбинцев, свидетельствует тот факт, что в каждом номере выпускаемого ими в Челябинске с 2003 г. журнала «Русская Атлантида» помещается его фотография. Более того, выходцы из Харбина, проживающие в католической Польше образовали «Клуб харбинцев», на гербе которого красуется китайский дракон и силуэт православного Свято-Никольского собора [9: с. 59].

Рассматривая роль Святителя Николая Чудотворца в геокультурном пространстве Востока и Запада за многовековую историю поклонения ему христиан, А.А. Рыбаков пишет: «Неизменным оставалось основное содержание его образа, лейтмотив в котором составляют безграничная любовь к людям, открытость и доступность для каждого человека..., необъяснимая с позиций рациональной критики эффективность молитвенного обращения к нему» [11: с. 30].

Кроме изображения Свято-Никольского собора, в эмигрантской печати Китая встречаются изображения и других символов русского православия (храм Спаса на Крови, Колокольня Ивана Великого и др.). Так, в пасхальном номере газеты «Заря» за 1926 г. в заголовке одновременно напечатаны изображения Свято-Никольского собора и храма Спаса на Крови в Санкт-Петербурге (тогда уже Ленинград) (рис. 4). Правая и левая сторона иллюстрации симметричны. И справа, и слева доминантными являются контуры православных храмов. Ось симметрии проходит между буквами А и Р названия газеты. В центре нижней части изображения, строго по оси симметрии, – свеча, как бы соединяющая ту и другую её сторону. Пасхальные угощения – куличи, пироги и блюда с едой – располагаются симметрично по ту и другую сторону от свечи. Правда, с левой стороны добавлен еще один кулич, несколько нарушающий эту пропорцию, и вовсе не случайно, так как композиционная уравновешенность изображения в целом нарушается смысловым контрастом.

С левой стороны изображен, как уже было отмечено ранее, православный храм, к которому в пасхальную ночь устремились люди на молебен. Множество народа перед храмом создают атмосферу праздничного ликования.

С правой – вдаль виден храм, по силуэту напоминающий храм Христа Спасителя, построенный на месте убийства Александра II. 1 марта 1926 г. эмиграция отметила 45-ю годовщину трагической смерти царя-освободителя. Вдоль канала, на берегу которого стоит храм, предположительно со стороны Невского

проспекта, идут к нему люди. Они не забыли в мрачной «совдепии» ни скорбную дату, ни светлый православный праздник Пасху. Однако дискретность человеческих фигур создает впечатления не праздничности, а мрачности. И кажется «люди православные» не идут, а бредут к храму один за другим.

Однако в картине изображены не только реалии прошлого времени, но и суть настоящего. Дата выпуска газеты – 7 мая 1926 г., само ее название – возвращали эмигрантов к сегодняшнему их дню в самой Маньчжурии и к судьбам их соотечественников в Советской России. Одна небольшая деталь – небо над храмом с левой стороны расцвечено фейерверками и отсветами петард, что тогда было свойственно китайским праздникам, а вовсе не русским. Все это можно трактовать как празднование светлой Пасхи в Харбине, так же как и на родине-матушке России в прошлом. Характерна другая деталь – по каналу в Санкт-Петербурге плывут льдины. С Пасхой приходит весна, а с весной – надежды.

В целом заголовок газеты получился ярким и впечатляющим. Ниже заголовка и пасхального поздравления напечатана реклама, которая, надо отметить, не контрастирует со столь впечатляющим названием, а усиливает праздничность этого номера газеты «Заря».

В заключение необходимо отметить, что указанные выше напоминания о покинутой Родине в русской зарубежной рекламе можно было часто встретить в газетах Харбина в первое десятилетие после окончания Гражданской войны. Это позволяло русским сохранять свою национальную идентичность, соприкасаясь не только с образцами высокой культуры (искусство, литература и т.д.), но и в повседневности, листовые газеты и журналы, глядя на рекламу товаров и услуг. С начала 1930-х гг. XX в. таких напоминаний о Родине становится все меньше и меньше. В конце того же десятилетия они почти полностью исчезают с газетных полос. Печатная реклама все более и более теряет национальный колорит.

Рис. 4. Заголовок пасхального номера газеты «Заря» за 1926 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беспалова, Т.В.* Русская национальная идентичность: монография / Т.В. Беспалова, В.Ю. Верещагин, Г.А. Филатов. – Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2005.
2. *Булычев, Ю.Ю.* Россия как предмет культурно-исторического познания. Введение в проблему российской культурно-исторической самобытности / Ю.Ю. Булычев. – СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2005.
3. *Кандауров, И.И.* Символика Хабаровского края: учеб.-метод. пособие / И.И. Кандауров, О.Ю. Стрелкова. – Хабаровск: Частная коллекция, 1997.
4. *Крадин, Н.П.* Харбин – русская Атлантида / Н.П. Крадин. – Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2001.
5. *Монина, Н.П.* Русский культурный архетип: факторы формирования и философские доминанты / Н.П. Монина. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2001.
6. *Николаев, В.Г.* Идентичность / В.Г. Николаев // Культурология: энциклопедия. В 2 т. Т. 1. – М., 2007.
7. Парус. (Харбин). – 1932. – № 3–4.
8. Рубеж (Харбин). – 2010. – № 10.
9. Русская Атлантида (Челябинск). – 2009. – № 33.
10. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Советская энциклопедия, 1979.
11. *Рыбаков, А.А.* Святитель Николай чудотворец в геокультурном пространстве Востока и Запада / А.А. Рыбаков // Почитание Святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве: материалы и исследования. – М.: Сканрус, 2007.
12. Nationalism. By Saad Z. Nagi. Encyclopedia of Sociology. Edited by Edgar F. Borgatta, Rhonda J. V. Montgomery. Second Edition. Vol. 3. – New York, 2000 – P. 1939–1950.

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ КИТАЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СМИ КНР

Т.Н. Лобанова

Лобанова Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации социально-гуманитарного факультета Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: lobanovaty@mail.ru

Статья посвящена когнитивно-семантическому анализу языкового образа женщины, репрезентированного в китайских газетно-журнальных текстах. На материале китайских текстов воссоздается образ идеальной женщины в современном Китае и проводится параллель с ценностными характеристиками образа женщины, представленными в текстах прессы КНР периода 1949–1966 гг., а также классических текстах китайской культуры. Статья анализирует использование в современном политическом дискурсе языковых средств манипулирования, а также способы конструирования образа в печатных СМИ КНР.

Ключевые слова: имидж, языковой образ, политический дискурс, языковые средства, перевод, оценка, стереотип.

В конце XX в. гендерные исследования в языкознании приобрели самостоятельный статус, что привело к становлению гендерной лингвистики. На сегодняшний день в рамках гендерной лингвистики изучают множество явлений, связанных с объективизацией категории гендера в языке и репрезентацией в языке гендерных стереотипов. Выделение гендерного фактора в качестве специального предмета обсуждения русской научной традиции менее свойственно, нежели западной. Интерес отечественных ученых к гендерной проблематике часто связывают с наступившей открытостью российского общества в постсоветский период или с влиянием идей феминизма. Значительный вклад в изучение гендера внесли В.Г. Гак, В.З. Демьянков, В.В. Красных, Е.И. Горошко, Н.А. Коноплева, Е.И. Трофимова, И.С. Кон, Е.С. Кубрякова и др. Среди изданий последних лет, опубликованных по результатам исследований гендера, выделяют пособие О.А. Ворониной «Теория и методология гендерных исследований» [2], а также издание И.А. Жеребкиной «Введение в гендерные исследования» [6]. Основная тенденция отечественной гендерологии сегодня – ее бурное развитие.

Одной из активно разрабатываемых современной отечественной лингвоантропологией проблем является моделирование или конструирование образа человека по языковым данным. Образ является средством обобщения действительности, т. е. средством компрессии информации. Определяя образ человека в языковой картине мира и признавая многоаспектность образа человека как объекта языковой концептуализации, исследователи обращаются к особенностям отображения в языке разных сторон, проявлений, ипостасей, характеристик человека (примером могут служить работы омских лингвоантропологов М.П. Одинцовой, В.П. Завальникова, О.В. Коротун, Е.В. Коськиной, Ю.Ю. Литвиненко, Л.Б. Никитиной, Н.В. Орловой, Н.А. Седовой, Н.Д. Федяевой и др., посвященные язы-

ковым репрезентациям целостного и частичного человека, человека в его внешних и внутренних проявлениях) [8]. Несмотря на большое количество исследований и огромное число определений, вопрос о языковом образе человека остается дискуссионным. Разный материал исследования приводит лингвистов порой к противоречащим друг другу выводам, огромный массив языковых единиц не позволяет предпринять комплексное исследование и рассмотреть языковой образ человека во всем многообразии.

Актуальность нашего исследования – семантическое конструирование образа китайской женщины как фрагмента китайской языковой картины мира – вызвана, во-первых, необходимостью системного описания языкового образа человека в целом, во-вторых, отсутствием в современной отечественной лингвистике специальных исследований языковых репрезентаций образа женщины с учетом широкого экстралингвистического контекста. Настоящее исследование посвящено проблеме освещения китайской прессой женской сущности, природы и формирования стереотипа женщины. Наше внимание сосредоточено на языковом образе женщины и типичных для газетных текстов способах и средствах ее характеристики и описания. В свою очередь, изучение и анализ лингвомедийных способов создания образов, метафорических моделей позволит лучше понять специфику китайской национальной картины мира, что является значимым для развития российско-китайского межкультурного взаимодействия и диалога.

Актуальным также является изучение особенностей переосмысления, преобразования и перевода лексических единиц, в том числе метафорических единиц с учетом культурного фона, так как при переводе на русский язык не всегда удастся подобрать точный эквивалент метафоре в связи с различиями в понятийных картинах мира русских и китайцев.

Важно отметить, что особенностью политического дискурса КНР является целевое, последовательное формирование положительного образа своего региона или страны путем сопоставления с другими регионами и странами, подчеркивая свои преимущества. Кроме того, значительную роль в создании образов в прессе играют стратегии негативной и позитивной проксимизации, суть которых состоит в представлении иных политических субъектов или инициированных ими действий и событий как угрожающих автору оценки либо, напротив, благоприятных для него. Ежедневные и еженедельные издания призваны пропагандировать идеи КПК, объяснять важность центральных положений политического курса. Специфику исследования определяет и своеобразное динамично изменяющееся отношение к женщине, поскольку в Китае сегодня один из самых внушительных в мире дисбаланс в численности мужского и женского населения.

Новизна настоящей работы заключается в расширении арсенала приемов исследования и привлечении малоизученного, непереуказанного газетного материала; в исследовании функционирования языковых средств в современном китайском медиадискурсе, в углубленном внимании к процессам развертывания концептуальной метафоры в политическом газетном тексте.

В качестве объекта исследования выступает образ китайской женщины в средствах массовой информации КНР. Исследовался материал двух хронологических срезов: 1) 1949–1966 гг.; 2) современная китайская пресса за период 2008–2012 гг. Тексты, материалы для анализа отобраны из китайских печатных СМИ и их электронных аналогов: «人民网»、《人民日报》、《时尚 Cosmopolitan》、《中国妇女》杂志、《世界时装之苑—ELLE》、《精品》、《新时代画报》、《光民日报》、《环球时报》、《中国青年报》、《文汇报》、《新闻晨报》 и др. Малоизученный и непереуказанный газетно-журнальный языковой материал обладает огромным потенциалом для лингвистической гендерологии.

Предметом исследования являются языковые средства репрезентации образа женщины в средствах массовой информации КНР.

Целью статьи является анализ языковых средств, репрезентирующих популяризируемый образ китайской женщины в газетном политическом дискурсе КНР в разных хронологических срезах. Кроме того, была поставлена задача выделить повторяющиеся дискурсивные стратегии и конкретные языковые средства, используемые для конструирования образа и формирования стереотипа китайской женщины и отметить динамику репрезентаций в изменяющейся политической обста-

новке китайской политической элитой изучаемого образа на страницах журналов и газет КНР.

Как известно, политическим дискурсом создается имидж, в том числе «конструируется» внешний вид объекта, согласно предпочтениям, ценностным установкам, эстетическим и этическим стереотипам политической элиты страны.

Сравнительный анализ традиционного, посттрадиционного и современного образа женщины в Китае дает возможность реально оценить кардинальность перемен.

Традиционный общественный строй в Китае был патриархальным, где мужчины играли главную роль, а права женщин были сильно ущемлены. Это касалось всех сфер жизни: социальной, политической и экономической. Мужчин олицетворяла независимость и сила, а женщин (физическая) слабость и подчинение. В семье и обществе женщины занимали низшее положение, они не могли проявлять чувство достоинства, самостоятельно принимать решение, не имели права голоса. Женщина выступала как собственность мужчины, главное предназначение которой считалось способность рожать детей. Традиционно (имеется ввиду во времена императорского режима) китайскую женщину характеризовали следующим образом: красива и послушна, слаба и добра, добродетельна. «Образец правильного поведения – семья. Семья – основание китайского общества. Приоритет большой семьи и клана над личностью запечатлен в китайских именах, где фамильный иероглиф предшествует имени... Отец умудрен жизнью и должен быть справедлив. Мать – источает милосердие и верность. ... Наихудшее наказание для китайцев – не иметь потомства, то есть быть лишенным родительского почитания» [5: с. 129]. Качества и традиционные ценности китайской философии и культуры влияют на формирование идеального образа женщины или матери в современном Китае. Например, в статьях современных китайских психологов при описании идеальной матери акценты делаются на аксиологические доминанты типичные для китайской культуры [9].

Язык, отражая общественные патриархальные традиции, предлагает словосочетания, которые используются только при описании традиционного образа женщины: 三从四德 sān cóng sì dé – перевод: *тройкая покорность и четыре достоинства* женщины. Под тройкой покорностью имеется в виду, что женщина в течении жизни должна слушаться и подчиняться трем мужчинам: пока еще не замужем должна слушаться отца, выйдя замуж – мужа, если же муж умрет – сына. Четыре достоинства женщины – это добродетель, скромность в речах, женственность, трудолюбие; 贤妻良母 xiánqī liángmǔ – перевод: *верная супруга и добродетельная мать*.

На популяризируемый образ женщины в текстах прессы 1949-66-х гг. в массовой коммуникации существенное влияние оказывают экстралингвистические факторы, в частности, социальный заказ. Рассматриваемый период характеризуется стремлением государства к устранению гендерной асимметрии за счет вовлечения женщин в трудовую деятельность. Общественная практика решения женского вопроса в эти годы опиралась на теоретические положения марксизма: участие в общественном производстве является решающим условием, определяющим социальный статус женщин.

К 1960-м годам решение женского вопроса в КНР в значительной степени продвинулось. После провозглашения в 1949 г. Китайской Народной Республики одним из первых был принят закон о браке 1950 г., который заложил демократические основы института брака и семьи в КНР – свободное вступление в брак и его расторжение, равенство мужчины и женщины в браке, единобрачие. Были запрещены насильственное заключение браков, браки между малолетними и практика платы за невесту (до образования КНР 95 % браков заключались без учета волеизъявления жениха и невесты и сопровождалась обязательным выкупом невесты). Женщины получили равные права при разделе земли. В 1953 г. женщин также наделили правом выбора.

В этот период в СМИ усиливается общее отражение трудового энтузиазма китайского народа. На первый план выступают не мужчины или женщины, а героизм трудовых свершений. Статьи и портретные фотографии освещают престиж определенной профессии. Сексуальность и телесность женских образов практически никак не акцентируются. Крайне редко встречаются снимки и статьи, посвященные личным отношениями. На первый же план выдвигаются широкие возможности для самореализации женщин в профессиональной сфере в любых областях, что и находит отражение в заголовках статей, например: «北京市妇女生产教养院» běijīng shì fù nǚ shēngchǎn jiàoyǎngyuàn – Перевод: «Пекинская школа обучения женщин работе на производстве»; «电车女司机在培养中» diàn chē nǚ sī jī zài péiyǎng zhōng – Перевод: «Женщины, водители трамвая на обучении»; «林幼华—长江上第一个女驾驶员» lín yòu huá – chángjiāng shàng dì yī gè nǚ jiàshǐyuán – Перевод: «Линь Юхуа – первая женщина-водитель в районе реки Янцзы»; «第一个农民出身的女研究员—张秋香» dī yī gè nóng mǐn chū shēn de nǚ yánjiūyuán – zhāng qiū xiāng – Перевод: «Чжан Цюсян – первая женщина-исследователь родом из деревни».

Выборка прессы за 2008–2012 гг. показала, что в последние годы в СМИ КНР женщина вовлечена, наравне с мужчинами, в активные миграционные процессы, вынуждена руководствоваться курсом «одна семья – один ребенок» и активно вестернизуется. Повышение статуса женщины в Китае сегодня

определяется следствием «политики одного ребенка», дисбалансом в численности мужского и женского населения», традиционным предпочтением мальчиков девочкам, а также широкой доступностью аборт в Китае. «...Увеличивающееся число холостяков превращается в потенциальный источник общественной напряженности» [4: с. 97].

Рассмотрим исследуемый образ и общественные тенденции на примере газетно-журнальных заголовков. Заголовок – это компрессированный текст, он обладает большей когнитивной, суггестивной и прагматической нагрузкой, чем другие компоненты газетно-журнального текста. Заголовок – это также составляющая часть дискурса газеты или журнала, который является конкретным проявлением общего дискурса СМИ.

«结婚是一种什么投资?» jiéhūn shì yì zhǒng shénme tóuzī – Перевод: «Замужество – вид инвестиций?»; «性感是一种最酷的力量» xìnggǎn shì yì zhǒng zuì kùde lìliàng (《时尚Cosmopolitan》 August 2008) – Перевод: «Сексуальность – страшная сила»; «国际美女新规格东西合璧» guójì měinǚ xīn guīgé dōngxī hébì (《星岛日报》, 2008-11-09) – Перевод: «Новые международные стандарты красоты – сочетание Востока и Запада»; «小心减肥 减肥 越减越肥» xiǎoxīn jiǎnfēi, jiǎnfēi, yuè jiǎn yuè féi (《环球时报》, 2012-03-02) – Перевод: «Осторожно! Похудение! Чем больше худеешь, тем больше жиреешь»; «做健康漂亮的平衡美人» zuò jiànkāng piàoliàng de pínghéng měirén (《人民日报》, 2012-03-02) – Перевод: «Наши внутренние органы и красота тела»; «女性更年期与激素补充» nǚxìng gēngnián qī yǔ jī sù bǔchōng (《人民日报》, 2012-03-06) – Перевод: «Женщины преклонного возраста и гормонотерапия».

Заголовок к статье, посвященной исследованиям психологов, которые утверждают, что частая помощь со стороны супруги или супруга может привести к зависимости и неспособности решать проблемы самостоятельно – «研究陈贤内助也会帮倒忙» yánjiū chén, xiánnèizhù yě huì bāng dàománg (《环球时报》, 2011-02-22) . Перевод: «Психологи заявляют, что помогая своей второй половинке, вы можете оказать медвежью услугу». В данном заголовке употреблено редко встречаемое выражение 贤内助 xiánnèizhù добродетельная жена, которое в современном китайском языке включает значение хороший муж. Здесь оно употребляется в значении вторая половина, которая всегда старается помочь. Еще данный заголовок интересен употреблением 习惯用词 xíguàn yòngcí привычного выражения 帮倒忙 bāng dàománg, которому соответствует русский фразеологизм оказать медвежью услугу.

Особенности и трудности перевода заголовков китайских печатных СМИ – тема отдельного исследования. Это и текстовый аспект, так как заголовок традиционно рассматривается как свернутый текст,

и прагматический аспект коммуникативного акта между автором заголовка и переводчиком, а затем между переводчиком и адресатом переведенного им заголовка. Вместе с тем в текстах заголовков и их переводах просматриваются некоторые общие черты формируемого образа женщины.

Рассматривая тексты в содержательно-композиционном аспекте, можно отметить, что большое количество материалов посвящено медицине, красоте, косметологии, которые могут быть размещены в середине или конце газетных изданий, что сильно отличает китайские газеты от российских. Объясняется это тем, что издревле в китайском обществе существовали культы красоты и долголетия. Китайцы практически всегда проводили и ведут исследования в области косметологии и считают, что по-настоящему красивым человек может быть только полностью здоровый человек и китайская медицина направлена на поддержание гармонии энергии в теле и равновесия между нашими органами, между Инь и Янь, между Ци и Цзин.

В газетных материалах сегодня особенно заметно обнаруживает себя образ женщины – сексуального объекта или «предмета охоты»: мужчина выступает больше как потребитель женской сексуальности, что находит отражение в значительном количестве рубрик и материалов, посвященных развлечениям, досугу, конкурсам красоты, женской моде и т.д. Сексуализация хорошо прослеживается при рассмотрении новостей об известных личностях: актрисах, писательницах, певицах. Во многих случаях материал посвящается главным образом интимной жизни знаменитостей, вопросы о ней также включаются в тексты интервью. Рассмотрим примеры:

大 S 被传不孕离婚揭女星不生孩子的原因 dà S bèi chuán bú yùn líhūn jiē nǚxīng bù shēng hái zi de yuányīn – Перевод: *Да S (имя) объявил, что разводится, причина – звезда-жена не может иметь детей.*

胡静与富商老公吵架当场飙泪 hú jìng yǔ fùshāng lǎogōng chǎojià dāng chǎng biāo lèi – Перевод: *Ху Цзин, поругавшись с богачем-мужем, расплакалась тут же на месте.*

李冰冰代言国际品牌水晶裙裹体大秀性感 lí bīng bīng dài yán guójì pǐnpái shuǐ jīng qún guǒ tǐ dà xiù xìnggǎn – Перевод: *Ли Бинбин стала представительницей международной марки. В облегающем сексуальном платье со стразами.*

Важно отметить, что, несмотря на общую сексуализацию женского образа, из китайских СМИ не исчез образ женщины – воспитательницы детей и хранительницы домашнего очага – такой женщины, у которой семья занимает первое место, а работа является уже второстепенной:

在我看来, 工作永远都不能与家庭相比。如果能选, 我宁愿不工作.....家庭与家人更永远都是第一个, 永远比自己更重要 zài wǒ kàn lái, gōngzuò

yǒngyuǎn dōu bù néng yú jiā tíng xiāng bǐ. rúguǒ néng xuǎn, wǒ níng yuàn bù gōngzuò.....jiā tíng yú jiā rén gèng yǒngyuǎn dōu shì dì yī gè, yǒngyuǎn bǐ zì jǐ gèng zhòng yào – Перевод: *По-моему, работу никогда нельзя сравнивать с семьей. Если придется выбирать, то я предпочту бросить работу. Семья всегда будет на первом месте.*

船儿总得靠岸, 女人总得有家 chuán ér zǒng děi kào àn, nǚ rén zǒng děi yǒu jiā – Перевод: *Как корабль всегда должен причалить к берегу, так и женщина всегда должна иметь семью.*

В то же время активно популяризируется образ независимой от мужчины женщины не только в экономическом плане, но и в моральном. Обратимся к примерам:

1. 90年代, 中国越来越多的女性在各个行业中脱颖而出, “女强人”开始成为流行词汇。失业激发了女性前所未有的热情, 小家碧玉的时代过去了, 好女人, 就应该有大将之风 90 niándài, zhōngguó yuè lái yuè duō de nǚxīng zài gè ge hángyè zhōng tuō yǐng ér chū, “nǚ qiáng rén” kāishǐ chéngwéi liú xíng cí huì. shī yè jī fā chū le nǚxīng qián suǒ wèi yǒu de rè qíng, xiǎo jiā bì yù de shí dài guò què le, hǎo nǚ rén, jiù yīng gāi yǒu dà jiāng zhī fēng (《俄汉教育报》, 2009-05-28) – Перевод: *В 90-е годы прошлого века все больше китайских женщин стали проявлять в разных видах деятельности. Выражение «сильная женщина» стало широко распространенным. Деловая жизнь пробудила небывалый пафос женщины, а время «яшмовых барышень» уже в прошлом. Настоящая женщина должна иметь дух и стиль генерала.*

2. 新女性应该有完整独立的人格..... 女性在经济上应有独立感, 这种感觉能使她们的精神独立有相对坚实的地基。她们不应该依靠任何人, 因为她们懂得坚实的经济基础, 是维护自我尊严的必需。通过经济的独立, 她们才能享受着成就的满足感 xīn nǚxīng yīng gāi yǒu wánzhěng dú lì de réngé..... nǚxīng zài jīngjì shàng yīng yǒu dú lì gǎn, zhè zhǒng gǎnjué néng shǐ tāmen de jīngshén dú lì yǒu xiāngduì jiānshí de dìjī. tāmen bù yīng gāi yīkào rènhé rén, yīnwéi tāmen dǒng dé jiānshí de jīngjì jīchū, shì wéihù zì wǒ zūn yān de bìxū. tōngguò jīngjì de dú lì, tāmen cái néng xiǎngshòu zhe chéngjiù de mǎnzúgǎn (《人民日报》, 2010-05-26) – Перевод: *"Новая женщина" должна быть полностью независимой личностью..... Независимость женщины в экономическом плане – это чувство независимости, которое может стать основой независимости и в моральном плане. Им не нужно полагаться на кого-то, так как они знают, что хорошая материальная база – это, прежде всего, необходимость для сохранения чувства собственного достоинства.*

3. 更重要的是, 新女性们认为好的形象不是为了给男人看的, 这是她们对自己的要求 gèng zhòngyào de shì, xīn nǚxìngmen rènwéi hǎo de xíngxiàng bú shì wèi le gěi nánrén kàn de, zhè shì tāmen duì zìjǐ de yāoqiú (《人民日报》, 2010-05-26) – Перевод: *Более важно то, что новая "новая женщина" считает, что красивый облик это, прежде всего, ее требование к самой себе, а не дань мужским взглядам.*

Достаточно большое количество тематических рубрик посвящено выдающимся женщинам в области культуры и искусства, а также женщинам-политикам. Например, в рубрике “民流剪影” mǐnliú jiǎnyǐng («Силуэты знаменитостей») газеты 《人民日报》 за 2012 г. статья “安徽来了女省长” ānhuī lái le nǚshěngzhǎng посвящена автобиографическим моментам нового председателя народного комитета провинции Аньхой; статья “美丽沉稳富有知性的传媒皇后杨澜” (měilì chénwěn fù yǒu zhīxìng de chuánméi huáng hòu yán lán) рассказывает о красивой и осмыслительной женщине-интеллектуалке, императрице СМИ Ян Лань; в статье “琴弦跃动音乐梦想” (qínxián yuèdòng yīnyuè mèngxiǎng) сообщается о победительнице конкурса юных исполнителей-скрипачей; в статье “本期人物 – 玛丽莲·梦露” (běn qī rén wù – mǎlǐlián mènglù) описывается автобиография Мерилин Монро.

Необходимо отметить, что журналистами китайских СМИ, аккредитованными в других государствах, также тщательно анализируется ситуация по женскому вопросу в других странах. На уровне анализа заголовков обнаруживаем следующие примеры: «**乌兹别克斯坦设立“家庭年”** wūzībié kèsītǎn shèlì «jiā tíng nián» (《**环球时报**》2012-03-02) – Перевод: «*Узбекистан объявил «Год семьи»*»; «**韩国婚礼一天花一年积蓄**» hánguó hūnlǐ, yì tiān huā yì nián jīxù (《**环球时报**》2012-03-02) – Перевод: «*Свадебный подарок в Корее: год сбережений ради букета на один день*»; «**德国男女收入差距约为23%**» déguó nànnǚ shōurù chājù yuē wéi 23% (《**环球时报**》2011-03-25) – Перевод: «*В Германии разница в доходах мужчин и женщин составляет около 23%*»; «**国外这样推行保障房**» guówài zhèyàng tuīháng bǎozhàngáng (《**国际先驱导报**》2011-02-18) – Перевод: «*Как за границей обеспечивают гарантированным жильем*».

Принимая во внимание лингвополитологический ракурс исследования, целесообразно рассмотреть метафорику газетно-журнального дискурса. Многие исследователи [1; 10] отмечают, что важное место в осмыслении политики занимает концептуальная метафора ГОСУДАРСТВО – ЭТО ЧЕЛОВЕК.

Э.В. Будаев утверждает, что данная концептуальная метафора может получать гендерное измерение и разворачиваться в вариантах ГОСУДАРСТ-

ВО – ЭТО МУЖЧИНА, ГОСУДАРСТВО – ЭТО ЖЕНЩИНА, а также НАЦИЯ – ЭТО ЖЕНЩИНА или НАЦИЯ – ЭТО МУЖЧИНА [1: с. 136]. В представлении китайцев КИТАЙ, СРЕДИННОЕ ГОСУДАРСТВО и ПОДНЕБЕСНАЯ – ЭТО МУЖЧИНА НАЦИИ 汉族. Для акцентирования этого гендерного образа активно используются различные языковые средства.

Ведущим аспектом гендерного сопоставления (в процессе перевода) выступает вопрос о влиянии мужской и женской картины мира на метафорическую концептуализацию в дискурсе СМИ, поскольку политический дискурс зачастую представляет собой «мужской нарратив», в котором искажаются политические события или описываемые явления и объекты в соответствии с ожиданиями мужской аудитории. Подобный подход к изображению женщин, может иметь как отрицательный, так и положительный подтекст. Негативные импликации состоят в том, что роль женщины в принятии решений преуменьшается, на первый план выходят не столько ее профессиональные качества, сколько ее «женская сторона». Факт наличия андроцентричности был доказан в целом ряде работ по гендерной проблематике на примере почти всех массово изучаемых языков (английский, немецкий и ряд других) и вполне может быть признан универсальным в современной лингвистической науке.

Существуют определенные лингвистические трудности, возникающие при переводе лексических единиц, являющихся номинативным ядром гендерно- и культурнообусловленной концептуальной области «женщина» в китайском языке. Путем сравнения коннотативного потенциала данных единиц в двух лингвокультурах возможен поиск соответствующих языковых эквивалентов и переводческих решений в отношении так называемых «культурных кодов». Образные слова, объединяющиеся в образное семантическое поле «женщина», при сопоставлении в китайском и русском языках дают некий обобщенный портрет. В нем легко выделяются общие черты, обусловленные универсалиями человеческого существования, общечеловеческими основаниями и стереотипами оценки качеств человека. С другой стороны, в образной лексике находит отражение национальная психология, традиции и обычаи, этические и моральные установки народа в оценке внешности, характера, умственных способностей и поведения, поступков человека. Языковой образ женщины в китайских печатных СМИ характеризуется репрезентациями разнообразных внешних атрибутов. Образ китайской женщины меняется на глазах: в больших городах отчетливо прослеживается стремление выразить себя через внешний вид. Формируемый образ женщины сопряжен с оценкой ее характера, а также с оценкой ее интел-

лектуальных, деловых, профессиональных качеств.

В результате анализа текстов СМИ были выявлены примеры нейтральной и оценочной номинации женщин современного Китая. При оценочной номинации минимальное количество лексических единиц позволяет имплицитно выразить большое количество информации о человеке, незаметно направить внимание читателя на определенный контекст, активируя в сознании адресата некий образ и ассоциации. Таким образом, возможен вывод, что манипулирование лексикой позволяет авторам медиатекстов имплицитно выражать оценку, активируя в сознании читателя необходимый образ человека. Данные факты говорят как о специфике изучения данного пласта лексики, так и необходимости ее всестороннего рассмотрения в целях описания национальной специфики языка.

Проведенный анализ показал, что политический дискурс является важнейшим источником пополнения словарного состава языка, и поскольку такое положение дел вряд ли изменится в обозримом будущем, то дальнейшие исследования в области лингвистической гендерологии представляются перспективными.

В заключение хотелось бы отметить, что множественность образов женской ипостаси в китайскоязычных текстах СМИ, несомненно, находит свои воплощения в русскоязычных текстовых интерпретациях, однако, данная концептуальная область, являя собой один из ключевых кодов китайской культуры, требует фоновых знаний и комплексных переводческих решений, присущих развитой языковой личности. Образ китайской женщины, формируемый китайскими СМИ, представляет собой динамичный процесс и, как результат, представле-

ния о китайской женщине остаются актуальными и вызывают неподдельный интерес у специалистов различных областей знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев, Э.В. Сопоставительная политическая метафорология: монография / Э.В. Будаев. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2011. – 330 с.
2. Воронина, О.А. Теория и методология гендерных исследований / О.А. Воронина. – М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. – 416 с.
3. Воронкова, В.И. О парадигмах интерпретации результатов мужского и женского речевого поведения: дефицитности, доминирования и различия / В.И. Воронкова // Современные проблемы взаимодействия и культур. – Благовещенск: Изд-во Амурского государственного университета, 2010. – С. 40–43.
4. Китай. Что следует знать о новой сверхдержаве / Ф. Бергстен [и др.]. – М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2007. – 256 с.
5. Девятков, А.П. Практическое китаеведение : базовый учебник / А.П. Девятков. – М.: Восточная книга, 2007. – 544 с.
6. Жеребкина, И.А. Введение в гендерные исследования. В 2 ч. / И.А. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – 708 с.
7. Лобанова, Т.Н. Пособие по чтению современной китайской прессы = 中文媒体阅读教程 : учеб. пособие / Т.Н. Лобанова. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2012. – 120 с.
8. Одинцова, М.П. Вместо введения: к теории образа человека в языковой картине мира / М.П. Одинцова // Язык. Человек. Картина мира: лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка) / под ред. М.П. Одинцовой. – Омск, 2000. Ч. 1. – 158 с.
9. Обязанности матери в семье [Электронный ресурс]: Информационный портал Китайское семейное образование. – Режим доступа: www.chinafew.com
10. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А.П. Чудинов. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 256 с.

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1941–1953 гг. (НА ПРИМЕРЕ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РСФСР)

Е.Б. Бакшеева

Бакшеева Елена Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровской государственной академии экономики и права (г. Хабаровск).

Контактный адрес: elena_baksheeva.ksael@mail.ru

В статье автор анализирует основные направления и особенности реализации налоговой политики советского государства в отношении Русской православной церкви на Дальнем Востоке РСФСР в период Великой Отечественной войны и послевоенные годы. Приведённые данные убедительно показывают, что использование механизма налогообложения представителями партийных и советских структур в 1941–1953 гг. позволяло эффективно контролировать деятельность Церкви.

Ключевые слова: государство, Русская православная церковь, верующие, духовенство, работники финансовых органов, налоги, налогообложение, доходность.

История взаимоотношений советской власти и Русской православной церкви представляет значительный интерес для исследователей. Этот интерес продиктован тем, что названная проблема в социалистическом обществе практически не рассматривалась, а если и поднималась, то с учётом атеистических партийно-государственных установок. Данное изыскательское направление является новаторским ещё и потому, что основывается на документах центральных и региональных архивов, до начала 1990-х гг. недоступных для исследований. К настоящему времени на основе введённых в научный оборот рассекреченных архивных материалов изданы обобщающие труды О.Ю. Васильевой, А.Н. Кашеварова, М.И. Одинцова, М.В. Шкаровского, Т.А. Чумаченко и др. [1; 27; 32; 39; 42]. Определённый вклад в изучение вопроса взаимоотношений государства и Русской православной церкви на региональном уровне в советский период внесли Ю.В. Гераськин, А.В. Горбатов, М.Б. Сердюк, С.М. Дударёнок, А.Н. Марченко, Т.И. Чурилина и др. [4; 6; 30; 38; 41]. Комплекс проведённых исследований позволил повысить степень изученности проблемы. Однако до сих пор далеко не все вопросы рассмотрены всесторонне. Одним из них является изучение налоговой политики советского государства как инструмента влияния на Русскую православную церковь и духовенство в 1941–1953 гг. Предлагаемый ниже анализ, включающий региональный компонент, позволит пополнить исследовательскую базу новейшей истории государственно-церковных отношений.

В течение всего выбранного для рассмотрения периода государственно-церковные отношения находились в непосредственной зависимости от политического курса советского правительства. Их особенности и характер были обусловлены конкретно-историческими условиями, в которых находилась страна. В годы Великой Отечественной войны политика государства в отношении Русской православ-

ной церкви была откорректирована с учётом сложной военной и международной ситуации. Новые тенденции в религиозном вопросе поддержала верующая часть общества. Так, за 1944–1947 гг. в Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР¹ и к его уполномоченным на местах от граждан СССР поступило 20 689 ходатайств об открытии 5 998 культовых зданий. При этом 95,6 % ходатайств направили жители РСФСР (19 772); 50,7 % (10 016) из них поступили из Воронежской, Горьковской, Ивановской, Калининской, Кировской, Московской и Рязанской областей [35: л. 85]. Обращались с подобными просьбами и верующие Дальнего Востока. В Хабаровский крайисполком за 1944–1946 гг. поступили 24 ходатайства [34: с. 228], в Приморский – более 20 [17: л. 14; 9: л. 1]. Таким образом верующие отстаивали своё право на свободу вероисповедания [5: с. 35]. Благодаря официальному открытию культовых зданий меньше стало фактов проявления недовольства политикой власти в отношении Русской православной церкви [16: л. 85, 86]. Однако далеко не все ходатайства, в том числе дальневосточников, были удовлетворены (табл. 1).

Таблица

Сведения о количестве официально действовавших культовых зданий на Дальнем Востоке и РСФСР в 1945–1947 гг. [23: л. 22]

Территория	Годы		
	1945	1946	1947
Хабаровский край	2	2	4
Приморский край	3	5	5
РСФСР	2827	3168	3228

¹ Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР организован Постановлением СНК СССР от 14 сентября 1943 г. № 993.

Верующие, не получившие право на регистрацию своих объединений, собирались в частных домах, на квартирах, куда для совершения религиозных обрядов и треб приглашались служители культа. Представители советских и партийных органов лояльно относились к незарегистрированным священникам, проводившим службы в гг. Арсеньеве, Райчихинске, Свободном, Благовещенске, с. Велико-Князевка, на ст. Поздеевка, в пос. Шимановском и других населённых пунктах Дальнего Востока [25: л. 207, 210, 216, 217; 10: л. 50]. Первоначально требований об уплате налогов к ним не предъявлялось. Определённую роль здесь сыграло, во-первых, то, что священнослужители не были зарегистрированы в соответствующих властных органах, а, во-вторых, что все они являлись людьми преклонного возраста. Сказалось также и то, что в самом вопросе о налогообложении служителей культа не было полной ясности.

С начала Великой Отечественной войны представители духовенства платили военный² (за освобождение от армии) и подоходный налоги. Последний взимался на основании ст. 18 Закона СССР от 4 апреля 1940 г. «О подоходном налоге с населения». В соответствии со ст. 19 того же документа налоговые выплаты для служителей культа, получавших с точки зрения советской власти нетрудовые доходы, увеличивались ещё на 40 % [2]. Например, с дохода в 16 тыс. руб. согласно ст. 18 следовало уплатить налог в размере 4732 руб., а с применением ст. 19 – уже 6625 руб.

После введения в действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения» Закон СССР от 4 апреля 1940 г. утратил силу. В новом документе духовенство как социальная категория и особенности его обложения вообще прописаны не были. Однако данный факт не означал, что священнослужителям предоставлялась передышка в налогообложении. Исчисление налогов на местах стало проводиться финансовыми инспекторами по их собственному усмотрению [40: с. 143].

В соответствии с требованиями циркуляра Наркомфина СССР от 17 апреля 1944 г. № 198 они стремились учитывать весь доход священнослужителей: плату за совершение религиозных обрядов и треб, размер пособий, выдаваемых из касс религиозных обществ и епархий и т.д. Если же служители культа плату от верующих получали продуктами, их облагаемый доход определялся исходя из общего количества совершённых крещений, венчаний, похорон и поминовений, а также средней денежной платы за их исполнение [12: л. 67, 68]. При этом в тяжёлых условиях войны требовавших мобилизации всех, в том

числе, материальных ресурсов, работники финансовых органов нередко прибегали к практике переобложения духовенства. Как свидетельствуют материалы выборочного исследования православных приходов, проведённого в конце 1944 г., фининспекторы включали в доходы священнослужителей денежные средства, собранные общиной, случайные приношения верующих и др., по сути, игнорируя требования названного выше циркуляра [40: с. 143].

В Хабаровском крае встречались нарушения иного рода. Здесь налогообложение духовенства проводилось в соответствии со ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения», т.е. как рабочих и служащих. Данный порядок являлся льготным, так как за основу налогообложения принималась только «твёрдая ставка заработной платы», а другие доходы (похороны, венчание, крещение и др.) вообще не учитывались [15: л. 85, 86]. Подобные ошибки возникали потому, что до конца 1946 г. центральные налоговые органы страны не давали чётких разъяснений о порядке налогообложения служителей культа.

Ситуация приобрела ясность только с принятием Постановления Совета Министров СССР от 3 декабря 1946 г. № 2584 «О порядке обложения налогами служителей религиозных культов». Документ определял, что все отчисления с доходов духовенства от совершения религиозных обрядов производятся на основании ст. 19 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г., т.е. как с «некооперированных кустарей или других лиц, работавших по найму» [21: л. 34; 22: л. 20].

Одновременно Министерство финансов СССР дало указание налоговым органам об обложении доходов заштатных священнослужителей и другого незарегистрированного духовенства [13: л. 79]. В инструкции Хабаровского краевого финансового отдела от 20 октября 1947 г. говорилось, что «...служители религиозных культов по доходам от исполнения религиозных обрядов привлекаются к обложению налогом, независимо от того, зарегистрированы они или нет, а также от того, выполняют религиозные обряды в специальных помещениях (церквях, молитвенных домах) или в обыкновенной крестьянской избе» [34: с. 233, 234]. На основе указаний повсеместно началась работа по выявлению священнослужителей-неплательщиков, установлению их доходов и определению размеров налогов. Введение данных мер привело к постепенному сокращению количества служб на квартирах и в частных домах, так как, используя опыт прошлых лет, работники финансовых органов продолжили практику переобложения духовенства³.

² Введён с 1 января 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1941 г., отменён Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1945 г.

³ Декларации служителей культа об их доходах проверялись путём опроса служителей культа, бесед с членами церковных советов и верующими.

С целью учёта своих доходов и составления деклараций священнослужители стали вести так называемые «братские книги». Однако работники финансовых органов чаще всего не соглашались с теми суммами, которые там были указаны, и устанавливали размер налоговых отчислений произвольно [29: с. 109]. Например, когда священнослужители Свято-Никольской церкви г. Владивостока уплатили в качестве налога за 1946 г. 1037 руб., эта сумма, по-видимому, показалась налоговикам недостаточной. В результате произведённого ими перерасчёта сумма была увеличена до 16 821 руб., что превысило всю годовую доходность церкви [8: л. 22].

Следует отметить, что игнорирование деклараций и записей в «братских книгах», приводившее, как правило, к завышению размеров налоговых выплат, происходило повсеместно ещё и потому, что представители духовенства скрывали размеры своих реальных доходов [20: л. 97]. Причина последнего заключалась в том, что предусмотренные налоговые выплаты были значительными и увеличивались по мере роста их доходов. Кроме того, данная мера, по мнению партийных и советских работников, должна была способствовать снижению религиозной активности. Так, священник церкви г. Ворошилова должен был уплатить государственной казне за 1950 г. 42 % от своего дохода в 59 430 руб., т.е., 24 960 руб.; священнослужитель молитвенного дома в с. Спасское – 39,5 % от причитавшейся к обложению суммы в 51 145 руб. Одному из священников церкви г. Владивостока следовало отдать государству 29 % от своего дохода в 49 280 руб., а священник г. Сучан – 28 % (его доход составил 23 174 руб.) [19: л. 16, 17]. А вот налог священнику Успенской церкви ст. Лазо Приморского края на 1950 г. не был определён вообще. Дело в том, что этот приход практически со дня своего открытия в 1944 г. испытывал значительные материальные трудности, которые священники пытались решать за счёт выездов в сёла для совершения треб и обрядов. С установлением там пограничной зоны верующим для посещений Успенской церкви, а духовенству – других населённых пунктов потребовались специальные разрешения. В результате церковь на ст. Лазо оказалась на грани закрытия. Служить в мало доходной церкви священники отказывались (табл. 2).

Таблица 2

Доходность приходов Приморского края в 1948–1950 гг. (тыс. руб.) [17: л. 9]

Церкви и молитвенные дома	I квартал 1948 г.	I квартал 1949 г.	I квартал 1950 г.
г. Владивосток	50	70	70
г. Ворошилов	64	60	50
ст. Лазо	3	5	Дохода нет
с. Спасский	25	21	23
г. Сучан	12	5	15
Всего	154	161	158

Льготное налогообложение распространялось только на епископов, пресвитеров и других духовных лиц, работавших в органах управления религиозных обществ, а также священнослужителей, преподававших в духовных школах. В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 3 декабря 1946 г. № 2584 «О порядке обложения налогами служителей религиозных культов», с этой категории духовенства налог взимался как с рабочих и служащих, т.е. на основании ст. 5 Указа «О подоходном налоге с населения». Данный порядок был выгоден, так как максимальный размер налога составлял 82 руб. + 13 % с суммы, превышавшей тысячу руб. [21: л. 34]. Все иные доходы, получаемые духовенством от совершения религиозных обрядов, облагались согласно ст. 19 Указа от 30 апреля 1943 г. Приходское духовенство, жившее за счёт исполнения обрядов и треб, не получило никаких налоговых послаблений, оставаясь в униженном положении «некооперированных кустарей» [31: с. 48].

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1942 г. «О местных налогах и сборах», кроме непосредственно духовенства, облагались налогом ещё и молитвенные здания. Поэтому в договоры, заключаемые с религиозными объединениями на пользование культовыми зданиями, включалось положение и об обязательной уплате таких налогов. Согласно требованиям документа, верующим следовало беречь переданное им имущество, производить ремонт, а также нести расходы, например, по уплате земельной ренты и страхового взноса [11: л. 150]. Неуплата являлась одним из оснований для расторжения договора с объединением верующих [26: л. 14, 15]. Однако на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны подобные санкции не применялись. Напротив, представители власти Хабаровского и Приморского краёв поддерживали религиозные общества: помогали в приобретении утвари (икон, облачения и др.), снабжали мукой, виноградным вином и воском [34: с. 217; 15: л. 17]. Так, только в декабре 1943 г. Александро-Невской церкви г. Хабаровска было выдано 10 кг муки, вино «Токай» и 20 кг воска [24: л. 16, 35]. Такая политика вызывалась сочувственным отношением к верующим в основном престарелым гражданам, составлявшим церковный актив.

Налоговое законодательство в 1940-е гг. также предоставляло некоторые послабления Русской православной церкви. Так, в соответствии с п. 4 Постановления СНК СССР от 29 августа 1945 г. № 2215 «О порядке обложения доходов монастырей и предприятий при епархиальных управлениях», монастыри освобождались от выплаты налога со строений и земельной ренты; чёрное православное духовенство⁴,

⁴ Чёрное духовенство – общее название монашеских священнослужителей (иеродиаконов, иеромонахов, игуменов, архимандритов и архиереев).

давшее обет безбрачия, не уплачивало налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан [18: л. 44]. Сравнительно удобный вариант налогообложения предлагался свечным заводам, мастерским по производству и ремонту церковной утвари, другим предприятиям при епархиальных управлениях: в соответствии с постановлением налогом облагалась только разница между отпускной ценой и себестоимостью продукции. Используя эту возможность, предприятия при епархиальных управлениях продавали свечи церковным приходам по себестоимости или значительно занижали их отпускную цену [22: л. 22, 23]. Данное право, предоставленное государством, позволяло Русской православной церкви получать максимальную прибыль от свечного производства.

На основании ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения», разрешавшей устанавливать дополнительные налоговые льготы для отдельных плательщиков, в 1947 г. от обложения были освобождены доходы церковных приходов, связанные с выпечкой просфор [18: л. 44]. Перечисленные налоговые послабления позволили Русской православной церкви укрепить своё материальное положение.

Однако в 1947 г. поступательное развитие государственно-церковных отношений приостановилось. Смена курса во многом была вызвана ослаблением внешнеполитического значения Русской православной церкви в условиях нарастающей глобальной конфронтации между СССР и США. Также это было связано с провалом идеи создания всемирного антипапского движения христианских церквей под эгидой Московской патриархии и утверждением в Восточной Европе режимов «народной демократии», сделавших излишней просоветскую миссию Церкви в этом регионе [28: с. 332].

Кроме того, всё большее недовольство властей вызывал рост влияния Русской православной церкви на советских граждан, проявившийся в 1940-е гг. Укреплению авторитета церкви после Великой Отечественной войны способствовало то, что по инициативе церковных советов верующие продолжали сбор средств для семей военнослужащих, инвалидов войны, детей-сирот. Так, по неполным данным с января по сентябрь 1946 г. церковные общины и духовенство только в одном Приморском крае перечислили в качестве материальной помощи 65 тыс. руб. [14: л. 63], в сентябре того же года в Хабаровском крае – 20 тыс. руб. [15: л. 86]. С просьбами о финансировании других общественных нужд, например, строительства детских домов, к Русской православной церкви обращались даже представители советских органов власти. С точки зрения Совета по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР данные просьбы являлись «неправильными и противоречащими отношениям между церковью и государством», так как Московская пат-

риархия могла заниматься благотворительной деятельностью только по собственной инициативе, а не по просьбе «советских органов» [13: л. 28].

В результате в Министерстве финансов СССР был поставлен вопрос о прекращении данных отчислений, что и было осуществлено с 1 января 1947 г. Официальным обоснованием такой позиции стало то, что Церковь сама нуждалась в средствах на ремонт храмов, содержание духовных учебных заведений, управленческих органов и др. [13: л. 102, 103].

В августе 1948 г. Синод Русской православной церкви был вынужден принять решение о запрещении крестных ходов, похоронных процессий, молебнов на полях и др. [36: л. 48]. Политико-административному давлению подвергались граждане, крестившие детей, в первую очередь военнослужащие и члены партии [7: л. 107]. Начались преследования духовных лиц. В 1948 г. были арестованы архиепископ Мануил (Лемешевский), митрополит Нестор (Анисимов), инспектор Московской духовной академии Вениамин (Милов) и др. [33: с. 136]. За «антисоветскую деятельность» в 1949 г. привлечён к уголовной ответственности священник г. Сучан Приморского края К. Сова [17: л. 18, 20]. Данные меры использовались, наряду с усилением налогового давления. Так, уже с января 1951 г. размер налогообложения духовенства вновь был изменён в сторону повышения (табл. 3).

Таблица 3

Сведения о повышении налогообложения духовенства [3; 37]

Размер годового дохода	Ст. 19 (1943 г.)	Ст. 19 (1951 г.)
До 1800 руб. (минимум)	3 % от суммы дохода	4 % от суммы дохода
70000 и выше (максимум)	30 958 руб. + + 65 % с суммы сверх этого дохода	38 646 руб. + + 81 % с суммы сверх этого дохода

Повышение размеров налоговых выплат вызвало поток жалоб от служителей культа. Так, только из РСФСР, где находились до 2,5 тыс. чел. духовенства, в 1951 г. поступило 375 жалоб, в 1952 г. – 614, в 1953 г. – 298. Из их числа в 1951 г. были удовлетворены только 39 жалоб, в 1952 г. – 57, в 1953 г. – 41 [21: л. 21; 22: л. 2]. Уменьшению жалоб в 1953 г. способствовало то, что духовенство стало переходить на ежемесячные твёрдые ставки оплаты. В результате размер налогового прессинга на них уменьшился [22: л. 3].

Выходом из сложившейся ситуации могла стать система фиксированных окладов, на которую стихийно переходило духовенство. Однако руководство Совета настаивало на сохранении прежней модели налогообложения священнослужителей и церковных

служащих, считая её юридически обоснованной и максимально эффективной [31: с. 48]. Работники финансовых органов также не желали признавать переход духовенства на твёрдые ставки. Они продолжили практику произвольного и, как правило, завышенного определения размеров доходов служителей культа. Причина самоуправства, на наш взгляд, заключалась в том, что эти действия негласно поддерживались партийными и советскими руководителями, считавшими, что духовенство скрывает доходы от обложения или компенсирует выплаченные налоги путём изыскания дополнительных средств. Уверенность в правильности такой политики придавало им то, что некоторые служители культа, жаловавшиеся на преувеличение доходов и непосильность налогов, приобретали дома, автомашины и другие дорогостоящие товары. Например, священник Хабаровской и Владивостокской епархии, задолжавший финансовым органам налогов на сумму 19 тыс. руб., купил дом за 20 тыс. руб. в г. Ворошилово [19: л. 10].

Правильность курса на усиление налогового гнёта косвенно подтверждалась и финансовыми нарушениями, выявляемыми в ходе проверок доходности культовых зданий. Так, в 1953 г. было установлено, что сведения о половине денежных средств, полученных от исполнения обрядов, не записывались в книги учёта причтового дохода [22: л. 4, 11]. Причина заключалась в желании духовенства скрыть размер поступавших средств, а также в том, что сведения о доходах, как отмечалось выше, часто не принимались во внимание работниками финансовых органов.

Повсеместное укравательство духовенством своих истинных доходов, с одной стороны, и самоуправство в исчислении подоходного налога со священнослужителей, с другой – побуждали Московскую патриархию систематически добиваться смягчения налогового бремени [31: с. 47]. Данная возможность появилась после того, как положение Русской православной церкви в стране стабилизировалось. Причина очередного изменения политической линии в отношении Русской православной церкви заключалась в том, что в условиях «холодной войны» авторитет этой крупной организации вновь потребовался для укрепления внешнеполитических позиций советского государства [41: с. 137].

Таким образом, налогообложение являлось мощным фактором воздействия на Русскую православную церковь и служителей культа. В годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие применялась политика сдерживания религиозной активности и ослабления материальной заинтересованности приходского духовенства с помощью введения высоких налоговых ставок на доходы, получаемые от совершения религиозных обрядов и треб. В то же время ряд налоговых послаб-

лений, введённых в послевоенный период, позволил в целом укрепить материальное положение православной церкви. В дальнейшем использование финансового механизма повышения налогового бремени позволило практически полностью контролировать Церковь, подчинять её деятельность интересам государства. Эта политика получила систематическое продолжение в период «хрущёвской церковной реформы» 1958–1964 гг.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева, О.Ю. Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. / О.Ю. Васильева. – М., 1999.
2. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1940. – № 12.
3. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1943. – № 17.
4. Гераськин, Ю.В. Взаимоотношения Русской православной церкви, общества и власти в конце 30-х – 1991 гг. (на материалах областей Центральной России) / Ю.В. Гераськин. – М., 2008.
5. Гераськин, Ю.В. Взаимоотношения Русской православной церкви, общества и власти в конце 1930-х – 1991 гг. (на материалах областей Центральной России): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ю.В. Гераськин. – М., 2009. – 50 с.
6. Горбатов, А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е гг. / А.В. Горбатов. – Томск, 2008.
7. Государственный архив Еврейской автономной области (ГА ЕАО). Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 438.
8. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. Р-1578. Оп. 1. – Д. 2.
9. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. Р-1578. Оп. 1. – Д. 20.
10. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. Р-1578. Оп. 1. – Д. 92.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 3.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 6.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 7.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 82.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 96.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 149.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 472.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 603.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 622.
20. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 750.
21. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. – Оп. 2. – Д. 125.
22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. – Оп. 2. – Д. 126.
23. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. – Оп. 2. – Д. 180.
24. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-1359. – Оп. 1. – Д. 1.

25. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-1359. – Оп. 1. – Д. 4.
26. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-1359. – Оп. 4. – Д. 45.
27. *Кашеваров, А.Н.* Государство и церковь: Из истории взаимоотношений советской власти и Русской православной церкви. 1917–1945 гг. / А.Н. Кашеваров. – СПб., 1995.
28. *Логинов, А.В.* Власть и вера: государство и религиозные институты в истории и современности / А.В. Логинов. – М., 2005. – 496 с.
29. *Марченко, А.Н.* Материальное положение православного духовенства в России в 1918–1957 гг. / А.Н. Марченко // Отечественная история. – 2008. – № 4. – С. 104–113.
30. *Марченко, А.Н.* «Хрущевская церковная реформа»: Очерки государственно-церковных отношений (1958–1964 гг.) (по материалам архивов Уральского региона) / А.Н. Марченко. – Пермь, 2007.
31. *Марченко, А. Н.* «Хрущевская церковная реформа» и её влияние на внутрицерковную жизнь по материалам уральского региона (1958–1964 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А.Н. Марченко. – М., 2008. – 66 с.
32. *Одинцов, М.И.* Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом / М.И. Одинцов. – М., 2002.
33. Отношения Русской православной церкви и государства в XX веке: курс лекций. – Арзамас, 2008. – 228 с.
34. Религия и власть на Дальнем Востоке России: сборник документов Государственного архива Хабаровского края / отв. сост. Е.Б. Бакшеева. – Хабаровск, 2001. – 400 с.
35. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. П-17. – Оп. 132. – Д. 6.
36. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. П-17. – Оп. 132. – Д. 109.
37. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. – М., 1956. – С. 327–335.
38. *Сердюк, М.Б.* Религиозная жизнь советского Дальнего Востока (1941–1954) / М.Б. Сердюк, С.М. Дударёнок. – Владивосток, 2009.
39. *Чумаченко, Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. / Т.А. Чумаченко. – М., 1999.
40. *Чумаченко, Т.А.* Русская православная церковь в международном движении сторонников мира: интересы Церкви и власти (1949–1953) / Т.А. Чумаченко // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 23. – 2008. – № 5. – С. 138–149.
41. *Чурилина, Т.И.* Государство и Русская православная церковь на Дальнем Востоке в 1941–1964 гг. / Т.И. Чурилина. – Хабаровск, 2010. – 186 с.
42. *Шкаровский, М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.) / М.В. Шкаровский. – М., 2000.

БОРЬБА С ИНОСТРАННЫМ БРАКОНЬЕРСКИМ МОРСКИМ ПРОМЫСЛОМ В ПРИАМУРСКОМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВЕ (1884–1903 гг.)

И.П. Гантимуров

Гантимуров Игорь Павлович – кандидат исторических наук, преподаватель Хабаровского пограничного института ФСБ России (г. Хабаровск).

Контактный адрес: sanchd69@mail.ru

В статье раскрываются вопросы деятельности российских государственных органов по защите национальных интересов в морских акваториях, прилегающих к дальневосточному побережью России. Особое внимание уделяется деятельности Приамурского управления государственных имуществ и военного ведомства Российской империи по борьбе с иностранным браконьерским промыслом в Охотском и Беринговых морях до начала Русско-японской войны.

Ключевые слова: охрана биологических ресурсов, Дальний Восток, Приамурское генерал-губернаторство, Приамурское управление государственных имуществ, браконьерский морской промысел.

С XVIII в. морские ресурсы стали играть значительную роль в экономике многих стран мира. Вылов рыбы, бой морского зверя и млекопитающих с каждым годом приносил все большие доходы как промышленникам, так и самим государствам. К середине XIX в. в северо-западную часть Тихого океана – как основной район получения быстрых прибылей, устремились промышленники и разного рода охотники за легкой добычей из США, Великобритании, Японии и некоторых других стран. Пытаясь поставить под государственный контроль их деятельность, правительство Российской империи начало регулировать промысел и организовывать охрану ресурсов морей, прилегающих к берегам Восточной Сибири. По мере освоения Дальневосточных территорий, увеличения на них вооруженных сил принимавшиеся меры все больше ужесточались в отношении иностранных браконьеров (или «хищников» как их в то время называли), давая возможность становлению и развитию русских промыслов, первоочередному использованию морских ресурсов на благо российского народа.

Принимая во внимание, что охрана морских биологических ресурсов на Дальнем Востоке в настоящее время является актуальной, остро стоят вопросы противодействия браконьерскому промыслу, то изучение опыта защиты экономических интересов России в Тихоокеанских водах на рубеже веков злободневно. История охраны биологических ресурсов Тихого океана исследовалась как российскими, так и иностранными учеными. Однако, несмотря на значительное количество опубликованных работ, ее освещение происходило либо в связи с рассмотрением расширения влияния (экспансии) иностранных государств в Тихоокеанском регионе, освещением международных экономических отношений с сопредельными государствами и российской рыбной промышленности¹, либо в контексте раз-

вития военно-морской, пограничной и таможенной деятельности². Отдельным предметом изучения эта тема не рассматривалась, хотя она во многом определяет формы и способы применения Российской Федерацией в современных условиях мер по отстаиванию своих национальных интересов как в территориальном море, так и на континентальном шельфе и исключительной экономической зоне. Результаты деятельности Береговой охраны ФСБ России в последние годы показывают, что только целенаправленная твердая политика и применение адекватных, а порою и жестких мер к нарушителям российского и международного морского законодательства способны поставить под контроль хозяйственную деятельность, не допустить истребления ресурсов, сохранить их для будущих поколений.

ресурсов Дальнего Востока России // Экспансия Японии на Дальнем Востоке (конец XIX – первая треть XX в.): сб. науч. тр. Владивосток, 1989, Мандрик А.Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока (50-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.). Владивосток, 1994; Нарочницкий А.Н. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860–1895 гг. М., 1956; Иконникова Т.Я. Очерки истории взаимоотношений России и Японии в конце XIX в. 1917 г. Хабаровск, 2001; Штейнгауз А.И. Рыболовный вопрос в русско-японских отношениях 1875–1899 гг. // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Иркутск, 1996, Судзуки А. К российским берегам. Советско-японские отношения в области рыболовства до 1945 г. // Россия и АТР. Владивосток, 1992; Stephan J. The Kuril Islands. Russian-Japanese Frontier in Pacific. Oxford, 1974.

² Боярский В.И., Дмитриев В.А., Кудинов Н.Н. Пограничный надзор на море: историко-документальный очерк. М., 2006; Ляпустин С.Н. Крейсерство на дальнем Востоке России в борьбе с контрабандой морских биоресурсов (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток, 2011; Мошков Ф.А. Морская пограничная охрана России: от Петра I до наших дней: краткий исторический очерк. М., 2004; Синиченко В.В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX–XX вв. Иркутск, 2003; Тварковский Л.С., Минервин И.Г. Охрана живых морских ресурсов российского Дальнего Востока (вторая половина XIX–XX в. М.; Н. Новгород, 2002.

¹ Галимова Л.И. Развитие российско-японских региональных связей на Дальнем Востоке. Вторая половина XIX – начало XX вв. // Россия и АТР. Владивосток, 2003. № 1; Егоров Н.Г. Эксплуатация японским промышленным капиталом морских

С образованием Приамурского генерал-губернаторства в 1884 г. Российским правительством и региональными властями был проведен ряд мероприятий, позволивших поставить под контроль деятельность в прибрежных морях востока страны. С учетом международной практики и интересов российских предпринимателей был принят ряд законодательных актов, регулирующих, прежде всего, иностранный промысел в территориальных водах Российской империи, положивших начало распространению суверенитета и юрисдикции России на прилегающие морские пространства³.

По инициативе первого генерал-губернатора и одновременно Командующего войсками Приамурского военного округа А.Н. Корфа, с целью решения, прежде всего, насущных экономических вопросов, собирались в г. Хабаровске съезды губернаторов Приморской, Амурской и Забайкальской областей и представителей деловых и финансовых кругов Приамурского края. На заседаниях, проходивших в 1885, 1886, 1893 и 1903 гг. акцентировалось внимание на развитие отечественной рыбной промышленности, в том числе как предмета извлечения дохода в государственную казну, ставились вопросы об установлении надлежащего надзора за морскими промыслами, а также о проведении конкретных мероприятий по борьбе с хищничеством иностранцев в русских водах.

На четвертом съезде, созванном в августе 1903 г. Приамурским генерал-губернатором Д.И. Субботичем, в целях развития русских морских промыслов ставился вопрос их национализации и обеспечения сбыта морепродукции на новые, европейские рынки. При этом Н.В. Слюнин, главный секретарь съезда, чиновник особых поручений при Министерстве финансов, высказал мнение, что по ряду причин необходимо использовать японский опыт такой деятельности.

С целью защиты своих экономических интересов Российская империя ввела государственную монополию на добычу и экспорт продуктов морского промысла. В 1891 г. монопольное право легального промысла морского зверя в русских водах было передано «Русскому товариществу котиковых промыслов», а с 1901 г. – «Камчатскому торгово-промышленному обществу», акционерами которых являлись члены Императорского дома. Поэтому браконьерство серьезно затрагивало и личные интересы высокопоставленных акционеров.

Легальный промысел велся, согласно выданным Министерством уделов, в последствии – Министерством земледелия и государственных имуществ привилегиям. Контроль осуществлялся Департаментом рыболовства, через территориальные управления охраны рыбных и зверобойных промыслов. Для осуществления охранных функций управления в конце XIX – начале XX вв. имели в своем составе вооруженные суда и наблюдательные пункты. В 1889 г. было создано Приморское управление охраны рыбных и звериных промыслов, а с 1897 г. – Приамурское управление государственных имуществ, в штате которого были два заведующих промыслами, осуществлявших руководство и контроль за охраной и изучением рыбных ресурсов. В их распоряжении имелся отряд вооруженных судов (паровая шхуна, парусный бот «Гонец», вельбот и морские лодки), которым командовал капитан шхуны «Сторож» Ф.К. Гек.

Недостаток «казенных» охранных кораблей вынуждал прибегать к «мобилизации» частных промысловых судов. Так, китоловная компания отставного лейтенанта флота А.Е. Дыдымова, получившая лицензию на китовый промысел в русских водах Дальнего Востока и субсидию от правительства взяла обязательство по охране и исследованию промысла в русских водах. В качестве охранных судов использовались китобойное судно «Геннадий Невельской» и конфискованная шхуна «Надежда» (бывшая американская «Арона»), предоставленная решением генерал-губернатора Приамурского края А.Н. Корфом. Но после трагической гибели А.Е. Дыдымова в январе 1891 г., когда судно с ним попало в шторм у берегов Кореи и пропало без вести, частные суда к охранным мероприятиям не привлекались [7: с. 27].

Русскими морякам приходилось сталкиваться с массовым, хорошо оснащенным, вооруженным пушками и ружьями браконьерством. Действовавшие на быстроходных парусно-паровых шхунах (в отдельные годы до 200 судов), «хищники» незаконно били китов и морского зверя у берегов Сахалина, Камчатки, Командорских о-вов, спаивая местное население, за бесценнок скупали рыбу, китовый ус, моржовые клыки, песцовый мех и другие морепродукты.

Необходимость адекватного ответа вооруженным браконьерам привела к тому, что к наблюдению за соблюдением условий промысла на Дальнем Востоке был привлечен военный флот. Клиперы и канонерские лодки Эскадры Балтийского флота на Тихом океане, а также паровые шхуны Сибирской военной флотилии стали осуществлять крейсерование вдоль российских берегов. Наиболее результативно против промысловых судов применялись безбронные легкие крейсера 2-го ранга «Разбойник» и «Забияка», имевшие высокую ско-

³ В 1884, 1885, 1889, 1891, 1895, 1900 и 1901 гг. принимались Временные правила производства морского промысла в водах Приамурского генерал-губернаторства, регулировавшие как районы и сроки промысла, так и орудия лова, снаряжение, санкции, применявшие к нарушителям, права охранных судов и кораблей.

рость хода, хорошую маневренность, большую автономность плавания и вооруженные орудиями малого и среднего калибра.

Крейсирование предполагало сочетание пребывания на ходу и на якоре. Чтобы обмануть и задержать контрабандистов, занимавшихся незаконным промыслом, кораблям не возбранялось маскироваться под гражданские суда, плавать без флага, перекрашивать корпус и надстройки, изменять их внешний вид.

Сложилось своего рода разделение сфер в охране морских ресурсов: корабли военного флота вели крейсерские операции на морских коммуникациях, а также охраняли промыслы в Охотском и Беринговом морях; охранные суда Приамурского управления государственных имуществ, высадив вооруженных смотрителей и промысловую стражу на побережье, вели контроль в 3-мильных территориальных водах и на побережье. В некоторых случаях к охране промыслов привлекались и казаки. Так, на Камчатке 7 казаков, посланных по распоряжению приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера для охраны лежбищ бобров, в 1893 г. оружейным огнем не подпустили 2 браконьерские шхуны, в 1894 г. – 3, а в 1896 г. – 5 [8. Оп. 1. Д. 150. Л. 1–4].

Существовавшая практика Морского международного права не в полной мере отвечала особенностям борьбы с браконьерством, поскольку не предусматривала захват судов государств, не находящихся в состоянии войны. Поэтому для русских крейсеров была разработана специальная инструкция по производству задержания и досмотра. В 6 параграфе Инструкции предписывалось: «Чтобы остановить встреченное судно, следует, идя на него и имея свой кормовой флаг поднятым ... сделать пушечный выстрел в сторону судна, и, если по такому сигналу оно не остановится, то через несколько времени выстрел повторить. Если и затем не последует исполнения, делается выстрел ядром, направленным под нос уходящего судна» [3. Оп. 1. Д. 2. Л. 53]. Нередки были случаи, когда приходилось открывать огонь на поражение, так как нарушитель не останавливался, но и начинал «пальбу из ружей». Предусматривалось в отдельных случаях и потопление судов [6: с. 7].

Наказание за браконьерство было суровым. В соответствии с «Общими правилами рыболовства» (1884), в случае задержания, судно, орудия добычи и сама добыча подлежали конфискации, а команду ждали каторжные работы (от 5 лет до вечной). Однако, как правило, экипажи этих судов отпускались на свободу без наложения на них денежного штрафа.

Появление даже одного корабля и арест «хищников» сразу же приносили положительный результат, надолго прекращая незаконный промысел. В 1884 г. клипером «Разбойник» под командованием лейтенанта А.С. Шамова, впервые в отечественной истории, охранявшем лежбища котиков у Ко-

мандорских островов в заливе Терпения за незаконную охоту на морских бобров-каланов, были задержаны 4 браконьерских судна, в том числе английская шхуна «Елена». За примерную службу лейтенанту в апреле 1885 г. А.С. Шамову «Высочайше был пожалован Орден святого Станислава» [5. Оп. 1. Д. 131. Л. 53].

В 1891 г. шхуна «Алеут» арестовала в районе Командорских о-вов канадскую шхуну «Гамильтон Лэвис», на борту которой находилось 416 котиковых шкур. В 1892 г. военным транспортом «Якут» и крейсером «Забияка» в Беринговом море за незаконный промысел было арестовано 6 канадских шхун. В 1903 г. Канонерская лодка «Манджур» задержала 12 японских судов, в том числе прямо в Авачинской бухте – шхуну «Явата-Мару» [1: с. 14].

Образ «белого русского крейсера», который «свинцом и сталью» насаждал русские законы нашел достойное отражение в западной литературе, воспевавшей романтику «охотничьего флота»⁴. Главные герои рассказов Дж. Лондона, занимавшиеся зверобойным промыслом Дж. Саксторт, В. Ларсен, Дж. Льюис и др. до ужаса боялись «захвата русским крейсером и отправки всей команды на соляные копи в Сибирь». И хотя автор явно стучал краски, русская система охраны природных богатств на Дальнем Востоке доказала свою эффективность, сведя на нет к началу Русско-японской войны крупномасштабный хищнический промысел.

Задержанные и конфискованные суда продавались на аукционах, с преимущественным правом покупки для русских подданных. Некоторые из них были переоборудованы в охранные. Так, американская шхуна «Генриетта», под командованием капитана Декстера, занимавшаяся браконьерским промыслом котика в Беринговом море, в 1887 г. была задержана клипером «Крейсер» и доставлена во Владивосток, где члены ее команды были высажены на берег и вскоре отправлены в США. Конфискованное судно, дооборудованное и вооруженное двумя орудиями, под названием «Крейсерок» было зачислено в состав Сибирской военной флотилии и под командованием лейтенанта А.П. Налимова успешно участвовало в охране котиковых промыслов у о. Тюлений. Судьба судна была трагична. В конце октября 1889 г. оно вместе с новым командиром лейтенантом А. Соболевым и экипажем, сопровождавшем во Владивосток задержанную американскую браконьерскую шхуну «Роза», пропало без вести при странных обстоятельствах. Позже «Крейсерок» был обнаружен без моряков у селения Васякунам, что близ мыса Соя (о. Хоккайдо).

⁴ Лондон Дж. «Неукротимый белый человек», «Исчезнувший браконьер», «Морской Волк» // Собрание сочинений. В 13 т. М.: Правда, 1976.

В 1893 г. была конфискована за незаконный промысел морских котиков у Командорских о-вов деревянная канадская шхуна «Mary». По инициативе губернатора П.Ф. Унтербергера в японском порту Осака на ней установили паровую машину и под названием «Сторож» передали в распоряжение Приамурского управления государственных имуществ. Судно во главе с капитаном Ф.К. Геком и заведующим рыбными промыслами В.К. Бражниковым почти круглогодично находилось на контроле промыслов в Охотском море, у Сахалина и Камчатки, надолго став флагманом рыбоохраны Дальнего Востока. Только в ледовый период оно отставивалось, главным образом во Владивостоке, для выполнения ремонтных работ.

Часто при попытке наведения порядка на промыслах, при разбирательствах правонарушений браконьеры отказывались подчиняться рыбоохране. Так, в 1899 г. после выявления факта незаконного лова лососевых в низовьях Амура у селения Покровского, при конфискации неводов и рыбы, как то предписывалось правилами рыболовства, японцы оказали В.К. Бражникову активное сопротивление. Удалить их шхуны из района удалось лишь невероятными усилиями экипажа «Сторожа». Впоследствии, в судебном порядке, в Николаевске нарушители были подвержены штрафу в размере стоимости орудий лова и пойманной рыбы. 20 июля 1900 г. в устье р. Камчатка по решению заведующего рыбными промыслами Н. Домашнева, действовавшего на шхуне «Сторож», были арестованы 3 японских шхуны, у которых были отобраны судовые документы. Не имея возможности сопроводить задержанных, Н. Домашнев приказал им следовать во Владивосток для дальнейшего разбирательства. Однако шхуны ушли в Японию, избежав возможной конфискации [9. Оп. 1. Д. 1. Л. 8].

На задержания неоднократно выражались протесты, преимущественно рыбопромысловиками Японии. Так, 16 июля 1897 г. японский коммерческий агент во Владивостоке обратился к военному губернатору Приморской области с ходатайством о разъяснении, могут ли японские подданные заниматься рыбным промыслом в морях Дальнего Востока, вдоль русских владений далее трехмильного расстояния, или же на этот счет существуют какие-либо ограничения. Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской поручил военному губернатору Приморской области Д.И. Субботичу на это ответить, что «...в настоящее время пространство наших территориальных вод по побережью Приморской области и острова Сахалина точно не определено и что, поэтому, японцы, желающие заниматься рыбными промыслами вблизи берега, должны подчиняться существующим на этот счет правилам» [2. Оп. 487. Д. 1323. Л. 12–16].

В конце XIX в. резко обострились противоречия между Россией и Японией в борьбе за передел сфер влияния в регионе. Соотношение морских сил на Тихом океане неуклонно менялось в пользу Японии. В этих условиях началось принятие мер по увеличению мощи русского флота. Согласно Высочайшему повелению Николая II от 24 марта 1900 г. из средств государственного казначейства было отпущено 240 тыс. руб. на приобретение двух охранных крейсеров и 22 тыс. руб. для надзора за рыбными промыслами Дальнего Востока. Были заложены специально предназначенные для этой цели крейсера «Командор Беринг» и «Лейтенант Дадымов», к снаряжению которых было привлечено Русское Восточно-Азиатское общество (пароходством). Позже они вошли в состав судов и кораблей Приамурского управления государственных имуществ.

13 ноября 1900 г. Приамурским генерал-губернатором были утверждены Временные правила для производства рыбного промысла в низовьях Амура, которыми был запрещен лов рыбы в Николаевском районе иностранными подданными. Во «Временных правилах для производства морского рыбного промысла в территориальных водах Приамурского генерал-губернаторства» от 29 ноября 1901 г. уже определялось, что «Право на производство рыбного промысла в территориальных водах Приамурского края предоставляется лишь русским подданным, с обязательством содержать как для лова рыбы, так и для приготовления рыбных продуктов рабочих исключительно из русских» [6. Оп. 2. Д. 1. Л. 3]. Иностранцам промышленникам разрешалось вести промысел только на определенных участках. Выдача разрешений (свидетельств) с указанием времени, места, рода промысла, количества рабочих и судов осуществлялась после уплаты пошлин, размер которых для иностранцев был значительно выше, чем с подданных России. За нарушения предусматривались отстранение от промысла, взыскания в виде штрафа и конфискации рыболовных орудий, судов и улова, что должно было способствовать развитию русской промышленности. Причем за содержание иностранных рабочих на промыслах штраф составлял на первый раз 100 руб. за каждого иностранного рабочего, а во второй раз штраф удваивался, в третий – утраивался и т. д. [9. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–23].

В ответ на попытки российского правительства оградить российские территории от иностранной экономической экспансии, провести «национализацию» промыслов, японское правительство повысило пошлины на ввозимую русскими рыбу. 15 марта 1902 г. Верхняя палата парламента Японии утвердила закон «О японских подданных, занимающихся рыбопромышленностью в иностранных водах», подготовленный председателем «Общества японских сахалинских рыбаков» Кичита, рыбопромышленником из Хакодате, согласно закону было учре-

ждено «Товарищество морских промыслов в водах Сахалина» (Рорио-Суйсан-Кумий) и утвержден список рыболовных участков, в которых никто, кроме членов «Кумий», не имел права заниматься рыболовством. Северная граница японских промыслов была значительно отодвинута к северу и достигала района Эсуторо (нынешнего Углегорска на Сахалине), а все японские рыбаки обязаны были вступить в члены «Кумий». Лица, нарушившие эту статью, подвергались денежному штрафу от 50 до 5 тыс. иен [4. Оп. 7. Д. 2. Л. 14].

Создание «Кумий» имело цель вести борьбу против законов и порядков в российских территориальных водах, ограничить ввоз русских рыбных товаров на японский рынок, что означало сокращение капитала, который мог быть вложен в организацию отечественной рыбной промышленности. Все это отрицательно сказалось на развитии российского рыбного хозяйства, увеличении зависимости его от японского рынка, снабжении, кредите и пр. Так, если раньше русская рыбопромышленная фирма «Семенов, Демби и К», имевшая промыслы на Сахалине, от своего имени и на свои средства нанимала в Японии рабочих, приобретала оборудование и самостоятельно транспортировала рыбопродукты на японский рынок, то теперь этим стал заниматься «Кумий», контролировавший значительную часть рыбных участков, в том числе и считавшихся русскими.

Российские воды привлекали и членов японской военизированной организации «Патриотическая справедливая партия», возглавлявшейся отставным лейтенантом ВМС Н. Гундзи. Организовав еще в 1896 г. на о. Шумшу колонию, отставные офицеры и матросы охраняли берега Нисимы (Курильских островов), одновременно развивая там японские промыслы и готовясь к военной службе. Получив от правительства Японии субсидию в 500 тыс. иен, колонисты построили форт с 4 орудиями и гарнизоном в 200 чел., в бухте Мае-роппу создали склады для обеспечения промысла [5. Оп. 1. Д. 14. Л. 266]. Впоследствии, в ходе Русско-японской войны эта организация сыграла немаловажную роль при захвате российского побережья Камчатки и Сахалина.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. на Дальнем Востоке России борьба с нелегальным промыслом морских биоресурсов и бесконтрольным, а порой и контрабандным их вывозом осуществлялась путем нормативно-правового регулирования деятельности в российских территориальных водах российскими и иностранными промышленниками; создания специальных структур, осуществлявших контроль над использованием (добыча, вылов и пр.); принятия охранительных и ограничительных мер.

Охрану морских промыслов осуществляли Приамурское управление государственных имуществ и военное ведомство, основной задачей которого в мирное время являлась охрана и оборона побережья Дальнего Востока. Кроме того, в пределах своей компетенции для охраны морских рубежей использовались подразделения и гарнизоны населенных пунктов, команды Забайкальского казачьего войска и местные розыскные и охранные отделения Департамента государственной полиции МВД, а также выставленные в пунктах морского побережья учреждения таможенного округа. Все эти силы замыкались на Приамурском генерал-губернаторе.

К концу 1903 г. усилением российских властей, несмотря на увеличение влияния иностранных рыбопромышленных компаний, удалось взять под контроль ведение хозяйственной деятельности в морях, прилегающих к побережью Дальнего Востока. Принятые меры способствовали возникновению русской рыбной промышленности, хотя и сильно зависящей от японской, ее становлению и развитию. От эксплуатации рыбных промыслов русская казна с 1881 по 1900 гг. получила 822,5 тыс. руб., от добычи морепродуктов – 245,9 тыс. руб., от добычи котиков, бобров и песцов – 3290,9 тыс. руб. [7: с. 45].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Аров, В.Н. Иностранное браконьерство в водах Камчатки в XIX – начале XX вв. / В.Н. Аров // Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки: сб. тр. Вып. 10 (2). – Петропавловск-Камчатский: Изд-во КГТУ, 2000 г. – С. 4–21.
2. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 148. Тихоокеанский стол.
3. Государственный архив Камчатского края. Ф. 210. Камчатское управление рыбоохраны и рыбоводства 1910–1991 гг.
4. Государственный архив Приморского края. Ф. Р-633. Приморское бассейновое управление по охране и воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства «Приморрыбвод».
5. Государственный исторический архив Сахалинской области. Ф. 1038. Документы по истории Сахалина и Курильских островов 1890–1945 гг.
6. Ляпустин, С.Н. Крейсерство на Дальнем Востоке России в борьбе с контрабандой морских ресурсов (вторая половина XIX – начало XX в.) / С.Н. Ляпустин. – Владивосток: РИО ВФРТА, 2011. – 135 с.
7. Мандрик, А.Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока (50-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.) / А.Т. Мандрик. – Владивосток: Дальнаука, 1994. – 192 с.
8. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1005. Губернатор Камчатской области 1906–1922 гг.
9. РГИА ДВ. Ф. 1027. Смотритель рыболовства Западно-Камчатского промыслового района Управления земледелия и государственных имуществ Приморской и Сахалинской областей 1900–1918 гг.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НЮАНСЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЯХ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ КИТАЯ И РОССИИ

*Л.П. Лазарева
Чжан Чуньюй*

Лазарева Лариса Петровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: rap@festu.khv.ru

Чжан Чуньюй – аспирант кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: omppfestu@gmail.com

В данной статье рассматриваются психологические нюансы представлений о понятийной природе педагогических технологий как средств модернизации образовательного процесса в высшей школе. Для сравнения взяты концептуальные подходы в образовательной среде России и Китая. Внимание акцентируется на стимулирующих возможностях педагогической технологии, по-разному понимаемой в рамках разных национальных образовательных систем. Сообразно этнокультурному подтексту представлений, в разных национальных образовательных системах педагогической технологии отводится своя специфическая роль в педагогическом процессе, исходящая из особенностей понимания её структурного состояния и функционального предназначения. При этом, следуя потребности и развивающейся реальности интеграции международного образовательного пространства, преподаватели высшей школы соседних государств не могут не учитывать неизбежность поиска компромиссного пути решения поиска общей данности современных средств модернизации педагогического процесса в целях подготовки высококвалифицированных специалистов.

Ключевые слова: педагогические технологии, традиционные и современные педагогические технологии, материальные (материализованные) формы технологий, невидимые (интеллектуальные) формы технологий, национальный контекст понятия «педагогическая технология», единство целей использования технологий.

В современной педагогической науке понятие «технология» соотносится с контекстом другого понятия – «оптимизация образовательного процесса», так как в содержание первого вкладывается идея оптимизации и упорядочения процессов и состояний в различных системах процесса профессиональной подготовки. Нынешняя жизненная реальность выдвигает категоричные требования к качеству профессиональной подготовки специалистов любого профиля: широкая информированность, способность к самостоятельным операционным действиям в ситуациях любой трудности и самое главное – умение творческих решений, сопровождаемое эффективным восполнением личного запаса знаний. «Привести» обучающегося к вузовскому финишу человеком, умеющим оперировать в практической ситуации и знаниями, и своими личностно-профессиональными возможностями – задача поистине сложная, требующая от педагога мастерских умений. Таковые исходят из множества факторов, но в первую очередь от актуальности эрудиции преподавателя и наличия в его личностно-профессиональном активе технических инструментов (формы, методы и средства обучения), обеспечивающих в образовательной практике наиболее эффективные достижения поставленных целей. Образовательный про-

цесс в современном вузе вне зависимости от его географического адреса – европейского или азиатского – немислим (либо крайне неэффективен) без сознательно, квалифицированно применяемых педагогических технологий. Последнее осмысливается как системная совокупность и порядок функционирования всех личностных, инструментальных и методологических средств, используемых для достижения педагогических целей.

В общем, интернациональном контексте образовательных задач такие цели представляются утилитарно простыми – обеспечить подготовку специалистов, отвечающих насущным требованиям современной науки и практики. Педагогические технологии выступают в данном ракурсе рациональным средством обеспечения инновационного обучения, главное в котором – развитие способностей на основе образования и самообразования. Тезисное содержание инновационного образования – это личностный подход, фундаментальность, творческое начало, сущностный и акмеологический подходы, профессионализм, синтез двух культур (технической и гуманитарной), использование новейших информационных технологий.

Приведённое определение может быть использовано как базисное, допускающее вариативное

осмысление его структурных компонентов в зависимости от сложившегося историко-культурного опыта национальных образовательных систем. Исследуем высказанное предположение на материале анализа места педагогических технологий в педагогическом пространстве вузов России и Китая.

В России по-прежнему крупным недостатком школы (и общеобразовательной, и высшей профессиональной) остаётся «размытость» целей. Говоря настойчиво о значимости «человеческого фактора», о повышении ответственности за осознание его роли в современном мире «высоких технологий», продолжаем в качестве глобальной цели выдвигать идеал (всесторонне и гармонично развитую личность), который, несмотря на кажущееся благородство, нечётко и до конца необъясним. В силу этого педагогическая технология осмысливается (Н.В. Гаськова, Е.А. Генике, Е.О. Иванова и др.) как комплексное средство технологизации процесса обучения, требующее:

– переформулировки идеала (глобальной цели) в диагностическую цель;

– членения способов достижения новой диагностической глобальной цели на этапы и определения диагностической цели для каждого из этапов (отрезков) обучения.

Диагностической считается та цель обучения, при формулировке которой соблюдаются следующие условия:

– дается настолько точное и определённое описание формулируемого качества, свойства, умения, опыта, что его можно дифференцировать от любых других;

– имеется диагностический инструмент, позволяющий объективно и однозначно: а) выявить данное качество, свойство, умение, опыт; б) замерить уровень его развития и сформулированности; в) оценить этот уровень и сравнить его [2: с. 14].

В соответствии с выбранной целью обучения, построенном как технологический процесс, избираются конкретные педагогические технологии, среди которых выделяют *технологии полного усвоения знаний* (разработчики – американские психологи Дж. Блок и Л. Андерсон, создавшие методику обучения на основе полного усвоения знаний всеми учащимися); *технологии модульного обучения* (обучающийся полностью самостоятельно, или с определённой дозой помощи, достигает конкретных целей обучения в процессе работы с модулем; *технологии программированного обучения* (усвоение программированного учебного материала с помощью обучающих устройств – ЭВМ, программированного учебника, кинотренажёра и др.); *лично-ориентированные технологии* (технология развития критического мышления, «коллективного взаимообучения», «мастерская знаний», коллективной мыследеятельности и др.).

Приведённые виды технологий могут быть оценены как коллективный авторский вариант, поскольку на сегодняшний день в России понятие «технология обучения» не является традиционным и общепринятым в педагогике. Сторонники данной классификации полагаются на документы ЮНЕСКО, в которых технология обучения рассматривается как системный метод создания, применения и определения всего процесса преподавания и усвоения знаний с учетом технических и человеческих ресурсов и их взаимодействия, ставящий своей задачей оптимизацию форм образования.

Следуя данной логике, отечественные педагоги видят в технологиях сложную понятийную природу. С одной стороны, технология обучения – это совокупность методов и средств обработки, представления, изменения и предъявления учебной информации, с другой – это наука о способах воздействия преподавателя на учеников в процессе обучения с использованием необходимых технических или информационных средств. В технологии обучения содержание, методы и средства обучения находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности. Педагогическое мастерство учителя состоит в том, чтобы отобрать нужное содержание, применить оптимальные методы и средства обучения в соответствии с программой и поставленными образовательными задачами. Таким образом, технология обучения представляется системной категорией, структурными составляющими которой являются: цели обучения; содержание обучения; средства педагогического взаимодействия; организация учебного процесса; ученик, учитель; результат деятельности [1: с. 385].

Можно привести и другие интересные определения сущности педагогических технологий как термина, ставшего популярным в последнее десятилетие, но не обретшего однозначности.

Технология – это совокупность приемов, применяемых в каком-либо деле, в искусстве («Толковый словарь русского языка»).

Технология – это искусство, мастерство, умение, совокупность методов обработки, изменения состояния (В.М. Шепель).

Технология обучения – это составная процессуальная часть дидактической системы (М. Чошанов).

Педагогическая технология – совокупность психолого-педагогических установок, определяющих социальный набор и компоновку форм, методов, способов, приемов обучения, воспитательных средств; она есть инструментарий педагогического процесса (Б.Т. Лихачев).

Педагогическая технология – это содержательная техника реализации учебного процесса (В.П. Беспалько).

Педагогическая технология – это описание процесса достижения планируемых результатов обучения (И.П. Волков).

Педагогическая технология – это продуманная во всех деталях модель совместной педагогической деятельности по проектированию, организации и проведению учебного процесса с безусловным обеспечением комфортных условий для учащихся и учителя (В.М. Монахов) [3: с. 1].

Педагогическая технология – системная совокупность и порядок функционирования всех личностных, инструментальных и методологических средств, используемых для достижения педагогических целей (М.В. Кларин).

Педагогическая технология – содержательное обобщение, вбирающее в себя смыслы всех определений всех предыдущих авторов (Г.К. Селевко).

При всей вариации смысловых оттенков определения понятия «педагогическая технология» за его «кадром» стоит общее: её источниками являются достижения педагогической, психологической и социальных наук, передовой педагогический опыт, народная педагогика, все лучшее, что накоплено в отечественной и зарубежной педагогике прошлых лет. Именно эта мысль позволяет увидеть природу отличия в специфике и структуре понятия «педагогическая технология» в зарубежной образовательной среде. В вузах КНР, нашего ближайшего соседа и партнёра, в педагогической технологии видят средства (и только средства!) технического оснащения учебного процесса. Однако этот чисто практический, конкретно простой подход к исследуемому здесь понятию не говорит о его сужении, обеднении – он отражает специфику модернизации образовательной системы высшей школы Китая, указывает на её современные культурно-психологические факторы.

Один из первых таких факторов, повлиявших на формирование утилитарного представления предназначения педагогических технологий, – бережное отношение к традиционным элементам прошлого опыта национального образования, учёт их ценности. В настоящее время каждая провинция Китая, помимо специализированных технических, медицинских и других вузов, имеет свой университет и педагогические вузы двух типов – университет и институт, который считается учебным заведением общего профиля. Кроме того, в каждой провинции есть институты иностранных языков, иногда их несколько. Многие университеты и институты открылись в последние годы. Профессорско-преподавательский состав вузов можно условно разделить на три категории: первую составляют те, кто начал работать в 50–60-е гг. XX в., вторую – выпускники «культурной революции», третью – молодые люди до 30 лет, начавшие свою профессиональную деятельность в последние годы. Число преподавателей первой категории становится все меньше и меньше, зато в педагогических коллективах резко возрастает количество недавних выпускников.

Специализация факультетов в китайских университетах примерно та же, что и в российских, за тем отличием, что здесь есть факультеты политичес-

ких наук. В педагогических университетах есть факультеты политического воспитания, которые готовят преподавателей обществоведения, работников государственных и общественных организаций.

Всё более и более возрастает внимание к научно-исследовательской работе, государство ассигнует исследования в вузах, большинство из которых имеет свои НИИ, лаборатории, секторы. В Циндаоском университете (нашем образовательном партнёре), к примеру, около 20 институтов и около 10 исследовательских центров. Количество научных сотрудников, работающих там невелико, но оборудование отвечает современным европейским требованиям. Китайские учёные не без основания полагают, что по своему уровню вузовская наука не уступает академической, а некоторых моментах и превосходит её. Широкому участию преподавателей в научной работе способствует их относительно небольшая нагрузка – одна-две пары часов в неделю. Если преподаватель занят творческой научной работой, он может в течение семестра не вести учебные занятия. Причем отношение к преподавателю, не пишущему научные статьи, откровенно категоричное – он не может считаться полноценным педагогом вуза.

Самое серьёзное внимание уделяется повышению научно-практического уровня преподавателей. Элементом полноценной квалификации считается владение навыками работы с техническими средствами в учебном процессе, более того, за отсутствием их преподаватель просто не допускается в аудиторию. Раз в год преподаватели подтверждают свои возможности пользоваться «педагогическими технологиями» (т. е. информационно-техническими средствами). Особенно ценится владение преподавателями и студентами зарубежной информацией, их осведомленность в области общемировых достижений, которую они достигают самостоятельным путём.

Самостоятельность, сочетающаяся с высокой работоспособностью и обучающих, и обучающихся, и есть тот *второй психологический фактор*, который определяет практицизм педагогических технологий в китайской школе. Цель образовательного процесса не декларируется, не измышляется в разнообразных вариациях творческих подходов. Она ясна сама по себе – человек, получающий диплом, должен обладать высокой теоретической компетентностью и практическим универсализмом.

Третий фактор – концентрация внимания учёных, работающих над проблемами повышения эффективности влияния педагогических технологий на оптимизацию образовательного процесса, на структурированном подходе в использовании их на практике.

В целях реального достижения развитости этих данностей китайские учёные разработали научно-практические подходы к овладению преподавателями педагогическими технологиями. И здесь следует отметить *три характерных момента, определяющих назначение и функциональность технологий*.

Во-первых, для китайских учёных педагогические технологии представляют комплекс всех средств и методов, принятых в образовательных деятельности человечества. Они подразделяются на материальные (материализованные формы) и невидимые технологии (интеллектуальные формы).

Материальные технологии («Media» технологии) представлены в аппаратных средствах и в соответствующем программном обеспечении.

Невидимые технологии воплощены в теориях, методиках, используемых в процессе обучения. Все педагогические технологии являются одним предметом, развивающимся на основании аудиовизуального, процедурного и систематизированного проектировочного обучения.

Во-вторых, педагогические технологии рассматриваются как средство, способствующее успешному обучению. Смысловой контекст технологий воплощают в себе теорию и практику для проектирования, освоения, использования, управления и оценки учебного процесса и ресурсов. Данное определение затрагивает следующие аспекты: объекты исследования педагогических технологий – учебный процесс и ресурсы; цель исследования – способствование учёбе; категории исследования – проектирование, освоение, использование, управление и оценка учебного процесса и ресурсов.

Соответственно каждая категория исследования современных педагогических технологий имеет свой аппарат содержания. «Проектирование» вмещает в себя *проектирование* ряда объектов: учебной системы, информации о ресурсах, учебных методов, учебных средств. «Освоение» подразумевает теоретико-практическое изучение/применение аудиовизуальных, мультимедийных, компьютерных сетевых, систематизированных технологий. «Использование» направлено на изучение и разработку современных информационных технологий, а также современных образовательных мультимедийных средств. «Управление» изучает управление учебными ресурсами, учебной системой, проектами и информацией. «Оценка» дает представление об оценке учебных проектов, стандарте и измерении, формирующей и обобщенной оценке.

И третий ракурс теоретико-практической разработки технологий – оказание помощи ученикам в учёбе. Технологии, применяемые в учебном процессе, разнообразны. В учебной практике вузов Китая сформировалось четыре основных, независимых области: аудиторная, диссертационная и самостоятельная и область для подготовки работников [3: с. 2].

Аудиторная учебная область. Основной формой образования в высших учебных заведениях КНР является аудиторное образование. Психологический рейтинг заочного образования значительно ниже очного. Со скоростным развитием и опера-

тивным применением информационных технологий в вузовском учебном процессе параллельно сформировалась технологичная система аудиторного образования. Структура её такова: управление образования определяет учебные программы, направления и планы. Основная деятельность учителей концентрируется на анализе способностей учеников, выборе подходящих средств и методов передачи содержания образования ученикам, выставлении соответствующих оценок.

Суть восприятия китайскими педагогами технологий в том, что в них не усматривают средство усиления творческой самостоятельности учащихся или развития их личностных устремлений (как это сложилось в педагогическом поле России), в них просто видят вспомогательное средство процесса обучения, используемое учителем. Использование педагогических технологий (в том понимании, которое сложилось у китайских педагогов) не изменяет сущность образования, не модифицирует подходы к учебному процессу, но оказывает влияние на формы аудиторного образования, последовательность, организацию учебного процесса и способы оценивания знаний.

Высшая школа КНР мотивирована на достижение европейского качества знаний, вследствие этого динамично создаются новые многофункциональные медийные аудитории, где обучающимся представлен полный комплект учебной аппаратуры: компьютер с доступом к Интернету, большой экран, микрофон, акустическое оборудование. Уже замечено всеми, что, вследствие этого, качество и привлекательность аудиторного образования значительно повысилось.

Диссертационная учебная область. Лексическое значение этого понятия не аналогично российскому «диссертационному исследованию». Диссертационное образование в китайском контексте там, где:

– студенты, обучающиеся в филиале вуза, слушают объяснения (термин «лекция» в Китае не фигурирует) преподавателей базового подразделения вуза;

– студенты участвуют в дополнительных занятиях преподавателей другого вуза внутри своей страны или за границей, чтобы получить более высокие знания;

– студенты заочного обучения, имеющие большую занятость на работе или живущие в отдалении от вуза, участвуют в дистанционном обучении, организуемом преподавателями вуза.

Нужно заметить, что с повышением престижа образованности в Китае возрастает роль диссертационного образования, осуществляемого с помощью радио, телевидения, Интернета, которые и считаются современными педагогическими технологиями.

Самостоятельная учебная область. В Китае традиционно считается, что самая эффективная форма

обучения – самостоятельность и активность учащихся (т.е. они продолжают сами развивать данное учителем направление). И опять-таки этому способствуют педагогические технологии: удобные, полезные и эффективные средства и условия для самостоятельных занятий. Спутниковая система радиотелевидения, спутниковая цифровая система связи, сетевая среда (Интернет), включая радиосеть и проводную сеть, могут соединить всемирные образовательные ресурсы и реализовать их глобализацию [4: с. 3].

Китайские вузы предоставляют студентам аудитории, библиотеки с читальными залами, даже лаборатории для самостоятельной работы. Все эти места открыты с 6 часов утра до 22 часов вечера. В то время, когда там нет занятий, студенты могут приходить сюда читать, писать, выполнять другую учебную работу. Кроме того, в библиотеках и общежитиях установлен доступ к общественной сети Интернета, студенты могут свободно пользоваться его образовательными ресурсами.

Область для подготовки работников. Преподаватели китайских вузов участвуют в процессе обучения, организуемом на предприятиях и в организациях. Делается это с целью усиления практической ориентации у студентов. К процессу обучения привлекаются педагогические технологии, помогающие наглядно и более глубоко вникнуть в суть производственных процессов, его структурных составляющих [4: с. 4].

Всё изложенное выше служит иллюстрацией разности понимания предназначения роли, форм педагогических технологий в образовательной среде двух стран – партнёров межкультурного сотрудничества – России и Китая. Во многих отраслях экономики налажены тесные стратегически-партнёрские отношения. Образование видится главной энергией способствования укреплению отношений в совместном развитии. В области образования две страны (и Дальний Восток как её самый близкий к Китаю регион) давно реализуют обмен студентами и преподавателями, ведут совместную подготовку специалистов. И в этом плане резонно отметить то, что в реализации международных программ образования от слаженного применения педагогических технологий (при условии найденного консенсуса в понимании глубинной природы этого, назовём условно, дидактического явления) зависит эффективность сотрудничества между вузами, далее – предприятиями, даже странами в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев, Н.Г.* Формирование осознанного решения учебной задачи / Н.Г. Алексеев // Педагогика и логика. – М.: Касталь, 1993. – С. 385.
2. *Селевко Г.К.* Современные образовательные технологии: учеб. пособие / Г.К. Селевко. – М.: Народное образование, 1998. – С. 14–15.
3. *黄映玲, 陈丽霞, 黄丹.* 现代教育技术教程 / 广州: 华南理工大学出版社, 2009. – С. 1–2.
4. *张江敏.* 教育与教学技术的概念 / 张江敏. 电气教学研究. 中国广州, 2002. – С. 3–4.

СУНЬ ЯТСЕН И ЕГО ВКЛАД В РАЗРАБОТКУ ПЕРВОГО ПЛАНА СТРОИТЕЛЬСТВА СЕТИ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ В КИТАЕ

*М.А. Ковальчук
А.А. Пиотрович
Су Да*

Ковальчук Михаил Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: mnbr88@mail.ru

Пиотрович Алексей Анатольевич – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой строительного производства Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: piotrovich@festu.khv.ru

Су Да – аспирант кафедры строительного производства Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

При исследовании революционной и политической жизни Сунь Ятсена становится очевидным его вклад в развитие Китая, особенно в развитие железнодорожного строительства. Разработка первого плана строительства сети железных дорог и его принципов имела большое значение во времена Сунь Ятсена для построения и развития страны, и сохраняет актуальность по сей день. Сопоставление современного плана строительства сети железных дорог с планом Сунь Ятсена выявляет большое количество сходств и доказывает неопределимый вклад первого президента Китайской Республики в развитие железнодорожного строительства Китая.

Ключевые слова: Сунь Ятсен, революция, железнодорожное строительство, международное развитие Китая, план, сеть железных дорог, сопоставление.

Сунь Ятсен (12 ноября 1866 – 12 марта 1925) – китайский революционер, основатель партии Гоминьдан, один из наиболее почитаемых в Китае политических деятелей. Он был не только организатором и идеологом демократической революции Китая, но и сторонником железнодорожного строительства в Китае.

За свою революционную жизнь он несколько раз был за рубежом, лично исследовал развитие современной промышленности и транспорта там, и яснее всех осознавал важность железных дорог для развития государства.

В 1894 г. Сунь Ятсен организовал среди патриотических китайских эмигрантов в Таньсяншане антицинское революционное общество «Синчжунхуэй». В 1905 г. в Японии он вместе с членами революционной организации создал в масштабах всей страны революционную политическую партию «Тунмэнхуэй», программой которой стали свержение Цинского правительства, восстановление суверенитета китайской нации и создание буржуазно-демократической республики. Свои идеи он обобщил в «Трех народных принципах» – восстановление суверенитета нации, народовластие и народное благосостояние [2]. Последний принцип, несмотря на различные его трактовки, так или иначе предусматривал развитие экономической мощи Китая. Контуры этого развития Сунь Ятсену в начале революционного пути представлялись смутно. Однако по мере изучения опыта других

стран и исследования экономического положения своей страны, он пришел к выводу, что ключевым звеном подъема экономики Китая является железнодорожное строительство.

Сунь Ятсен со своими сподвижниками неоднократно тайно организовал вооруженные восстания, которые оканчивались неудачно. Однако 10 октября 1911 г. революционные организации «Вэньсюэхуэй» и «Гуанцзинхуэй» в провинции Хубэй, действовавшие в армейских «новых частях», обученных на европейский лад, подняли в центре провинции в г. Учан восстание. В течение месяца свыше десяти провинций объявили о своей независимости от центра. Более чем 200-летнее господство маньчжурской династии Цин в Китае рухнуло. Революция вошла в историю как Синьхайская, так как 1911 г. по лунному календарю являлся годом Синьхай.

В декабре 1911 г. Сунь Ятсен возвращается в Китай. За огромный вклад в дело революции и высокий авторитет среди народа он избирается первым временным президентом. 1 января 1912 г. в г. Нанкине он принял присягу. Формируется Временное правительство Китайской Республики.

Вскоре после создания Китайской Республики Юань Шикай, командующий «новыми частями» армии, при поддержке империалистов, вынудил Сунь Ятсена уехать в Шанхай, и сам стал временным президентом республики.

Учитывая высокий авторитет Сунь Ятсена, в сентябре 1912 г. Юань Шикай предоставил ему «полномочия на проектирование железных дорог всей страны», наделив его полномочиями контролировать железнодорожное строительство. Сунь Ятсен вполне доброжелательно отнесся к этому назначению, заверив Юань Шикая в том, что бросит политику, и всеми силами возьмется за железнодорожное строительство для того, чтобы в течение 10 лет построить 20 тыс. ли (20 тыс. ли = 10 тыс. км) железных дорог [3].

Вступив в должность руководителя железнодорожного строительства, в первую очередь Сунь Ятсен предпринял поездку на Цзинчжанскую железную дорогу, спроектированную и построенную китайским инженером Чжань Тянью (17 марта 1861 – 24 апреля 1919 г.), а затем уже и на другие участки железных дорог общего пользования. По результатам этих поездок он пришел к следующим выводам:

- во-первых, строительство железных дорог необходимо проводить с помощью иностранных займов;
- во-вторых, такое строительство должно быть совместным, т.е. чтобы в нем участвовали и иностранные партнеры, и китайская сторона;
- в-третьих, разрешение иностранцам на строительство железных дорог нужно давать с ограничением срока их использования. После окончания срока правительство забирает железные дороги безвозмездно в казну.

В октябре 1912 г. в г. Шанхай Сунь Ятсен создал «Агентство железных дорог Китая». Как руководитель агентства, он отправил губернаторам и думам всех провинций телеграммы, в которых предписывал им собирать сведения и извещать его: 1) о законодательстве по железным дорогам; 2) об источниках финансирования железнодорожного строительства; 3) о наличии людских ресурсов для такого строительства. Он потребовал от всех местных правительств, чтобы те боролись с народными суевериями и предрассудками против железнодо-

рожного строительства.

Вместе с тем Сунь Ятсен добивался разграничения полномочий между Министерством транспорта и Агентством железных дорог Китая (табл. 1). Первое – Министерство транспорта должно было отвечать, главным образом, за эксплуатацию и реконструкцию уже построенных железных дорог и за строительство тех дорог, сооружение которых было уже запланировано на момент создания Агентства. В свою очередь, Агентство должно было отвечать за планирование и сооружение новых железнодорожных магистралей.

В апреле 1913 г. «Правительственный вестник» (дословно «Служебная газета правительства») (Пекин) опубликовал «Устав агентства железных дорог Китая». В нем было четко установлено, что Агентство полностью отвечает за строительство всех государственных железнодорожных дорог. При возведении частными лицами и акционерными обществами стальных магистралей определение их маршрутов и условий строительства требовалось предварительное согласование и разрешение со стороны правительства.

Анализируя ситуацию, сложившуюся в Китае на тот момент, Сунь Ятсен считал, что для стимулирования развития железнодорожного строительства надо решить две главные проблемы.

Первая – отсутствие внутренних средств, в связи с отсталостью Китая и слабостью его экономики. Он предполагал, что эту проблему можно решить только с помощью иностранного займа, но при условии, что управление вновь строящихся железных дорог останется в руках китайцев.

Вторая – оптимизация проектирования железнодорожного строительства. Строительство требовалось грандиозное, но как сделать его экономнее и эффективнее? И с точки зрения строительства, и с точки зрения эксплуатации, и с точки зрения развития экономики страны. Эти проблемы были главными и требовали решения.

Таблица 1

Разделение функции Министерства транспорта и Агентства железных дорог в период правительства Бэйян

Вид работы	Министерство транспорта	Агентство железных дорог	Примечание
Все железные дороги, строительство которых было организовано правительством до создания Агентства железных дорог Китая, в частности построенные, строящиеся или спроектированные	Непосредственно управляет	Не отвечает	–
Железные дороги, строительство которых правительство поручило другим агентствам до создания Агентства железных дорог Китая	Утверждает	Не отвечает	Те же агентства выполняют строительство
Строительство всех государственных железнодорожных магистралей со дня создания Агентства железных дорог Китая	При определении маршрута магистралей Агентство должно докладывать правительству и получить разрешение	Отвечает за строительство	–

В конце правления династии Цин империалистические страны поделили Китай на сферы влияния, в которых они вели активное железнодорожное строительство. Одновременно в Китае строились государственные железные дороги, а также возводились магистрали силами коммерческих обществ или совместно государством и частными обществами. Не существовало единой системы управления и эксплуатации железными дорогами. Не существовало единой сети железных дорог, каждая из них работала сама по себе, их расположение было нерациональным. Такая ситуация не могла удовлетворить потребностей в развитии китайского государства.

Важно было определить последовательность и приоритетность железнодорожного строительства. На исследовании и решении двух последних проблем и были сосредоточены усилия Сунь Ятсена.

Придя к власти в 1912 г., Юань Шикай стал на путь единоличной диктатуры. Гомиьндан попытался ограничить его диктаторские замашки, требуя создания ответственного кабинета во главе с Сун Цзяожэнем. В марте 1913 г. правительственные агенты убили Сун Цзяожэня, а в апреле Юань Шикай заключил с банковским консорциумом Англии, Франции, Японии, Германии и России так называемый реорганизационный заем и, заручившись их поддержкой, стал стягивать войска в бассейн реки Янцзы для подавления военных сил оппозиции. Это вызвало бурное движение протеста, руководимое Сунь Ятсеном. Ему пришлось вернуться к активной политической деятельности.

Окунувшись в политическую деятельность Сунь Ятсен не оставил свои исследования в области железнодорожного дела. В августе 1919 г. вместе с сыном Сунь Кэ он основал в г. Шанхае журнал «Строительство». В нем впервые были опубликованы результаты его исследования «международного развития Китая». Суть их сводится к следующим тезисам.

1. Восстановление суверенитета китайской нации тесно связано с железнодорожным строительством.

Сунь Ятсен исследовал путь развития Соединенных Штатов Америки во второй половине XIX в. Он считает, что железнодорожное строительство в больших масштабах, особенно строительство сети Трансконтинентальных железных дорог, стимулировало освоение территории страны, использование ресурсов и переселение граждан на Запад («Движение на Запад»). В итоге экономика всей страны бурно развивалась.

В Англии, Франции, Японии и других странах железные дороги также способствовали развитию экономики. На основании этих фактов, Сунь Ятсен делает вывод, что в современном мире развитие государства невозможно без железных дорог. Он полагал,

что индустриализация в Китае должна начаться с железнодорожного строительства¹. Свои выводы он сформулировал следующим образом: «Транспорт является ключевым звеном индустриализации, а железные дороги – транспорта... Бедность и богатство страны зависит от уровня развития железнодорожного транспорта, а лишения и процветание народа на местах – обратно пропорционально расстоянию их места жительства от железных дорог» [4].

2. Высказал мысль о доминирующем факторе осознания важности железнодорожного строительства, основанном на тщательном и всестороннем исследовании дела.

После неудачи революции Сунь Ятсен уехал из г. Гуанчжоу в Шанхай. Он заметил, что уже в течение нескольких десятков лет революции её доктрина и цель не осуществляются, а государственные мужи Китая только повторяют слово «народ», но реальной заботы о нем нет. Именно это заставило Сунь Ятсена провести широкое социальное-экономическое исследование.

При выполнении социально-экономического исследования Сунь Ятсен уделял большое внимание железнодорожному транспорту. Он побывал во многих местах Китая, особенно в приморских районах. При этом он особо вникал в выбор направления маршрутов железных дорог, места для строительства портов. Тщательно фиксировались географические условия строительства, экономическое развитие регионов, в частности: уровень сельского хозяйства, наличие природных ископаемых и т.д. [3].

На основании этих материалов он разработал план строительства трех крупных портов и шести железнодорожных систем.

Идея строительства вышесказанной транспортной системы была такова: три порта, находящиеся на Севере, Востоке и Юге Китая, станут связующим звеном экономического сотрудничества и обмена между Китаем и внешним миром, между китайской и мировой транспортными системами. Сеть железных дорог, объединяющая порты, образует одновременно трансконтинентальную магистраль, которая сможет стать «континентальным мостом» для соединения с транспортными системами Индии, России, а через них и Европы.

При проектировании железнодорожного строительства Сунь Ятсен исходит из того, что начинать их сооружение нужно с густонаселенных районов Китая, и только затем продолжать в необжитых

¹ Еще июне 1894 г. Сунь Ятсен написал письмо Ли Хунчжану (Ли Хунчжан, 15 февраля 1823 – 7 ноября 1901), одному из самых влиятельных и одиозных сановников Цинской империи XIX в., в котором он обобщал причины процветания Европы, показал взаимодействие железных дорог с обороной страны, политикой и культурой [5].

малонаселенных. Только так железнодорожное строительство со временем из убыточного состояния станет прибыльным. Чем больше разница по экономическому уровню на разных местах, тем больше потребность к производству и обороту продуктов. Товары из районов с богатыми ресурсами будут в большом количестве передвигаться в районы с их дефицитом. Оборот товаров как текущая вода: чем больше перепад, тем больше оборот.

Общей целью стимулирования железнодорожного строительства является создание в максимально короткие сроки развитой железнодорожной сети Китая, и в конечном итоге создание суверенной страны, избавление от господства и грабежа иностранцев. Но перед Сунь Ятсеном стояло много таких проблем, как нестабильная обстановка, дефицит капитала и специалистов.

Для успешной организации железнодорожного строительства Сунь Ятсен выдвинул четыре принципа:

1. *Создание благоприятного климата для привлечения иностранного капитала.* Он предполагал привлечение иностранных финансовых ресурсов, ввоз передовой иностранной техники и технологий, приглашение иностранных специалистов на работу. Не исключал и возможность совместного строительства железных дорог с иностранными компаниями. Он полагал, что Китай может самостоятельно строить железные дороги, но это будет крайне медленным процессом в силу неразвитости страны и недостатка внутренних ресурсов.

2. *Строительство железных дорог, которые более необходимы.* Сунь Ятсен предложил, что железнодорожное строительство должно вестись поэтапно. Во-первых, закончить строительство железных дорог, которое началось, но не закончилось или продлить те железные дороги, которые были достроены или нужно построить дальше. Во-вторых, строить пограничные железные дороги для

усиления обороны страны. В-третьих, вводить в строй магистральные железные дороги. В-четвертых, строить все остальные.

3. *Строительство больше железных дорог в районах с благоприятными общественными условиями и богатыми природными ресурсами.* Кроме того, при выборе маршрута необходимо по возможности избегать сложного рельефа. Так, в равнинных районах, при наличии здесь природных и людских ресурсов, строить железные дороги можно с минимальными строительными затратами, что позволит повысить эффективность инвестиций.

4. *Необходимо повысить рациональность расположения железных дорог.*

Железные дороги должны соединять политические и экономические центры всех провинций, а в целом все железные дороги должны соединяться друг с другом и формировать единую сеть железных дорог. Сунь Ятсен высоко оценивал назначение сети железных дорог. Он считал, что железные дороги Китая должны соединяться со стальными магистралями азиатских и европейских стран, важнейшими морскими портами. В районах, которые имеют важное политическое, экономическое и стратегическое значение, следует усилить сеть железных дорог.

3. Сунь Ятсен тщательно спланировал и обнародовал проект строительства сети железных дорог, известный как «План железнодорожного строительства».

План железнодорожного строительства основывается на трех крупнейших магистралях (табл. 2).

Три крупнейшие магистрали являются тремя трансконтинентальными коридорами на юге, в центре и на севере Китая, которые соединяют все пограничные районы. Общий объем железнодорожного строительства по проекту Сунь Ятсена включал постройку 160 тысяч километров железных дорог, которые распределяются по шести районам Китая (табл. 3).

Таблица 2

Три крупнейшие магистрали по «Плану железнодорожного строительства»

Название магистрали	Маршрут
1. Южная магистраль	Гуанчжоу – Гуанси – Гуйчжоу – Юньнань – Сычуань – Тибет
2. Серединная магистраль	Шанхай – Цзянсу – Аньхуэй – Хэнань – Шаньси – Ганьсу – Синьцзян
3. Северная магистраль	Циньхуандао (через север Китая) – Внутренняя Монголия – Монголия (Дау Лянхай)

Таблица 3

Распределение железнодорожных сетей Китая по «Плану железнодорожного строительства» Сунь Ятсена

Название железнодорожной системы	Количество железнодорожных линий	Протяженность железных дорог, миль/км (1 миль = 1,609 км)
1. Центральная железнодорожная сеть	24	16 600 / 26709,4
2. Юго-Восточная железнодорожная сеть	13	9 000 / 14481
3. Северо-Восточная железнодорожная сеть	20	9 000 / 14481
4. Юго-Западная железнодорожная сеть	7	1 200 / 1930,8
5. Северо-Западная железнодорожная сеть	18	16 000 / 25744
6. Высокогорная железнодорожная сеть	16	11 000 / 17699
Итого	98	62 800 / 101045,2

Охарактеризуем каждый из этих районов строительства отдельно.

Центральная железнодорожная сеть органически соединяет морские порты и провинции на юге и севере реки Янцзы. Она становится главной частью железных дорог Китая. Железные дороги будут непосредственно воздействовать на развитие всех провинций севернее реки Янцзы и отчасти Монголии и Синьцзяна. На Северо-Западе Китая существуют потенциальные сельскохозяйственные ресурсы. Стальные магистрали дают возможность проехать на северо-запад. Таким образом, будет обеспечено развитие восточных районов страны и освоение западных.

Юго-Восточная железнодорожная сеть находится в районах южнее реки Янцзы, расположенная в «треугольнике», включающем провинции Цзянсу, Аньхуэй, Хубэй, Хунань, Гуандун, часть провинции Сычуань. Это густонаселенный регион развитого сельского хозяйства, богатый полезными ископаемыми. Из этого следует, что в этих районах выгодно строить железные дороги.

Северо-Восточная железнодорожная сеть расположена в трех северо-восточных провинциях Китая и захваченной части Монголии и Хэбэя. С трех сторон Северо-Восток Китая окружают горы, а западная часть выходит к морю. Между горами плодородные равнины, где хорошо растут соя и другие сельскохозяйственные культуры. Кроме того, северо-восток богат лесными ресурсами и полезными ископаемыми. До разработки данного плана уже были построены Китайская Восточная, Южно-Маньчжурская, Цзинцзиньская (Пекин – Тяньцзы) железные дороги. Их эксплуатация принесла значительные прибыли их владельцам. Для дальнейшего развития этого района необходимо было развивать имеющуюся сеть железных дорог. Центр железных дорог должен стать г. Дунчжэнь, а расширение железнодорожной сети будет происходить в «паукообразной» форме.

Юго-Западная железнодорожная сеть включает Сычуань, Юньнань, Гуанси, Гуйчжоу, Гуандун и часть Хунань. Целью строительства данной системы является освоение ресурсов и развития промышленного производства. Эти провинции Китая располагают обильными ресурсами, но транспортная инфраструктура слаборазвита. Поэтому необходимо было строить железные дороги для соединения юго-востока с приморскими районами с целью ускоренного освоения и развития промышленности региона.

Северо-Западная железнодорожная сеть включает Внутреннюю Монголию, Синьцзян и часть Ганьсу. На Северо-Западе Китая можно освоить огромные пастбища и, применяя научные методы животноводства, в будущем обогнать Аргентину как мирового лидера по производству мяса.

Высокогорная железнодорожная сеть включает часть Тибета, Синьцзян и Цинхая, Ганьсу, Сычуань, Юньнань. Строить железные дороги в этих районах очень трудно. Требуются большие затраты. Поэтому по плану данная железнодорожная система должна будет строиться после создания остальных железнодорожных сетей.

В 2008 г. в КНР был объявлен «Среднесрочный и долгосрочный планы железнодорожного строительства», составленный Министерством железных дорог Китая. Уже сам факт разработки такого плана говорит о том, что современный Китай верен заветам Сунь Ятсена и намерен развивать свою железнодорожную сеть нестихийно, а на плановой основе.

Сопоставляя план строительства железнодорожной сети 2008 г. с планом Сунь Ятсена, можно выделить следующие сходства:

1. *По распределению железных дорог:*

а) предполагается строить пограничные железные дороги с целью обороны страны;

б) планируется соединить железными дорогами месторождения полезных ископаемых, местонахождения сельскохозяйственных, лесных и других ресурсов с местами потребления, с целью эффективного их использования в развитии народного хозяйства страны;

в) в северо-восточных, центральных, юго-восточных и юго-западных плотно населенных районах, богатых природными ресурсами, необходимо и возможно плановое масштабное строительство железных дорог с тем, чтобы еще более тесно соединить города и районы;

г) постепенно приступить к железнодорожному строительству в нагорных условиях с учетом сложных условий рельефа, суровых природных условий, уровня развития техники и технологий.

2. *По стратегии развития железнодорожного строительства:*

а) использовать мировой технический опыт и передовые технологии, совместно с иностранцами развивать железнодорожное строительство в Китае, что успешно уже реализуется в сооружении и развитии скоростных и высокоскоростных железных дорог;

б) в первую очередь строить те железные дороги, которые больше всего необходимы в данное время.

Отмечая то общее, что есть в плане железнодорожного строительства 2008 г., с тем планом, что составил Сунь Ятсен, нельзя не отметить и имеющиеся различия. Они порождены изменениями, произошедшими за 80 лет, в частности: произошли территориальные изменения (независимым государством стала Внешняя Монголия); изменилась география размещения промышленности и отчасти сельскохозяйственного производства страны, местонахождение политических и экономических центров; сменилась стратегия развития страны в целом и его регионов в отдельности. Во времена Сунь Ятсена по последова-

тельности должны были строиться в первую очередь неоконченные железные дороги, затем пограничные - для нужд обороны, и только потом - магистральные пути. Сегодня, с целью обеспечения ускоренного развития экономики, облегчения нагрузки существующих железных дорог и повышения конкурентоспособности стальных магистралей, государство в первую очередь развивает строительство высокоскоростных железнодорожных дорог.

В целом, обобщая все вышеизложенное, мы приходим к выводу, что план железнодорожного строительства Сунь Ятсена и принципы этого строительства для прогнозирования и сооружения стальных магистралей в масштабах всего Китая сохраняют актуальность и по сей день.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sun Yat-sen. «The international development of China» with 16 Maps in the Text and a Folding Map at end. G.P. Putnam's Sons; New York and London. The knickerbocher press. 1922. - 312 p. - Приложение.
2. 王岂 中国历史常识 华语教学出版社, 2006. - 259 页. С. 195-197, 245-247.
3. 孙永福 中国铁路建设史 北京: 中国铁道出版社, 2003. - 847 页 - С. 25-29.
4. Сурин, В.И. «Железные дороги в Маньчжурии и Китае». Материалы к транспортной проблеме в Китае и Маньчжурии; предис. М.Я. Михайлова. - Харбин: Типография кит. жел. дор., 1932. - 394 с. - С. 28-31.
5. 黄彦 孙中山全集 第一卷 北京: 中华书局 1981. - 587 页 - С 8-19.

НЕКРОЛОГ

ПАМЯТИ ФИЛОСОФА И ДРУГА ВЯЧЕСЛАВА АРКАДЬЕВИЧА САКУТИНА

15 декабря 2012 г. на шестидесятом году жизни скоропостижно скончался доктор философских наук, профессор Вячеслав Аркадьевич Сакутин.

Выпускник философского факультета Свердловского университета, он более тридцати лет работал в Морском университете имени адмирала Г.И. Невельского, возглавлял созданную им кафедру Философской антропологии, был директором гуманитарного института.

Вячеслав Аркадьевич опубликовал более 130 научных работ, включая знаменитый текст «Феноменология одиночества», он активно преподавал, руководил аспирантами, выступал с открытыми лекциями, стоял у истоков новых образовательных программ по философии, психологии, конфликтологии.

Философия В.А. Сакутина принадлежит к числу лучших достижений российской герменевтики и экзистенциальной феноменологии рубежа XX–XXI вв.

Владивосток – притягательное место – это один из красивейших городов нашей страны; в нем удивительным образом сочетаются две возвышенные эстетические силы – красота гор и красота моря. Но Владивосток – не только здания и стихии; это город с богатыми научными традициями, среди которых есть и философская. Ведь именно в этом городе, в Дальневосточном университете был создан единственный в регионе философский факультет. Вячеслав Аркадьевич Сакутин принадлежал к числу выдающихся философов, благодаря которому философская традиция Владивостока получила общероссийское признание.

В.А. Сакутин обладал удивительным даром мышления, глубокого и утонченного. Особенно поражали его устные речи. Когда философ выступал, казалось, что текст, произносимый им, является импровизацией, рождающейся в настоящий момент, – он был чудесным сплавом научных понятий и художественных метафор. Даже те, кто не признает подобных способов создания научных работ, не могли не видеть в текстах В.А. Сакутина таланта, оригинальности и глубины.

Но не только профессионализмом и своими обширными знаниями отличался философ В.А. Сакутин, это был еще и прекрасный человек, обладающий редкими для современного ученого качествами: открытостью и сосредоточенностью, искренностью и отзывчивостью, настоящей порядочностью. Он умел общаться с людьми, всегда был интересен и привлекал этим к себе других; помогал каждому, кто обращался к нему за помощью в научной работе.

Личность Вячеслава Аркадьевича была яркой и светлой. Добрая память о философе Вячеславе Аркадьевиче Сакутине сохранится в каждом, кому довелось общаться с ним.

Доктор философских наук,
профессор *Илья Игоревич Докучаев*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.
2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.
3. Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и рекомендации кафедры по месту их обучения.
4. Для аспирантов и соискателей публикация статей бесплатно
5. Статьи должны быть в объёме от 0,5 до 1 п. л. (20 000 – 40 000 знаков). В них может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем.
6. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.
 - 6.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются дискеты размером 3,5» и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на дискете. Если дискет две и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дискетах (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.
 - 6.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в следующем порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются.
 - 6.3. Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке литературы (фамилии и инициалы авторов печатаются курсивом) составляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ 7.1–2003. Шрифт и межстрочный интервал те же, что и в статье.
 - 6.4. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.
 - 6.5. Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.
7. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.
8. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.
9. К статье прилагается краткая аннотация (5–7 строк), ключевые слова (не более 15), а также профессиональный перевод на английский язык аннотации, ключевых слов и названия статьи.
10. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 262. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru. Материалы, присланные ценными письмами и бандеролями, не принимаются.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 300 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

Извещение	<p style="text-align: center;">Дальневосточный государственный университет путей сообщения <u>УФК по Хабаровскому краю</u> (наименование получателя платежа) <u>2724018158 № 40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p style="text-align: center;">ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) <u>№ 272401001</u> (номер КПП)</p> <p style="text-align: center;">подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2010 год (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп.</p> <p>Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.</p> <p>Итого: _____ руб. _____ коп.</p>
Кассир	<p style="text-align: center;">Дальневосточный государственный университет путей сообщения <u>УФК по Хабаровскому краю</u> (наименование получателя платежа) <u>2724018158 № 40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p style="text-align: center;">ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) <u>№ 272401001</u> (номер КПП)</p> <p style="text-align: center;">подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2010 год (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп.</p> <p>Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.</p> <p>Итого: _____ руб. _____ коп.</p>
Квитанция Кассир	<p style="text-align: center;">Дальневосточный государственный университет путей сообщения <u>УФК по Хабаровскому краю</u> (наименование получателя платежа) <u>2724018158 № 40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p style="text-align: center;">ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) <u>№ 272401001</u> (номер КПП)</p> <p style="text-align: center;">подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2010 год (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп.</p> <p>Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.</p> <p>Итого: _____ руб. _____ коп.</p>

ARTICLES

LINGUOCULTURAL MILIEU OF THE EXPANDING WORLD

DEVELOPMENT OF SCRIPT INSTITUTION IN MEDIEVAL FRANCE: SOCIO-CULTURAL AND COMMUNICATIVE ASPECTS

L.G. Vikulova

Larissa Georgievna Vikulova is Doctor of Philology, Full Professor, Professor of Roman Philology Department at Modern Languages Institute of MCPU, Science and International Relations Vice-Director of Modern Languages Institute at MCPU.

E-mail: vikulovalg@mail.ru

The problem of script institution development is related to the representation of the Old-French language in written form. The paper analyzes such physical means of language fixation as technical means of manuscript book production, materials and instruments for graphic representation of information. The author demonstrates that the progress of script is to a wide extent determined by socio-cultural and communicative factors.

Key words: writing system, script institution, French, manuscript centers, scribe, manuscript copying, manuscript, graphic representation of information, typeface.

AN IDIOM WITH A VERMICIDE EFFECT (ASPECTS OF A ROMANCE IDIOM)

O.A. Gorelova

Oksana Aleksandrovna Gorelova is Candidate of Science (PhD in Philology), Associate Professor of Department of Roman and German Philology at Far Eastern Federal University.

E-mail: gorelova@epil.dvgu.ru

The article examines the problem of the origin of a Romance idiom (Spanish *matar el gusanillo*, French *tuer le veretc.*), follows the history of the idiom's development and changes in its meaning.

Originally the idiom in question was used to signify the first meal of the day which could consist of bread soaked in wine. In the course of the semantic evolution the idiom acquired separate meanings "to have a snack" and "to drink on an empty stomach" (along with some other meanings). Later on the meaning "to drink on an empty stomach" was more and more related to liquors, which, in turn, contributed to the myth that the idiom originated from the syntagma that meant "to kill a worm" as if the original expression signified "to take a vermifuge". The analysis carried out in this article makes it possible to come to the conclusion that the official version of this idiom's origin is a case of popular etymology.

As an alternative the article provides two related hypotheses of this idiom's origin. It is probable that the expression appeared in medieval culture as a humorous reaction to the official religious discourse. On the one hand, the Latin expression *conscientiaevermis* is examined as a possible etymon. Its substandard reinterpretation (heart-stomach) and the use of oxymoron (to kill the undying) led to the appearance of the idiom that signified "to break the fast (to have breakfast) with bread and wine". On the other hand, the theme of the Dispute between Water and Wine was very popular in Goliards' works. One of the arguments there was the idea that to drink water undiluted with wine was dangerous for one's health due to poor water quality. The works of Goliards were transformed into popular songs and formed a part of European folklore both as drinking songs and paremias. One of those paremias could easily become the origin for the idiom in question.

Key words: Romance phraseology, idiom, Romance languages, etymological doublets in phraseology, paroemia, history of language, origin of an idiom.

THE COMMUNICATIVE SPACE OF A REGIONAL CITY IN THE GLOBAL WORLD

O.B. Gorobets

Olga Borisovna Gorobets is Doctor of Philology, Professor of Linguistics and Cross-Cultural Communication Department at Komsomolsk-on-Amur State Technical University.

E-mail: olborgor@yandex.ru

The article deals with the multicentered research carried out by the faculty of Linguistics and Cross-Cultural Communication Department of Komsomolsk-on-Amur State Technical University. The researchers focus on the peculiarities of integration of a provincial city into the global economic and sociocultural space. Thus, Komsomolsk-na-Amure, as well as other regional cities, is under the influence of globalization. Globalization here can be traced in attracting foreign investments, implementing transnational construction projects with foreign participants residing in the city, in developing intercultural communication and organizing educational events. The author of the article reflects upon the issues whether the regional city services are ready to receive foreigners and whether the foreigners influence the communicative habits of Komsomolsk-na-Amure citizens.

Key words: globalization, regional city, intercultural competence, intercultural communication, communicative behavior, sociocultural and linguacultural features of communication.

ON THE LINGUISTIC NORM AND DEVIATIONS FROM IT IN DIFFERENT ENGLISHES

A.S. Yegorova

Anastasiya Sergeevna Yegorova is an English language teacher at Secondary School 687 (Moscow), Post-graduate student at Moscow State Pedagogical University.

E-mail: nastya_of_aragon@list.ru

This article discusses the main aspects of the World Englishes theory, the problem of the linguistic norm and deviations which are typical of regional varieties of English. Special attention is paid to using the Progressive aspect in Singaporean and Philippine Englishes.

Key words: three concentric circles, Inner Circle, Outer Circle, Expanding Circle, linguistic norm, endonorm, exonorm, New Englishes, deviations.

ON TYPES OF NAMING IN DESCRIBING COMMUNICATIVE BEHAVIOR

Y.S. Maximova

Yulia Sergeevna Maximova is Candidate of Science (Philology), Associate Professor of Foreign Languages and Business Communication Department at Far Eastern State Transportation University.

E-mail: maximova64@mail.ru

The article touches upon means of describing communicative behavior via English, such as primary representation, secondary representation, mediate representation in correlation with the types of linguistic world view.

Key words: linguistic world views, primary representation, secondary representation, mediate representation, communicative behaviour.

**INNER FORM, ETYMOLOGICAL MEANING AND LITERAL SENSE:
THE ROLE OF ETYMOLOGICAL ANALYSIS
IN CONTEMPORARY LINGUO-COGNITIVE STUDIES**

E.Y. Malneva

Ekaterina Yurievna Malneva is Candidate of Science (Ph.D in Linguistics), Senior Lecturer of the Chair of Translation and Cross-Cultural Studies at Far Eastern State University of the Humanities.

E-mail: aspire9@rambler.ru

The author defines the relevance of the traditional linguistic method aimed at determining the true, literal meaning of a word, namely, etymological analysis when applied in the domain of contemporary linguo-cognitive studies, the object of scrutiny being the inner form of one of the most ambivalent mental constructs – the concept DREAM.

Key words: etymological analysis, inner form, concept, mental construct, DREAM, seme.

JAPANESE MYTHONYMS IN THE ENGLISH LANGUAGE

E.V. Matvienko

Elena Viktorovna Matvienko is Candidate of Science (Ph.D in Linguistics), Associate Professor of the English Philology Department at Sholom-Aleichem Priamursky State University.

E-mail: 4helen2002@mail.ru

Images and motives of East-Asian mythology come to the English-speaking world mostly with East-Asian folk tales translated into English and with Asian-American literature. Studying East-Asian mythology and the way it is reflected in the culture and language of the English-speaking world, we found out that not so many East-Asian mythonyms are recorded in English dictionaries. The meaning of most of them is described in different encyclopedias.

The article describes the ways English-speaking authors render Japanese mythonyms. As transphonation is the most common way of translation of Japanese mythonyms, some cases of phonetic assimilation of Japanese mythonyms are described. Besides, the article gives examples of adaptation of mythonyms on grammatical and lexical levels.

Key words: mythonym, loan-word, target language, source language, adaptation, assimilation.

**THE UNITY OF OPPOSITES AS A BASIS OF CHINA'S IMAGE
IN THE DISCOURSE OF *NEWSWEEK* MAGAZINE (LINGUISTIC ASPECT)**

E.G. Megrabova

Emma Grairovna Megrabova is Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication of School of Regional and International Studies at Far Eastern Federal University.

E-mail: emik41@yandex.ru

The aim of our research is the analysis of lexical means with the help of which the authors of the American magazine “Newsweek” create the image of one of the leading world powers – China. The main method of investigation is critical discourse analysis. Constructing China's image is made through the prism of liberal discourse. The repertoire of lexical means creating the image of China is diverse: choice of lexemes, density of thematic fields, metaphorization, antonymy, stylistic devices.

Key words: image, the opposite, contradictory, value, discourse, verbalization, lexeme, metaphor, antonym, stylistic devices (oxymoron).

RUSSIAN-CHINESE BILINGUALS' COMMUNICATION
A.Y. Mutylina

Anna Yurievna Mutylina is Senior Lecturer of the Department of Russian as a Foreign Language at Far Eastern Federal University.

E-mail: mutylina_anna@mail.ru

The present article deals with Russian-Chinese bilingualism displayed as code-switching and code-mixing. The study is based on the analysis of phrases of Russians, who are Russian-Chinese bilinguals and live in China. Their language situation is characterized by the functional commonality of these two languages (Russian and Chinese), which together serve the bilingual society, forming verbal repertoire of its representatives, as well as are used for bilingual communication within it. The study of their speech demonstrates that code-switching and code-mixing are wide-spread strategies of bilinguals' verbal behavior when they communicate with each other in a conversational form of communication. Their bilingual speech is influenced by place and nature of their work, marital status, specifics of communication before and after their moving to China, the duration of residence in China, their attitude towards the phenomena, etc. The article discusses prosodic features and articulation of the bilingual speech, difference between code-switching and code-mixing, cases of adapted and non-adapted usage of Chinese inserts, characteristics of Chinese words, used in Russian phrases; the ways they are positioned in a sentence; intra-sentential and inter-sentential code-switching; reasons for Russian-Chinese code-switching, and some other issues.

Key words: bilingualism, code-switching, code-mixing, Russian-Chinese bilinguals.

**ON SOME FEATURES AND LINGUISTIC PROBLEMS OF THE PROCESS
OF RUSSIAN-ENGLISH MASS BILINGUALISM FORMATION**
A.A. Rivlina

Alexandra Abramovna Rivlina is Candidate of Science (Ph.D in Philology), Associate Professor of English Language Department at Faculty of Management, Higher School of Economics National Research University (Moscow).

E-mail: rivlina@mail.ru

The article argues that the scope of English-Russian language contact studies should be extended to embrace the initial stages of English-Russian mass bilingualism formation and should involve the approaches and concepts developed within the framework of the World Englishes Paradigm. The following major features of the present-day English-Russian contact situation are addressed: "minimal" and "incipient" character of mass English-Russian bilingualism; increase in intrasentential English-Russian code-switching and code-mixing; extensive use of "emblematic", or "symbolic" English language markers, including "tag-switches"; constraints imposed on the use of English in Russian contexts, Russianization of English, indications of Russia(n) English formation; the predominance of creative/innovative function of English embedded into Russian speech.

Key words: language contact, global English, bilingualism, mass/societal bilingualism, World English Paradigm, Englishization of Russian / Russianization of English, minimal/incipient/passive bilingualism, intrasentential code-switching and code-mixing, emblematic/symbolic code-switching, tag-switches, conventionalization, indexicality, bilingual creativity.

**TEACHING ENGLISH TO RUSSIANS IN 1940:
A DISLOCATION BETWEEN LANGUAGE AND CULTURE**
Roland Sussex

Roland Sussex is Professor Emeritus, Centre for Educational Innovation and Technology and School of Languages and Comparative Cultural Studies at the University of St Lucia (Queensland, Australia).

E-mail: sussex@uq.edu.au

A Soviet Russian textbook for teaching English to Russians, published in 1940, provides insights into issues of the relation between the cultural context of the learners, the cultural content of the target language and culture, and the use of language textbooks to serve the purposes of ideology and propaganda. Unlike contemporary textbooks, which prepare learners for communicating in the target language and culture in the target country, this textbook is firmly situated in the Soviet Russian reality of 1940, and provides an English language code for communicating about Soviet Russian life and realia. It nonetheless stands as a sound achievement, supported by audio enhanced pedagogy, and one which helps us to reflect on the relationship between first and second language, and first and second culture, in textbook pedagogy and curriculum.

Key words: language teaching, culture, methodology, ideology, Russia, English language.

COGNITIVE WHOLENESS OF MAN

CULTURE AS COGNITIVE SPHERE: SEMIOTIC ASPECT

I. I. Dokuchaev

Ilya Igorevich Dokuchaev is Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of Department of Philosophy and Sociology, Vice-Rector for Public Relations at Komsomolsk-na-Amure State Technical University.

E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru

In this paper, culture is defined as a totality, a combination of semiotic instruments of manifestation of cognitive factors characterizing human activity. The major forms of culture – science, values, art, practice – and the main stages of their development – syncretic tradition and rationalized creativity – are treated as derivatives of the key properties of cognitive sphere – absoluteness, integrity, anthropological vector, personalization and rationalization of information.

Key words: culture, sign, information, cognitive sphere, science, value, art, absoluteness, integrity, anthropological vector, personalization, rationalization.

MODERN-DAY MASS CONSCIOUSNESS AND THE FUTURE OF HUMAN CIVILIZATION

D. I. Doubrovsky

David Izrailevich Doubrovsky is Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Officer at Department of Theory of Cognition of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: ddi29@mail.ru

The article considers the notions of mass (typical, ordinary, average) man and mainstream culture; negative aspects of mass consciousness which are rooted in the nature of man have been described. The role mass media play in upholding and sustaining those qualities and values and in facilitating the anthropological crisis is being analyzed. Certain questions connected with the prophesied *singularity* scenario, which is to occur, hypothetically, in the middle of the XXI century, are raised and the potential ways of transformation of consciousness of modern man are discussed. Is this plausible?

Key words: mass (typical, average) man, mainstream culture, mass consciousness, the nature of man, global problems of human civilization, singularity, strategies of mass media, anthropological crisis, existential problems, axiological-semantic structures of consciousness, alteration of consciousness.

INTUITIVE AND DISCURSIVE ASPECTS OF FORMATION OF THE SCIENTIFIC IMAGE OF THE WORLD

B.I. Lipsky

Boris Ivanovich Lipsky is Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department of Ontology and Theory of Cognition at Saint Petersburg State University.

E-mail: lipsky@list.ru

The perspective through which we consider the world is the foundation basis of its theoretical image. Hence, the character of this image will largely depend on the subjective viewpoint. The latter is usually labeled «intellectual intuition», the concept usually attributed to R. Descartes. In its further development this concept rather extensively departs from intelligence proper being somewhat interpreted as something conflicting or even opposed to it.

The intuitive image which lays the groundwork for discursive reasoning resembles the first draught sketch delineating the general contour of the forthcoming theoretical image. Such a «preliminary sketch», *the eidos*, is formed owing to ideation which is perceived as a special sort of *intuition* providing the direct insight into the nature, essence of the phenomenon.

Key words: discourse, intellect, intention, intuition, scientific image of the world, subjectivity, essence, reality, eidos.

CONTOURS OF TRANSCENDENTAL EXPERIENCE

Y.M. Serdyukov

Yuri Mikhailovich Serdyukov is Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department of Philosophy at Far Eastern State Transportation University.

E-mail: editor@festu.khv.ru

The article relates the conception of transcendental experience. The author describes two varieties of transcendental experience: personal religious experience and near-death experience; reveals the features of transcendental experience, posits its determinant factors and postulates the material underpinnings for the possibility of existence of individual immortality of man.

Key words: consciousness, psyche, transcendental experience, religious experience, near-death experience, immortality, magic, shamanism.

PROBLEMS OF THE FAR EAST

STATE POLICY OF SUPPORT AND DEVELOPMENT OF RUSSIAN FAR EASTERN ENTREPRENEURSHIP AND BUSINESSES AT THE TURN OF THE 21ST CENTURY

L.A. Moiseeva

S.M. Dudarenok

V.E. Kuleshov

Lyubov Andreyevna Moiseeva is Doctor of Science (History), Professor, Head of Department of Humanities at Far Eastern State Academy of Fine Arts (Vladivostok).

E-mail: 1977edward@mail.ru

Svetlana Mikhailovna Dudarenok is Doctor of Science (History), Professor, Head of Department of Russian History at Far Eastern Federal University.

E-mail: dudarenoksv@gmail.com

Valery Ermolaevich Kuleshov is Doctor of Science (Philosophy), Head of Department of Humanities and Socio-Economic Studies at S.O. Makarov Pacific Naval Institute.

The paper considers the problem of establishing businesses in the most remote and troubled region of Russia, the Far East, during the stage of transition, that is, the society's transformation and modernization.

Key words: state policy, the Russian Far East, entrepreneurship, innovation, the Asia-Pacific Region.

SOCIAL IDENTITY OF RESIDENTS OF RUSSIAN FAR EAST: ALTERATIONS AFFECTED BY TRANSFORMATIONS

I.Y. Lapitskaya

Irina Yuryevna Lapitskaya is Candidate of Science (Sociology), Associate Professor of the Chair of Philosophy and Cultural Studies at Vitus Bering Kamchatka State University.

E-mail: lapirina@yandex.ru

The problem of identity currently compels the attention of researchers from various fields of science. The given article reviews the processes of formation, development, and loss of social identity in the conditions of population habitation in the remote areas of this country. The chronological framework of the research covering the period from 1990-s up to the present is stipulated by the transformations of all aspects of Russian population's life which occurred at that time.

In the Soviet period, in view of the conditions of planned economy, no need to provide regional comparisons ever occurred; the correspondence of indicators to the target figures was treated as the main indicator of social development. The situation has radically changed recently: the problems of regional progress have become crucial at the current stage of Russia's development. Of the utmost importance among those are the issues related to the formation of specific social identity of Russia's Far East residents.

It is believed that if the paternalistic policy characterizing the development of the Far East (the only possible one, considering all the conditions of the regional development – geographic, climatic, economic, geopolitical) had been preserved and all programs necessary for its development (those taking into account regional specifics in the conditions of new socio-economic and political realities) had been passed, debates as regards population decrease would have been cancelled, as well as the brisk conclusions about the possible closure and termination of some Far-Eastern cities. In order to guarantee further progressive advance of the country, it is necessary to form the all-Russian social identity of the citizens irrespective of their residence.

Key words: social identity, Far East, Russia, detachment, reforms, transformation, policy.

**ROTATION OF THE REGIONAL POLITICAL LEADERSHIP
IN MODERN CONDITIONS**

O.F. Leichenko

Olga Fyodorovna Leichenko is Senior Lecturer of the Chair of Sociology and Social Psychology at Far Eastern State Technical Fisheries University (Vladivostok).

E-mail: 9089746434@mail.ru

The paper presents the transformation of regional political institutions from 1991 to present times. It demonstrates the changes in the legal status of governors and their influence on political life in the regions, as well as the views of Russian political scientists as regards the new system of election of regional political leaders.

Key words: political institutions, district, regional policy, political leaders, regional political leaders, President, Governor's institute, "vertical power", rating.

**SOCIAL PARTNERSHIP QUA STABILITY-WARRANTING FACTOR
(BASED ON KHABAROVSK KRAI EXPERIENCE)**

N.A. Voronina

Natalia Alexandrovna Voronina is Postgraduate student at Khabarovsk State Academy of Economics and Law.

E-mail: vornaak@mail.ru

The article presents various approaches to defining the phenomenon of social partnership and outlines its numerous models; tendencies and peculiarities characterizing the development of social partnership system in Russia in the conditions of transitional economy are analyzed. The system of social partnership typical of Khabarovsk Krai has been studied; certain shortcomings have been detected and a number of measures which are meant to guarantee the system's proper functioning and advancement have been suggested. The latter are to prone to warrant public stability.

Key words: social partnership, executive power, trade unions, cooperation, model, system.

UNIVERSITIES OF THE RUSSIAN FAR EAST IN INTERNATIONAL RANKINGS

E.Y. Oleynikova

Evgenia Yurievna Oleynikova is Postgraduate student, Lecturer of Department of Management at Far Eastern State Transportation University.

E-mail: ms.oleynikova@gmail.com

The article presents the most famous world university rankings such as Academic Ranking of World Universities (Shanghai Jiao Tong University), Performance Ranking of Scientific Papers for World Universities (Taiwan ranking), QS World University Ranking, Times Higher Education World University Ranking, Webometrics. In accordance with the rankings, scientific research and education are believed to be the most important areas of university activity; the international activity and the quality of the university web-site are also taken into account since the majority of rankings are based on the Anglo-Saxon model of education.

The number of universities present in the rankings, both from Russia and some Asian countries, are compared and analysed in this article. It was established that the global university rankings are similar in their estimates of the level of education in the given countries; the rating of Russian higher education is comparatively low. Universities from the Russian Far East can be witnessed only in the most democratic ranking – Webometrics; the positions of the Far Eastern universities in the latter ranking are reviewed. Far Eastern universities occupy inferior positions in comparison with the universities from central parts of Russia. It would appear, not all universities are familiar with the current requirements of the international ratings.

Key words: world university rankings, ranking indicators, universities of the Russian Far East, Academic Ranking of World Universities (Shanghai Ranking), Performance Ranking of Scientific Papers for World Universities (Taiwan Ranking), QS World University Ranking, Times Higher Education World University Ranking, Webometrics.

SUBJECTIVE INDICATORS OF SOCIO-ECOLOGICAL VALUES OF HEALTH IN THE STRUCTURE OF SELF- PRESERVATION BEHAVIOUR OF YOUTH

V.V. Vlasova-Saykova

Valentina Victorovna Vlasova-Saykova is Postgraduate student at Far Eastern Institute of Management (branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Instructor of Sociology and Economics at Khabarovsk branch of Saint Petersburg State University of Civil Aviation.

E-mail: Saikovvv@yandex.ru

The author of the article analyzes the subjective indicators of socio-ecological values of health alongside the structure of self-preservation behaviour of young people of the Khabarovsk Krai. Conditions of young people's vital activity are analyzed against the background of socio-ecological factors and certain paradoxical phenomena, which are investigated from various angles; motivation patterns and attitudes of young people to health values indicators as well as particular models of healthy lifestyle are presented.

Key word: subjective indicators, socio-ecological values, youth health values, socio-ecological situation of the region, social and ecological conditions of youth's vital activity, health values paradox, healthy lifestyle.

SYMBOLS OF RUSSIAN ETHNIC IDENTITY MANIFEST IN PRINT ADVERTISING ISSUED BY RUSSIAN EXPATRIATES IN CHINA

A.M. Kovalchouk

Anton Mikhailovich Kovalchouk is Postgraduate student of the Chair of Theory and History of Culture at Khabarovsk State Institute of Arts and Culture.

E-mail: mnbr88@mail.ru

The article examines Russian cultural symbols of identity manifest in print advertising materials of the first-wave Russian emigration. The author examines the basic components of Russian national identity – its ethnic, geographical, religious, political, linguistic and economic aspects. The central identification sign of the Russian diaspora in China was the Russian language. The article discusses the use of Russian literary images and symbols in the emigrant advertising and examines the use of old and new Russian orthography in Russian print advertising in China. The author explains why only old (pre-revolutionary) Russian orthography was used in the advertisements in question and argues that the true authentic animal symbol which used to reflect the specific character of the Russian emigration in China, was a tiger. Special attention is paid to the symbol of Holy Russia, reflected in the image of the Temple of God; the latter is, unquestionably, St. Nicholas Cathedral built in Harbin in the early twentieth century. This temple was often portrayed in Russian émigré advertisements. The given article is based on the analysis of media texts, published in the 1920s-1930s., in the newspapers "Zarja" and "Rupor". These broadsheets used to be the most popular editions among compatriot-emigrants.

Key words: identity, cultural archetype, print advertising, emigration, symbol, image.

THE LINGUISTIC IMAGE OF A WOMAN IN CHINESE POLITICAL MASS-MEDIA DISCOURSE

T.N. Lobanova

Tatiana Nikolaevna Lobanova is Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor of Linguistics and Cross-Cultural Communication Department at Pacific State University.

E-mail: lobanovaty@mail.ru

The article is devoted to the cognitive semantic analysis of the linguistic image of a woman represented in Chinese newspaper and magazine texts. The paper forms an ideal language image of a woman in modern China, demonstrates close relationships existing between the features of the national character and axiological determinants of the ideal woman and draws a parallel with traditional values, which are attributed to the mother in the press of 1946-1966s and in the classical texts of Chinese culture. The article analyzes the use of linguistic means of manipulating public opinion in modern political discourse. Means and ways of the female image creation in print mass-media are considered.

Key words: image, linguistic image, political discourse, linguistic means, translation, evaluation, stereotype.

TAX POLICY OF THE SOVIET UNION AS REGARDS RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN SOUTHERN FAR EAST FROM 1941 TILL 1953

E.B. Baksheeva

Elena Borisovna Baksheeva is Candidate of Science (History), Associate Professor of Department of Social Studies and Humanities at Khabarovsk State Academy of Economics and Law.

E-mail: elena-baksheeva.ksael@mail.ru

The author of the article analyzes the basic tendencies and features of the Soviet tax policy concerning Russian Orthodox Church in the Far East of Russia during the Great Patriotic War and post-war years. The given data demonstrate that the procedure of taxation undertaken by members of the Party and Soviet establishments in 1941 – 1953 effectively allowed for the supervision of the activity of the Church.

Key words: state, Russian Orthodox Church, believers, clergy, employees of financial institutions, taxes, taxation, profit / income.

CRIME PREVENTION OF FOREIGN POACHING IN PRIAMURYE GENERAL-GOVERNORSHIP IN 1884–1904

I.P. Gantimourov

Igor Pavlovich Gantimourov is Candidate of Science (History), Lecturer at Khabarovsk Border Protection and Security Institute of Federal Security Service of the Russian Federation.

E-mail: sanchd69@mail.ru

The author discusses the issues concerning the activity of Russian state authorities as regards the protection of national interests in the Far Eastern marine areas. An emphasis is laid upon the functioning of Priamurye Department of State Property and the Military Department of the Russian Empire in terms of crime prevention of foreign poaching in the Sea of Okhotsk and the Bering Sea prior to the Russo-Japanese War.

Key words: protection of bioresources, Far East, Priamurye General-Governorship, Priamurye Department of State Property, marine poaching.

**PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF CONCEPTIONS
OF PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES WITHIN THE EDUCATIONAL SPACE
OF CHINA AND RUSSIA**

L.P. Lazareva

Zhang Chunyu

Larisa Petrovna Lazareva is Doctor of Pedagogy, Professor of Psychology Chair at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: rap@festu.khv.ru

Zhang Chunyu is Postgraduate student of Psychology Chair at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: omppfestu@gmail.com

The article considers psychological nuances of the conceptual underpinnings of pedagogical technologies as means of modernization of the educational process in higher school. Conceptual methods of education typical of both Russia and China are compared. The given research is focused on the pedagogical technology's stimulating potential which has diverse realization in educational systems of different nations. Similar to the ethno-cultural conceptual implication, pedagogical technology in different national educational systems is given a specific role in the process of education. This role results from an explicit interpretation of its structural state and functional purpose. Simultaneously, because of the growing need for integration of international educational space, teachers of neighboring countries cannot but to take into consideration the necessity of striving for consensus while searching for common means of educational process modernization in order to train highly-qualified professionals.

Key words: pedagogical technologies, traditional and contemporary pedagogical technologies, material (materialized) forms of technologies, non-material (intellectual) forms of technologies, national context of the concept of "educational technology", unity of goals for technology use.

**SUN YAT-SEN AND HIS CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT
OF THE FIRST PLAN OF THE RAILWAY NETWORK
CONSTRUCTION IN CHINA**

M.A. Kovalchouk

A.A. Piotrovich

Su Da

Mikhail Aleksandrovich Kovalchouk is Doctor of Science (History), Professor of Department of Theory and History of State and Law at Far Eastern State Transportation University.

E-mail: mnbr88@mail.ru

Alexey Anatolyevich Piotrovich is Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of Department of Construction Industry at Far Eastern State Transportation University.

E-mail: piotrovich@festu.khv.ru

Su Da is Postgraduate student of Department of Construction Industry at Far Eastern State Transportation University.

The study of revolutionary and political life of Sun Yat-sen demonstrates that his contribution to the development of China, especially to that dealing with railway construction is immense. The introduction of the first plan of construction of the railway network, as well as of its principles, was of great importance in the time of Sun Yat-sen, and is still of relevance today. The comparison of the modern plan of the railway network construction with that carried out by Sun Yat-sen, ascertains a large number of similarities between the two, which serves as proof of the invaluable contribution of the first President of the Republic of China to the development of railway construction in China.

Key words: Sun Yat-sen, revolution, construction of railways, international development of China, plan, railway network, comparison.

Научное издание

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Научно-теоретический журнал № 1 (37) 2012

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *А.А. Иванова*
Технический редактор *Н.В. Ларионова*

Подписано в печать 25.04.2013 г. Поз. 12.6. Формат 60×84¹/₈.
Усл. печ. л. 22,0. Уч.-изд. л. 24,0. Зак. 88. Тираж 500 экз.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.